

ЧАЙКА – АЛЬМАНАХ

№ 13

Июнь – Декабрь

2021

CHAYKA – ALMANAC n 13

June 2021 – December 2021

Copyright © 2022 Irina Chaykovskaya

Editor: Irina Chaykovskaya

Cover and Chapter Illustrations: Orest Kiprensky Wikipedia. Public Domain

Layout: Alex Marin

Printed in the United States of America

Lulu Press, Inc., Morrisville, NC

All stories, memoirs, and poems are copyright of their respective creators as indicated herein.

All rights reserved. No part of this publication may be reproduced, stored in a retrieval system, or transmitted, in any form or by any means, electronic, mechanical, photocopying, recording, or otherwise, without prior permission from the author(s).

Library of Congress Control Number: 2016901652

ISBN-13: 978-1-387-98068-0

The Publisher and author(s) don't have any liability nor responsibility to anyone or entity to any damages, loss, etc. from the content of this book.

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ АЛЬМАНАХ
Выходит два раза в год

ЧАЙКА

№ 13

Июнь – Декабрь

2021

Проза
Стихи
Статьи
Эссе
Интервью

Редактор-составитель

ИРИНА ЧАЙКОВСКАЯ

СОДЕРЖАНИЕ.....	4
Предисловие Редактора.....	8
Валерий Скобло. Одно стихотворение. Мать - из Минска, отец – из Витебска.....	11
ЧАСТЬ 1. Война и годы Террора.....	13
<i>Адольф Берлин</i> . Письмо к отцу в 1942-й. К 80-летию Бабьего Яра.....	14
<i>Геннадий Разумов</i> . Три встречи с Бабьим Яром. К 80-летию трагедии.....	17
<i>Михаил Гаузнер</i> . Цезарем его звали недолго. Памяти трагедии в киевском Бабьем Яре, происшедшей 80 лет назад	21
<i>Семён Глузман</i> . Мимолетности	28
<i>Валерий Скобло</i> . Что это было? 1937 – «Дело ворон».....	37
ЧАСТЬ 2. In memoriam	42
<i>Игорь Михалевич-Каплан</i> . Первый поэт второй эмиграции – Иван Елагин. К столетию со дня рождения	43
ЧАСТЬ 3. Политика	59
<i>Владимир Фрумкин</i> . Отмена здравого смысла: как это начиналось. Заметки очевидца (части 1 и 2).....	60
<i>Даша Кашина</i> . «Тревожный чемоданчик». Сегодня в Украине	65
ЧАСТЬ 4. Воспоминания	68
<i>Александр Сиротин</i> . Памятные встречи: Наталия Соломоновна Михоэлс..	69
<i>Анна Фельдман</i> . Призвание – просветитель. Часть 4. Школа для “особенных”, или Как стать счастливец.....	75
<i>Леонид Гуревич</i> . Через всю жизнь. Лариса Шепитько	90
<i>Илья Альтман</i> . «Это как бы весть с корабля прошлого, ушедшего в открытое море». Сборник писем и дневников евреев периода ВОВ. Выпуск 6	96
<i>Кира Белостоцкая</i> . Мои встречи со Святославом Николаевичем Рерихом	106
<i>Вероника Жобер</i> . Новая Газета. Газета острых тем и неудобных вопросов	118
ЧАСТЬ 5. Америка и Россия.....	127
<i>Лиана Алавердова</i> . «Как там у них. Непохожие на нас американцы». Главы из новой книги	128

<i>Элеонора Мандалян. Почему Америка не любит Китай</i>	136
ЧАСТЬ 6. Литература и Искусство	162
<i>Евсей Цейтлин. Сокровенная книга. Евсей Цейтлин - Анатолий Либерман</i>	163
<i>Давид Шерман, Юрий Влодов: Поэт</i>	173
<i>Ирина Чайковская. Иван Тургенев в 1850-м. Жизнь в двоём мире</i> (сокращенный вариант)	186
<i>Евгений Соколинский. «Я не люблю иронии твоей...».</i> Заметки театрального критика	194
<i>Сергей Колмановский. Мы выбираем, нас выбирают... Размышления о</i> музыке, композиторах и о времени	202
<i>Людмила Лукомская. Семь автопортретов одного художника.</i> <i>Павел Тайбер</i>	210
<i>Вера Чайковская. Гувернантка и барыня. О двух графических портретах</i> <i>Ореста Кипренского</i>	220
ЧАСТЬ 7. История	224
<i>Лев Бердников. Американец Толстой</i>	225
<i>Семен Резник. Большевики и эсеры: борьба за власть.</i> <i>Из архива писателя</i>	239
ЧАСТЬ 8. Необычное в обычном	252
<i>Михаил Голубовский. Библейские овцы Иакова и генетика</i>	253
ЧАСТЬ 9. Свойства страсти	264
<i>Виктор Финкель. Крейцерово безумие. Этюд о ревности</i>	265
<i>Лазарь Фрейдгейм. Репортаж о завидной молодости. Часть 1</i>	282
ЧАСТЬ 10. Путешествия	288
<i>Сергей Бычков. Путешествие в Армению. Часть 1</i>	290
<i>Юрий Смирнов. Диксон. Полярная экспедиция Эдуарда Толля</i>	293
ЧАСТЬ 11. Проза	307
<i>Яков Фрейдин. Клиника «Негатив»</i>	308
<i>Арин Суц. Норд — ромашки. Рождественская быль</i>	320
<i>Борис Швец. Ужастики</i>	332
<i>Наум Клейман. Шлимазл</i>	337
<i>Наталья Камнева. Два рассказа (дебют)</i>	340

<i>Игорь Галилеев. Мариночка</i>	348
<i>Сергей Шумский. Гора Клеопатры (дебют)</i>	353
<i>Валерий Андронов. Самая длинная ночь. Рассказ-антиутопия</i>	373
<i>Лариса Берман. Реальная История из цикла «Заметки логопеда». Антон</i> .	379
<i>Татьяна Белогорская. Михалина. Из книги рассказов “Кубики для взрослых и детей”</i>	383
<i>Григорий Яблонский. Трижды Глава Советского Союза. Кто он?</i>	393
<i>Николай Галынин. Неуслышанный (дебют)</i>	399
ЧАСТЬ 12. Поэзия	403
<i>Лариса Миллер. Два стихотворения</i>	404
<i>Наум Сагаловский. А когда в небесах</i>	405
<i>Юрий Хейфец. Письмо Ковидио. Подражание И. Бродскому</i>	407
<i>Юлиан Фрумкин-Рыбаков. Одно стихотворение</i>	409
<i>Александр Царовцев. Поэтические миниатюры</i>	410
<i>Валентин Нервин. Памяти бабушки</i>	412
<i>Галина Ицкович. Еще до созвездия Рака</i>	413
<i>Евгений Сливкин. Картина</i>	416
<i>Валерий Скобло. Декабрь в Петербурге</i>	417
<i>Григорий Оклендский. А в городе нашем</i>	418
<i>Виктор Голков. Деревья листья скинули</i>	419
<i>Виктор Есипов. Летнее</i>	420
<i>Виолетта Гребельник. За тем ли вертится планета</i>	421
<i>Вита Штивельман. По следам Самуила Маршака.</i> <i>Дом, который построил Джек</i>	422
<i>Владимир Спектор. Сирень парит над садом</i>	425
<i>Сергей Филиппов. Два старых московских кольца</i>	426
<i>Михаил Синельников. Есенину</i>	427
<i>Вадим Богуславский. Мой друг</i>	428
ЧАСТЬ 13. Детский Альбом	429
<i>Екатерина Поланко. Братья ангелята. Рождественская сказка</i>	430
<i>Юрий Зверев. Котя и Мим. Сказка</i>	431

ЧАСТЬ 14. Юмор	435
<i>Илья Боровский</i> . Библиотека в Серенгети.....	436
Сведения об авторах.....	439

Предисловие Редактора

Друзья, вот наконец и вышел наш Альманах ЧАЙКА №13. Вышел в тяжелое время, в пору русско-украинской войны, перевернувшей все наши представления о том, что можно и чего нельзя.

И однако пока земля на месте и не «тронулся бирнамский лес»,¹ нужно жить и продолжать свое дело. Для нас это выпуск интернет-журнала ЧАЙКА, чье содержание пополняется каждый день, и полугодового альманаха. Очередной Альманах ЧАЙКА № 13 содержит лучшие материалы, напечатанные в журнале за вторую половину 2021 года.

В нем приняли участие 62 автора из 10 стран. Из России и Америки их было равное число – по 24, Украина дала нам четырех авторов, Израиль – трех, Германия двух, Испания, Италия, Франция, Канада и Новая Зеландия – по одному.

В Альманахе 14 разделов. Есть традиционные, такие как Война и Годы террора, In Memoriam, Политика, Воспоминания, История, Путешествия, Проза, Поэзия, Детский Альбом и Юмор.

Но есть и новые, обогащающие нашу палитру. Это, например, такой раздел, как «Россия и Америка», в котором мы поместили статью Элеоноры Мандалян «Почему Америка не любит Китай», пользовавшуюся при своем появлении большим вниманием читателей журнала. Здесь же вы найдете отрывок из книги Лианы Алавердовой «Как там у них? Непохожие на нас американцы», повествующей об американских обычаях в сравнении с российскими.

Два совершенно новых раздела мы озаглавили «Необычное в обычном» и «Свойства страсти».

В первый помещена статья генетика Михаила Голубовского «Библейские овцы Иакова и генетика», во второй – статьи двух «молодых душой» ветеранов – Виктора Финкеля «Крейцерово безумие. Этюд о ревности» и Лазаря Фрейдгейма «Репортаж о завидной молодости».

В новом Альманахе большое место отдано теме Памяти. Она проходит через несколько разделов. В самом первом традиционном разделе Альманаха «Война и годы Террора» три материала посвящены 80-летию трагедии «Бабьего Яра» - к этой теме обратились Адольф Берлин («Письмо к отцу в 1942»), Геннадий Разумов («Три встречи с Бабьим Яром») и Михаил Гаузнер «Цезарем его звали недолго»). В коротких зарисовках, объединенных названием «Мимолетности», диссидент и писатель из Украины Семен Глузман рассказывает о советском постсталинском лагере, унаследовавшем многие «родовые черты» сталинских лагерей. К террору 1937 года возвращает нас основанное на документах, фантазмагорическое «Дело ворон» Валерия Скобло.

Период ВОВ, увиденной глазами евреев-фронтовиков, отражен в статье «Это как бы весть с корабля прошлого, ушедшего в открытое море», написанной сотрудником Центра ХОЛОКОСТ Ильей Альтманом («Сборник писем и дневников евреев периода ВОВ. Выпуск 6»)

¹ Из пьесы Шекспира «Макбет», где герою предсказали смерть, когда «тронется бирнамский лес».

В разделе «In memoriam» писатель и редактор Игорь Михалевич-Каплан, опираясь на архивные документы, рассказывает о судьбе и творчестве Ивана Елагина - к 100-летию со дня его рождения («Первый поэт второй эмиграции»). Тема памяти продолжается и в других частях Альманаха - в статье Александра Сиротина «Памятные встречи: Наталия Соломоновна Михоэлс», где приводится интересное интервью журналиста со старшей дочерью Михоэлса, в 1985 году приехавшей в Нью-Йорк из Израиля. Наталью Михоэлс в Нью-Йорке ждал сюрприз – встреча со старым другом, сыном известного американского певца-баса, Поля Робсона, Полем Робсоном-младшим. Александр Сиротин не упускает возможности рассказать и об этой дружбе...

Статьи известного документалиста Леонида Гуревича «Через всю жизнь. Лариса Шепитько» и Киры Белостоцкой об ее встречах со Святославом Рерихом - эмоциональные и искренние воспоминания о прекрасной кинематографистке, авторе таких запомнившихся лент, как «Ты и Я» и трагическое «Восхождение», и известном русском художнике, всю жизнь прожившем в Индии, но сохранившем память о России.

Тема памяти продолжается в статьях о деятелях культуры 19-го века. Ирина Чайковская исследует один год в жизни Ивана Тургенева («Иван Тургенев в 1850-м. Жизнь в двоимирье»), Лев Бердников увлекательно рассказывает о жизни бретера и дуэлянта, героя светских сплетен и литературных произведений Ивана Федоровича Толстого («Американец Толстой»), Вера Чайковская анализирует два графических портрета Ореста Кипренского и делает удивительный вывод о том, что предпочтения художника целиком на стороне гувернантки, а не ее барыни.

Наша недавняя история и современная политика нашли отражение в блестящих статьях Семена Резника «Большевики и эсеры. Борьба за власть» и Владимира Фрумкина «Отмена здравого смысла: как это начиналось. Заметки очевидца»). И пусть первая статья обращена к эпохе Советов в России, а вторая говорит о сегодняшней Америке, оба автора показывают, что «безоглядная борьба за власть» ни к чему хорошему не приводит. В разделе «Политика» помещена также статья нашей киевской корреспондентки Даши Кашиной «Тревожный чемоданчик. Сегодня в Украине». В этой статье легко предугадать то, что случится совсем скоро, - полномасштабную братоубийственную войну, развязанную лидером России и его командой против Украины.

Очень злободневна статья нашего французского автора Вероники Жобер, «Новая газета. Газета острых тем и неудобных вопросов», приуроченная к замечательному событию - получению Нобелевской премии Мира главным редактором «Новой» Дмитрием Муратовым.

Вопросы современного искусства – литературы, живописи, театра, музыки - поднимают критик, редактор и писатель Евсей Цейтлин в содержательной рецензии – интервью с писателем и критиком Анатолием Либерманом («Сокровенная книга. Евсей Цейтлин – Анатолий Либерман»), израильтянин Давид Шерман («Юрий Влодов. Поэт»), рассказавший о поэте, явно недооцененном современниками, Людмила Лукомская в статье о своем муже, прекрасном художнике Павле Тайбере («Семь автопортретов одного художника. Павел Тайбер»), петербургский театровед Евгений Соколинский, давший анализ приемов современного театра («Я не люблю иронии твоей.

Заметки театрального критика»), композитор Сергей Колмановский в своих глубоких, живо написанных «Размышлениях о музыке, композиторах и времени».

Традиционный раздел «Путешествия» в этот раз приведет нас в Армению, с ее самобытной и древней культурой, о которой со знанием дела рассказывает наш московский автор Сергей Бычков. Юрий Смирнов, много лет ходивший в Арктику на российских Ледоколах, в этом же разделе рассказывает об острове Диксон и полярной экспедиции Эдуарда Толя. Обе статьи сопровождаются отличными фотографиями...

Проза и Поэзия - два, как правило, наиболее читаемые раздела Альманаха. В них много авторов, так что назову только наших дебютантов. Это Наталья Камнева, с двумя парадоксальными мини-рассказами из американской жизни, Сергей Шумский с трагическим рассказом об альпинистской экспедиции «Гора Клеопатры», Николай Галынин, чей фантастический рассказ «Неуслышанный» оставляет в нас надежду, что современная молодежь не глуха к проблемам ХОЛОКОСТА.

В разделе «Поэзия» нет дебютантов как таковых, но есть те, кто в 2021 году дебютировал в нашем журнале. Это Наум Сагаловский (США), Александр Царовцев (Израиль), Вадим Богуславский (Украина). И проза, и стихи, входящие в новый сборник, как всегда интересны и разнообразны, в чем вы непременно убедитесь, приступив к чтению. Два последних раздела – «Детский Альбом» и «Юмор». В первом – произведения, победившие в нашем традиционном Новогоднем конкурсе творчества детей и для детей. От «детей» выступает школьница Екатерина Поланко из Испании со своей Рождественской сказкой «Братья-ангелы». Лагерь взрослых представляет Юрий Зверев из города Оса, Пермского края, его сказка называется «Котя и Мим».

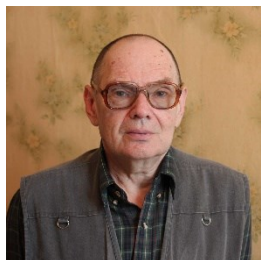
Отдел Юмора в этот раз представлен очень смешной фантастической историей под названием «Библиотека в Серенгети», присланной нам молодым автором из России Ильей Боровским.

Спасибо всем тем, кто помог мне в работе над Альманахом. Это Алекс Марин, сделавший макет и всю полиграфическую работу, а также Евсей Цейтлин, всегда первым внимательно читающий черновой вариант Альманаха и отмечающий его достоинства и недостатки.

Спасибо всем нашим замечательным авторам! Работа закончена. Дело – за читателями.

Ирина Чайковская

Валерий Скобло
Санкт-Петербург, Россия

Одно стихотворение. Мать - из Минска, отец - из Витебска

Мать - из Минска, отец - из Витебска,
Не чужая мне Беларусь.
Не ищу ничьего покровительства,
На подачки я не ведусь.

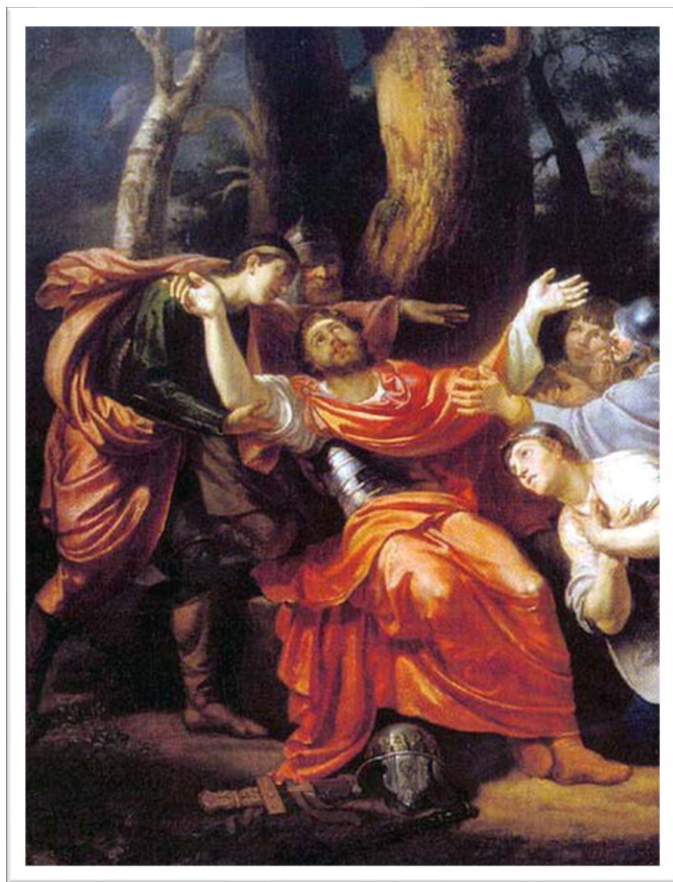
И когда гляжу в эту сторону,
Где еще темней, чем у нас,
Вспоминаю, что ворон ворону
Никогда не выключает глаз.

Пресловутый пир победителей
Под шампанское и "ура",
Поиск "пярых колонн", вредителей...
Ну какого тут ждать добра?

Вид, как правит фантасмогория,
В раз какой смущает умы,
Но не может - учит история -
Вечным быть это царство тьмы.

...На дележ прилетают вороны -
Повторяется, как во сне...
Нет, не все, видно, корни порваны,
Беларусь - не чужая мне.

Часть 1. Война и годы Террора

Орест Кипренский. Дмитрий Донской на Куликовом поле

Адольф Берлин

Миннеаполис, США

Письмо к отцу в 1942-й. К 80-летию Бабьего Яра

80 лет назад 29 сентября 1941 года началась акция нацистов по уничтожению всего еврейского населения оккупированного Киева в урочище Бабий Яр (на северо-западе города, между районами Лукьяновка и Сырец). Бабий Яр стал всемирно известным местом массовых казней гражданского, в основном, еврейского населения нацистами и украинскими коллаборационистами во время Второй мировой войны. Эта печальная дата напомнила мне о предшествовавших ей событиях в моей семье.

Отца я почти не помню: мне не было и пяти лет, когда мы расстались 22 июня 1941 года, в день начала Отечественной войны. Он служил начальником разведки пограничного отряда в городе Унгены, на новой советско-румынской границе (после присоединения Сталиным Бессарабии к СССР в 1940 году).

Так что многое я знаю об отце со слов мамы. Мы жили в Унгенах в доме, в котором располагалась конспиративная квартира, замаскированная под магазин, с входом с площади. Туда приходили якобы за покупками агенты с донесениями с румынской стороны. Поэтому вход в нашу и соседскую квартиры был со двора. Соседями были сослуживец отца и его жена.

Много лет спустя мама, наблюдая за мной, вспоминала, что мой отец был таким же любителем костей, как и я (интересно, что это пристрастие передалось моим правнукам). Мама удивлялась, что соседка всегда приносила из мясной лавки хорошее мясо с небольшим количеством костей, а маме доставалось не мясо, а сплошные кости. Наконец, мама не выдержала и напрямик потребовала объяснений у мясника. Тот долго мялся, бубнил что-то невразумительное, но,

наконец, не выдержал и "раскололся". Он признался, что мой отец подговорил его класть в мясо как можно больше костей.

Эта история получила неожиданное продолжение шестьдесят с лишним лет спустя и за тысячи километров от Унген, в США. Как-то я демонстрировал один из своих видеофильмов в местном доме ветеранов, а после окончания встречи ко мне подошла пожилая женщина и спросила, правда ли, что я до войны жил в Унгенах. Оказалось, что она тоже проживала там со своей семьёй до и сразу после войны – до 1949 года, когда их всех выслали в Сибирь. Я поинтересовался, за что, хотя знал, что тогда могли выслать и ни за что. Она объяснила, что их репрессировали, потому что её отец держал в Унгенах мясную лавку, известную лавку Гинзбурга. Скорее всего, именно её отец и вступил в заговор с моим. Она согласилась со мной, и мы вместе удивились такому неправдоподобному стечению обстоятельств.

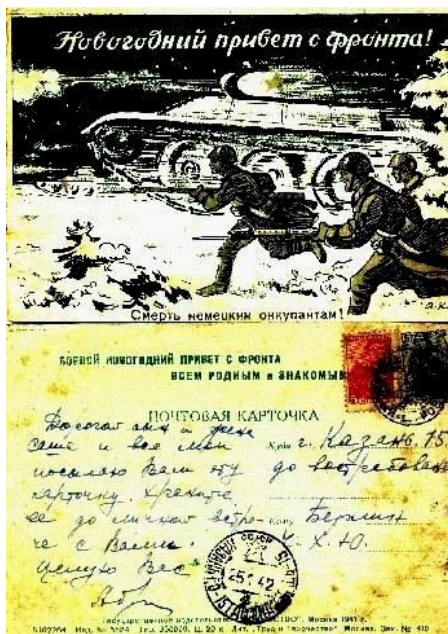
Моя мама работала учительницей младших классов, а отец постоянно был занят на службе, так что свободное время мама (со мной в придачу) проводила с жёнами других офицеров-пограничников. В памяти осталась вылазка на природу, где на поляне в моём присутствии велись довольно откровенные разговоры, которые я тогда действительно не понимал, но запомнил, и их смысл открылся мне гораздо позже.

Как только на город упали первые румынские снаряды, выпущенные с другой стороны Днестра, мы с мамой выбежали на площадь. Помню, как с дома напротив упала водосточная труба, подъехали пограничные грузовики, на которые взобрались жёны и дети пограничников почти без вещей (все были уверены, что война кончится через пару недель, ну, от силы месяцев), и нас отвезли на железнодорожную станцию. Мы с мамой отправились к бабушке, в Киев.

Когда немцы приблизились к столице Украины и мы попытались уехать на восток, сделать это оказалось невозможно: поезда уже не ходили по расписанию, брали их с боем, часто после многодневного ожидания. Население города эвакуировали по предприятиям, но мама в Киеве не работала, а бабушка была пенсионеркой. Когда уже не оставалось никакой надежды на эвакуацию, как-то ночью неожиданно появился мой отец, который оказался в районе Киева и сумел вырваться в город для эвакуации своей семьи. Мы спешно похватали минимум вещей и отправились с отцом, бабушкой, моей тётёй – маминной сестрой и её дочерью на вокзал.

Там отец с помощью своего удостоверения НКВД (тогда погранвойска подчинялись этой зловещей конторе) выхлопотал для нас документы на эвакуацию за Волгу, в г. Казань, посадил в товарный вагон и умчался в Мелитополь, где жили его мать, две сестры и

племянница. Он сумел организовать и их эвакуацию на Урал, и тем самым спас всех нас от неминуемой гибели, если бы мы остались на оккупированной территории. Мы разделили бы судьбу тысяч людей, в основном, евреев, безвинно уничтоженных нацистами и местными коллаборационистами. Их жертвы нашли свой последний приют в урочище киевского Бабьего Яра и множестве других мест.

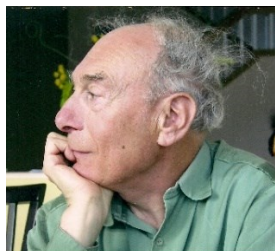
Открытка отца с фронта (25 января 1942 года)

По некоторым источникам, только евреев в Бабьем Яре расстреляли около ста пятидесяти тысяч человек (из Киева и других городов Украины). Спаслось из Бабьего Яра лишь 29 человек. Только недавно в этом месте начались работы по увековечиванию памяти невинных жертв Второй мировой войны.

Несколько лет после окончания войны мы не теряли надежду на возвращение отца, но он так и не вернулся с фронта. Вначале мама, а потом и я неоднократно пытались разыскать могилу моего отца, но всегда получали один и тот же ответ: место захоронения неизвестно. По-видимому, он лежит в одной из многочисленных безымянных братских могил под Харьковом.

Геннадий Разумов

Санта - Моника, США

Три встречи с Бабьим Яром. К 80-летию трагедии

Нет, я не был в Бабьем Яру в сентябре 1941 года. А если бы был, то, скорее всего, сегодня не писал бы эти строки.

На том клочке киевской земли, где бурные весенние потоки талых вод когда-то прорыли ничем раньше не примечательный овраг, мне довелось побывать намного позже.

Первый раз я оказался здесь пыльным жарким летом 1949 года, когда приехал в Киев к родственникам, жившим тогда на северо-западной окраине города. В выходной день муж моей родственницы пошел со мной прогуляться и показать окрестности. Попетляв по узким зеленым улочкам частной застройки, мы вышли к краю грязного заброшенного мусором оврага. Пугливо оглядываясь по сторонам, мой попутчик тихо прошептал:

- Здесь немцы стреляли евреев. Из пулеметов и автоматов. Это было в начале войны, когда они еще не додумались до душегубок и газовых камер и еще не жалели патронов на очищение планеты от иудейского мусора.

Он пристально посмотрел на меня и, пригнувшись к моему уху, добавил:

- Только это держится в большом секрете, поэтому, прошу тебя, не болтай языком. Лучше помалкивать на эту тему, а то, неровен час, могут быть большие неприятности. Можно даже и срок схлопотать.

Потом мы пошли дальше по берегу оврага, и вдруг я заметил на его склоне трех мальчуганов лет по 10-12, которые, сидя на корточках, возились в песке.

- Такие большие, а играют в куличики, - сказал я.

Мой сопровождающий молча взял меня под руку и подвел поближе к обрыву оврага. Мы подошли к мальчишкам. И тут я увидел, как у одного из них что-то блеснуло на ладони.

- Покажи, - попросил я.

Трупы, вырытые на территории Сырецкого концлагеря. 1943 г.

Мальчик сначала испуганно оглянулся и крепко сжал свой вымазанный в земле кулачок... Но, увидев улыбку и, по-видимому, сообразив, что незнакомец не из тех, кто дает подзатыльники и отнимает добычу, разжал пальцы и протянул ладонь. На ней лежала потемневшая от времени и грязи золотая брошка.

- Эти золотоискатели ежедневно находят здесь десятки и сотни золотых коронок, сережек, колец, цепочек, браслетов, - грустно усмехнулся мой спутник, - евреи шли на смерть, надев на себя все драгоценности, которые их матери и бабушки десятилетиями хранили "на черный день".

Второе мое свидание с Бабьим Яром было не настоящим, а бумажным или, как теперь говорят, виртуальным. На этот раз мы встретились на заседании государственной комиссии по выяснению причины только что случившейся в Бабьем Яру гидротехнической катастрофы.

Шел «оттепельный» 1957 год. В то время о трагедии в Киеве уже знали за границей, писали журналисты, о ней говорили на международных встречах, конференциях, совещаниях. Правда, еще пылилась на полке в издательстве замечательная документальная книга А.Кузнецова «Бабий яр» и не появилось на странице «Литературной газеты» пламенное стихотворение Е.Евтушенко с тем же названием.

Но веяние времени заставило советскую власть со скрежетом зубным отказаться от преступного и позорного утаивания содеянных

фашистами злодеяний. Украинское партийное начальство вместе с центральным начало долгое тягостное обсуждение вопроса Бабьего Яра.

Что с ним делать? Продолжить его жизнь стихийной городской свалки, которой он стал в послевоенные годы? В таком случае, его, конечно, пришлось бы слегка облагородить, почистить, посеять травку, подсыпать песочку, посадить цветочки. Но такая косметическая культивация вряд ли помогла бы, все равно заграничные крикуны продолжали бы свой ор – от этих евреев никогда нет покоя.

Второй вариант был немного дороже, но зато кардинальнее и спокойнее - овраг должен был быть засыпан, сравнен с землей, застроен. Тем более, что с послевоенным ростом городского населения Киеву нужна была новая территория для строительства домов, школ, детских садов. А главное, при таком решении вопроса вообще не будет больше повода для споров, обсуждений, упреков. На нет, и суда нет.

После длительных заседаний, совещаний, обсуждений, рассмотрений на разных многочисленных специальных Комиссиях, Комитетах и Советах в конце концов именно этот второй вариант и был принят.

В то время в СССР на гидротехнических стройках широко применялся метод перемещения больших объемов земли не землеройными экскаваторами и самосвалами как раньше а с помощью воды. Гидромеханизация с перекачкой разжиженного грунта (пульпы) земснарядами широко применялась всюду. В том числе ее использовали и для «окончательного решения вопроса» Бабьего Яра. Кроме простой земли, в него же сбросили и нашедшие наконец-то свое место глиняные отходы Петровских кирпичных заводов.

Так шла к своему логическому (с точки зрения коммунистических властей) завершению долгая и тяжелая, трагическая и скандальная жизнь киевского Бабьего Яра.

В советском прошлом на Украине неоднократно происходило «пробуждение национального самосознания», почти всегда сопровождавшееся вспышками антисемитизма. Так было и в 60-х годах, когда на посту 1-го секретаря в Киеве стоял «национально ориентированный» комлидер П.Шелест. Пока ему в Москве не дали по шапке, он заставлял всех вести деловые разговоры только по-украински, а на госучреждениях повесил украинские названия.

Одновременно с этим задымились и головешки государственно-бытового антисемитизма, особенно в Западной Украине. Там на городских улицах можно было увидеть тротуарные бордюры с могоновидными – на них употребили могильные камни еврейских кладбищ. А в Черновицах крупнейшая в Восточной Европе синагога

была окончательно переоборудована под кинотеатр. К этому же ряду антисемитских деяний относится и засыпка (замыв) Бабьего Яра.

Благодаря использованию мощной земснарядной техники к марту 1961 года Бабий Яр фактически уже исчез под широкими картами намыва. Но тут случилось нечто непредвиденное. Последовавшая в тот год за снежной зимой резкое весеннее потепление привело к обильному снеготаянию. Прошли и многодневные ливневые дожди. В результате к массе поступившей в овраг разжиженной земли-пульпы добавилось большое количество талой и дождевой воды. Вот тогда-то Бабий Яр и постигла еще одна страшная катастрофа.

Напор воды на картах намыва превысил все допустимые нормы, ее уровень поднялся до самых крайних пределов. Давление на дамбу, удерживавшей пульпу, стало критическим. В конце концов она потеряла прочность, прорвалась в нескольких местах, а потом и рухнула.

Целая река земляной грязи, сметая все на своем пути, понеслась к Куреневке. По крутой спускавшейся вниз улице поплыли скамейки, бочки, садовые калитки. Некоторые жители домов, чтобы спастись, взбирались на крыши. Понадобилось несколько лет, чтобы восстановить все разрушенное. А сколько человек погибло – никто не знает точно.

Вот так сама земля восстала против новых преступлений теперь уже других фашистов, советских.

Моя последняя встреча с Бабьим Яром была односторонней. Я пришел на нее один, так как Яра уже не было. Вместо него передо мной лежала равнинная плоскость, где росли вверх этажи блочных домов. Рядом пробегало новое шоссе, а еще подальше стояли вешки для разбивки городского стадиона.

Я прошел на одну из стройплощадок. Около экскаватора стояла группа людей, громко и возбужденно что-то обсуждавших. Я приблизился к ним и увидел страшную картину. Возле экскаваторного ковша в мокром каменистом грунте лежала похожая на вязанку дров кучка обугленных человеческих костей, скрученных колючей проволокой.

- Да, тяжело на это смотреть, - отходя в сторону, сказал высокий человек в строительной каске и, увидев мой недоуменный взгляд, добавил. - Это немцы перед отходом из Киева, чтобы следов не осталось, обливали трупы соляной и сжигали.

Я думаю, там были и останки матери, жившей в Лос-Анджелесе моей знакомой Жени Ткач, которую в одну из тех страшных ночей она прикрыла от пуль своим телом.

Только в 1976 году под давлением общественности брежневские чиновники позволили в укромном уголке этой территории установить небольшой памятник. На каменной стеле была выбита странная

надпись, гласящая, что она установлена на месте массового уничтожения немецко-фашистскими оккупантами в 1941-43 годах мирного населения и советских военнопленных.

И ни слова о том, что эти мирные жители были евреи и было их здесь уничтожено почти 100 тысяч!

Михаил Гаузнер

Одесса, Украина

Цезарем его звали недолго... Памяти трагедии в киевском Бабьем Яре, происшедшей 80 лет назад

В 1937 г. в Киеве родился мальчик. Его отец Петр Соломонович Кац назвал сына именем, первая буква которого совпадает с первой буквой имени матери – Ципа. Она умерла через несколько дней после родов – оторвался тромб. Для домашних мальчик был Цезиком, а полное своё имя Цезарь ему было суждено носить совсем недолго.

Петр Соломонович работал заведующим небольшим кафе на Крещатике, а жили они неподалёку, в коммунальной квартире. В семье был ещё один сын – Павлик, на шесть лет старше Цезаря. Тяжело перенесла смерть жены, отец вскоре взял для них няню – неграмотную, но добрую женщину Надю Фомину, которую они очень полюбили. Она бежала в 30-х годах из села от голода и была очень благодарна за то, что её приютили в хорошей семье.

Цезик и Павлик играли во дворе, катались на велосипеде, лакомились мороженым, ходили с папой на демонстрации, по выходным отправлялись с ним на прогулки – что ещё нужно было для счастья?

Петр участвовал в обороне Киева, и когда немцы уже подходили к городу, решил детей, тещу и Надю эвакуировать. Вернувшись ненадолго домой, посадил их в поезд. Вскоре на каком-то полустанке

эшелон задержали – тогда в первую очередь отправляли оборудование киевских заводов.

Сидели они там неделю, продукты закончились, есть было нечего, и бабушка отправила Надю в Киев за припасами.

Та поехала, почему-то взяв с собой Цезика. Когда они вернулись обратно, не застали ни бабушки, ни Павлика – эшелон с людьми ушёл. Спустя годы Цезарь узнал, что родные добрались до Москвы, где их приютил брат матери. Он вырастил Павлика как своего сына.

А Цезик с Надей вернулись домой. Бои шли уже на подступах к городу, в пригородах, и 19 сентября в Киев вошли немцы.

Петр Кац попал в окружение, потом в плен, был отправлен в Дарницкий лагерь и чудом избежал расстрела – когда прозвучало роковое «Евреи и коммунисты, шаг вперед!», приятель-украинец схватил его за рукав, шепнув: «Куды? Стий!», и тем спас ему жизнь.

Петр оказался в колонне, которую нацисты перегоняли по киевским улицам в другое место. По дороге фашисты расстреливали тех, кто передвигался с трудом, их трупы оставались лежать на дороге. Когда колонна оказалась неподалёку от его дома, он, услышав выстрел, притворился, что в него тоже попала пуля, и упал. Конвоир, по-видимому, не заметил его, иначе расстрелял бы на месте.

Колонна пошла дальше, а Кац поднялся, побежал домой ... и очень удивился, застав там няню и младшего сына.

Он еле держался на ногах от голода. Пока Надя собирала ему какую-то еду, в дверях показались дворничиха с двумя полицаями. Пётр выскочил через заднюю дверь. Видимо, он был схвачен на улице и убит – никто из родных его больше никогда не видел. Это было 28 сентября.

Дворничиха, войдя в роль представительницы новой власти, сказала Наде: «Жидёнка завтра в Бабий Яр веди!» Утром женщина собрала нехитрый скарб и отправилась с ребёнком на место, где было приказано собраться всем евреям. Народу на улице было много, и Цезик решил, что это праздничная демонстрация – он не раз ходил на них вместе с папой. Мальчик веселился, просил няню купить ему надувные шарики и шёл, балансируя на трамвайных рельсах.

По дороге они встретили знакомую молочницу, и она предупредила Надю: «Куда ты идешь с еврейским ребенком? Ты погибнешь вместе с ним. Приготовь свой паспорт». Но Фомина не поверила – какая опасность могла угрожать четырёхлетнему малышу и женщине? Она была простой крестьянкой, но даже старые евреи, пережившие погромы и революцию, не могли себе представить, что их ждёт.

В колонне, которая шла от нынешней Площади Независимости в сторону улицы Лукьяновка, старики авторитетно заявляли: «Товарищи, не волнуйтесь! Мы помним немцев ещё по

Империалистической – они точно нас переселят в Палестину». Другие спорили: «Какая Палестина? Нас переселяют, чтобы спасти здесь от погромов – так уже было в ту войну!».

Евреи не верили, что немцы причинят им зло – старики помнили, как в Гражданскую войну те часто защищали их от погромщиков. Но это были уже совершенно другие немцы... Ведь до войны наша пресса не писала о том, что делали немцы с евреями в соседней Польше. А уже во время войны ни слова не было сообщено о Бердичеве, Виннице, Умани, где в сентябре уже были массовые расстрелы еврейского населения. Откуда людям было знать, что их ждёт?

Шли спокойно, целыми семьями – старики, молодые, малые дети...

Говорили, что переселяются в Палестину. Некоторые, правда, думали, что всё-таки ведут в какое-то гетто, но что идут на расстрел – никому в голову не приходило!

Цезик устал, капризничал, хныкал, и Надя посадила его на чью-то подводу с вещами – там лежали детские игрушки, какие-то куклы, которые его заинтересовали. Но когда он к ним потянулся, няня напомнила – трогать чужое без спроса нельзя, некрасиво.

Цезик сидел, рассматривал кукол... Через много лет он рассказал об этом эпизоде Илье Левитасу, основоположнику еврейского движения в Украине, и это воспоминание стало идеей памятника детям, погибшим в Бабьем Яру: Сломанные куклы. Сломанное детство...

Тревога появилась, когда они подошли к первому КПП. Там стояли два крытых грузовика и противотанковые «ежи», а между ними оставался небольшой проход. Эсэсовцы подталкивали туда евреев прикладами. Слышались крики, стоны, детский плач, люди забились, заметались. Но вдоль дороги стояло оцепление – эсэсовцы и полицаи, с приспущенных поводков рвались огромные овчарки. Потом они часто снились мальчику – большие страшные собаки, которых натравливали на беззащитных людей...

Одна из них вырвала из рук няни сумку с продуктами. Цезик разрыдался от испуга, и это их спасло – кто-то сердито толкнул рыдающего ребенка, и Надя с Цезиком вдвоем упали на противотанковый «еж». Мальчик разбил голову, и шрам остался на всю жизнь. Люди шли через них, они мешали проходу. Кто-то поднял Надю за воротник и вытолкнул вместе с ребёнком в толпу, стоявшую вдоль дороги: «Нечего тебе там делать!» Возможно, увидел, что она не еврейка.

А людской поток двигался дальше. За этим КПП были установлены еще три пункта: на одном отбирали документы, на другом – вещи и драгоценности, на третьем люди раздевались и шли на расстрел. Организовано всё было по-немецки чётко...

Женщина и ребёнок спрятались в подворотне и сидели там, не шелохнувшись, пока шум и крики на улице не смолкли. От пережитого испуга у Цезика отнялась речь. Теперь уже Надя поняла, что к чему, но, опасаясь дворничихи и соседей, решила не возвращаться домой.

Две недели они ходили по городу. Ночевали в развалинах, заходили к знакомым, просили еду. Кто-то давал хлеба, кто-то картошки. Однажды Наде сказали: «Что ты ходишь с еврейским ребенком, его же убьют и тебя заодно».

Долго так продолжаться не могло – кто-нибудь обязательно донес бы на них властям. Фоминой посоветовали отвести Цезика в приют для бездомных детей на улице Предславинской – бывшую детскую больницу; возможно, там он сможет выжить. Надя написала в записке «Вася Фомин», положила её ему в карман и оставила мальчика перед входом. А сама спряталась и наблюдала – возьмут, не возьмут?

Его увидел дворник больницы и повёл к главврачу Нине Никитичне Гудковой. Та сразу поняла, что смуглый, большезлазый, кудрявый мальчик не может носить русское имя, но тут же взяла его. Всего в приюте было 70 детей, среди них 13 евреев. Детям стригли волосы налысо – в том числе и для того, чтобы кудри не выдали их национальность. Во время облав еврейские дети сидели под лестницей в специально оборудованной для этого бельевой комнате.

Несколько месяцев мальчик не разговаривал. Гудкова каждый день рисковала своей жизнью – если бы фашисты узнали, что в приюте скрываются еврейские дети, убили бы не только их, но и её.

Спасать детей нужно было не только от фашистов, но и от голода. А он был жуткий! Поначалу было очень тяжело – дети 1-1,5 лет умирали, те, кто постарше, как-то держались, но есть было совсем нечего. Цезик (тогда уже Вася) был хилым, больным – водянка живота, слабое сердце...

В детдоме он впервые почувствовал, что такое горе, когда умерла Людочка. Девочка была очень слабенькая – настолько, что не вставала с постели, и нянечки поручили Васе давать ей попить. Он дежурил возле неё очень ответственно, несмотря на то, что сам еле стоял на ногах – так привязался к ней. А однажды подошел к кровати, а девочки нет! «Где Людочка?» – «Нету...», – сказала Нина Никитична. И ему показалось, что в нём что-то оборвалось...

Киевляне, узнав о бедственном положении детей, помогали кто чем мог, приносили какую-то крупу, но вскоре еды совсем не стало. Тогда Гудковой удалось как-то прорваться к жене бургомистра и с её помощью получить разрешение собирать объедки на свалке ресторана «Театральный». Она договорилась с рабочими бойни, чтобы те приносили детям ведро с кровью и немного субпродуктов на дне. Несмотря на тяжелую ситуацию, большинству детей удалось выжить.

Перед приближением Красной армии немцы стали зачищать Киев. В городе было 13 детдомов, и всех их обитателей, в том числе и приютских, выдворили за пределы столицы. Их посадили в теплушку, под обстрелами они добрались до Ворзеля и попали в Дом ребенка. Там и встретили освобождение. Цезик запомнил, как он ночью стоял на кровати и наблюдал за трассирующими пулями. Ему шел седьмой год.

После освобождения Киева за детьми стали приходиться родители, которым удалось выжить, или люди, потерявшие в войну своих детей. А Цезику не везло. Он был совсем худым и явно нездоровым, таких братья в приёмные семьи не хотели.

Но Цезик-Вася надеялся. Всех детей из его палаты уже забрали, он остался один. Однажды в очередной раз пристал к санитарке – когда меня уже заберут?! Та отмахнулась: «Завтра». Весь следующий день прибежал к кабинету Нины Никитичны. Однажды посмотрел в замочную скважину, а там сидят бородатый представительный мужчина и женщина. И тут (ведь санитарка сказала!) он бросился в кабинет, подбежал к этому дядьке, схватил его за бороду и закричал: «Папочка, мамочка, это же я – ваш сын, заберите меня!».

Этим крупным мужчиной оказался врач-хирург Василий Иванович Михайловский. Трёх его братьев сгноили в ГУЛАГе – они были из семьи священника. Он понял, что будет следующим, и тихо уехал из Киева. Устроился в маленькую больничку в Житомирской области, потом в другую, в третью. Пока в НКВД начинали им интересоваться, успевал перевестись, и за несколько лет сменил около десятка мест работы. Так оказался в селе Хмелевом Кировоградской области, где влюбился в еврейку-медсестру Берту Грановскую, которая была моложе его на 17 лет. Потом она все годы работы простояла с Василием Ивановичем за операционным столом и, обладая феноменальной памятью, узнавала пациентов мужа десятки лет спустя.

Поначалу мама невесты Песя Ароновна была категорически против брака дочери с неевреем. Но Василий Иванович не просто наладил с ней контакт – он для общения с тещей выучил идиш, вылечил её, когда та серьезно заболела; она стала называть его сыном.

Война застала семью Михайловских в Кировограде, где Василий Иванович работал в больнице. Он в молодости перенес туберкулёз, который обострился после финской кампании, в которой Василий Иванович участвовал. Поэтому его не взяли в армию и он с двумя еврейскими женщинами остался на оккупированной территории.

На что только ни приходилось идти ему ради спасения жены и её матери... Бывало, Берту положит в морг, тещу в тифозное отделение – туда, куда немцы не сунутся, потом переводит их в другое место. Однажды кто-то выдал, но добрые люди предупредили о приближении полицаев.

В доме квартировал немецкий врач. Однажды он пришел с немецким офицером, изрядно выпившим после очередной казни евреев. Берты, по счастью, дома не было, а Песя Ароновна притихла в другой комнате. Офицер достал револьвер, приставил ко лбу доктора: "Юде?!" - "Найн, найн!" – закричал немец-врач. Когда они ушли, Василий Иванович зашел к теще. Она посмотрела на него и спросила: «Васенька, где же ты так запачкался? У тебя на волосах мука». А потом догадалась: «Сынок, ты же весь седой!».

В конце концов они едва ли не пешком добрались до Киева, где оставались жёны репрессированных братьев Василия Ивановича. При помощи друзей удалось сделать Берте новые документы на имя Веры Савельевны Михайловской.

В тот день супруги пришли в Дом ребёнка за девочкой, а ушли с Цезиком Кацем – Васей Фоминым, который теперь стал Василием Васильевичем Михайловским. Случайность? И да, и нет – Цезик был удивительно похож на Берту Савельевну, свою приемную мать.

Новые родители выходили слабого и больного мальчика, дали ему хорошее образование. Василий Михайловский окончил школу с серебряной медалью и поступил в строительный институт.

Историю спасения и скитаний ему впоследствии рассказали няня и московские родственники, которые нашли его, приехав в Киев.

Своего старшего брата Вася впервые увидел в 22 года. Знакомые не переставали удивляться – родные братья, но один – Павел Петрович Кац, а другой – Василий Васильевич Михайловский...

Он не стал менять имя и фамилию: ведь человек, которого всю жизнь считает отцом, не только его вырастил – благодаря мужеству, выдержке и смекалке Василия Ивановича спаслись приёмная мама и бабушка Васи, ставшие ему по-настоящему родными.

Василий Васильевич Михайловский прожил долгую жизнь. Он работал на Кременчугской и Киевской ГЭС, в 1990-е возглавлял в Киеве проектно-конструкторское бюро.

Михайловский был одним из создателей Украинской организации «Зикарон Шоа» («Память Катастрофы») и ответственным секретарем «Ассоциации евреев – бывших узников гетто и нацистских концлагерей». Он активно занимался вопросами компенсаций украинским евреям; их получение через Клеймс Конференс – в том числе и его большая заслуга.

В начале сентября 2020 г. Василий Васильевич Михайловский был награжден орденом «За заслуги» I степени». Он умер через неделю после получения высокой награды в возрасте 83-х лет.

Мемориальный комплекс истории Холокоста «Яд ва-Шем» признал няню Анастасию Фомину, главврача приюта для малолетних Нину Гудкову и приёмного отца Василия Ивановича Михайловского Праведниками народов мира.

Источники – Википедия, интервью В. В. Михайловского Б. Вайнеру в журнале "Еврейский обозреватель» и на сайте BBC News / Украина "Я шел по рельсам в Бабий Яр": история выжившего ребенка», материалы сайта «Еврейские герои – личности и поступки», статьи А. Шестак «Очевидец трагедии в Бабьем Яру» на сайте Cordonia.com, Л. Грек «Бабий яр» на платформе «Укринформ» и др.).

Семён Глузман

Украина

Мимолетности

Первый мой год в лагере. Самый трудный, 1973. Я – привыкаю, избавляюсь от иллюзий и несбыточных надежд. По каким-то своим эковским делам иду по зоне. Мимо старой, полуразобранной вахты для надзирателей. Обращаю внимание на лежащую на земле потолочную балку, подхожу ближе. На ней исполненная химическим карандашом надпись крупными буквами: «25 лет каторги, осталось 12, Максимов А. Гр.». Мой предшественник, сталинский узник. Выжил ли? Старики-двадцатипятилетники, мои новые друзья, пояснили: на Урале было несколько политических лагерей. Но конкретных сведений о них не осталось. Здесь не выживали.

Семён Глузман. В зоне, конец 1970-х

Мы все – политические узники. Даже полицаи и эсесовцы, служившие в карательных нацистских подразделениях. Не только белорусы, украинцы и русские, здесь и калмык, и двое эстонцев, несколько латышей и литовцев. Все – на пути исправления, следят за нами, антисоветчиками. Исправно получают дополнительное питание в лагерьном ларьке, дополнительные продуктовые посылки от семей. Их срок наказания невелик, всего лишь 15 лет. В отличие от большинства украинских партизан-бандеровцев и балтийских лесных братьев, кои наказаны 25-тью годами. Яркий типаж – армянский курд Томоян, служивший в нацистском Кавказском легионе. Обычно они, каратели, не слишком словоохотливы, но Томоян идет на контакт легко. Спрашиваю: «Чем вы занимались прежде, до ареста?» Он отвечает: «Торговал. У меня был крытый грузовик, автолавка. Я возил товары и продукты в горные деревни. Сейчас торгует сын». Я удивленно спрашиваю: «На том же грузовике?» - «Да, это мой грузовик, моя автолавка! Государство к этому отношению не имеет. Моё личное, семейное дело».

1974 год., я не понимаю. Как такое возможно в стране победившего социализма? Где работают милиция, прокуратура, КГБ, где нет и не может быть частного предпринимательства? Спрашиваю Томояна. Но он удивлен моему удивлению. «Это мой собственный автомобиль!»

Степан Корольчук. Сегодня о нем никто не вспоминает. Статья уголовного кодекса №62, антисоветская агитация и пропаганда. Что-то сказал вслух или написал. Великолепный врач из Львова. Сидел тихо, мало общался с нами. По-видимому, надеялся на освобождение до окончания срока. К нему обращались лагерные начальники, он их лечил. Но об этом знали немногие. Делал и мелкие операции. Как? В каких условиях?

Как жил в зоне тихо и незаметно, так незаметно исчез. Освободили. Ему явно симпатизировал наш лагерный чекист капитан Утыро. Он, капитан, был командирован к нам с женой и двумя маленькими детьми. Думаю, он помогал Степану Корольчуку советами и рекомендациями. Славный, напуганный судьбой доктор Корольчук...

Дон Ильич Генин. Блестящий интеллектуал, преподаватель биологии в киевском медицинском институте, знаток немецкой литературы. Как-то сумел эмигрировать в те суровые времена, когда из СССР не выпускали ни евреев в Израиль, ни этнических немцев в Германию. Поселился в США, в Нью-Йорке. В 1975 году принимал участие в многотысячной демонстрации, требуя от визитировавшего США Брежнева освободить советских политических узников. Нёс большой портрет одного узника, мой портрет. Разумеется, никого из

нас не освободили. Где-то спустя год к нам в зону привезли кинохронику, в которой советские пропагандисты осуждали этот крайне недружественный акт американской общественности. Разумеется, хроника была рассчитана на других зрителей, в кинотеатрах перед демонстрацией художественных фильмов. Кто-то в КГБ недосмотрел, привезли к нам. Двое из сидельцев увидели в руках протестующих свои портреты. Было смешно и тоскливо одновременно.

Очередной этап в Пермь на профилактику. Жил в сырой камере пересыльной тюрьмы, каждые два дня возили на беседы в местный КГБ. Совершенно бессмысленное мероприятие, из меня уже успели вылепить откровенного врага. Спустя неделю – новый этап, домой, в зону ВС 389-35. Перед этапом в грязной камере меня посетил капитан Утыро. Формально поинтересовался состоянием здоровья, оно у меня всегда было отменное. Подарил тюбик болгарской зубной пасты «Поморин». Там, в неволе это был царский подарок. Такой пастой чистили зубы только на воле, законопослушные советские граждане. Через несколько часов меня привезли домой, в лагерь. Дежурный прапорщик Бормотов тщательно обыскал мой нехитрый груз (книги), увидел «Поморин» и со словами «не положено!» отобрал тюбик. Я возмутился и прямо сказал: «Сегодня утром его подарил мне в Перми капитан Утыро! Отдайте!» Бормотов отдал. Все они, лагерные надзиратели, в отличие от нас, боялись КГБ.

Располагаясь на старом месте в бараке, я показал тюбик Лёве Ягману. Лёва сглотнул слюну и произнес: «Береги, постарайся продлить это удовольствие!». Мы чистили зубы обычным порошком, не имевшим ни вкуса, ни запаха. Спустя несколько недель мой друг Василь Пидгородецкий сообщил мне следующее: Бормотов, оставшись с Василем наедине, предостерег его от доверия ко мне, поскольку я, по-видимому, являюсь агентом КГБ. И рассказал ему эпизод с пастой. Василь посмеялся. Мы продолжали ужинать у тумбочки вместе, Василь, бывший начальник службы безопасности львовского округа УПА, Евгений Прышляк и я. Такая у нас была «лагерная семья».

Часто вспоминаю этот по сути незначительный эпизод. Что это было? Примитивная оперативная комбинация или искренний поступок не до конца испорченного человека? Прошли десятилетия, а я всё ещё думаю об этом. Помню лицо Утыро, судя по всему, он не был окончательным негодяем.

Невероятная встреча. Во Львове на вокзале Василь Пидгородецкий увидел знакомого. Подошел к нему и громко поздоровался. Это был старший лейтенант Николаев, служивший в зоне ВС 389-35 дежурным помощником начальника колонии. Он приехал в отпуск к родителям жены уже в независимую Украину.

Василь отсидел 37 лет... Николаев, вместе с женой и сыном ожидавший посадку в автобус, испугался, побледнел. Дрожащий, заикаясь, он тихо попросил Васыля: «Не выдай меня, пожалей. Я ничего плохого тебе не сделал». Старый каторжанин его не выдал, пожалел. Рассказывая об этом, спросил меня: «Как ты думаешь, он бы меня пожалел?» Вряд ли.

Мой самый близкий друг дал против меня показания. Потом была очная ставка. Мне было очень больно, я страдал, видя здесь, в КГБ, моего друга Вову Бирюковича. После окончания очной ставки следователь Чунихин произнес: «Да не переживайте вы так, Семен. Ваш друг был вынужден сделать это. Но знал он о вас намного больше». Спустя 10 лет я вернулся в Киев. В чужой, страшный Киев, где арестовывали по второму и третьему разу. Я очень хотел встретиться с Вовой, обнять его и сказать: «Всё понимаю. И по-прежнему люблю тебя. Нет у меня к тебе зла». Не успел, он покончил с собой через неделю после моего возвращения. Лежит на Лесном кладбище, одинокий, всеми, кроме меня, забытый. А его и мой палач, формировавший оперативно-следственную мозаику в украинском КГБ, Евгений Марчук, спокойно и сытно дожил до старости. Такая у нас Украина, очень демократическая.

Когда-то, в ранние школьные годы, я был уверен, что Вселенная – огромное живое существо. Поздним вечером, когда, по просьбе мамы, я выносил мусор, я на несколько минут задерживался, осматривая небо. Я искал там какие-нибудь признаки жизни. Сегодня я знаю о Вселенной больше. Прогресс науки, телевидение и проч. Мамы давно нет, она умерла, когда я был узником. Не проводил её, не попрощался. Думаю, если бы Вселенная была живым существом, Демиургом, человечество было бы мягче, честнее, добрее. И я сумел бы попрощаться с мамой.

Абхазия. Еще жив Советский Союз. Жестокий, не видящий своего скорого конца. Друзья собрали мне деньги на отдых в Сухуми. Хозяйка выписывала только одну газету, «Советскую Абхазию». Однажды я увидел в ней огромную статью о монахах истинно православной церкви, отшельниках, живущих в горах недалеко от Сухуми. Как убеждал автор публикации, тяжело больных психически людей, своим присутствием осложнявшим строительство коммунизма в Абхазии.

Я решил идти в горы. Ко мне присоединился мой киевский приятель Миша Эльберт. Хозяйка дома пыталась отговорить нас: опасно. Мы вышли утром налегке, сели в автобус. Одна из попутчиц подсказала, как найти тот одинокий монастырь. Произнесла и такое: «Не понимаю, чем эти отшельники мешают власти. Живут высоко в

горах, сами себя кормят, редко спускаются вниз по неотложным делам». Мы с Мишей вышли в указанном нам месте, по едва заметной тропинке двинулись вверх. Через три часа увидели монастырь: худой деревянный забор, несколько примитивных домиков, в них – узкие лежанки и обрывки недогоревших рукописных текстов Евангелия. Людей не было. По советской традиции, публикации в газете предшествовало изъятие ни в чем не повинных людей и помещение их в местную психиатрическую больницу. С заходом солнца мы вернулись в Сухуми. Психиатрические репрессии в СССР продолжались. Мы с Мишей рисковали, могли не вернуться к тревожно ожидавшим нас женщинам.

А потом я стал главным антисемитом Украины. В одном из клубов, где регулярно собирались бывшие советские евреи, проснувшиеся в иудаизме, меня называли именно так. Им очень не понравилось моё публичное выступление, где я упомянул об участии евреев в карательных органах в сталинский период до 1940-х годов. Назвал цифру – 40%.* Именно столько евреев служило в руководстве карательными органами в советской Украине.

Мне трудно днем. Всевозможные мелкие дела, встречи отвлекают от главного, от воспоминаний. Моё время – ночь. Тогда я встречаюсь с лагерными друзьями. С мертвыми. В последние годы я всё больше понимаю, что не люблю живых. Это – как слушать тишину, отключив звук в работающем телевизоре. Всевышний и Вселенная наблюдают нас молча.

Не смею называть фамилии. Ни палача, ни жертвы. Так было. В январе 1972 года были арестованы десятки украинцев, посмеявших не любить советскую власть. Среди них – яркий интеллеktуал X, открыто задававший аргументированные вопросы руководству советской Украины. Он не был политиком, не стремился разрушить государство. Даже тогда, в тоталитарной империи, изредка появлялись интеллигентные люди с украинским сердцем. Совсем не националисты. А среди интеллигентов случались люди, сознающие долг солидарности с правдой и долг свидетельствовать. Не более того. Каждый из них знал: время победы его правды не наступит. Понимали: они остаются вечными Дон-Кихотами, рыцарями безнадежного.

Его, X, арестовали одним из первых. Следователем назначили некоего майора, также вполне интеллигентного человека, много читавшего и много думавшего. Назовём его К. Мягкий, рассудительный, никогда не повышавший голос на сидящего перед ним за отдельным столиком узника, он, подобно Порфирию Петровичу из романа Достоевского, обволакивал подследственного словами. В

том числе и словами сочувствия и сопереживания. Мягкая сущность узника откликалась вибрациями не очень здорового сердца. Узник, как и положено интеллигентному, во всем сомневающемуся человеку, совсем не был готов к вступлению в жестокую тюремную жизнь на долгие годы.

Порфирий Петрович не угрожал, почти не лгал, во многом соглашался с аргументами узника Х. И тем самым постепенно готовил его к возвращению в обыкновенную жизнь с семейными радостями, интересными книгами. Был суд с назначенным КГБ адвокатом, милой дамой. Х. признали виновным. А потом – вернули в семью. Разумеется, с оплатой свободы в виде статьи в советской украиноязычной газете в форме саморазоблачения и самобичевания.

Не знаю, какие очередные знаки отличия получил за успешную работу с подследственным наш Порфирий Петрович. Знаю, что остался он тем же мягким, много читающим человеком, с удовольствием продолжавшим общаться с прежними друзьями, такими же милыми адвокатами, прокурорами и следователями КГБ.

Кто-то заметил: всё разумное имеет пределы, безграничной бывает только глупость. По пятницам популярная газета «Вечерний Киев» выходила с обязательной (и ожидаемой публикой) статьей о коварных евреях – расхитителях социалистической собственности, арестованных и осужденных. Зачастую – расстрелянных. В 60-е годы я был подростком, передвигался по Киеву самостоятельно. Часто ездил в троллейбусах № 4 и № 16. Но старался не ездить в них в понедельник, когда насытившиеся новой порцией ненависти обыватели вслух, никого не боясь, обсуждали очередных присосавшихся к телу советского государства негодяев-жидов. И сегодня помню тот свой страх, и горькую реакцию родителей на очередную статью в «Вечернем Киеве». Именно так советская власть укрепляла бытовые антисемитские настроения в Украине. С помощью государственного антисемитизма.

Спустя несколько лет я открыл для себя Бабий Яр. Где 29 сентября происходило молчаливое противостояние общественности и власти. Складывалось впечатление, что власть сопереживала не жертвам, а нацистским палачам. Много об этом всем нам мог бы рассказать Леонид Кравчук. Не расскажет. Или, как прежде, сошлётся на преступную руку Москвы.

Сегодня иная ситуация. Странная, неожиданная. Уроки внедрения в Украину государственного антисемитизма не привились, ушли вместе с коммунистическим режимом. Вот и президент наш нынешний совсем не зулус...

На следующий день после вынесения приговора мне дали свидание с родителями. Через стол, без объятий и прочих антисоветских касаний. По бокам от стола стояли молчаливые прапорщики КГБ. Первым вошёл, почти вбежал отец. Мама после тяжелого инфаркта миокарда двигалась медленно. Отец, не успев присесть на привинченный к полу стул, быстро и внятно задал мне вопрос: «Тебя били?». Он, коммунист с 1925 года, хорошо знал свое государство и его традиции. Я заулыбался, это был мой ответ. Отец грузно сел на стул, явно успокоившись. Вошла мама. Родителям было трудно понять мои реалии и моё поведение. Уже там, в тюрьме КГБ, за нарушение режима содержания я был лишен права на закупку продуктов в тюремном магазине и права на последнюю перед этапом продуктовую передачу.

О чём-то самом важном, актуальном говорить было невозможно... Когда свидание заканчивалось, мама сказала: «Ты не волнуйся, сын. Тебя обязательно реабилитируют!» Она вступила в коммунистическую партию на фронте, заслужила там ордена и медали. Ни её, ни отца на судебное заседание не пустили. Как и лауреата сталинской премии, всемирно известного писателя Виктора Некрасова.

Меня реабилитировали. Но моих родителей в живых уже не было.

После смерти одного из заключенных от прободения язвы желудка в зону прислали нового врача. О смерти узнали на Западе (Вова Буковский сумел тайнописью передать это в письме маме). Цивилизованный мир заволновался, имя погибшего без оказания медицинской помощи не было известно. А мы ведь были не совсем обычными советскими узниками. Всполошилась украинская диаспора, еврейские активисты в Европе и США, демократическая общественность мира усилила давление на Брежнева и его окружение. Так в больничку в нашей зоне командировали капитана Ярунина, опытного врача, хирурга из областной больницы Пермского Управления внутренних дел. Семью, жену и сына он оставил в Перми. Здесь, вблизи лагеря, он жил один.

Однажды, в первые месяцы его работы у нас, я сумел поговорить с ним наедине. Не о Брежневе и Андропове, а о качестве питания в зоне. Ярунин молча выслушал меня, а потом сказал, в первый и последний раз назвав меня, особо опасного государственного преступника, коллегой: «Коллега, заверяю вас, мне здесь также приходится несладко. Здесь, в лесу, я не могу купить себе продукты. Вы в Киеве когда-нибудь питались борщовой заправкой из стеклянных банок? Поверьте, сейчас это мой обед. Да, вам хуже, понимаю...»

Не знаю, как сложилась жизнь этого врача после трех лет командировки в зону 389-35. Но всегда буду помнить, как, спасая от смерти двадцатипятилетника Ивана Смирнова, он перелил ему свою

кровь. Спас. После чего старые зэки по доброму шутили: «Ваня, так у тебя сейчас ментовская кровь!»»

Четыре месяца вместе в небольшой камере. Ни одного конфликта, ни одного эмоционального всплеска. Такое бывает не часто. Он – из Западной Украины, по классификации, придуманной КГБ, украинский буржуазный националист, я, русскоязычный киевлянин, да ещё и еврей – антисоветчик демократ. Общались на двух языках, не замечая разницы.

Ледяная шапка в углу камеры, вода на стене, скудная пища... Всё это не мешало нам спокойно общаться, читать, думать. А я размышлял, сумеем ли мы выйти из этой сырой мрачной бетонной клетки без туберкулеза. Повезло, вышли.

Потом была ссылка в Сибири. И у него, и у меня. Он вернулся на родину в Западную Украину. В ожидании нового ареста. Умиравшая советская власть была очень жестокой. Неожиданно для всех состоялась независимая Украина. Там, в патриотической провинции, многое изменилось. Кроме основного: погрязшие в советской коррупции прежние чиновники, в их числе и члены КПСС, возглавили новую властную иерархию. Мой друг был рукоположен в один из её кабинетов. Пожалуй, в самое конфликтное место. Но... он не брал. Не умел, не хотел. Кормил семью исключительно на скромную зарплату.

Вырос, закончил школу сын. Однажды мой друг позвонил мне и произнес следующее: «Ты знаешь, мы живем скромно. Мы не сможем помочь сыну учиться, у него один выход: поступить в институт, где есть казарма, питание, бесплатная одежда. Он решил поступать в Академию СБУ. Ему отказали. Причина – отец сидел. Да, я сидел, сейчас реабилитирован. Мне горько, стыдно. Я мечтал жить в другой Украине. Но я обязан помочь сыну! Прошу тебя, ты – известный человек, помоги нам!»

Помог не я. Дважды судимый в СССР Генрих Алтунян. Тогда - депутат. Он уговорил ректора одного из милицейских университетов закрыть глаза на ситуацию, на судимость отца. Мальчик с успехом закончил университет, прибыл служить следователем в свой городок. Служил недолго. «Брать» и фальсифицировать дела так и не научился. Такое у него было воспитание в семье, неправильное. Уволился, уехал в Европу служить чернорабочим... Такая у нас Украина, увы.

В нашей зоне служил дежурным офицером капитан Пацков. Прозвище у него было «интеллигент». Говорил на хорошем русском языке, никогда не проявлял злорадства и садистических наклонностей. Однажды, водворяя Свитлычного, Балахонова, Антонюка и меня в помещение камерного типа, ужаснулся количеству книг, которые Иван

Алексеевич намеревался взять с собой в камеру. Пацков, цитируя Грибоедова, произнес: «Собрать бы книги все да сжечь!». Необычный был капитан МВД, читал классику. Свитлычный немедленно ответил: «Согласен с вами, гражданин начальник, но давайте начнем с книг Ленина и Маркса!» Далее диалог не продолжился, нас на несколько месяцев закрыли в одной камере.

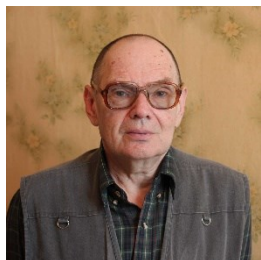
Позднее, через год или два, в камеру «пригласили» меня одного Я взял с собой несколько книг, в их числе и одолженную у Ивана Алексеевича «Божественную комедию» Данте Алигьери. Перед водворением в камеру обыск проводил прапорщик по прозвищу «хозяин страна». То ли киргиз, то ли узбек, маленького роста с пронизывающими жгучими глазами. Был он мастер обыска, находил у нас всё, что не увидели прежде его коллеги надзиратели. Говорил по-русски плохо, образованием не блистал, но обыски проводил тщательно, сверяя движения своих рук с одновременным контролем поведения обыскиваемого. И вот – очередной обыск. Я взял с собою в камеру 5 книг, одна из них – Данте. «Хозяин страна» долго осматривал именно эту книгу. Потом спросил: «Это у вас религиозная книга?». Я подтвердил искренне, не ожидая подвоха. Издана в СССР. Прапорщик отложил её в сторону со словами: «Религиозная литература здесь запрещена!»

Вот так пострадал после смерти великий Данте. Я вспомнил этот эпизод из своего прошлого, прочитав, что в сентябре 1321 года он ушёл к Всевышнему. 700 лет тому назад. Вспомнил и такое: в конце 60-х прошлого века в Москве благоденствовал советский писатель, классик социалистического реализма Анатолий Софронов. Был он верным ленинцем и брежневцем, книги его издавались огромными тиражами. В одной из книг этот малограмотный человек сообщил читателям о великой любви Данте к даме по имени Лаура. Не зная, что Лаура была литературной невестой бессмертного Петрарки. Тогда же самиздатовский остроумец откликнулся едкой сатирой, где высмеял советского классика. Ну и что, книги Софронова по-прежнему издавались безмерно.

* На руководящих постах в ГПУ УССР в 1929-1931 годах евреев было 38%, а в период Голодомора 1932-1933 годов евреи составляли 66,6% среди всех руководителей карательных органов республики. В 1936-м среди верхушки НКВД УССР из 79 человек евреев было ровно 60 (66,6%). В 1938-1939 годах были уничтожены почти все евреи, занимавшие ранее высокие посты в карательной системе Украины. <https://military.wikireading.ru/50572> (прим. ред.)

Валерий Скобло

Санкт-Петербург, Россия

Что это было? 1937 – «Дело ворон»

Курьезная эта история (если к событиям такого рода приложим термин "курьезные") началась в мае 1937 на территории Ленинградской области (Батецкий р-он входил тогда в Ленинградскую обл., теперь это - Новгородская). Итак, 23 июля 1937 г. 1-й зам. наркома внутренних дел СССР М.П. Фриновский посылает И.В. Сталину спецсообщение "О диверсионной деятельности германских спецслужб при помощи ворон" (Архив Президента РФ. Ф. 3. Оп. 58. Д. 253. Л. 141). Фриновский, собственно, переадресует Сталину сообщение А.М. Минаева от 20.07.1937. Вот это сообщение:

"20 июля 1937 г.

31 мая с.г. на Ладожском озере была убита ворона, на которой обнаружено кольцо за № Д-72291 с надписью "Германия".

Одновременно с этим вблизи дер. Русыня, Батецкого района, Ленинградской области, коршуном сбита ворона, на которой имелось кольцо за Д-70398 также с надписью "Германия".

Надо полагать, что немцы при помощи ворон исследуют направление ветров, с целью использования их в чисто диверсионных и бактериологических целях (поджог населенных пунктов, скIRD хлеба и т.п.).

Нач. 3 отдела ГУГБ НКВД СССР

Комиссар госбезопасности 3 ранга МИНАЕВ"

(Абзац насчет целей немцев отчеркнут на полях документа карандашом... видимо, генсеком).

Комиссар госбезопасности 3-го ранга это по армейским меркам - комкор. В сообщении Минаева есть одна неточность: он был на тот момент не нач. 3-го отд. ГУГБ НКВД, а всего лишь и.о., но... видимо, очень хотелось.

Немного подробнее о двух ключевых персонажах этой истории.

МИНАЕВ-ЦИКАНОВСКИЙ АЛЕКСАНДР МАТВЕЕВИЧ:

(02.1888, Одесса - 25.02.1939). Родился в семье служащего сахарного з-да. Еврей... Образование: домашнее... нач. УНКВД

Сталинградской обл. 15.07.36-07.04.37; зам. нач. 3 отд. ГУБ НКВД СССР 07.04.37-11.07.37; и.о. нач. 3 отд. ГУБ НКВД СССР 11.07.37-28.03.38; нач. 8 отд. 1 упр. НКВД СССР 28.03.38-10.07.38... Зам. наркома тяжелой пром-сти СССР 29.06.38-05.11.38. Арестован 06.11.38; приговорен ВКВС СССР 25.02.39 к ВМН. Расстрелян. Не реабилитирован.

ФРИНОВСКИЙ МИХАИЛ ПЕТРОВИЧ:

(14.01.1898, г. Наровчат Пензенской губ. - 08.02.1940). Родился в семье учителя гор. училища. Русский... Образование: духовное училище... 1-й класс Пензенской духовной семинарии... зам. наркома внутр. дел СССР 16.10.36-15.04.37; 1 зам. наркома внутр. дел СССР 15.04.37-08.09.38; нач. ГУБ НКВД СССР 15.04.37-28.03.38; нач. 1 упр. НКВД СССР 28.03.38- 08.09.38. Нарком Воен.-Мор. Флота СССР 08.09.38-06.04.39. Арестован 06.04.39; приговорен ВКВС СССР 04.02.40 к ВМН. Расстрелян. Не реабилитирован.

Фриновский - одна из ключевых фигур в событиях 1937-38 гг, первый зам. Н.И. Ежова.

Еврей пишет русскому, тот пересылает грузину - полный Интернационал... только дружбы народов в нем не получилось: и пары лет не прошло, как один уничтожил двух других. И вот этот третий вместо того, чтобы отдать полагающийся в таких обстоятельствах "кровавому диктатору" приказ насчет того, чтобы расстрелять бездельников из "органов", занимающихся... ну, хреновиной какой-то... или, на худой конец, - разогнать к чертям собачьим этих бесцельно просиживающих штаны недотеп, которые вместо того, чтобы отлавливать троцкистов, завербованных гестапо и роющих подземные ходы из Москвы в Индию, в прямом и переносном смысле "ворон считают" - отчеркивает "самый важный" абзац. Ведь можно, если не принять, то хотя бы в какой-то степени понять, как и почему диктатор может быть заинтересован в создании в стране атмосферы истерии и психоза, но он ведь должен хотя бы в какой-то степени держать этот процесс под контролем... и хотя бы самые высокопоставленные его чиновники тоже. Иначе теряется всякая устойчивость процессов управления.

Ведь как-то трудно предположить, что все трое ничего не слышали о массовом кольцевании птиц, которому к тому времени было без малого 40 лет, о том, что птицы, даже самые малые, "по ветру" не летают и направление ветров с их помощью никак не выяснишь, да и, главное, представить себе ворону с горящим фитильком или коробком спичек в лапках или, того чище, с пробиркой с чумными бациллами, летящую по указанному ей абвером маршруту «в чисто диверсионных и бактериологических целях (поджог населенных пунктов, скирд хлеба и т.п.)», - это какое же воображение надо иметь!? Возможно, Минаев со своим "домашним образованием" и Фриновский с "1-м классом

Пензенской духовной семинарии" что-то слышали про успешную диверсионную операцию княгини Ольги против древлян в Искоростене тоже не без помощи мелких пташек, голубей и воробьев, проведенную, - трудно сказать. Но все же Минаев мог бы в библиотеке проверить, что окольцованных орнитологами птиц с конца 19-го века именно так и метили: "На кольцах...: город или страна, серия (буква) и порядковый номер" (БСЭ, т. 12). А если не орнитологи, а немецкие спецслужбы окольцовывали ворон, то уж, раз написали на кольце (чтобы наши чекисты не ошиблись) "Германия" (кстати, интересно, на каком языке?), то и добавили бы - абвер... или по советским понятиям того времени - гестапо.

И не нужно думать, что история на этом закончилась: Сталин, мол, отчеркнул абзац и отправил спецсообщение в архив - нет, далее курьез вливается в русло совсем не смешных, а рядовых трагических событий тех времен. Вороны убиты и сбиты 31 мая, 20 июля Минаев пишет Фриновскому, тот пересылает спецсообщение о потенциальных поджигательницах скирд и переносчицах бактерий Сталину 23 июля, Сталин отчеркивает абзац и... 24 июля следует директива НКВД СССР о мерах предотвращения бактериологических диверсий:

"...Наряду с подготовкой бактериологической войны, посредством сбрасывания с самолетов бактериальных бомб, распыления бактерий с самолетов, распространения эпидемических заболеваний при помощи специальных летательных приборов и т.п. разведывательные органы генеральных штабов главное внимание обращают на организацию актов бактериальных диверсий и массовый террор, частью через специально засылаемую агентуру и в особенности через агентуру, вербуемую на месте в СССР..."

"Специально засылаемая агентура" и "специальные летательные приборы" - это, видимо, не в последнюю очередь, те самые злополучные вороны. Приказано начать аресты лиц "из числа иностранных подданных, бывших иностранцев, принявших советское гражданство, лиц, связанных с границей", и активных антисоветских элементов, работавших на водопроводных и бактериологических станциях, в научно-исследовательских институтах и лабораториях, занимающихся микробиологией.

Далее 29 августа следует циркуляр ГУГБ НКВД СССР "Об оперативных мероприятиях по борьбе с отравлениями и бактериологической диверсией в частях РККА". Предписывается дела об отравлениях красноармейцев вести "в особо ударном порядке, добиваясь обязательного вскрытия организаторов и активных участников отравлений - заговорщиков, шпионов, диверсантов", а также "решительно очистить и укрепить агентуру во всех звеньях пищевого блока и санитарной службы (продскладах, столовых, кухнях, пекарнях, лабораториях, аптеках, водокачках и т.п.)". Ну, "укрепить

агентуру во всех звеньях" - это всегда полезно, но, видимо, за полным отсутствием материала, пригодного для фабрикации дел, эта "бактериологическая" тема вскорости заглохла и не получила дальнейшего развития.

Если, конечно, не считать читанного всеми людьми пожилого возраста в детстве трехтомного (и небесталанного) романа Г.И. Матвеева "Тарантул", заканчивающегося разоблачением ленинградскими чекистами попытки фашистских агентов устроить в блокадном городе бактериологическую диверсию. Там в большой люстре, "немного выше центральной лампочки висела привязанная ниткой к патрону маленькая коробочка... Коробочку вскрыли со всеми предосторожностями. Внутри лежали хорошо упакованные небольшие пробирки с мутной жидкостью... в пробирках оказались бактерии...

От неожиданности подполковник даже встал.

- Так вот что они хотели сотворить!.. - сказал он... - Знаете, что мы предотвратили, товарищи? Эпидемию! В пробирках была культура какой-то болезни... бациллы. Совершенно ясно, что они хотели вызвать эпидемию в городе и тем самым сорвать наше наступление. Теперь понятно, зачем Савельев поступил на водопроводную станцию... Теперь стало все ясно!.."

Ну, это подполковникам в конце детективов всегда становится все ясно. А нам... Дело в том, что августовский этот циркуляр НКВД "О... борьбе с бактериологической диверсией..." - повторим, внутренний – не для прессы, даже в атмосфере психоза 1937 года несколько выходит "за рамки". Никаких данных не то, чтобы о подготовке к использованию, но даже и разработке немцами бактериологического оружия (БО) у НКВД быть не могло, поскольку немцы (и никакие другие страны, кроме Японии) таких разработок в те времена не вели.

Можно только догадываться (и косвенные свидетельства в пользу этого предположения существуют), почему в головах высокопоставленных чинов НКВД, вопреки всем разведанным, засела идея грядущей бактериологической войны. Дело в том, что в 1934 г. много шума наделала опубликованная английским журналистом Генри Уикхэмом Стидом (в русскоязычных источниках он именуется Уильямом Стидом, а иногда Стедом или Стадом и смешивается, видимо, с другим известным английским журналистом - погибшим в 1912 г. на "Британике" Уильямом Томасом Стидом) статья "Aerial warfare: secret German plans" в журнале "Nineteenth Century and After" /116 (1934), 1-15/. Эта статья повествовала (с приложением секретных немецких документов) о проведенной немецкими агентами в 1932 г. в вентиляционных шахтах парижского метро операции по распылению неболезнетворных микробов *B. prodigiosus* и дальнейшему отслеживанию их распространения и изучению воздушных потоков. Целью этой акции была, якобы, подготовка к применению в случае

войны реальных болезнетворных микроорганизмов - возбудителей эпидемических заболеваний.

Это была фальшивка от начала до конца, и специалисты поняли это сразу. Немецкие ученые, кстати, в самом начале 1930-х первые поняли неэффективность - во всех смыслах - применения БО (того, каким оно могло быть создано в соответствии с научно-техническими возможностями того времени) в военных (и предвоенных) условиях. Следует заметить, что доводы эти оказались убедительными и для пришедшего скоро к власти Гитлера. У нас нет, во всяком случае, никаких данных о попытках создания БО в Германии по крайней мере до 1943 г. Да и имеющиеся данные (большой частью по материалам Нюрнбергского процесса) относительно попыток фашистов форсировать создание БО в конце войны крайне отрывочны и противоречивы. Япония, действительно, создавшая и в ограниченных масштабах применившая БО, в конце концов, на собственном опыте убедилась в том, что овчинка не стоила выделки.

Но в СССР 1937 года "специалистов" уже вовсю ставили к стенке, а немногие выжившие сочли за лучшее не спорить с начальством, тем более, из НКВД. И все же... хотя безумие охватило всю страну, история с воронами-диверсантами выходит, как мне кажется, за все рамки. Можно десятки лет собирать и анализировать документы и воспоминания, строить на их основании всякие теории... и они вмиг рушатся все и разом от одного нового факта. Подбитые окольцованные вороны... диверсионная деятельность германских спецслужб при их посредстве... бывшие иностранцы и активные антисоветчики, работающие на водопроводе, поголовно подлежащие аресту... обязательное вскрытие "организаторов и активных участников" пищевых отравлений красноармейцев... Сталин, отчеркивающий абзац о воронах... - что это было "с родиной и с нами"?.. и, главное, так ли безвозвратно ушло в прошлое?

Часть 2. In memoriam

Орест Кипренский. Портрет А.Давыдова

Игорь Михалевич-Каплан

Нью-Йорк, США

Первый поэт второй эмиграции – Иван Елагин. К столетию со дня рождения

Давняя традиция отмечать юбилеи русских знаменитых писателей: со дня рождения или памяти со дня смерти-ухода в изгнании восходит к истории первой эмиграции: чтили Газданова, Набокова, Поплавского, Берберову, Яновского, Зайцева, Мережковского, Гиппиус, и многих, многих других. К этой когорте Великих принадлежали и два лауреата Нобелевских премий Иван Бунин и Иосиф Бродский. В этом году исполняется 100 лет со дня рождения большого русского поэта Второй волны эмиграции Ивана Елагина*, с которым я был знаком – судьба благоволила ко мне. Приехав в Зарубежье в 1979 году, я ещё застал и познакомился с некоторыми яркими представителями, в основном второй волны, в том числе и с Елагиным.

Вообще, в жизни мне везло – вырос я в культурной семье, в доме у нас бывали писатели, журналисты, люди науки, актёры, режиссёры. Например, лекции по литературе мне индивидуально читала мама подруга Евгения Семёновна Гинзбург (автор книги «Крутой маршрут», мать писателя Василия Аксёнова). Всё это было: круг интеллектуальной молодёжи, жаркие споры, капустники, студенческая среда, розыгрыши. Эти традиции перекочевали со мной и с выездом в эмиграцию, когда я попал сорок лет тому на постоянное место жительства в Филадельфию. Оглянувшись, осмотрелся, и взялся за старое: организовывал встречи, литературные концерты и живое общение с людьми, позднее открыл издательство и литературно-художественный журнал «Побережье». Что было – то было...

Мне всегда были интересны люди неординарные, оригинальные, необычные. Поэтому, когда представлялась какая-то возможность

познакомиться и пообщаться с этими людьми, я её не упустил. Так, в эмиграции, в поле моего зрения попал Иосиф Бродский, Наум Коржавин, Лев Лосев, Василий Аксёнов, Сергей Довлатов, Александр Генис, Борис Филиппов, Евгения Жиглевич, Валентина Синкевич, Татьяна Аист, Ираида Лёгкая... Этот список можно продолжать и продолжать... Но степень близости знакомства были разными: встречи, переписка, телефонные переговоры, смс сообщений по интернету, общие литературные проекты, издательские дела, славистские конференции, совместные писательские выступления и тому подобное.

Поэтому, когда в Зарубежье в этом году отмечают столетие со дня рождения поэта Ивана Елагина, я решил написать эссе-воспоминание о поэте, с которым встречался и печатал его переводы в журнале «Побережье». Кое-какие интересные детали общения с ним мне запомнились, а кое-что было отмечено в записных книжках (на память я не всегда полагаюсь). Поэтому часть дат я могу привести с точностью, так как они были зафиксированы.

В начале июня 1984 года состоялся творческий вечер поэтов альманаха «Встречи» в Вашингтоне. С чтением стихов выступили поэты Иван Елагин, Борис Филиппов, Виктор Урин, Нонна Белавина, Александр Рязановский, Валентина Синкевич, Татьяна Фисенко, Михаил Крепс и другие. Участвовал в этом мероприятии и ваш покорный слуга. Встреча проходила в пресвитерианской церкви. А девятого июня об этом доброжелательно написала главная эмигрантская газета Зарубежья того времени «Новое русское слово».

Издание отметило: «Заключительным аккордом вечера явилось выступление поэта Ивана Елагина. Он прочитал несколько стихотворений – одно прекраснее другого. И по просьбе публики ещё одно, написанное давно, можно сказать, ставшее уже классикой – «Мне незнакома горечь ностальгии...».

Мне незнакома горечь ностальгии.
Мне нравится чужая сторона.
Из всей – давно оставленной – России
Мне не хватает русского окна.

Оно мне вспоминается доньне,
Когда в душе становится темно –
Окно с большим крестом посередине,
Вечернее горящее окно.

Вот там, в Вашингтоне, я впервые увидел и познакомился с Иваном Елагиным. Он отнёсся тогда ко мне довольно благосклонно. Сказал, что читал мои стихи во «Встречах». Он знал, что я с Украины, работал в Киеве в Союзе Писателей (сам он был киевлянином, очень любил этот город). Иван Елагин интересовался писательскими шутками-прибаутками, побасёнками. Смеялся моим рассказням. Он хорошо выглядел: красивое лицо, высокий лоб, необычно большие глаза.

Вскоре, в том же году, 4 ноября, мы встретились ещё раз в собрании Литературного фонда, и уже в Нью-Йорке. Состав выступающих был почти тот же, но ещё дополнительно помню Владимира Шаталова, Елену Ключеву, Павла Бабича. Творческая встреча проходила в помещении нью-йоркского Св. Серафимовского фонда. На этот вечер приехала первая жена Елагина, Ольга Анстей (настоящее имя Ольга Николаевна Штейнберг 1912, Киев – 1985, Нью-Йорк) – русская и украинская поэтесса и переводчица «второй волны» эмиграции. Она была в госпитальной коляске. Я мог её рассмотреть, так как сидел недалеко: умное, спокойное выражение лица, но чувствовалась усталость и болезненность.

Иван Елагин читал своё знаменитое стихотворение:

На пустыре, забором огороженном,
Землечерпалки роют котлован.
А я хожу каким-то растревоженным,
Наверно люди думают, что пьян.

Уже закладка началась фундамента,
Подвоз цемента, балок, кирпича,
А я иду по улице, беспамятно

Какие-то обрывки бормоча.

А в центре пустыря начальство высшее
Стоит, над чертежами ворожа,
А вот для моего четверостишия
Никто мне не покажет чертежа.

Глядишь – и над цементною площадкою
Воздвигнут металлический каркас,
А у меня слова такие шаткие,
А стойких слов я в жизни не припас,

А у меня слова такие ломкие,
Что я не знаю, как их убережь.
Эпохи ветер налетает комкая
Мою невразумительную речь.

Что будет в этом здании? Кузнечные
Цеха, или музей, или вокзал?
Векам на зависть балки поперечные
С продольными строителъ увязал.

А я хочу, чтоб было долговечнее
То слово, что я шёпотом сказал...

Стихотворение было опубликовано: Иван Елагин, «Собрание сочинений в 2-х томах» (М.: «Согласие», 1998) под редакцией Евгения Витковского.

Была ещё одна довольно интересная встреча – обед в доме Валентины Синкевич, где мы были втроем: она, я и Иван Елагин. На следующий день Елагин должен был сольно выступить в местном клубе. Валентина Алексеевна приготовила свою традиционную запечённую в духовке курицу, картошку и салат. Я привёз соленья из русского магазина, в общем был «пир на весь мир». Мы вели довольно оживлённую и весёлую беседу, говорили о литературе, изданиях, друзьях... И вот наступил момент, когда Валентина Алексеевна должна была сказать Ивану Елагину немного неудобную новость. Встречу с ним организовал поэт-графоман, некий, назовём его С., который поставил условием, что перед выступлением нашего гостя прочитает четыре-пять своих стихотворений в его честь. Валентина Алексеевна осторожно преподнесла это Елагину. Он очень спокойно выслушал эту новость, улыбнулся и ответил категорическим отказом. Уговаривать было бесполезно и неловко. Мы же с Валентиной Алексеевной на

следующий день на вечере выступили вместо нашего гостя, и как говорится, «отдувались» по полной программе, читали и стихи Елагина, хотя это и не принято делать. Вот такая была история. Думаю, что он был прав, во всяком случае, это было его право.

Были ещё встречи, но ничего такого особенного, кроме общих разговоров, я уже не помню. Единственное, что особенно всё-таки запомнилось – жадные расспросы о Киеве – уж очень он любил этот город. Его связывали с этим местом творчество и молодость. И мне это было приятно, потому что моя мама была до войны киевлянкой, а потом мы переехали жить во Львов.

А вот отрывок из статьи Валентины Синкевич об одной интересной истории, связанной с Иваном Елагиным:

«Умиравший от неизлечимого рака (поджелудочная железа) Елагин с дочерью Лилей, ухаживавшей за больным, нуждался в спокойном помещении на время между лечебными процедурами, проходившими в филадельфийской больнице. (Денег на отели у семьи не было.) Шаталов сразу же предложил свой дом. Там, слушая тихо игравшую классическую музыку и любуясь шаталовским портретом Гоголя, который он попросил поставить на мольберт у своей постели, умиравший поэт провёл много дней. Накануне возвращения домой в Питтсбург он написал своё последнее стихотворение. Может быть, оно не самое лучшее елагинское стихотворение. Но, бодрое по духу, оно было написано, когда Ивану Елагину невероятно тяжело было думать, писать и жить. Вот оно:

ГОГОЛЬ

Владимиру Шаталову

Пока что не было и нет
Похожего, подобного,
Вот этот Гоголя портрет –
Он и плита надгробная.

Портрет, что Гоголю под стать,
Он – Гоголева исповедь,
Его в душе воссоздавать
А не в музее выставить,

Его не только теплота
Высокой кисти трогала,
Но угнездились в нем места
Из переписки Гоголя.

И Гоголь тут – такой как есть,
Извечный Гоголь, подлинный,
Как птица, насторожен весь,
Как птица, весь нахохленный.

И это Гоголь наших бед,
За ним толпятся избы ведь!
О Русь, какой ты дашь ответ
На Гоголеву исповедь?

Иль у тебя ответа нет,
Кто грешник, а кто праведник
Есть только Гоголя портрет.
Он и портрет, и памятник.

Перед посадкой на самолёт из Филадельфии в Питтсбург, Иван Елагин сказал Владимиру Шаталову слабым, еле слышным голосом: «Я рад, что кончаю жизнь не плачем о себе, а стихотворением о Гоголе».

Как-то у меня зашёл разговор с художником Владимиром Шаталовым о Иване Елагине, и он мне принёс и подарил копию-фотопортрет оригинала картины, где написано: «В Шаталов. 1984. Дарственная подпись и дата: вресень 1999». Из архива Игоря Михалевича-Каплана.

Хочется к его столетию со дня рождения, хотя бы коротко остановиться на некоторых фактах биографии. Иван Венедиктович Елагин (1 декабря 1918, Владивосток – 8 февраля 1987, Питтсбург, штат Пенсильвания, США). Знаменитый русский поэт второй волны эмиграции. Елагин – псевдоним, настоящая фамилия Матвеев. Его дед Николай – поэт, журналист, прозаик, издатель, редактор, известный в литературных кругах под псевдонимом Амурский. Отец Ивана Венедикт Матвеев (творческий псевдоним Венедикт Март), был поэтом-футуристом. Мать, Сима Лесохина, была фельдшером.

Дальше идёт довольно пёстрая и яркая биография. После 1918 года семья Матвеевых переехала жить в Киев. В скором времени родители Елагина разошлись, мальчик остался с отцом, вместе с которым в 1919 году переехал в Харбин. Спустя некоторое время они вернулись и поселились в одном из подмосковных городков. Вместе с отцом Иван прожил недолго – отца арестовали и отправили в ссылку в Саратов. Елагин попал в круг беспризорников. Скитаясь, он наконец снова встретился с отцом. На Украине отец пытался продолжать свою творческую деятельность, но в 1937 году был опять арестован, осуждён и казнён.

После смерти отца Иван остался в Киеве, женился на поэтессе Ольге Анстей и начал литературную деятельность. Ему всячески

помогал близкий друг его отца, знаменитый украинский поэт Максим Рыльский.

В начале Великой Отечественной войны Иван Елагин не эвакуировался и находился на оккупированной территории, что было опасно, поскольку его мать была еврейкой. Уже в конце 1943 года Иван Елагин с супругой, оказавшись среди «перемещённых лиц», перебрались в Чехословакию, Польшу, а затем в Германию. Окончание войны застало их в лагере под Мюнхеном. В 1945 году у них родилась дочь, которую назвали Еленой. Позднее девочка пополнила ряды поэтов семейства Матвеевых, с пяти лет начав писать стихи. Будучи в Германии, Елагин, издал в Мюнхене свои первые сборники стихотворений: «По дороге оттуда», 1947 и «Ты, моё столетие», 1948. Иван Бунин, который получил в подарок оба первых сборника Елагина, по достоинству оценил талант поэта.

Прибыв в Америку, Матвеевы сразу же официально развелись, но их дружеская и творческая связь сохранилась до конца жизни. Дальнейшая судьба этих одарённых, талантливых людей была более - менее, можно сказать, благополучной. Следует отметить, что обустроиться в Штатах Елагину было намного труднее, чем Анстей, которая была филологом, владела европейскими языками, устроилась работать в отдел перевода при ООН. В Америке Елагин опубликовал свои главные книги. Сборник «Тяжёлые звезды» (Tenafly, NJ, «Эрмитаж», 1986). Скорейшему выпуску сборника помогали друзья Елагина, желавшие порадовать уже умирающего поэта. А в начале 1987 года, сразу же после его смерти, вышел сборник «Курган», Франкфурт-на-Майне, в который были включены выбранные самим Елагиным стихотворения о годах террора.

В Америке Ивану Елагину пришлось пройти знакомый эмигрантский путь «перемещённого лица». Он работал в ресторане, затем рабочим на фабрике, и только позже в отделе объявлений газеты «Новое русское слово». В 1970 году Иван Елагин защитил докторскую диссертацию и начал работать в Питтсбургском университете, где преподавал русскую литературу.

Иван Елагин умер на 68 году жизни от тяжёлой болезни – рака поджелудочной железы. Он мужественно выдерживал смертельную болезнь. Последним произведением поэта стало стихотворение «Гоголь», посвящённое филадельфийскому художнику Владимиру Шаталову, написавшему портрет великого русского писателя. Стихи Елагина начали печататься в России уже после его смерти: в «Новом мире», «Неве», «Огоньке» и других изданиях.

Как писал сам Иван Елагин:

Полетать мне по свету осколком,
Нагуляться мне по миру власть

Перед тем, как на русскую полку
Мне когда-нибудь звёздно упасть.

У меня сохранились несколько писем из архива Эдуарда Штейна.
Это письма Ивана Елагина, адресованные к нему.

Составитель подборки Игорь Михалевич-Каплан.

Печатается из архива Эдуарда Штейна с разрешения Ольги Штейн.

Письма Ивана Елагина к Эдуарду Штейну
Письмо 1

Дорогой Эдуард!

Я говорил о Бетаки – можно устроить его выступление во второй половине февраля. Кстати, в русском клубе есть интерес к Вашей персоне. Меня спросили – «а если Бетаки приедет со Штейном, можно задавать вопросы Штейну» (вероятно, Ваше шахматное творчество повинно в Вашей известности). Я взял на себя смелость и сказал: «Да». Обещают \$ 100, а м. б. и больше за выступление Бетаки.

Одновременно высылаю Вам последний свободный экземпляр «Тело Джона Брауна» (цените!) и «В зале вселенной», которых у меня очень мало.

Сейчас я написал большую вещь и там есть [...] строчек, связанных с шахматами.

Всех благ в Наступающем Новом Году!

Ваш Иван Елагин.

18 декабря, 1982. [Дата на конверте].

Письмо 2

Дорогой Штейн!

Спасибо за письмо. «Нового Колокола» не видел. Заранее могу сказать, что дело «зряшное». Нельзя жить чужим пафосом. Человек 70-х годов 20 века ничего не создаст пафосом Герцена. Надо создавать своё. А если своего нет, то лучше стать обывателем, чем повторять чужие зады. Большевики сильны пафосом прошлого, но они реакционеры, охранители. А новые эмигранты претендуют на революционность, идут по чужим следам. Думаю, что секрет прост: богатые дяди дают деньги на «Колокол» и Герцена, потому что представляют Россию по учебникам кабинетных мудрецов с устаревшей схемой. Впрочем, говорить об этом лишнее, дяди через несколько номеров перестанут давать деньги и колокол замолкнет.

О Фишере и Спасском судить не могу и думаю, что Фишер явление очень значительное.

Буду благодарен, если Вы пришлёте мне стихотворение «Шахматисты» Лозины Лозинского, я его не знаю.

Жму руки.

И. Елагин 12 июня, 1972. [Дата на конверте].

Отдельных слов заслуживает Елагин как переводчик. Он успешно переводил для литературных изданий, в число которых вошли журнал «Диалог – США» и газета «Новое русское слово». Для получения докторской степени Елагин сделал перевод поэмы Стивена Винсента Бене «Тело Джона Брауна».

Переводы ИВАНА ЕЛАГИНА

ПОЛЬ ВЕРЛЕН (Paul-Marie Verlaine, 1844-1896)

Из французской поэзии

Небеса над крышей

Синева. Покой.

Дерево над крышей

Шелестит листвою.

Благовест я слышу

Мирный вдалеке.

Жалобу я слышу

Птицы на сучке.

Боже мой, кругом он

Мир спокойный Твой.

Безмятежный гомон

Жизни городской.

Что же ты наделал,

Плачь теперь о ней,

Что ж ты с нею сделал,

С юностью своей.

Переводы с английского

МАРИАННА МУР (1887 – 1972)

ЛИЦО

Нет, не ветрена я, не свирепа,
не надменна и не язвительна,
не ревнива, не суеверна, и не полностью отвратительна.
Изучаешь, и все изучаешь лица выраженья,
но, с отчаянья и раздраженья,
хоть в тупик не зашла,
а разбила бы все зеркала!

А ведь только к порядку любовь,
только пыл с простотою без грима,
при пытливом вниманье в лице —
вот и все, что необходимо!
Есть немногие лица — одно или два, — иль одно,
то, что памятью закреплено, —
что должны для души и для взгляда
оставаться отрадой!

МОЛЧАНИЕ

Отец мой говорил: "Большие люди
всегда приходят в гости ненадолго",
и потому нет надобности им
показывать лонгфеллову могилу
иль Харварда стеклянные цветы.
Они уверены в себе, как кошка,
добычу уносящая свою
в укромный уголок; а хвост мышиный,
как обувной шнурок, висит из пасти.
Порою одиночество им любо.
Порою, речью восхитясь, они
лишиться могут сами дара речи.
Глубоким чувствам свойственно молчанье.
Нет, не молчанье, сдержанность скорее.
Он не кривил душою, говоря —
"Ко мне домой входите, как в трактир!"
Трактиры не являются жильём.

ЭДУАРД ФИЛД (1924 -)

НЬЮ-ЙОРК

Я живу в прекрасном месте, в городе —
люди приходят в изумление,

когда им говоришь, что ты там живёшь.
Люди говорят о наркоманах, нападениях, грязи, шуме,
полностью забывая о самом главном.

Я говорю им, что ад — там, где они живут,
в краю замороженных людей.
Они никогда не думают о людях.

Дом мой, я изумлён тем, что меня окружает,
это тоже одна из форм природы,
как те парадизы из деревьев и трав,

но это человеческий рай,
населённый преимущественно нами, людьми, —
хотя благодарение Богу
за собак, кошек, воробьёв и тараканов.

Это вертикальное место столь же не случайно,
как Гималаи.
Городу нужны все эти высокие дома,
чтобы вместить туда гигантскую энергию.
Ландшафт гармонически распределяется.
Знаем ли мы об этом или нет,
но мы выполняем Божью волю —
где я живу — улицы впадают в реку из солнечных лучей.

Ни в одном месте страны — люди
так не показывают, что они чувствуют:
мы ни в чем не притворяемся.
Посмотрите, как ньюйоркцы
идут по улице. Их походка говорит:
мне все равно. Надо иметь немало нахальства,
чтобы, не стесняясь, жить своей мечтой,
своим кошмаром.
Но никому нет дела, никто не смотрит!

ЮДЖИН ФИЛД (1850-1895)

КОГДА ГОД СТАРЕЕТ

Когда приходят зимы
И старятся года,
О как невыносимы
Ей были холода.

И ласточек, бывало,
Следит она полет,
И тяжело вздохнувши
От окон отойдёт.

Когда ж ложился ломко
На землю бурый лист,
И слышен в дымоходе
Тоскливый ветра свист,

Так озиралась дико,
Что лучше б не смотреть,
Испуганная птица,
Попавшаяся в сеть!

О прелесть голых веток,
Что сплошь в снегу ночном
Касаются друг друга
И ходят ходуном!

Но шум огня в камине,
Но шубы теплый мех,
Ее душе казались
Прекрасней веток всех.

Когда приходят зимы
И старятся года,
О как невыносимы
Ей были холода.

RECUERDO

Мы были очень усталые, нам было очень приятно —
Мы целую ночь на пароме катались туда и обратно.
Было светло и голо, и пахло, как пахнет в конюшне —
Но мы над столом склонялись,
в огонь мы смотрели дружно,
Лежали под лунным светом высоко на косогоре...
А свистки над водой раздавались, и стало светать уже вскоре.

Мы были очень усталые, нам было очень приятно —
Мы целую ночь на пароме катались туда и обратно.
Ты закусывал яблоком, я — грушей жёлтой и сладкой,

Мы по дороге где-то купили их два десятка.
А небо серело, и ветра ворвалась струя ледяная.
А солнце — ведёрко с золотом — всходило, капли роняя.

Мы были очень усталые, нам было очень приятно —
Мы целую ночь на пароме катались туда и обратно.
«Доброе утро, мамаша!» — мы сказали старухе в шали.
Утреннюю газету мы купили, но не читали.
Взяв груши, она всплакнула: «Господь сохрани вас, детки!»
И мы все деньги отдали ей, зажав на метро по монетке.

АРЧИБАЛД МАК-ЛИШ (1892-1982)

АМЕРИКАНСКОЕ ПИСЬМО

Вот, вот она — наша страна, вот — наш народ...
Вот она — ни страна, ни раса. Здесь должны мы собрать
Урожай для души, пожиная ветер в траве:
Здесь должны мы есть нашу соль, не то наши кости зачахнут.
Здесь нам жить, если стать не хотим мы тенями.
Это наш род, хоть без роду и племени мы, хотя
Не окружают нас древние стены и голоса.
Вот она — наша страна, древняя наша земля,
Почва сырая, пришлые люди, смешенье кровей,
Ветер, чужие глаза, переменчивость сердца.
Этого мы не оставим, хотя старики нас зовут.
Это — наша страна и земля, наша кровь, наша плоть.

ДОПОЗДНА В ПОСТЕЛИ

Ах, если бы хорошую жену!
Подолгу б в тёплой нежиться постели
(её теплом согретой) как струну
звнящую, жизнь ощущая в теле.
К её шагам внизу прислушаться порой,
когда она метёт сосновый пол метлой.
Вот стукнула окном на солнечный восход,
вот открывает — вот закрыла краны,
вот блюдцем брякнула, вот в чашку кофе льёт...

Лежать, вдыхая кофе запах пряный,
не думать ни о чем, а время пусть идёт...

То там, то тут её шаги,

там, где она тебя поцеловала — ещё болит твой рот.
Ты помнишь на краю постели блеск ноги,
потом с одеждой началась возня...

Лежишь и слушаешь — она снуёт как тень,
свой дом для нового приготовляя дня,
и для своей любви готовит новый день...

А ты лежишь,
ты ни о чем не думаешь,
глядишь на небо...

«НЕИСТОВЫЙ ГРЕШНЫЙ СТАРИК»

Любить, когда любовь уж не под стать годам!
Таков удел и мой, и Ейтса, и всех нас.
Но хорохорится стареющий Адам
И непристойный пыл выносит напоказ.

И все же в сумерках, в кустарнике сухом,
Где птица птицу кличет (о услышь
Крик горлинки!) — Есть что-то в крике том,
Чего веки ты ничем не утолишь.

Вот завершился день, и время ветру спать,
И ветер ни веткой, ни листвою не шелохнул —
И все ж какая-то грохочет в море страсть,
Грохочет без конца!
(О слушай моря гул!)
Быть старым для любви — и все ж хотеть... Чего?
Ещё польстить себе и снова доказать,
Что зверь ещё силен, что плоть жива его,
На пульсе стук копыт почувствовать опять?

Иль все-таки есть то, о чем и птичий крик,
И вечный моря гул, и похоть старика?
Все знают, но ничей не выразит язык.
Бывает ли любовь,
Которую никак

Ничем не завершить? И понимает тот,
Кто страсть знавал, — что страсть веки не поймёт?
За невозможностью погнавшись, ни на миг
Не забывать о ней — вот твой триумф, старик?

ДЕНИЗ ЛЕВЕРТОВ (1923-1997)

ТРЕТЬЕ ИЗМЕРЕНИЕ

Кто мне поверит,
если скажу я: «Меня
взяли и вскрыли
от скальпа до паха,
а я осталась живой,
брожу, наслаждаюсь
солнцем и щедростью
всею земною». Быть честной
не так уже просто:
честность простая
ни что иное как ложь.
Разве деревья
в листе своей,
ветер упрятав,
не говорят шепотком?
Так измерение третье
прячет себя самое.
Если дорожный рабочий
камни ломает,
то камни есть камни.
Но любовь
ломая, вскрывает меня,
и живу я,
чтоб вымысел мой рассказать,
но не точно:
слова
все изменяют. Так пусть это будет
- под ласковым солнцем -
вымыслом только,
пока я дышу
и поступь меняю мою.

СТЕНЛИ КУНИЦ (1905-2006)

ПОДСЧЁТ

Хвастливо начертал я на моей стене:
Любви, Имущества и Платы сторонись!
Всё ж в годы юности они достались мне

Почти что за гроши - ценою ста страниц!

И вот я в зрелости без приводных ремней,
Разбиты и потеряны трофеи.
Я лозунг мой опять пишу на стыке дней:
Изменчивость – Пускай, любой ценой, черт с нею!

Поэтические переводы были переданы автору статьи вдовой поэта Ириной Ивановной Матвеевой, которой Игорь Михалевич-Каплан выражает благодарность за предоставленные материалы. В 2020 году Еленой Ивановной Матвеевой, дочерью поэта, внесены некоторые уточнения.

* Статья написана в 2018 году, к столетию со дня рождения Ивана Елагина (1918-1987). По просьбе редакции, автор специально отредактировал и дополнил статью для публикации в ЧАЙКЕ и в Альманахе ЧАЙКА за 2021 год.

Часть 3. Политика

Орест Кипренский. Читатели газет в Неаполе

Владимир Фрумкин

Вирджиния, США

Отмена здравого смысла: как это начиналось. Заметки очевидца (части 1 и 2)

Заметки очевидца ... в которых я оглядываюсь назад и всматриваюсь в первые признаки шторма, сотрясающего сегодня наш американский дом, еще вчера казавшийся неуязвимым, незыблемым, вечным. Признаки, свидетелем которых я стал с середины 70-х годов прошлого века, но смысл и значение которых начинают доходить до меня только сейчас.

Часть 1. Вместо предисловия

Года через два после нашего с Лидой прыжка через океан я почувствовал себя в этой стране, как рыба в воде. Которой повезло очутиться в самом лучшем море на планете. «Счастливчик! — пела душа. — Ты проживешь вторую половину жизни в разумном мире, управляемом не идеологией, а здравым смыслом. В мире, где нет навязанного единомыслия, нет политических репрессий, унижительного страха, цензуры, оглушительной государственной демагогии и отвратительного вранья».

Я категорически не верил, что эти и подобные им прелести могут произрасти на американской почве. Дурные предчувствия не проникали в мою голову, опьяненную воздухом обретенной свободы и общением с юными американцами, в гущу которых я попал почти сразу же после приезда. Что может грозить Америке, флагману свободного мира, прекрасно оснащенному и мощному кораблю? Наш корабль непотопляем. Он справится с любыми напастями, преодолет любую непогоду. Не зря отцы-основатели Америки заложили в него чудодейственный защитный механизм — сдержки и противовесы.

И что мы видим сегодня? Корабль качает, трясет, он сильно накренился на левый борт. Реакция пассажиров? Судя по недавним опросам, многим из них этот крен нравится. Социализм, говорят они, лучше капитализма. Справедливее, надежнее, щедрее. Среди молодых респондентов (от 18 до 34 лет) процент любителей социализма перевалил за половину. А тряска и качка из-за чего? Очень просто: из-за определенного контингента пассажиров, за которым тянется длинный шлейф пороков и преступлений. И рабство пошло от них, и колониализм, и войны, и угнетение, и расизм, пропитавший все, что создано их разумом и руками. От биологии и математики до музыки и литературы. Даже сеть американских автомагистралей не свободна от этого зла: скоростные дороги проложили поближе к районам, где проживают расовые меньшинства! Чтобы уберечь от выхлопных газов белое население...

Моя реакция на этот бред и то невероятное, что происходит сегодня с моей второй родиной? Вначале был шок. Растерянность. Слишком уж неожиданно и быстро распался мир, казавшийся разумным и незабываемым. Потом явилась мысль, что внезапность эта — кажущаяся. Что кризис, разразившийся летом 2020 года, эти летящие с пьедесталов памятники, горящие городские кварталы, убийства, грабежи, эти демонстративные вставания на колени, гневные обвинения и истошные покаяния — что эта бомба, разорвавшаяся сегодня, наполнялась взрывчаткой постепенно, исподволь. Неужто я проморгал что-то важное, не распознал симптомов зарождающейся болезни, не услышал тревожных сигналов? Да нет же! И симптомы видел, и сигналы слышал — они возникли за шесть лет до моего появления в Америке, во время «молодежной революции» 1968 года. Но — не достало у меня ума и прозорливости, чтобы узреть потенциальную опасность странных диссонансов, чуждых фундаментальным американским ценностям. Они царапали мой слух, но серьезного беспокойства не вызывали. В конце концов, — нашептывал мне мой внутренний голос, — даже самая прекрасная музыка не обходится без диссонансов. Есть они и в прекрасной Америке. Как же без них? Нерешенные проблемы, противоречия, контрасты света и тени — это нормально. Все это есть в любом здоровом, свободном и разумно организованном обществе. Оно справится со своими проблемами, иначе быть не может.

Я был неправ. Замеченные мной проблемы не только не решены: они усугубились. Заострились до опасного предела. И я решил снова взглянуть на то, что удивляло меня и тревожило в прежней Америке, но на сей раз — более пристально. И непременно через призму сегодняшнего дня. Для чего? Чтобы лучше понять, как назревала, как складывалась буря, разгулявшаяся нынче на наших просторах. Это, в

свою очередь, поможет осознать степень ее опасности для нашего терпящего бедствие корабля.

Часть 2. Хотели как лучше...

Черно-белая проблема Америки заинтриговала меня всерьез с того момента, когда она коснулась непосредственно меня. Случилось это через полтора месяца после прибытия в эту страну. Приезжаю в Оберлинский колледж, где неожиданно открылась вакансия на скромную должность директора Русского дома — общежития для студентов, изучающих русский язык. Под конец интенсивных двухдневных «смотрин» декан сообщает мне, что я им подхожу по всем параметрам и на работу принят. “Tentatively”, — добавил он после маленькой паузы. То есть, ориентировочно, условно.

Потому как если до истечения срока подачи заявлений у меня появится чернокожий соперник или соперница, должность достанется ему или ей — в соответствии с федеральным законом под названием Affirmative action. На русской кафедре мне объяснили, что в переводе это значит «Утвердительное действие» или, если ближе к сути, — «Положительная дискриминация». Надо же! Век живи, век учишь.

Выходит, что я, обоженный советским опытом, ошибался, считая, что дискриминация есть действие сугубо отрицательное! Всегда и везде. И подлое к тому же, ибо все эти омерзительные и постыдные процентные нормы, и квоты от публики скрывались: государственная тайна! И вот оказывается здесь, в приютившей меня великой стране, ее используют во благо! Для помощи тем, кому не повезло, кто страдал от несправедливости в прошлом и сегодня заслуживает особой заботы и специальных льгот.

Через короткое время зерна положительной дискриминации, посеянные президентом Линдоном Джонсоном в середине 1960-х, дадут, мягко говоря, весьма сомнительные всходы. Лично на мне этот закон не отразился, новых претендентов не оказалось, так что в августе 1974 года мы с моей женой Лидой благополучно въехали в скромную директорскую квартиру на первом этаже старинного кирпичного особняка с вывеской над входом: РУССКИЙ ДОМ.

Прямо напротив нашего общежития располагался Немецкий дом, чуть подальше — Испанский и Еврейский (Hebrew House), еще дальше — Французский и Азиатский. В каждом из них жили студенты разных рас и этносов. Объединяло их лишь одно: избранный ими иностранный язык. Был у нас и Африканский дом, самое крупное из так называемых «программных» общежитий.

В нем могли разместиться 66 студентов, которые, как сказано в информационном листке, «хотят углубить свое понимание культур, традиций и проблем африканских, афроамериканских и афрокарибских обществ». Население этого общежития было гомогенным: оно состояло из афроамериканцев и чернокожих студентов из других стран. Как видно, там бывали свободные места. Знаю об этом потому, что активисты из Африканского дома едва не переманили к себе студентку из моего общежития. Валери Б., «Валя», миловидная и стройная, с большими лучистыми глазами, изучала русский язык и обладала чистым, приятного тембра сопрано.

Быстро освоила песни Окуджавы и Новеллы Матвеевой, и я включил ее в состав женского трио, которое, под мой скромный гитарный аккомпанемент, выступало с бардовским репертуаром как в Оберлине, так и за его пределами.

Соплеменникам Валери из Африканского дома все это крайне не понравилось. Русский дом? Русский язык? Русские песни? Чужая, белая культура! Нечего тебе там делать. А ну, давай, переселяйся из русского в африканский дом! И поскорее! Рассказывая мне об этом, Валери плакала навзрыд. Из ее лучистых глаз катились слезы. Спросила моего совета: как поступить? Поддаться или не поддаться? «Подумай как следует и решай сама», был мой ответ. «Подумала, — сказала она через несколько дней. — Никуда я отсюда не уйду».

Что ж, девушка с характером. Устояла перед давлением активистов и требованием новой моды, смысл которой был таким: прощай, интеграция; здравствуй, сегрегация!

В студенческих кафетериях нашего кампуса чернокожие студенты садились за отдельные столы, не желая смешиваться с белыми или

азиатами. Между тем, белые студенты, как ни в чем не бывало, пользовались любым случаем, чтобы выразить сочувствие и поддержку своим чернокожим братьям. Приходили в Африканский дом, когда там устраивались обсуждения расовых проблем. И уходили сконфуженные: непрошенных гостей заворачивали обратно со словами «Спасибо, обойдемся без вас». Выглядело это, мягко говоря, не очень хорошо. Можно даже сказать — некрасиво. Но открыто не осуждалось никем. Ни администрацией, ни студенческим сообществом. Хотят отмежеваться, отгородиться от своих соучеников с другим цветом кожи — их дело, их право.

С годами это желание обособиться породило удивительный по своей причудливости плод: отдельные выпускные церемонии. Черным студентам начали вручать дипломы на особом, отдельном торжестве. 21 мая 2019 года газета Washington Examiner отметила, что к этой неслыханной практике перешли уже более 75-ти вузов страны. Добавив, что Национальная ассоциация ученых назвала отдельные выпускные церемонии примером «новой сегрегации» в университетских городках. «В докладе — читаем далее — четко указывается, что «неосегрегация является питательной средой расовых конфликтов в американском обществе. Она прививает молодым людям готовность цепляться за идентичность жертвы — вместо стремления стать позитивным членом более широкого сообщества. Нет сомнения, что происходящее в нашем обществе разжигание расового недовольства в значительной мере является тщательно продуманным продуктом неосегрегации в студенческой среде». <https://www.washingtonexaminer.com/red-alert-politics-more-than-75-colle...>

Ну а как на все это реагирует американское общество? Оно растеряно и подавлено. Сколько сил и жизней было положено, чтобы отменить, а затем преодолеть последствия рабства! Какие замечательные законы были приняты, чтобы потомки рабов имели все положенные американцам гражданские права! К законам о правах добавились специальные привилегии и льготы в рамках программы президента Линкольна Джонсона «Великое общество», начатой в 1964 году.

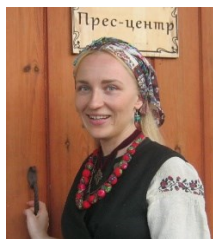
И продолженной тем самым законом о «положительной дискриминации», с которым я столкнулся, едва очутившись в Америке. Что и говорить: за последние полвека в жизни афроамериканцев произошли заметные улучшения. У них появился свой средний класс, появились успешные бизнесмены и богатые, преуспевающие люди. Миллионеры и миллиардеры. Безработица (к 2020 году) сократилась до рекордного уровня. И на тебе: с одной стороны неоспоримый прогресс, с другой — добровольная сегрегация, представление о себе как о жертве «системного расизма», эскалация недовольства,

завершившаяся колоссальным взрывом насилия, прокатившегося летом 2020 года по двум сотням американских городов.

Чем было вызвано это резкое повышение расовой температуры, эта неуправляемая радикализация большей части черного населения, особенно молодежи? По-видимому, главной причиной этого послужило чувство разочарования. Им, как и многим другим американцам, стало очевидно, что законы о гражданских правах, пособия и льготы не дали ожидаемых результатов, не решили всех проблем цветного населения. К тому же некоторые из этих благ обернулись злом — оказались тем лекарством, которое чревато тяжелыми побочными эффектами. Более всего отличилась в этом смысле программа денежной помощи матерям-одиночкам. Таящиеся в ней опасности открылись чиновнику Министерства труда, будущему сенатору-демократу Патрику Мойнихэму, уже в 1965 году, на следующий год после ее внедрения...

Даша Кашина

Киев, Украина

«Тревожный чемоданчик». Сегодня в Украине

Теперь его советуют иметь в каждом украинском доме. Главное – паспорта, наличные, лекарства, – говорят друзья.
- А не лучше ли сразу в аэропорт? – подсказывают другие и напоминают.

- Не забудьте корм животным.

- Ой, да! Это и забыли. Мы – с котом.

- А мама?

- Мама не едет. Она сказала – будет сохранять свой дом в Одессе. И воевать.

Я привела в пример вчерашние разговоры знакомых, а они еще не знали, что в эти часы, 4 февраля 2022 года, «Bloomberg» сообщил о вторжении россиян в Украину. Сообщение было быстро убрано с сайта. А причина для сообщения была. В этот день планировались провокации в Донбассе и на Восточной Украине. И широкомасштабный показ жертв, мстить за которые пойдет армия Российской Федерации. «А не будет ли это фальсификацией для ТВ?» - спрашивали зарубежные политологи.

В боевую дружину по защите города давно записался мэр Киева Виталий Кличко. Он распорядился открыть для круглосуточной работы метро Киева, которое будет служить бомбоубежищем.

Лидер советского Комсомола Борис Пастухов в своем политическом обзоре написал: «Не надо думать, что восстанавливается СССР. Такой, как Россия сейчас, страны не было никогда». Я вспомнила, что его сын, политолог Владимир Борисович, уже давно живет в Англии. В девяностые была шутка, а на самом деле правда:

- Где все?

- Улетели британскими авиалиниями.

А ведь и правда, «С чего начинается Родина? С хороших и верных товарищей, живущих в соседнем дворе». Теперь этот двор не в России, а в Ницце, как у Парфенова, в Италии, как у семьи Вертинских, в Германии, как у Горбачевых, в Англии, где поселилась семья Гагариных. В Британии еще более двадцати лет назад поселились на главных улицах «комсомольцы».

Мир легко может быть захвачен россиянами или китайцами. Борис Джонсон правильно сказал: «Если мы допустим, чтобы Россия захватила Украину, то эти люди окажутся у вашего порога, леди и джентльмены».

Грянет час, и вглядываясь зорко
В сжавшийся от страха окоем,
По горбатым улочкам Нью-Йорка
Триумфальным маршем мы пройдем.
Мы пройдем весело, грубо, зримо,
Искупав в Ла-Манше лошадей,
По широким автобанам Рима,
По асфальту бернских площадей,
Чтобы знали добрые соседи,
Говоря по-нашему – враги,
Мирный нрав трехцветного медведя,
Щедрого хозяина тайги.
Чтобы оборзевшие укропы
Разровняв бульдозером Майдан,

Вместо загнивающей гейропы
Враз переселились в Магадан,
Чтобы Кельна дымные громады
В ужасе забились под кровать.
...Нам с тобой чужой земли не надо,
Нам свою-то некуда девать.

Игорь Иртеньев, декабрь 2014

Часть 4. Воспоминания

Орест Кипренский. Портрет Д.Н. Хвостовой

Александр Сиротин

Нью-Йорк, США

Памятные встречи: Наталия Соломоновна Михоэлс

“И мы пришли тебе сказать: «Навек прости!» —
Тебе, кто столько лет, по-царски права сценой,
С шолом-алеихемовской солью нес в пути
Стон поколения и слез алмаз бесценный”.

Из стихотворения Переца Маркиша «Михоэлсу неугасимый
светильник» (Перевод А.Штейнберга)

В этом году исполнилось 100 лет со дня рождения старшей дочери Михоэлса Наталии Соломоновны Вовси-Михоэлс (1921 – 2014). Свою жизнь и жизнь своего знаменитого отца она описала в книге «Мой папа Соломон Михоэлс». Имя Михоэлса широко известно в мире культуры. Судьба этого великого актёра, которым по праву гордится еврейский народ, трагична. В зените славы, в расцвете творческих сил он был по приказу Сталина зверски убит сотрудниками КГБ в Минске в январе 1948 года.

Вскоре после торжественных похорон Народного артиста СССР, он был объявлен врагом народа, затем посмертно реабилитирован при Хрущёве. Прославился Соломон Михоэлс блестящим исполнением ролей короля Лира, Тевье-Молочника и других в Московском государственном Еврейском театре - ГОСЕТе. Будучи ведущим актёром театра и его художественным руководителем, он также был крупным общественно-политическим деятелем: возглавлял Еврейский антифашистский комитет, был членом Комитета по Сталинским премиям в области литературы и искусства. Во время войны он вместе с еврейским поэтом Ициком Фефером был послан советским

правительством в Америку, чтобы просить американских евреев помочь деньгами Советскому Союзу в борьбе с Гитлером.

Соломон Михоэлс носил почётное звание Народного артиста Советского Союза, был лауреатом Сталинской премии, кавалером ордена Ленина. Но все его огромные заслуги перед родиной, вся его мировая слава не помешали антисемитскому сталинскому режиму убить Михоэлса и затем сделать его одной из знаковых фигур для «борьбы с космополитами» (этим фиговым листом прикрывалась травля евреев по всей стране на рубеже 40-х и 50-х годов прошлого века). Власти СССР готовились в массовом порядке выслать евреев в суровые районы Сибири и обречь на вымирание. Дочери Михоэлса Наталия и Нина как члены семьи «врага народа» пережили тяжёлые годы нужды и унижений. В 1972 году они выехали в Израиль.

С Талой, как с лёгкой руки Соломона Михайловича все знакомые звали Наталию, мы были знакомы очень давно, поскольку моя мама Нехам Сиротина была ученицей Михоэлса и актрисой его театра. К тому же Соломон Михайлович одобрил выбор моего имени. Актёры ГОСЕТа советовались с Михоэлсом чуть ли не по всем вопросам. Мою маму, сразу после моего рождения вернувшуюся в театр, Соломон Михайлович спросил (на идише, естественно):

- Как решили назвать мальчика?

- Его бабушку по отцу звали Сарой. А мою любимую тётю звали Сошей. В память о них мы думаем дать сыну имя Саша.

- Саша? – задумался Михоэлс. – Это Сендер. Как Сендер Бланк у Шолом-Алейхема. Что ж, хорошее еврейское имя.

...С Ниной Михоэлс мы встречались много раз, поскольку она была режиссёром в театре Моссовега и преподавала в ГИТИСе – Государственном институте театрального искусства, куда я думал поступать, о чем советовался с Ниной.

...Когда в 1985 году Наталия Соломоновна Вовси-Михоэлс приехала погостить в Нью-Йорк, мы созвонились и договорились о встрече. Интервью было назначено в студии радио «Горизонт», которая располагалась в 15 минутах ходьбы от Всемирного Торгового Центра. Мы встретились на площади между башнями-близнецами Тогового Центра и направились в студию. Здесь Наталию Соломоновну ждал сюрприз...

...Был когда-то в Америке замечательный негритянский актёр и певец Поль Робсон. (Вообще-то правильнее писать и говорить «Пол Робесон». Но в СССР его имя произносили на французский манер: «Поль», а в фамилии пропускали букву «е». Так он и остался в русской памяти Полем Робсоном). Он считался другом Советского Союза, пел на разных языках, в том числе на русском и на еврейском, и дружил с Михоэлсом. Они всегда встречались, когда Поль Робсон приезжал на гастроли в Москву. А приезжал он настолько часто, что даже отдал

своего сына Поля Робсона-младшего в московскую школу, где тогда училась Тала Михоэлс.

Нина Соломоновна Михоэлс

Я был знаком с Робсоном-младшим. Когда он в 1998 году устроил выставку к 100-летию со дня рождения своего отца, я подарил ему пластинку с песнями Поля Робсона, выпущенную в СССР в 50-х годах и вывезенную мной в Америку. Пластинка стала одним из экспонатов выставки. Я интервьюировал Поля Робсона-младшего, бывал у него дома в Бруклине. Когда я сказал ему, что приезжает Тала Михоэлс, он обрадовался возможности встретиться со своей школьной знакомой.

Поль Робсон-младший пришёл в студию и сел так, чтобы вошедшие не сразу его увидели. Когда вошла Наталия Соломоновна, он встал и замер, давая госте время вспомнить его, удивиться, затем обрадоваться. Сюрприз удался! Они сели и начали вспоминать школьные годы, дружбу отцов, встречи в квартире Михоэлса... Эти, в общем, уже пожилые люди, смеялись, как дети, морщинки на лицах разгладились. Им было так хорошо, что не нужно было никакого интервью. Тем не менее интервью состоялось.

- Как выражается интерес к вашему отцу в США? – был мой первый вопрос.

- Знаете, я приехала всего несколько дней тому назад. За это время у меня уже были встречи с журналистами. Запланированы ещё. Так что, по-видимому, интерес довольно большой.

- А в России?

- Ко мне оттуда давно не поступали никакие сведения об этом, к сожалению. Одно могу сказать: три года тому назад я получила новое издание михоэлсовского сборника «Статьи, беседы, речи».

- В Москве находится могила Соломона Михайловича. В каком она состоянии? Кто-нибудь ухаживает за ней?

- Да, конечно. Во-первых, у нас остались очень близкие друзья, которые постоянно за этим следят, и, во-вторых, мне сравнительно недавно рассказали, что одна женщина, уезжая, была на могиле своей матери, как все евреи это делают, и потом подошла к могиле нашего папы, положила там цветочки. Она нам сообщила, что могила Михоэлса в очень хорошем состоянии, прибрана. Мы всё время об этом спрашиваем наших друзей, оставшихся в Москве.

- Какова судьба вашей книги «Мой отец Соломон Михоэлс»?

- Я работала над этой книгой довольно долго, потому что, как известно, дети входят в жизнь родителей значительно позже, чем, допустим, пишущая воспоминания жена, и поэтому мне пришлось многое узнавать из разных источников. Книга вышла три года тому назад, на иврите. Я писала по-русски и, как только работа была закончена, книгу тут же перевели на иврит. А два месяца назад она вышла по-русски, на том языке, на котором я её написала. По масштабам Израиля, например, за две или три недели, что я ещё была там, книга продана в относительно большом количестве. В одном Тель-Авиве я продала 360 книг без всякой рекламы. Я привезла книгу и в Америку с надеждой, что здесь она тоже будет пользоваться спросом.

- В Америке, в Нью-Йорке, ежегодно вспоминают о Соломоне Михоэлсе в годовщину его гибели и в день его рождения. В дни, когда мы с вами беседуем, отмечается его 95-летие. Намечены ли у вас в связи с этим вечера его памяти?

- Собственно, я и приглашена в связи с его 95-летием. Понимаете, так сложилось, что, когда проходит 37 лет после гибели человека, то естественно, что он забывается. Это же в конце концов больше, чем целое поколение. Человек или забывается, или его канонизируют. В России как раз случается, что сначала убивают человека, затем делают всё, чтобы о нём забыли, а потом вспоминают и канонизируют. Мой отец не забывается именно потому, что он стал легендой. По сей день я получаю какие-то новые подробности его гибели. По сей день ко мне стекаются сведения о его далёком детстве, о котором я мало что знала. То, что он стал легендой, не случайно. Конечно, он был еврейским актёром и его трактовки философские были еврейскими, об этом говорить не приходится, но масштаб его дарования был вселенским. И личностью он был вселенской, хотя и оставался традиционно еврейской, даже библейской личностью, человеком,

который появляется в тот исторический момент, когда его народ в такой личности нуждается. Быть может поэтому, чем больше времени проходит, тем большей легендой Михоэлс становится.

- Его имя сохраняется не только в памяти людей, которые его видели на сцене или на киноэкране хотя бы однажды, не только в памяти актёров, игравших с ним в спектаклях, или в памяти его студентов, но и в памяти их детей и внуков. Слава Михоэлса не меркнет с годами. Разве это не удивительно?

- Именно это я ощущаю.

- Самое удивительное, что не меркнет его слава как театрального актёра, хотя видеозаписей спектаклей ГОСЕТа почти нет, а в кино он снимался до обидного мало.

- Да. Он остаётся больше в воспоминаниях современников, в книгах, в работах историков театра.

- То есть он остаётся как бы в воздухе...

- В этом и заключается сила личности, по-видимому. Если личность не умирает в памяти, то она становится легендой. Очевидно, родители из поколения в поколение передавали детям, а те своим детям рассказы о нём. А в рассказах о нём, как я убедилась на своём опыте, сразу появляется какая-то атмосфера, какая-то аура вокруг даже одного только его имени. Вероятно, это и сохраняет память о нём.

- Как вы думаете, его трагическая гибель сыграла какую-то роль в его героизации, в создании легенды? Или даже если бы его смерть не была столь трагичной, а была бы естественной, его посмертная судьба была бы такой же?

- Мне трудно сказать, хотя я об этом очень часто задумывалась. Вероятно, его судьба – это как в капле воды судьба всего народа еврейского, и поэтому его смерть не могла не быть трагической. Я так думаю. Если бы он умер в своей постели, будучи прекрасным актёром, прекрасным оратором, антифашистом, то, возможно, память о нём в какой-то степени сохранялась, но не так долго. Однако именно сам факт гибели трагической, факт убийства подтверждает то, о чём я говорю: он есть отражение судьбы еврейского народа в СССР, в России.

- Вы живёте в Израиле. Там же живут ваша сестра Нина Соломоновна Михоэлс, ваша дочь Виктория и ваша внучка Катя. Как складывается судьба потомков Соломона Михоэлса?

- Сначала о моей сестре. Она работает как театральный режиссёр, преподаёт в университете и в лучшей театральной школе Тель-Авива. Работа её настолько успешна, что поставленные ею студенческие спектакли идут по многу раз. Нина Соломоновна пользуется огромным уважением студентов. Она преподаёт на иврите.

- Нина Соломоновна и в Москве была штатным режиссёром в Театре им. Моссовета под руководством Юрия Завадского, и ещё преподавала в ГИТИСе. А в Израиле где она ставила спектакли?

- В Габиме. Но больше всего она любит преподавать. Видимо, это её главное призвание. Что касается моей дочери, то она делает передачи по искусству на радио, занимается переводами, поскольку владеет французским языком. А внучка Катя принята в Школу искусств на отделение драмы. Она сама это выбрала, сказав, что, поскольку у неё тётя режиссёр, а дедушка был актёром, то она получила своё призвание по наследству. Оказалось, что у неё, действительно, есть какое-то дарование в этой области, потому что её пригласили сниматься с одним из крупнейших израильских актёров с мировым именем Хаимом Тополем в фильме «Роман с продолжением» («Roman Behemshechim»).

- Сколько ей лет?

- Будет 9. Она родилась в тот же день, что родился мой папа, то есть её дедушка, и тоже в день еврейского праздника Пурим – 16 марта.

- Действительно, в названии фильма «Роман с продолжением» оказался заложен особый для вас смысл: Катя продолжает дело своего дедушки, идя по его стопам в выборе профессии. Вообще в истории вашей семьи, как и в истории еврейского народа, очень много символических моментов. Взять хотя бы роль праздника Пурим в судьбе евреев и в судьбе вашей семьи. Вспомним, что именно в праздник Пурим Сталина хватил удар, благодаря чему еврейский народ в Советском Союзе избежал полного уничтожения.

- Вероятно, существует некий высший промысл, предопределение, судьба, как в жизни отдельного человека, отдельной семьи, так и в жизни всей нации.

...Предопределение. Судьба. Наталия Соломоновна Вовси-Михоэлс, Нина Соломоновна Михоэлс и Поль Робсон-младший ушли из жизни в один и тот же год – 2014-й.

— О Вечность! Я на твой поруганный порог
Иду зарубленный, убитый, бездыханный.
Следы злодейства я, как мой народ, сберег,
Чтоб ты узнала нас, взглядевшись в эти раны.

Из стихотворения Переца Маркиша «Михоэлсу неугасимый светильник» (Перевод А. Штейнберга)
1985 год

Анна Фельдман

Калифорния, США

Призвание – просветитель. Часть 4. Школа для “особенных”, или Как стать счастливей...

Моя педагогическая эпопея в Лос-Анджелесе не ограничивалась лекциями, клубами и школами. Я работала ещё и в американской образовательной организации Life Steps Foundation, что в переводе означает “Шаги по жизни.”

Программа была рассчитана на людей старше 28 лет, которые в силу умственного отставания не могли учиться ни в одном из учебных заведений США. Чтобы попасть в эту организацию на должность In-Home-educator, что означало “Учитель - на дому”, я участвовала в конкурсе. Было 28 человек на место, оно было всего одно, и я была уверена, что меня не возьмут – было много молодых кандидатов. Но меня взяли, и мои будущие шефы объяснили мне, что во-первых, они впечатлены моими педагогическими дипломами; во-вторых, мой возраст как раз их устраивал - мои будущие ученики смогут меня воспринимать как строгую учительницу в годах /mature - созвучно русскому “матёрый”/ и потому будут во всём меня слушаться; и, наконец, в-третьих, я знала и английский, и русский языки, а в организации как раз появились русскоязычные клиенты.

Программа предусматривала обучение их навыкам независимой жизни - Independent Living Skills: умению соблюдать гигиену тела, готовить еду, стирать, убирать жилище, а если разум позволяет – читать, писать, считать. В некоторых случаях /самых благополучных/, нужно обучить их пользоваться деньгами и покупать продукты в магазине; и, наконец, если их состояние позволяет большее - даже пользоваться банком и кредитными картами. Сначала мне дали нескольких учеников и предложили обследовать их для определения уровня поражения интеллекта, а затем нужно было составить программу обучения. Как правило, все они жили с родителями, иногда

с одним из них, но были и круглые сироты, и тогда их опекал кто-то из родственников.

Мне пришлось немало поработать, чтобы понять, как обучать олигофренов, коими они все являлись. Я прочитала кучу литературы по этому предмету и поняла, что меня ждут особые, специфические трудности, и для каждого из моих учеников мне нужно будет разрабатывать индивидуальную программу. И главной моей целью станет их социальная адаптация: именно она даст возможность сделать их счастливее.

Прежде всего встал вопрос о терминологии – как называть людей такого типа. Были долгие споры на международном уровне, как охарактеризовать их каким-то щадящим словом, и в результате появилось два термина: “люди с ограниченными возможностями” / кстати, так назвал их известный режиссёр Кирилл Серебренников в своей новой постановке/ и “особенные люди”. Я выбрала второе, и это мне потом очень помогло – я воспринимала своих учеников именно как людей с особенностями, уважала и эти особенности, и все их попытки преодолеть ощущение своей отверженности, стать такими, как все.

Они были очень разными, но их объединяло то, что все они были обойдены жизнью, чувствовали себя, за редкими исключениями, ущербными, не похожими на других, и очень страдали от чувства неполноценности. А некоторые не просто страдали, но были озлоблены на всё и вся, и их было очень трудно переломить, заставить, например, считать других людей, да и учителя, не врагами, а друзьями, которые могут им помочь. Большинство из них в детстве перенесли Детский Церебральный паралич при родах – ДЦП - с самыми разными последствиями – тяжелыми, средними и минимальными. Почти все родители и опекуны относились к ним как к безнадежно больным и не приучали к самостоятельности, не считали их способными самим принимать решения. А ведь многие из них, возможно, и смогли бы как-то преодолеть недуг, если бы им оказали помощь раньше. Среди них были и люди с двигательными расстройствами, и, конечно, практически у всех была задержка интеллектуального развития: они нуждались в коррекции поведения и образовательной программе.

Моим первым учеником стал чёрный тридцатилетний молодой человек с разумом десятилетнего мальчишки. Его звали Гидеон. Мальчик жил с отцом в очень маленькой, невероятно грязной квартирке. Отец рассказал, что сын родился с ДЦП, мама давно ушла из жизни, и его болезнью – слабоумием, дебилностью - никто не занимался. Отец рано утром уходил на работу, и Гидеон оставался на целый день один.

Я понимала, почему он такой запущенный и грязный: отцу приходилось много работать и было не до сына, да он и не знал, как ему помочь, а в специальную школу его не принимали. Вначале мой будущий ученик принял меня плохо: белая учительница, к тому же не молоденькая. Он дичился, даже не смотрел в мою сторону. Но я сразу быстро спросила его, кем он хочет стать. И он так же быстро ответил, что обязательно станет полицейским.

А когда я спросила его, что именно он будет делать, когда его мечта осуществится, и он охотно стал перечислять свои будущие обязанности, стал рассказывать, каким храбрым и отличным полицейским он станет. А я в это время прикидывала в уме, как с ним нужно будет заниматься: конечно, по программе, включающей чтение, развитие речи, решение задач на калькуляторе. Но судя по его рассказу, я сразу увидела, что состояние его интеллекта было чуть выше среднего, и поэтому можно было дополнительно включить в программу операции с деньгами, покупку продуктов, готовку пищи.

Но самое срочное внимание нужно было уделить соблюдению им гигиены тела и жилища: тараканы бегали табунами по их квартире, и ни его, ни отца это не смущало. И тогда я решила провести психологический эксперимент - сыграть на его амбициях. Я объяснила, что ему не удастся стать полицейским, если он не будет ежедневно принимать душ - ведь от полицейского должно хорошо пахнуть! - убирать квартиру, а кроме того, читать, писать, считать и учиться разговаривать с людьми. Он прислушался, а когда я нарисовала ему картину: он приходит в чей-то дом как полицейский, а у него по воротнику бегут, обгоняя друг друга, два больших таракана, - он рассмеялся, и это растопило лёд между нами.

Мы начали с того, что я принесла средство от тараканов, и мы разложили его повсюду - благо, отца не было дома. Мы убрали квартиру, вымыли окна, двери, пол. Он очень старался, и всё время спрашивал, верю ли я, что он станет полицейским. Я успокаивала его, что да, верю. Потом я отправила его в душ, побрызгала его специально принесённым одеколоном, надела на него новую майку, и мы сели заниматься.

Его отец остолбенел, когда вошел, и сказал: "Чудо!" А я посоветовала ему устраивать такое "чудо" почаще. Видели бы вы, как потом мой "мальчик" старался учиться и всегда в конце занятий спрашивал, примут ли теперь его на работу в полицию. И я всегда отвечала: " Да, но нужно еще поработать", и он покорно соглашался. Скоро у него наметился прогресс, и тогда мы добавили ещё и физические упражнения, и ритмику под музыку с принесенной мной кассеты. Как жаль, что никого не было рядом с ним раньше - ведь, если бы он не был так запущен и кто-нибудь помог бы ему в детстве,

он, может быть, и жил бы нормальной жизнью – способности у него были.

Я работала с ним год, и результаты были поразительными: Гидеон стал аккуратным, внимательным, серьёзно занимался, делал физические упражнения – ведь полицейский должен быть сильным и спортивным! А потом его приняли в специальную школу для людей с умственным отставанием /а ведь раньше не принимали, он был не готов!/, и он мне с гордостью обещал, что закончит школу и тогда наверняка станет полицейским. А я отвечала, что так и будет. Расставаясь, отец сказал мне: “Спасибо, Вы научили меня, как воспитывать сына”. Но я-то знала, что у отца впереди еще очень много работы... Не знаю, что случилось с Гидеоном потом /они переехали, и я потеряла с ними связь/, но уверена, что он как-то состоится в этой жизни.

Моей следующей ученицей стала чёрная многодетная мать Патриша. У неё было пятеро детей, и ни она, ни её дети не знали, кто их отцы. Они жили в маленьком домике, в отдалённом посёлке для чёрных жителей. Моя роль заключалась в том, чтобы обучить эту женщину навыкам воспитания своих детей, старшему из которых было 10 лет, а остальные – мал-мала меньше. Это называлось Parenting – обучение родителей.

Сказать, что Патриша встретила меня дружелюбно, я не могу. Тот же подозрительный взгляд, что и у Гидеона, та же настороженность. Но я, к счастью, пришла с большим пирогом: мы с ней усадили детей, дали каждому по куску пирога и начали разговаривать. И тут оказалось, что старший, Марк, страдает диабетом, и пирог ему запрещён. Хорошо, что я захватила и яблоки – он тоже получил что-то от меня.

Путь был найден – с тех пор меня очень ждали и мать, и все дети. А я, накормив их привезёнными мной продуктами, постепенно продвигала свою программу. Мать не страдала слабоумием, и никто из детей тоже, поэтому моей целью стало научить Патришу вникать в секреты педагогики. Мы гуляли, читали книжки, разыгрывали маленькие сценки из сказок, которые мать читала детям, и всё постепенно шло к лучшему: мать стала спокойнее, старалась не кричать на детей и не наказывать их; поняла, что главный метод воспитания – игра. Я даже посоветовала ей, как отучить старшего мальчика, у которого был диабет /и, соответственно, повышенный аппетит/, от непрерывного таскания еды из холодильника: я научила её запирать холодильник на замок, а ключи всегда держать в кармане.

Она была очень довольна моим “изобретением”. Но однажды, когда я уже собиралась уезжать, ко мне подошел чёрный мужчина

/подозреваю, один из отцов/ и сказал, что мне будет лучше убраться отсюда подобру-поздорову: весь посёлок видит во мне белую шпионку. Он так и сказал: White spy. Мне пришлось доложить об этом инциденте моей начальнице, которая, кстати, тоже была чёрной. И она тут же предложила мне другую ученицу – Лорен.

Мы шутили потом с друзьями, что среди моих учеников были чёрные и белые, бедняки и миллионеры. И Лорен как раз и была из семьи белых миллионеров. Ей было 40 лет, но из-за болезни в детстве у неё сохранился интеллект десятилетнего ребенка, очень доброго и любознательного, без тени озлобления. Её мама, вдова, красивая и умная женщина, была нездорова и не выходила из дома – роскошной виллы в Беверли-Хиллз. Она поставила дочь на нашу программу, потому что ей хотелось, чтобы ею кто-то занимался: заставлял её читать, разговаривал с ней, учил её считать на калькуляторе.

Но главное - выходил с ней "в люди", что называлось "socializing" – социализация, социальная адаптация. Нужно было ходить с ней в парки, музеи, ресторанчики, и, конечно, иногда прогуляться по магазинам. При этом Лорен должна была научиться платить за себя в ресторанах и музеях, но ничего не покупать – на это денег ей не давали. Я была рада, что умная мама как будто сама составила нашу программу обучения – рассказала, чего именно она ждёт от наших занятий. Меня только удивляло, почему Лорен, выросшая в семье богачей, ни с кем не занималась раньше, когда её интеллект было ещё возможно как-то скорректировать. Как она дожила до сорокалетнего возраста, оставшись инфантильной во всем, да к тому же не умея воспринимать красоту окружающего мира?

По-видимому, это случилось потому, что мама не придавала значения развитию интеллекта дочери: у Лорен был ДЦП при рождении, она больна и больна, ничего не умеет – так что же поделаешь! А время было упущено, рефлексy беспомощности закрепились, интеллект не развивался.

Конечно, родные её любили, но и отец, который рано ушёл из жизни, и мама, и два её младших брата обращались с ней, как с маленьким больным ребёнком, баловали её и не задумывались о том, как ей помочь. И я решила сделать всё возможное, чтобы скрасить жизнь этой милой "девочки", которая так и не выросла. Прежде всего надо было, чтобы её мама поддерживала меня во всех моих начинаниях, и тогда мы вместе сможем помочь её дочери ощутить прелесть жизни.

Первое время мама присматривалась ко мне, взвешивала, можно ли мне доверить дочь, достаточно ли я интеллигентна для работы с ней и, наконец, хорошо ли я вожу машину. Но я её ни в чём не

разочаровала, и вскоре они обе привыкли и даже привязались ко мне. Мы с Лорен читали на английском языке книги о животных – она их очень любила, особенно Брэма; затем она пересказывала текст, отвечала на мои вопросы.

Мы ходили по их чудесному саду, любовались цветами, а потом раскрашивали картинки в книгах, которые я ей приносила; читали сказки, и я всегда просила её поделиться тем, что она услышала, что почувствовала. И она охотно пересказывала тексты, постоянно расширяя свою лексику с моей помощью. Кроме того, она решала на калькуляторе задачки, с каждым разом всё лучше и лучше. Мы ездили в музеи: несколько раз мы побывали в музее Радио в Беверли-Хиллз и в Музее Пола Гетти, самом главном Музее Искусств Лос-Анджелеса, а затем обсуждали увиденное. Иногда и мама ездила с нами в этот Музей, и я была у них гидом.

Однажды мы попали на выставку Караваджо, а потом, вернувшись, за чашкой чая все вместе обсуждали полотно великого мастера. И это сближало нас, и, прежде всего, мать и дочь: ведь раньше они, даже живя в одном доме, как ни странно, мало общались, и Лорен угрюмо бродила по дому, ничем не занимаясь.

И через некоторое время стал ощутим прогресс – Лорен лучше говорила, стала более контактной, у неё поднялось настроение. Она уже не скучала в Музее, как раньше, а научилась радоваться, когда смотрела на уже знакомые ей картины, рассматривала цветы в саду Музея. А когда мы сидели с ней в маленьких ресторанчиках, она победительно оглядывала людей вокруг, чувствуя себя равной им. А потом, довольная, подсчитывала на калькуляторе свои расходы и расплачивалась за обед, “как взрослая”. Я научила Лорен заботиться обо всех, кто её окружал, помогать, когда нужно.

Однажды она впервые в жизни испекла печенье, и все родные были приглашены на чаепитие с угощением “От Лорен”, и это был праздник для семьи. Она звала меня “My dear Анна”, и всегда с такой радостью встречала меня, что это даже иногда вызывало ревность мамы. И я поняла, что кое-чего добилась - в результате нашего общения она становится счастливее. Однажды в семью пришло несчастье: заболел старший сын. Его болезнь оказалась настолько серьёзной, что через несколько дней он умер. Вся семья была в отчаянии, и мама попросила меня почаще приходить к ним: я утешала Лорен, и это помогало ей пережить смерть брата. А потом они пригласили меня на День его памяти и благодарили меня за то, что я разделила с ними горе. Мы с Лорен еще больше сблизились, и долгие годы я приходила к ним, как в родной дом.

Моей следующей ученицей стала русскоязычная Лиза. Ей было 30 лет, она тоже родилась с ДЦП, что сказалоь на её физическом состоянии – ноги и руки у неё были очень слабыми, она не могла ходить и что-то делать руками и передвигалась на коляске. Но нарушение её интеллекта было, к счастью, минимальным: говорила она неплохо, многое понимала и была очень доброй и ласковой. Её любили в семье, и, хотя родители много работали, и они, и старший брат очень заботились о ней. Уходя на работу, они оставляли её с няней. Лиза очень хорошо меня встретила, сказала, что любит учиться и очень рада, что учительница будет приходить на дом – ведь она не выходит.

Я поговорила с родителями, они рассказали мне о её болезни, и мы составили программу обучения, куда, по просьбе родителей и самой Лизы, помимо обычных предметов, был включён разговорный английский язык и знакомство с шедеврами живописи и музыки; а в будущем – поиск информации по компьютеру. Но, конечно, Лиза не могла сама работать на компьютере - руки не позволяли, а семье всё было недосуг с ней посидеть, но вот теперь она получила в полное распоряжение свою личную учительницу и может попросить её обо всём. Надо сказать, что уровень её интеллекта был достаточен для восприятия произведений искусства. Лиза меня заинтересовала своей неординарностью и с первых же дней поразила своим удивительным трудолюбием.

Мы занимались дважды в неделю по часу, и за это время очень многое успевали сделать, а уж домашние задания она выполняла изо дня в день с удивительным упорством. Это был для меня настоящий подарок судьбы. Она достигла больших успехов – расширила свою эрудицию, обогатила лексику, научилась слушать и пересказывать сказки и рассказы, отгадывать загадки. Лиза очень серьёзно занималась разговорным английским языком, и просила, чтобы мы часть урока говорили на английском. Дошли руки и до компьютера /правда, мои/. Мы находили материалы о художниках и композиторах, а потом искали их картины или слушали их музыку. Забегая вперед, скажу, что такой ученицы, как Лиза, у меня больше никогда не было, она была уникальна. Всем остальным ученикам/ а их за много лет моей работы с инвалидами накопилось много!/ было до неё очень далеко. Меня радовало, что в результате наших занятий она тоже определённо становилась счастливее.

Мама бесконечно восхищалась Лизиними успехами и однажды спросила меня, почему бы мне не объявить о нашей программе по русскому радио KMNB – ведь возможно, что среди русскоязычных жителей Лос-Анджелеса есть и другие неполноценные дети или взрослые, которые тоже нуждаются в моей помощи. Идея мне

понравилась, и вскоре я объявила о нашей программе по Русскому радио, где я как раз читала лекции по еврейской истории.

Меня уже к этому времени знали в городе, и обычное, и сарафанное радио сработали: вскоре я получила отклик от нескольких семей, а затем ко мне стали обращаться всё новые и новые семьи, и у меня появилось довольно много русскоязычных учеников.

Все они были утверждены моим руководством, обследованы мной, и работа началась. Было заметно, что у всех из них обычная подавленность олигофренов усиливалась еще и отсутствием английского языка, и поэтому они особенно страдали в эмиграции от одиночества. Я с самого начала поняла, что будет недостаточно работать с каждым из них индивидуально, понадобится особый психологический эксперимент: поскольку все они говорили по-русски, можно было попытаться социализировать их путём общения, ведь именно оно даст им понять, что они не одиноки в своих проблемах, что есть им подобные. И тогда у них будет возможность найти среди них друзей, поддержать друг друга. Но начала я с индивидуальных занятий.

Возраст у них был приблизительно одинаковый - 30-40 лет, но интеллект, конечно, разный - от довольно лёгкой формы отставания до серьёзной. Кто-то из них был на неплохом уровне, и тогда я добавляла к обычной программе дополнительные предметы. В программу входило и изучение английского языка, что оказалось по плечу лишь немногим. А у кого-то умственное отставание было достаточно серьёзным: они почти не говорили, и форма работы была совершенно другая. Казалось бы, поэтому их нельзя было знакомить друг с другом - им будет трудно подружиться, но ведь самое главное - чтобы в каждом из них проснулась человечность, желание помочь друг другу...

Вскоре моей новой ученицей стала Света. Ей было 30 лет, она жила с любящей мамой и ненавидящим её отчимом. Мама рассказала мне, что Света тоже родилась с ДЦП: у неё не было двигательных нарушений, но её интеллект "застыл" в восьмилетнем возрасте и практически не развивался. Конечно, роковую роль в этом сыграл отчим, который постоянно унижал и запугивал девочку. А мама ничего не могла с этим поделать - она и сама была запугана. К тому же у мамы было больное сердце, и она говорила, что её жизнь висит на волоске. Когда я пришла к Свете заниматься, мама постаралась куда-то спровадить отчима, чтобы побыть со мной наедине и рассказать мне свою печальную историю. Для меня стало главным убедить Свету, да и маму, что они не должны никого бояться - теперь я буду их другом и буду защищать их от отчима.

Они сначала не поверили мне, но когда однажды я застала отчима дома и очень сурово с ним поговорила – пригрозила ему судом за жестокое обращение с больной падчерицей, - он присмирел, перестал её оскорблять и всегда уходил, когда я должна была прийти. И Света освобождённо бежала мне навстречу, крича: "Его нет! Он ушёл!". И очень старалась на наших уроках, хотя заниматься ей было трудно, – сказала многолетняя запущенность. Но кое-какие успехи всё же намечались.

Когда я впервые пришла к другой новой ученице, Ире, меня поразила необычная красота и интеллигентность её мамы и брата, но сама Ира произвела на меня очень тягостное впечатление: помимо её умственной неполноценности, читающей на лице, у неё была и "слоновая болезнь" – все черты лица и тела были укрупнены, и это выглядело очень непривлекательно.

Мама рассказала, что Ира родилась с ДЦП, плохо говорила, к тому же любая эмоция или действие вызывали у неё слёзы – горе, радость, еда. Мама и брат предупредили меня об этом, и я постепенно, далеко не сразу, привыкла к её особенностям. А когда мы начали заниматься, оказалось, что она не безнадёжна: любит слушать сказки, стихи, многие из них знает наизусть.

Видно было, что с нею занимались. Пришлось ей давать материал в облегчённой форме, но она старательно выполняла задания/конечно, мама помогала/, и какой-то прогресс всё же был виден. У неё появилась странная привычка - каждый раз говорить мне одни и те же слова: "Вы, Анна, хорошая женщина". Это стало нашим паролем: когда она этого не произносила, я уже знала, что что-то не так – её кто-то обидел или она сама в чём-то провинилась, и её отругали... Я провела работу и с её мамой: объяснила, что не надо её ругать, а особенно наказывать – это её ранит и мешает развиваться. Ира была огромным некрасивым ребёнком, совершенно инфантильным во всём. Но что есть, то есть, надо и её сделать чуточку счастливей! Я познакомила её со Светой, и она привязалась к ней, читала ей стихи, и оказалась очень общительной. И Света тоже была рада, что кто-то хочет с ней общаться. Так что иногда я занималась с ними обеими – конечно, дома у Иры.

А вскоре наши ряды пополнились: мне дали ещё одну ученицу – Инну. Ей было 44 года, отец давно умер, она долгие годы жила вдвоём с матерью. Но вот совсем недавно и мама умерла. Её опекуном стал старший брат, который заботился о ней. Мы встретились с Инной и её братом в её маленькой квартире, где она теперь жила совсем одна: у

брата была семья, и он жил отдельно. Он поведал мне, что у Инны был диагноз - ДЦП и она с самого раннего детства не могла вести самостоятельный образ жизни, всё делала мама.

Я спросила брата, как Инна с её диагнозом "олигофрения" сможет жить одна, и он рассказал, что после смерти мамы он хотел определить сестру в какое-нибудь заведение для инвалидов, но ему было очень жаль отдавать её в "казённый" дом: Инна была бы там вдвойне несчастной, а дома ей привычно, всё напоминает о маме. К счастью, соседка из её дома согласилась за плату следить и ухаживать за Инной.

Я тщательно обследовала свою новую ученицу и убедилась, что у неё нет никаких двигательных нарушений, но интеллект очень слабый: она не умела ни читать, ни писать; запас слов у неё был очень ограниченный - говорила она односложными фразами. Но меня приятно удивило, что мама успела научить её ухаживать за собой, убирать квартиру, готовить нехитрую еду. Так что наша программа была мне ясна - развитие речи, чтение и письмо, работа на калькуляторе, умение пользоваться стиральной машиной. Но, конечно, самое главное для Инны - общение. И я включила Инну в группу Иры и Светы. Поначалу ни Света, ни Ира не находили с ней общего языка /друг к другу за это время они уже привыкли!/, но у Инны оказался очень добрый нрав, она сразу потянулась к ним - устала от одиночества.

А тут две русскоязычные "девочки", можно их хотя бы послушать... Да и я постаралась вовлечь всех трёх учениц в игры, читала им сказки, разучивала с ними песни - они это очень полюбили. Ира помогала мне своим чтением стихов, а Света просто обнимала Инну и отдавала ей своё тепло. И скоро они уже стали подружками. Один раз в неделю я занималась с ними индивидуально, а во второй раз я их объединяла и учила общению друг с другом. Получалось!

А потом появился Боря, этот чудесный, солнечный 28-летний "мальчик". Он пришёл и всё осветил вокруг. Он всегда был в прекрасном расположении духа, старался что-то доброе сказать или сделать для окружающих. А ведь судьба у него была очень непростой: когда он родился, кстати, совершенно здоровым, отец оставил маму с маленьким Борей на руках и уехал на Крайний Север зарабатывать деньги.

Там он встретил другую женщину, с ребенком, женился на ней и не захотел возвращаться в родные пенаты. Мама оказалась ужасным человеком и, решив отомстить мужу, сдала Борю в детский дом, причем очень плохой, где детям уделяли мало внимания. Многие из них заболели энцефалитом, и Боря в том числе. И отсюда началось

Борино умственное отставание. Узнав об этом, отец приехал за ним и увёз к себе на Север, но было уже поздно – Боря на всю жизнь остался с интеллектом ребёнка, но очень жизнерадостного и доброго. Жена его отца стала ему не мачехой, а настоящей матерью, и именно она всегда заботилась о нём, вырастила его хорошим и добрым человеком, который никогда ни на кого не сердился, даже на своего сводного брата, частенько поколачивающего его. Она научила его многим домашним делам – стирать в стиральной машине, гладить бельё, мыть посуду, и он с радостью исполнял свои обязанности. А с папой он ходил в магазин и там тоже учился быть самостоятельным.

Он был готов к любому общению, а благодаря его красоте – высокий, стройный, чёрные волосы и совершенно синие глаза! – на него всегда обращали внимание на улице, и он охотно шёл на контакт.

Мы с Бориными родителями наметили для него обучающую программу – обучение чтению /читать он не умел/, развитие речи, работа на калькуляторе и социальная адаптация. Заниматься с Борей было удовольствием – он очень старался, ловил каждое моё слово, тщательно выполнял домашние задания и всегда радостно встречал меня. Особенно он любил раскрашивать картинки в книгах, которые я ему приносила, и делал это хорошо – всюду на стенах его комнаты были развешаны его “раскраски”. Если другие мои ученики только начинали учиться быть счастливыми, он уже был им!

В отличие от Бори, Феликс, мой следующий ученик, был озлоблен на весь мир. Жил он с родителями, которые тоже всегда были негативно настроены, и с ними было очень трудно общаться. Они оба производили впечатление психически больных людей: мать была какая-то заторможенная, явно под воздействием лекарств, а отец злобно заявил, что Феликс – это их несчастье, божье наказание, источник всех их бед. Он даже посетовал, что они взяли его с собой в эмиграцию, лучше бы он оставался в России с бабушкой...А чему его можно обучить, ведь он полный идиот, родился с ДЦП!

В общем впечатление от встречи было удручающим. И я поняла, что если я и буду заниматься с Феликсом, то необходимо это делать вне его дома. Я немного поговорила и с самим Феликсом: он сначала дичился, а потом рассказал, что соседка, которая его жалела и подкармливала, услышала моё объявление по радио и сразу стала уговаривать родителей Феликса отдать его на обучение. Они долго не соглашались, но, наконец, дали согласие, и соседка сама отвезла его в нашу организацию на обследование.

И вот он вошёл в число моих учеников, и я должна была сделать всё возможное, чтобы вытащить его из той адской жизни, которую создали ему родители. У меня сразу же мелькнула мысль о Боре, ведь

они жили недалеко друг от друга. Я поговорила с Борей, и он радостно согласился познакомиться со своим соплеменником и сверстником. Встретились они у меня дома, и Борина лучезарная улыбка, если не растопила сердце Феликса, – он был слишком ожесточён, – то, во всяком случае, заставила его улыбнуться, правда, недоверчиво. Конечно, он не ожидал такой приветливости ни от меня, ни от Бори – он к этому не привык...

Договорились, что вначале мы будем заниматься с ними обоими у меня дома, а потом и у Бори – его отец согласился. У Феликса оказались совершенно не развиты самые необходимые навыки – гигиены тела, самообслуживания, интеллектуальной жизни. Но он оказался очень неглупым и способным многое изменить в своей жизни. Во-первых, он недолго ходил в школу до эмиграции и умел читать, писать, считать. Мы начали заниматься, Феликс стал общаться с Борей, и постепенно Феликс стал меняться: следил за собой, читал книги, которые я ему давала, а вскоре стал помогать Боре решать задачки на калькуляторе – он это делал лучше него. Конечно, это "приручение" Феликса заняло много времени, но всё же произошло невероятное – Феликс стал улыбаться и даже смеяться над шутками, которые я им читала; радовался, когда они с Борей разыгрывали сценки. А потом они так подружились, что стали встречаться каждый день, гуляли вместе. Лёд тронулся – Феликс стал немножко счастливее! ...

Самым старшим из моих учеников был Изя. Ему было 45 лет. Он был сиротой, но не был одинок – его сестра помогала ему во всем; с её помощью он даже получил маленькую квартирку в доме для малоимущих. Сестра рассказала, что у Изю в детстве был полиомиелит, и как результат, плохо работают ноги – он сильно хромает. Но ей удалось приучить Изю к некоторой самостоятельности – он жил один, но она во всём ему помогала: сама получала его пособие – SSI – и распределяла деньги на квартиру и питание; покупала ему продукты /благо, магазин был рядом с домом/. Изя по уровню опережал остальных – был толковым, легко усваивал материал, с удовольствием занимался, неплохо говорил, у него была хорошая память. Я сразу определила, что Изю нужно было научиться делать все свои дела самому: его интеллект для этого был вполне достаточен.

Но ему предстояло ещё многому научиться: разговорному английскому языку, счёту на калькуляторе, чтению и пересказу текстов, чтобы развивать речь. А кроме того, нужно было научить его следить за гигиеной тела, убирать квартиру, готовить пищу – при его компенсаторных возможностях всё это было достижимо. Главной

чертой Изи была доброта, он относился к людям очень доброжелательно, и я надеялась, что он будет авторитетом для моих остальных учеников, станет их старшим товарищем. На него можно было опереться. Так и случилось: Изя стал моим ассистентом, помогал мне в моей работе с другими учениками. Но и я во многом изменила его жизнь к лучшему.

Постепенно я пришла к выводу, что большинство моих учеников уже созрели для общения, и я могу их познакомить друг с другом. Я получила у моего руководства разрешение на групповую социальную адаптацию, и, надо сказать, впоследствии другие учителя на дому приходили ко мне на групповые занятия перенимать опыт и высоко оценили мои успехи. Начать мне помог Изя - у него намечался день рождения, и он решил отметить его со мной и другими учениками, о которых я ему много рассказывала. Мы с ним купили торт, печенье, лимонад и пригласили гостей.

Светина мама предложила собраться у них – у неё была большая комната с длинным столом. И вот я привезла всех к Свете. И действительно, Изя вёл себя покровительственно, с каждым познакомился за руку, для каждого нашел ободряющие слова – я в нём не ошиблась. Это было полезно всем – Изе прибавляло уверенности в себе, а остальным льстило внимание старшего друга.

В первом ряду - сидят на полу, слева направо: Боря, Феликс и Света. Во втором ряду - сидят на диване, слева направо: Ира, я, Саша и Диего. Изя фотографировал, поэтому его на снимке нет

Я усадила Изю рядом со Светой, мы все вместе шутили, смеялись, играли в наши словесные игры, пели песни. У Светы была более

серьезная форма дефицита интеллекта, чем у Изи, и он особенно тепло заботился о ней. Между ними как будто загорелась звёздочка интереса. Группы “девочек” и “мальчиков” приглядывались друг к другу без вражды и недоверия, и получилась та самая “социализация”, которой я так добивалась. С тех пор мы решили всегда отмечать все дни рождения вместе. Я приобщила своих учеников и к главным еврейским праздникам – все они были евреями, но практически ничего не знали об истории своего народа и его обычаях. Я собирала их вместе, рассказывала о смысле каждого праздника. Кто-то понимал, кто-то нет, но все внимательно слушали – мой авторитет был непререкаем.

Да и Изя помогал – он-то знал еврейские ритуалы, в его семье они когда-то соблюдались. И вскоре мы стали гулять все вместе в парке, занимались там физкультурой, пели песни, читали сказки, и всё это - в форме соревнования; вместе с Изиной сестрой на двух машинах мы возили их в зоопарк, Обсерваторию. Я как будто вытягивала из них всё хорошее, что в них было, какие-то здоровые “кусочки их души”. Мне хотелось, чтобы они поняли, что они не одни такие необычные, что есть люди, их соплеменники, которым тоже трудно, но они тянутся к другим таким же и ждут от них помощи. А кто-то и сам хочет помогать другим... Вскоре я распределила занятия так, чтобы один раз в неделю каждый из них занимался индивидуально, а во второй раз – вместе, у меня дома или у кого-то из них. И это принесло прекрасные плоды.

А Изя и Света по-настоящему подружились: Изя не раз приезжал к Свете, когда отчима не было дома, приглашал её погулять, сходить в кино. Им уже было одиноко друг без друга. И вот случилось большое несчастье – Светина мама внезапно умерла. Накануне я как раз была у Светы на уроке, и мама мне с горечью говорила, что плохо себя чувствует, что у неё болит душа: что будет со Светой, если она, мама, уйдёт из жизни? Отчим ненавидит девочку, он будет жесток с ней. И робко сказала: “Может быть, Изя женится на ней? Он так хорошо к ней относится!” И этот наш разговор с мамой накануне её смерти я восприняла как её завещание именно мне – ведь, кроме меня, у неё не было в Америке ни друзей, ни родственников.

И я стала действовать. Поскольку оба – и Изя, и Света - были недееспособными, они не могли пожениться без разрешения их опекунов. Я связалась с Изиной сестрой-опекуном, познакомила её со Светой, они понравились друг другу. Я рассказала сестре об их чувствах, и сестра обрадовалась: она очень любила Изю и понимая, как он одинок, не стала возражать против их женитьбы. Затем я съездила к отчиму, ведь после смерти мамы он должен был стать опекуном Светы. Конечно, он был мне глубоко противен, но я переломила себя и убедила его, что ребята полюбили друг друга и он должен дать Свете разрешение на вступление в брак. Больше всего

ему понравилось, что у Изи есть квартира, и Света будет жить там. Он дал разрешение, и мы с сестрой Изи быстро всё оформили.

Но возникла серьёзная проблема: администрация дома, где жил Изя, не разрешила Свете официально переехать к нему - у них были свои строгие правила. Это меня не остановило: я поехала в Жилищную Корпорацию, к которой принадлежал Изин дом, пробилась к самому главному начальнику и спросила его, читал ли он пьесу "Ромео и Джульетта" Шекспира. Он удивлённо сказал да. И тогда я объяснила ему, что умственно-отсталые люди тоже умеют любить и имеют право вступать в брак. Но "Ромео", Изя, живёт в подведомственном ему доме, а "Джульетте", Свете, не разрешают жить вместе с ним, хотя они и женаты. Начальник оказался очень приятным человеком, он рассмеялся и обещал решить проблему. И решил! И скоро в маленькой Изиной квартирке мы с его сестрой устроили свадьбу: пригласили всю нашу команду, каждый принёс подарок, и мы поздравили новобрачных. Я внимательно следила за реакцией каждого из моих учеников на это событие – их радость была неподдельной, они как будто сроднились друг с другом. А ведь именно этого я и добивалась – чтобы все они стали человечнее.

Я продолжала работать с моими учениками ещё много лет, и мы постепенно стали одной семьёй с детьми разного возраста и уровня развития. Они научились не только читать, писать, считать, говорить, но и дружить друг с другом. А я всей душой привязалась к каждому из них. Всего я проработала в Life Steps Foundation 10 лет, и с радостью и гордостью вспоминаю об этом: каждый из моих "особенных" учеников стал хоть немножечко счастливее. Многие из них и сейчас общаются друг с другом: Боря, Феликс и Саша по-прежнему встречаются, гуляют вместе, а Ира и Инна ходят друг к другу в гости. Изя и Света часто звонят и поздравляют меня со всеми праздниками, а Света иногда просит проконсультировать её по кулинарной части: она хочет порадовать Изю чем-то вкусеньким.

А ведь раньше она не умела готовить – всё делала мама. А как-то раз они вновь пригласили всех нас к себе – была пятая годовщина их свадьбы. Сестра Изи помогла Свете приготовить еду, накрыть на стол. И в их крошечной квартирке собрались мои "особенные", правда, не все смогли прийти. Принесли подарки, сидели, где придётся, кто-то на полу, кто-то на диване. А к тому же к нам напросился мой коллега, Диего, который раньше бывал на наших уроках и, кстати, остался доволен успехами моих подопечных. И мы все увидели, что Изя и Света были по-настоящему счастливы, и всем нам было радостно.

Полный вариант статьи читайте в журнале ЧАЙКА
<https://www.chayka.org/node/12548>

Леонид Гуревич

Через всю жизнь. Лариса Шепитько

Может быть, сейчас наступила пора повиниться: я не был на похоронах Ларисы Шепитько. Знаю, что оправданий этому нет. Но не мог я представить её в гробу. И очень боялся, что катастрофа лишила её удивительной красоты. В то раннее июльское утро, семнадцать лет назад, когда машина съёмочной группы была раздавлена грузовиком, перевозившим кирпич, Ларисе было едва за

Лариса Шепитько

А познакомилась мы, когда ей было семнадцать и глаз от неё отвести было невозможно. Большеглазая, высокая девушка через силу хранилась на приёмных экзаменах во ВГИК... Я до сих пор помню её первое рукопожатие и забавный акцент, с каким она называла себя «львовьянкой» — стало быть, из Львова.

Я был на шесть лет старше, только год после университета проработал инженером на заводе в Саратове. К экзаменам в Институт кинематографии меня по этой причине, естественно, не допустили. Но по необъяснимой доброте доценты С. Скворцов и В. Нижний разрешили познавать специфику экзаменов. «Вы же разумный человек, — снисходительно улыбались они, — и с хорошей профессией.

Вот походите и убедитесь, что овчинка выделки не стоит». Забегая вперёд, скажу, что убедился я в обратном. Но в том, 55-м, я куда больше думал о Ларисе, чем о кинематографе.

Жила она во время экзаменов на Миусской площади, в общежитии для высокопоставленных студентов Высшей партийной школы. Ходили слухи о её родстве с какой-то суперзнатной персоной, но по её нарядам, поведению, поступкам догадаться об этом было трудно. В говорливой, в меру провинциальной «хохлушке» поражала неуёмность, ненасытность новых впечатлений, непредсказуемые вспышки гнева или смеха, и какая-то естественная, не сдерживаемая страстность в отношении не только к кино, но и к жизни вообще в любом её проявлении.

... Она сдавала коллоквиум, первое собеседование, а я верно ждал у окна вестибюля на третьем этаже. Выскочила она из дверей как ошпаренная, с горящими щеками, и я даже перепугался: неужто провалилась!

— Пойдём! — она побежала вниз по лестнице, и, когда мы остановились в безлюдном месте, выпалила:

— Подлец! Он так смотрел, как будто раздевал меня. Вот гад!

«Гадом» был известный в институте ассистент кафедры режиссуры, о доблестях которого молва была нелестной. Но что тут сказать, разве повторить: глаз от той «львовьяночки» отвести было невозможно. А тут ей над было басню Крылова читать — какво? Басню эту мы репетировали накануне ночью, прощаясь у её ворот под бдительным оком милиционера.

— Я не дочитала, — всё ещё кипятилась Лариса. — Будь, что будет!

И был следующий экзамен, письменный. Всех болельщиков выпроводили подальше от дверей в аудиторию. Засев в туалете, я писал шпаргалки и передавал их Ларисе вместе с дурацкими успокоительными приписочками... Не думаю, что те шпаргалки помогли: у неё были свои неземные ценности. Истинная натуральность, ненатурная, подлинная эмоциональность не могли не вылиться и на бумагу. А уж когда она говорила о чём-то заветном, из огромных глаз словно искры сверка Много лет спустя, она сказала мне, что отец её был перс: не тут ли разгадка пылкости?

Лариса поступила на курс к Довженко, я уехал в Саратов создавать щелочные аккумуляторы. Мы не переписывались. Её поглотил ВГИК, меня — надежда догнать, стать студентом, попытки подготовиться.

Через год я сдавал экзамены. Конечно, я разведал в деканате: второкурсница Шепитько по каким-то причинам уже в августе была в Москве. Я не стал разыскивать её: какими глазами буду смотреть, если провалюсь? А уверенность в успехе я умел внушать разве что другим, скажем, ей... Но сдал я неплохо: 23 балла, проходной был 21. Однако меня не приняли: «Вы ещё не отработали положенных трёх лет».

Наверное, это была удобная зацепка, но всё равно уже не стыдно было найти Лару... Она «сверкнула глазами» (вот он, пушкинский гений!) и тут же рванула на приём к ректору. Вышла понурая: «Я ему всё твердила, что как же я могу учиться, если они тебя не приняли!».

Я вспоминал эту лестную для меня фразу потом не раз, и не два, когда меня так и не приняли во ВГИК (особая история). Из Москвы доносились слухи об успехах Ларисы на кремлёвских балах; однажды я увидел её в маленькой роли в одной из неудачных киевских картин (она всегда стеснялась этой роли). Но так и не знал я, как складывается её режиссёрская планида. А моя — что ж... С огромным отставанием я, наконец, добрался до скромной позиции второго режиссёра в игровом кино. Снимался фильм в Киргизии, и, приехав в тогдашнюю тьму-таракань в мае 1962-го, на третий день во дворе крохотной студии я нос к носу столкнулся с Ларисой! Вот и говорите, что судьбы нет.

Она была невероятно худа и желтолица. От той «хохлушки» в теле, пусть и с осиной талией, остались разве что горящие глаза. Только что выбравшись со съёмок в пустыне, она собиралась ложиться в больницу в Москве. И там же монтировать свой дебют — фильм по рассказу ещё не слишком знаменитого Чингиза Айтматова «Верблюжий глаз». В безводье, жаре и пыли, на чудовищных экспедиционных харчах они с напарницей Ирой Поволоцкой окончательно подорвали здоровье. Но всё та же энергия рвалась из неё на волю.

— Покажи материал,— попросил я.

— Всё уже в Москве,— ответила она.— Приезжай!

Уже гудел нетерпеливо студийный «газик» у ворот (гляди-ка, стихи получились!).

Самое время спросить: для чего пишу я это? И интересно ли это кому-нибудь? Должно быть интересно. Потому что рассказ, казалось бы, о несущественном странном образом становится теперь ещё одним штрихом к существенному: портрету Личности. Талантливой, оставившей след в отечественной культуре.

Незаурядность Ларисы, которую я ощущал интуитивно, я понял разумом, когда сел писать для «Комсомольской правды» рецензию на этот самый «Верблюжий глаз», ставший в кинопрокате фильмом «Зной». Я знал, что фильму помогали в монтаже классные драматурги Нусинов и Лунгин, привлечённые уже влюблённым в Ларису Элемом Климовым. Но я понимал уже, что такое крепкая режиссёрская рука. Фильм поразил меня не женской мощью. Лирическая, по сути, эта проза сохранила проникновенность и нежность. В этом не было ничего удивительного, хотя сделано всё было бережно и тонко. Но темперамент и сила, жестокость столкновений, размах пластических решений, уверенный рисунок игры и точность выбора актёров были

виртуозны! И это всё — дело рук вот этой хрупкой худобы, пусть и «со товарищи».

Я тогда подумал, ещё не умея точно сформулировать, что странный сплав нежности и силы может стать ключом к поэтике режиссёра Шепитько. Но рано ведь судить — первый фильм.

И снова мы не виделись почти пять лет. Смутно я ощущал «подарки» Ларисы. Первую свою игровую картину в Киргизии я снял по сценарию тех же Ильи Нусинова и Семёна Лунгина, дорогих моих покойных учителей. И снимались в ней в главных ролях Ларисины артисты. Но истинным подарком была её новая работа — «Крылья», открывшая мне редкую бескомпромиссность Ларисы Шепитько. Я увидел, как не боится она на экране несчастий и трагедий жизни, как всегда готова сострадать своим героям, не подслащивая пилюлю. Никаких, простите меня, «соплей», никаких «дамских кружев». Не кисти, а мастихин с его резкими мазками... Но временами — простите! — тонкая колонковая кисточка, ласково касающаяся ситуации или портрета героя. Это была всего лишь вторая работа, но редкой уверенности, особенно для женщины в 28 лет. Редкой зрелости.

... Вы спросите, есть ли судьба? Есть, несомненно. Иначе что же ещё соединило нас вновь с Ларисой?.. Возвратившись из Киргизии в Москву, я на какое-то время стал членом редколлегии новой Экспериментальной киностудии. И в один из первых же дней работы услышал в телефонной трубке весёлый знакомый голос: «Я сейчас приеду!» И в канун 50-летия Октября мы начали новую работу — теперь вместе. Она была режиссёр-постановщик, я — всего лишь редактор. Несопоставимо? Но я ведь не о роли в фильме, а о единодушии и радости общения. Не басню Крылова под звёздами на Миусской репетировали мы, а, скажем, просматривали актёрские пробы. Помню, в Киеве ночь напролёт отбирали мы артистов, то схлёстываясь в спорах, то под утро счастливо разобравшись, наконец, с главным. По душам говорили о личном (а может, наоборот, это должно было быть главным?). У меня росла четырёхлетняя дочь, она была счастлива с мужем Элемом Климовым.

Не ищите нашу короткометражную картину в старых послужных списках режиссёра Ларисы Ефимовны Шепитько. Её положили на полку, изъяли даже из кинословаря, смыли негатив. Меня — «стрелочника» — выгнали с работы. Но делали мы фильм в радостном запале: это была первая экранизация великого Андрея Платонова «Родина электричества».

Фильм снимался в низовьях Волги, в деревне с нежным именем Сероглазка. Ничего общего это имя не имело с реальностью: калмыцкая голая песчаная степь, пересыхающие мутно-жёлтые протоки и старые развалюхи избы из выловленных в реке брёвен. Дикая жара, вода из грязных колодцев, плохой подвоз продуктов,

помидоры с грядки и арбузы с бахчи вместе с пестицидами, всеобщее расстройство желудка, тяжкий быт без всяких удобств... Лариса с умом выбрала эту «натуру»: она была истинно платоновская. Сушь, пыль, нищета, тощие люди в холщёвых рубахах и портах (лишь двое профессиональных актёров, остальные — крестьяне из деревни). Аскетичный голодный мир — кожа да кости! — овечий помёт и в куче пыли собранный по двору железный скарб. И рядом — мечта: сделать из этого скарба насос и дать воду иссохшей земле.

Такая же мечта сжигала Ларису: несмотря ни на что снять кино. Её буквально качало ветром. Любимая грубая шутка в автобусе — «не садись на колени, ушибёшь костями». Шутки шутками, а порой мы с покойным оператором Димой Коржихиным переносили режиссёра через протоки на руках. Спала ли она? Знала ли отдых? При мне — нет. Страсть. Экстаз. Помните у Горького: «полубезумный восторг делания»?

Зрители увидели этот фильм спустя двадцать лет. Помню, как все приехали в Дом Кино прямо с кладбища, в день десятилетия гибели Ларисы. Помню молчание зала в финале... За что царствовавшие идиоты перечеркнули (пытались перечеркнуть) стоический труд, почти подвиг авторов? Неужели за «мистику» — спасительный дождь, дар с небес, который пролился после взрыва несчастного насоса (этого не было у Платонова)? Или за кричавшие с экрана боль и горе социалистического рая?...

Я ощутил тогда, в 68-м, как что-то после этого сдвинулось в Ларисе. Как жёсткость подалась к ожесточению, а жажда справедливости — к вере в Божий промысел.

Наступило время её испытаний... Неудачей обернулась попытка реализовать сценарий Вадима Трунина «Белорусский вокзал». Я успел ещё принять участие в спорах о режиссёрском замысле. Лариса была теперь ещё более социально ангажирована, быть может, именно из-за репрессий к «Родине электричества». Романтическая элегия, которую потом так точно разгадал в трунинском сценарии Андрей Смирнов, была ей не по душе. Она искала столкновений ветеранов войны и охамевшей власти. Материал не гнулся в эту сторону, разрыв со сценаристом стал неизбежным.

Потом была лента «Ты и я» с Геннадием Шпаликовым. Кажется, впервые Лариса ощутила фильм как собственное поражение. Пожалуй, она была права. Странность и своеобразный эксцентризм Шпаликова был ей по плечу. Но его мягкая улыбочность и теплота никогда не лежали на её палитре. Я нашёл её тогда в 4-м павильоне «Мосфильма», вытащил в коридор, мы стояли одни у замутнённого осенью окна, и впервые на моих глазах «железная» Шепитько плакала... Я с трудом находил нужные слова, боялся ранить её

независимую душу открытым сочувствием. Хотел и боялся быть ласковым.

— Разве сошёл свет клином на этом проклятом кино? — сказал я. — Смотри, упустишь время... Рожай, пока не поздно.

Она молчала, глотала слёзы.

... Недавно здесь, в Америке, я прочёл, как двадцатидвухлетний студент-журналист Антон Климов подарил на день рождения шестидесятирёхлетнему отцу свою поэму. А прошлой осенью на семинаре в Перми Элем Климов рассказывал мне, что он стал писать стихи и Антон утверждает, будто именно они останутся в памяти людей, а не знаменитые ленты отца. Мы сели тогда рядом с Элемом и крепко выпили: поминали Ларису... Слышит ли она ТАМ стихи сына и мужа?..

Где-то за год до трагедии мы встретились с ней случайно в Доме Кино.

— Привет! — сказала она.— Знаешь, я скоро умру.

Сказала, как всегда, на бегу, на лестнице: мы опаздывали на чью-то премьеру.

— Не дури! — сказала тоже на бегу.— Что за блажь!

— Я серьёзно, мне Ванга предсказала.

— Больше слушай! — осерчал я.— Посмотри, на тебя все оборачиваются: молодая, красивая!

— Ты же не веришь,— как-то грустно усмехнулась она.

И я услышал тут отголосок нашего последнего долгого разговора. Что делать: я не был в восторге от её «Восхождения». Удивительная проза Василия Быкова была перенесена в кино опять-таки мощно и сурово. Быковское «всепонимание», правда, ушло из неё. Но появилась определённость. Скупой и чистый по краскам, фильм был неоспорим по позиции, дышал Ларисиными бескомпромиссностью и максимализмом. Лента была точна по всем параметрам. Если бы не привкус истерии. Если бы не откровенные религиозные ассоциации, не очевидная апелляция к христианской даже не этике, но атрибутике. Мне показалось, что с такими категориями не справиться намёками, надо быть или строже или полногласнее.

Я и сказал всё это, зная, что с ней не могу быть неискренним. Сказал, вероятно, косноязыко. Она не стала спорить, отрицательно покачала головой...

Неужели обиделась?

Прости, Лариса...

* «Он и был кино. Леонид Гуревич. Драматург, критик, педагог». Составители: Евгений Голынкин, Инна Демежко, Сима Березанская. изд. Аврора, С-П., 2021

Илья Альтман

Россия

«Это как бы весть с корабля прошлого, ушедшего в открытое море». Сборник писем и дневников евреев периода ВОВ. Выпуск 6

На протяжении уже 14 лет Научно-просветительный Центр «Холокост» выпускает серию сборников «Сохрани мои письма». Это весточки, послания, дневники со всего СССР (и не только) периода Великой Отечественной войны. Сюда относятся письма с фронта евреев — солдат и офицеров Красной Армии домой, послания из тыла на поля сражений, из эвакуации, письма из только что освобожденных районов.

Разумеется, Центр «Холокост» собирает документы не только евреев, но и членов смешанных семей, друзей, однополчан. Очень часто местные жители освобожденных районов пишут в своих весточках о событиях Холокоста, есть в коллекции организации и фронтовые дневники.

Когда в 2007 году Илья Альтман — профессор РГГУ, сопредседатель Центра «Холокост» и Леонид Терушкин — заведующий Архивным отделом Центра «Холокост», выпустили первый сборник «Сохрани мои письма», то они не думали, что проект получит столь серьезное, масштабное продолжение и такую огромную популярность у читателей. Сейчас, спустя много лет, Альтман и Терушкин понимают: у первого сборника имелся ряд недостатков.

Однако, в рамках этого долгоиграющего проекта, сотрудники Центра собрали немало писем и дневников периода войны. А с выходом шестого Сборника, поиск писем и дневников стал отдельной целенаправленной деятельностью Центра «Холокост». В эти сборники включаются письма, масса фотографий и личных документов, справок, свидетельств, похоронок, рисунков.

Шестой Сборник «Сохрани мои письма» вышел к 22-му июня 2021 года, к 80-летию начала Великой Отечественной войны, к печальной дате нападения Германии на Советский Союз и к истокам самой страшной, кровавой, ужасной трагедии еврейского народа.

Среди авторов публикуемых писем и дневников 38 фронтовиков, в т.ч. 26 офицеров. В основном, лейтенанты и капитаны. Старший по званию – 46-летний полковник Аркадий Локшин. Почти половина из них были убиты, либо умерли от ран. Среди авторов - участники Гражданской войны (Л.Э. Векслер, С.В. Березнер и С.С.Бойм), которым было за 40. В 60 лет погиб сержант Израиль Гальперин. Но большинство авторов на момент призыва были в возрасте от 19 до 30 лет.

Эти письма и дневники очень личные. Они (как и в предыдущих сборниках) отражают пребывание евреев в годы войны в действующей армии, тылу, партизанских отрядах и оккупации, Москве и блокадном Ленинграде, эвакуации. Особую группу составляет переписка с родственниками из-за рубежа: как уцелевших в годы Холокоста, так и интересующихся судьбой своих родных. Представлены дневники и письма евреев, которые скрывали свою национальность, находясь в плену. Особая группа писем – это свидетельства о погибших в оккупации родственниках от друзей, соседей и сослуживцев. Отдельного внимания заслуживают письма женщин (преимущественно, жён и сестер), а также детей фронтовиков.

Ощущения от прикосновения к этим удивительным документам поэтично выразил легендарный десантник, Герой Советского Союза Цезарь Куников: «Трудно передать, что значит на фронте получать письма. Это как бы весть с корабля прошлого, ушедшего в открытое море». Подборка его писем сестре – благодаря бесспорному

журналистскому дару знаменитого героя Малой Земли – одна из самых ярких. В сборнике представлены также письма Давида Кеймаха (одного из организаторов убийства гауляйтера Белоруссии В. Кубе), будущего знаменитого литературоведа Льва Копелева, писателя Ильи Эренбурга, Кукрыниксов, одного из лучших футбольных судей СССР Марка Рафалова, представителей известных фамилий - Подвойских и Подрабинек.

Есть ли национальная специфика у публикуемых документов, написанных преимущественно на русском языке? Письма и отдельные выражения на идиш представлены в переписка семьи Воловичей, в т.ч из-за границы; Абрама Клейнермана и Израиля Гальперина. Письма Исаака-Айзена Даена из блокадного Ленинграда написаны и на русском, и на идиш. Именно такие документы, прежде всего, свидетельствуют о национальной самоидентификации авторов. Ее можно проследить и по упоминанию религиозных праздников (так, Исаак Вовси писал с фронта в апреле 1944 г. о еврейской пасхе). О знакомстве с иудаизмом напоминают сокращенное написание слова Б-г. Лев Березнер в июле 1941г. в письме к жене вспоминал классика еврейской литературы: «Ведь только представь себе на одну минуту, что будет с нашей родиной, с нашим народом... Что будет с вами? У Шолома Алейхема есть произведение «Кровавая шутка» — это они нам готовят». Сержант Ефим Френкель писал в 1943г. о мести нацистам: «...у меня, как у еврея, к ним будет особый счёт. Я буду мстить за тех евреев, которых они бесчеловечно умерщвляют во всех сёлах и деревнях». Довольно курьёзно майор Семен Гетманский поздравлял родных с православной пасхой и одновременно на идише упоминает богатыря Самсона. Израиль Гальперин пользовался вторым своим именем Арон, чтобы сообщать о месте пребывания на фронте в третьем лице, а именем Сонем (на идиш: «ненавистный враг») обозначал немцев. Вот один из примеров того, как он обходил цензурные ограничения: «Относительно Арона пишу вам, что в последнем полученном от него письме, пишет, что здоров, а дядя Сонем ещё проживает в Калининской области, но думает со временем переезжать; в общем о нём нам поменьше беспокоиться, ибо он человек нехороший, гордость его и крепкость уже ни как в молодости». Отношение к власти советских евреев отражает письмо отца Моисея Шарлата. В апреле 1942 г. он обращался из эвакуации к сыну-фронтовику (письмо опубликуют во фронтовой газете): «Особенно дорогá Родина и её власть нам, евреям. Это она <...> предоставила нам полные гражданские и политические права, одинаково со всеми народами, населяющими её».

Но таких писем в сборнике сравнительно немного. Как и переписки, авторы которой погибли в Холокосте. Среди них 15-летняя киевская школьница Соня Маловицкая и Вера Левина из Орла. Вот

цитата из ее полного драматизма прощального письма 8-милетнему сыну Владимиру от 26 декабря 1941 г.: «Я каждую секунду жду прихода за собой, а это означает вечную с тобой разлуку. Так много я должна тебе перед смертью сказать. Я тебе мать — плохая или хорошая; когда вырастешь — разберёшься. Но мне нужно тебе сказать столько, чтоб этого хватило на всю твою жизнь, чтоб в трудные минуты ты мог почерпнуть в этих строчках то, что услышал бы от матери».

Именно с трагедией Холокоста связана еврейская составляющая в биографии авторов многих писем. Не менее 13 подборок (более 25 %) содержат сведения об этом (не исключено, что по некоторым другим семьям сведений о казненных выявить пока не удалось). Так, Любовь Канторович потеряла 22 близких родственника: 15 - в белорусском местечке Паричи, в т.ч. трех ее братьев-подростков; у ее супруга-фронтовика в Минской области были убиты родители, брат, сестра, её муж и двое маленьких детей. У Якова Резника погибли 13 близких родственников: в с. Красностав Хмельницкой области были расстреляны его родители, жена, дочь, 16-летний брат, 15-летняя сестра, тесть и теща; старший брат Беньямин с женой и тремя детьми погиб в оккупированном Овруче. У Исаака Табака во Львове погибли родители, жена, дочь и другие родственники (всего «7 семейств»). Родители и две младшие сестры Соломона и Мириам Воловичей казнены в г. Почепе Брянской обл.; другие их родственники погибли в оккупации в литовском городе Биржай. У Александра и Льва Копелевых дедушка, бабушка, тётя и ее семья расстреляны в Бабыем Яре в Киеве. У Гиты Гинзбург родители и сестра-студентка погибли в Одесской области. В оккупированной Одессе казнены родственники и Семёна Кеймаха. Погибла мать Григория Рудина и его харьковские родственники. У Добы Альфес в Вильнюсском гетто погибли родители, брат, сестра с мужем и ребенком. Родители комбата Исаака Копелевича погибли в Даугавпилсе (Латвия). У Бети Гойхман родители, эвакуировавшиеся в Пятигорск, погибли в Минеральных Водах. У майора Семена Гетманского в Клинцах погибли дедушка и бабушка. У Меира-Лейбы Рубинштейна, дяди бежавшего из Варшавы в СССР Якова Соколовера, родные погибли в Варшавском гетто и Трешлинке.

О гибели родственников-евреев своим близким нередко писали сами фронтовики. Так, Исаак Табак сообщал с фронта своему тестю, что во Львове были казнены его дочь и внучка (жена и дочь автора), о чем он узнал от своего дяди, брата матери. Но чаще всего информация приходила на фронт. И.Гальперину об убийстве своего научного руководителя и других евреев Днепропетровска сообщила его сестра. 11-летняя Лена Рабинович писала брату отца на фронт в феврале 1945г.: «Дядя! Немецкие гады убили в Бабыем Яру папиного папу, маму, брата, сестру и всех их родных, которых я не знаю.< ...>

Дядя, если тебе доведётся встретиться с этими гадами, отомсти за наших родных и за всех, кто был замучен в Бабьем Яру, в Майданеке и в других местах».

Откуда авторы писем получали информацию о судьбах близких, оставшихся на оккупированной территории? Прежде всего – из официальных ответов местных органов власти. Обычно обращались к друзьям, коллегам, соседям, нееврейским родственникам. Они заметно отличаются как по стилю, так и по объему информации. Любовь Канторович получила сухой ответ из райисполкома, что родные погибли, а дом сгорел и подробное сочувственное письмо соседки, начинающееся словами «Дорогая Люба». Она сообщила, что «Здесь почти не было семей, которые бы не проливали слёз от всех ужасов оккупации. Из Ваших близких нет никого, только я не знаю о судьбе Вашего братика». Подруга сестры сообщает из Почепа в Саратов: «Родные твои все были расстреляны немецкими бандитами 1,5 года назад. Дом ваш сгорел при отступлении немецких извергов». Друг брата А. Шарпарёв сообщил сыну погибших в Ленинград не только о гибели семьи Ратнеров, но и о судьбе всех евреев Почепа, подробности содержания их в гетто, казни в марте 1942 г. и о реакции местных жителей. О судьбе учительницы Рахили Концевой из д. Палуж Краснопольского р-на Могилевской обл. ее мужу Александру Тимошенко сообщила их общая ученица, а он переписал это сообщение в письмо сестры своей жены. Их младшие сестры были в гетто, но сумели бежать и выжили. Якову Резнику о гибели 8 его родных, включая жену и сына, сообщили соседи. Они же описали, как полицай по имени Денис убил его тестя и других евреев, за что был повешен после освобождения местечка Красностав, так и не признав вины.

Многие авторы писали конкретно о еврейских жертвах, чаще всего связанных с местами проживания родственников. Исаак Берщадский в середине февраля 1942г. «узнал зверскую расправу румын над 25000 евреями в Одессе», где оставались семьи двух его дядей. Григорий Рудин жене в середине октября 1944г. из Риги: «Третий день не покидает меня видение кошмарной картины – тела невинных советских людей, злодейски умерщвленных немецкими извергами в лесу вблизи города....13 трупов, из них 3 – с желтыми шестиконечными звездами, с надписями по латыни и по- еврейски «еврей» во рву, наполненном сожженными телами (об этом говорят кости, пепел и т.п.), изуродованные, а потом расстрелянные зовут к мщению». Весной 45г. он дополнит эту информацию: «Как реликвию держу в кармане желтую звезду, снятую с убитой старенькой, как моя мать, женщины. Ведь я из Харькова получил письмо о судьбе близких родственников, не успевших эвакуироваться. Их судьба так же печальна, как многих рижан». Гвардий старший лейтенант Иона Горелик (погиб в Венгрии)

сообщал родным весной 1944г.: «Прошел всю Украину и видал и слышал, что немец проклятый сделал с евреями. Просто рассказать нельзя, а описать тем паче. Дорогой мой, жуть, еще хуже, когда закапывали живых женщин и детей, терзали. Не могу писать, сердце разрывается при одном воспоминании». Соломон Волович в марте 1945г. напоминал дяде в США: «Мы уже писали Вам о несчастье, которое нас постигло три года назад и о котором мы узнали больше чем два года спустя. Это несчастье выпало на долю не только нам – большая часть еврейских детей осиротела. Сотни тысяч еврейских семей, которые остались в городках Белоруссии, Украины, Литвы, были уничтожены гитлеровскими захватчиками».

Отдельная группа документов – это письма нееврейских родственников, а также тех, кто сообщал о гибели евреев в оккупации. Самое подробное письмо о Холокосте написал своей жене Зельде и ее родным в Ташкент майор, лётчик Федор Трофимов. В начале октября 1944 г. он специально со своими боевыми товарищами посетил только что освобожденный лагерь Клоога в Эстонии и подробно описал не только злодеяния нацистов, но и свои встречи с уцелевшими. Узнав, что жена майора еврейка, а его сына зовут Абрам, они подарили ему священные книги. Их, вместе с совместными фото с узниками, он также переслал жене: «Илья Эренбург на антифашистском еврейском митинге сказал – «я горжусь, что моя мать Ханна». Я тоже скажу, что я горжусь, что моя жена Зельда, моя мать Геня Янкелевна (тёща автора –И.А.) , что у меня сын Абрам.<...> За слёзы, муки и страдания моего народа, и еврейского в первую очередь, испившего всю чашу страданий до дна – я готов на всё, готов и, если надо, отдам с пользой для народа и Родины всю свою кровь и свою жизнь».

Тесно связана с темой Холокоста и информация об эвакуации и бегстве еврейского населения. Публикуемые в сборнике письма отражают драматические обстоятельства эвакуации. Как известно, для принятия решения об эвакуации, особенно для пожилых людей, должны были быть веские мотивы. Очевидно, что до 24 августа 1941 г., когда на радиомитинге еврейской общественности прозвучала информация о планах нацистов, о массовом убийстве советских евреев либо не было известно, либо люди, сталкивавшиеся с немцами в период Первой мировой войны, отказывались верить сообщениям. Из писем, отправленных накануне оккупации, лишь в письме подруге школьницы Сони Маловицкой четко прослеживается предчувствие гибели: «Настроение очень плохое. Кушать нечего. <...> Так больно видеть, когда кто-нибудь уезжает, будто бы тебя режут. И всегда думаю: они уехали, они останутся живы, а мы остались на верную гибель». Понимание грозящей опасности присутствовало и у родителей Мириам Волович в письме из г.Почеп от 20 июля 1941г.: «К нам много людей прибыло, и они едут дальше, если у них не

получается остановиться. И Бог знает, может быть, и нам придется бежать, а куда — мы не знаем». Таким образом, источником информации о Холокосте выступали сами беженцы, а сдерживающим мотивом было отсутствие места для дальнейшего проживания. Ряд адресатов писем или их родных вообще эвакуировались чудом. Отец жены летчика Льва Березнера, работавший в еврейском колхозе в Джанкое, был в плену в годы Первой мировой войны; в 1941 г. он категорически не хотел эвакуироваться. Согласился выехать с семьёй только после того, как однополчане Л. В. Березнера буквально накануне оккупации приехали за его женой и сыном. Препятствовали эвакуации и другие обстоятельства. В прощальном письме Веры Левиной сыну есть такие строки: «Я, ставя на первое место долг перед Родиной, разлучилась с тобой, вместо того, чтоб уехать вместе». Успокаивали и успехи Красной армии зимой 41\42г.; отсутствие должной информации о летних неудачах в 42-м. Неудивительно, что в письме из Пятигорска за полтора месяца до оккупации, наоборот, присутствует ощущение того, что автору, бежавшему из Молдавии, все самое страшное кажется оставшимся позади.

О попытках реанимировать антисемитские настроения в последний период войны сообщает дневник Виктора Житомирского. В записи от 11 января 1944 г. сообщается об антисемитских листовках, которые нацисты сбрасывали с самолётов под Ленинградом от имени «Русской Армии Освобождения». Автор отмечает, что это «явная фальшивка, написанная без знания нашего быта». Но делает важное наблюдение: «она может оказать на некоторых влияние, т.к. антисемитизм очень живуч».

Несомненную ценность представляют сообщения фронтовиков и партизан об уничтожении евреев, других мирных граждан и военнопленных.

Отметим отчет о пребывании за линией фронта командира диверсионной группы Давида Кеймаха (февраль 1942г.): «Немцы поймали еврейку Мирскую, крещенную, с двумя детьми до 10 лет и расстреляли их; повесили на воротах в дер. Нешково одного еврея». Спустя несколько дней он этот сухой отчёт эмоционально дополнил в письме к жене: «О, если бы я тебе рассказал, что творят эти «цивилизованные дикари». Вот сейчас отправлюсь опять на них, не дать им ни минуты покоя ни днем, ни ночью». Начштаба саперного батальона Лев Верник (его брат Хаим погиб в 1943 г.) за день до гибели, 22.11.41, писал родным: «Они, сволочи, очень издеваются над нашими ранеными и убитыми». Ц. Куников в конце 1941г. сообщал сестре: «Я видал в отбитом нами Ростове кварталы, население которых, старики, женщины, дети, — целиком было расстреляно — невинно и бессмысленно». Сержант Ефим Френкель летом 43-го негодовал: «На пути своего отступления эти двуногие звери мирное

население угоняют с собой, а кто не может двигаться пешком, пристреливают, несмотря на годы, маленьких детей, стариков и женщин». Майор Семён Гетманский писал в 1943 г.: «Я сейчас читаю, что творили изверги человечества в ныне освобожденном Брянске, Бежице, Жудилово и во всех освобожденных нашей Красной – славной армии городах, у меня мурашки пробегают по телу». Сержант Ефим Френкель в 1943 г. находился в районе Орла: «Население довольно освобождением, рассказывают жуткие истории, у не знающего человека, на что способны эти двуногие звери, волосы становятся дыбом». Дневник и письма Н. Цейтлина содержат ценные сведения о встречах с освобожденными рабами 3 Рейха. 28 марта 1945 г он сообщал фронтовому товарищу о найденных им письмах угнанных в Германию: «Все они не переставали мечтать о родине, и когда нельзя было писать на родину, они писали друг другу: невольники писали рабам, рабы невольникам». Фронтовой шофёр Рувим Подрабинек весной 1945 г. встречал спасенных Красной армией в Данциге: «...беженцы, толпы беженцев. Очень много русских, возвращающихся на родину». Уже после войны Наум Цейтлин сообщал родным: «В одном селе на западе от Берлина мы освободили детский дом, состоявший из русских, белорусских и украинских детишек. К нашему приходу в детском доме осталось всего 26 человек ребят. О том, что пережили эти дети, можно говорить долго». То, что видели своими глазами фронтовики, логично вызывало у них чувство безжалостной мести. Оно присутствует во многих письмах (Ц. Куникова, С. Воловича, Л. Верника и др.).

Две подборки посвящены судьбам евреев-военнопленных. Ицхак Бельферман попал в плен осенью 1943 г. выдавал себя за караима. Был в марте 1945 г. освобожден американцами, с этого времени вел дневник, где описал как пребывание у союзников, так и проверки после передачи в советскую зону. Сергей Березнер оказался в плену уже осенью 1941г. Лишь летом 1945г. он, лечившийся от туберкулеза, связался с женой и описал обстоятельства своего пребывания в плену. Эта подборка интересна и деталями непростого восстановления связей с семьей.

Отметим и другие темы, отраженные в сборнике. Прежде всего, это письма о любви. Сергей Березнер признавался жене в первые недели войны: «Мы с тобой уверены, что любовь вечна, и никакие расстояния не могут порвать золотую цепочку нашего счастья». Комбат Исаак Копелевич жене, которую звал Солненько: «Говорят, что со временем чувства переходят в привычку. А я по опыту говорю, что нет. Вот уж больше 13 лет, как мы вместе, а чем дальше, тем больше я восхищаюсь тобой, твоей благородной, прямой душой». В послевоенной переписке с матерью москвича Рувима Подрабиника – драматическая история знакомства и попытка устроить личную жизнь

с девушкой из Берлина: «По крови Рут наполовину немка (по матери), наполовину еврейка (отец ещё в 1933 г. по приходе гитлеровцев к власти был арестован и послан в специальные для евреев лагеря, где, вероятно, и погиб, так как на протяжении всего этого времени никаких известий о нём нет). В эти 12 лет ей пришлось много претерпеть как «мишлинг». Несмотря на взаимные чувства, быть вместе молодым людям было не суждено.

Особенно пронзительны письма фронтовиков, адресованные детям. Матвей Шварцман делился с женой: «Видел сегодня ребёнка и вспомнил Микушку. Кстати, я вспоминаю его всегда, когда глажу свою стриженную голову». В другом письме просил жену: «Считай законом в его присутствии: никогда не повышать голоса, ругаться, плакать etc.». Ц. Куников советовал племяннику-школьнику: «А главное сейчас для тебя — это научиться не бояться. Страх может быть в каждом из нас, это не значит, что ты трус. Надо воспитать в себе умение обуздать нервы и изгнать страх». Жизнь в эвакуации, особенно для женщин с маленькими детьми отнюдь не была легкой. София Рудина сообщала мужу: «Мы все в поисках комнаты, в дыру идти не хочется». Быт эвакуированных передают трагические письма латышской еврейки Сары Вовси (ее мужа-художника призвали в армию в 1942 г.): «Меня волнует завтра и особенно эта грязная ужасная осень. А мы без одежды почти и без обуви.»; «...я купила нам кровать за 150 р., чтоб не спать больше на полу, и демисезонное одеяло». Ее страдания в Узбекистане с болеющей дочкой, попытка выехать к родным на Урал, смерть в дороге после путешествия в более чем 1 000 км не оставят читателя равнодушным.

Блокаду Ленинграда отражают несколько источников. Дневник Виктора Житомирского не только о голоде, смертях, но и о силе духа ленинградцев.

64-летний провизор И.-А. Даен в письме жене на идиш более подробно, чем в письмах детям на русском, описывает страдания ленинградцев в конце 41-го, но делает оптимистичный вывод: «Несмотря на это, все мужественны и сильны». В январе 42-го автор умер от голода. Ценны для истории и наблюдения журналиста Григория Рудина о Ленинграде осенью-зимой первого года войны в письмах жене: «Очень рекомендую прочесть в «Ком[сомольской] Правде» за 5 июля «Февральский дневник» - стихи Ольги Берггольц».

Будущий известный советский футбольный арбитр Марк Рафалов нередко вспоминал о «футбольной закалке» и благодарил друга за присылку информации о ходе первенства Москвы по футболу: «Очень приятно на время погрузиться мыслями в «прекрасное далёко».

Уникальна переписка членов семьи Волович - проживавшей в Москве Мириам и ее брата, фронтовика Соломона, - с родственниками из Северной Ирландии, США, Южной Африки. Об участии членов семьи

в войне в армии США сообщал их дядя из Ричмонда: «Мой сын в армии, он сражается в Германии. Надеюсь, он здоров. И моя старшая дочь Бейла тоже служит в добровольческом подразделении на флоте... А моя младшая дочь Маня Бася работает в госпитале».

Особо следует сказать о высоком интеллектуальном уровне некоторых авторов (Копелевы, Ц. Куников, Н. Цейтлин, М. Шварцман). Их документальное наследие – ценнейший источник о поколении, которое завоевало Победу. Во многих письмах говорится о прочитанных книгах, кино, театре, музыкальных произведениях. Наум Цейтлин в дневнике которого постоянные отсылки к литературным произведениям, в августе 1942 г. был удивлен тем, что не обнаружил книг в немецких блиндажах. Он же просил И. Эренбурга выслать ему одну из книг писателя: «Ваши статьи, товарищ Эренбург, не только увлекают, не только волнуют, будоражат мысль, зовут к священной мести. Они укрепляют в каждом из нас уверенность в себе, в силе своего оружия, в нерушимой прочности построенного нами общественного порядка, в правоте дела, за которое мы боремся, уверенность в победе!».

Фронтовики размышляли не только о личном, но и самом важном для страны. Ц. Куников предлагал в письме сестре 29 июня 41-го: «Нужны сценарии коротких фильмов, статьи, показывающие звериное нутро гитлеровщины». Рядовой Матвей Шварцман летом 42-го размышлял: «Нас перед отсылкой на фронт подготавливали странными речами, что мы должны умереть за Родину. Похоронные речи здесь очень в моде. Никто, почему-то, не сказал, что Родина не умирать нас посылала, а побить немцев. Для этого у нас и людей хватает и техники. Нужно только уметь. Если будет необходимо, мы умрём, но нам необходимо победить немца, а это тяжелее, чем просто умереть». В. Житомирский обращался к взаимосвязи политике государства и войн: «Государства вооружаются только для нападения. Только слабая армия имеет задачей оборону. Но как только она станет сильнее других, она из оборонной силы превращается в нападающую, диктующую свои условия. Иначе быть не может в мире, где равновесие устанавливается вооруженной силой».

Находясь в пекле сражений и предчувствуя свою гибель, Матвей Шварцман просил жену: «Раиса! Какие бы изменения в твоей жизни не произошли бы или в моей, включая мою смерть, прошу сохранить мою диссертацию, отзывы и записи в тетрадях. Всегда за них отвечаешь. Мишка, если он благополучно вырастет, должен все мои заметки разобрать...это моё завещание».

О боевом пути авторов – в одном из писем В. Житомирского: «Проехали Румынию, частично Югославию, всю Венгрию от Сегеда до Шопрона и сегодня, пересев на машины, въехали в Австрию». О пребывании в Польше и Германии, взятии Берлина мы узнаем из писем

ст. лейтенанта Лазаря Векслера. Ст. лейтенант Алексей Розенблюм утверждал: «Население нас всюду встречает дружно, с радостью как освободителей. Польский народ очень гостеприимный».

У евреев - фронтовиков Победа действительно стала праздником со слезами на глазах. Эти чувства отражены в письме от 9 мая 45-го гв. лейтенанта Евно Горелика : «Утеряны самые близкие родные люди.. ...мне очень часто при мысли о том, кого я найду на родине, аж страшно становится. Раньше все это не чувствовалось как сейчас, когда уже все кончено и предстоит скорое возвращение домой. Хотя и слово домой ведь тоже неправильно употребляю. Ведь его-то нет у меня».

Разумеется, мы отразили далеко не все темы сборника (юмор, взаимоотношения с детьми, реакция на действия союзников, участие в боях, характеристика освобожденных стран и народов и др.). Надеемся, что каждый читатель найдет в нем что-то новое и важное для себя.

Мы благодарим всех, кто содействовал подготовке этой книги: прежде всего - родных и близких авторов писем и дневников; всех, кто передал нам подлинники и копии публикуемых документов. Этот выпуск посвящен памяти руководителя таганрогского отделения Центра «Холокост», бывшего малолетнего узника нацистских тюрем Т.М.Отерштейна, скончавшегося в этом году. Это его усилиями был создан мемориал памяти евреев Таганрога, а также первый в России памятник детям-жертвам Холокоста.

Илья Альтман, 9 мая 2021 г.

Кира Белостоцкая

Москва, Россия

Мои встречи со Святославом Николаевичем Рерихом

1979 г. Я уже двадцать лет работаю на закрытом секретном предприятии после окончания Радиотехнического факультета МЭИ и

занимаюсь разработкой антенных устройств для космических аппаратов.

Я – невыездная. Меня даже не выпустили в Польшу на семь дней покататься на горных лыжах. И вот однажды мой директор академик Алексей Фёдорович Богомолов объявляет мне, что я буду участвовать в работе по индийской программе и надо срочно сделать прививку от холеры.

Затем последовал вызов в дом на Старой площади (ЦК партии). Большой кабинет, длинная ковровая дорожка, в глубине кабинета массивный стол. Сидящий за столом человек поднимает голову от бумаг. Спрашивает, понимаю ли я важность и ответственность дела, которое мне предстоит выполнять. Киваю головой. На этом разговор и кончается.

Как возникла эта индийская программа? Поясню короткой исторической справкой. В 1971 году в Департаменте атомной энергии Правительства Индии была разработана «Программа космических исследований Индии с перспективой на десять лет». Программа была одобрена Премьер-министром Индии Индирой Ганди и была создана ИСРО (Indian Space Research Organization – индийская организация космических исследований). Первым главой ИСРО стал министр правительства Ганди профессор Сатиш Дхаван. Космическая программа предусматривала несколько этапов:

- создание собственного космического аппарата;
- подготовка специалистов в области космических технологий;
- организация космического производства

Начинать надо было «с нуля», и Индира Ганди обратилась за помощью к Советскому Союзу.

Было подписано государственное соглашение между АН СССР и ИСРО о технической помощи в создании космического аппарата, запуске его с территории СССР нашей ракетой. В перечень участвующих организаций попало ОКБ МЭИ, а в команду ОКБ – я с задачей: помощь в разработке антенных устройств спутника и расчёт энергетики радиоканала «спутник – наземная станция».

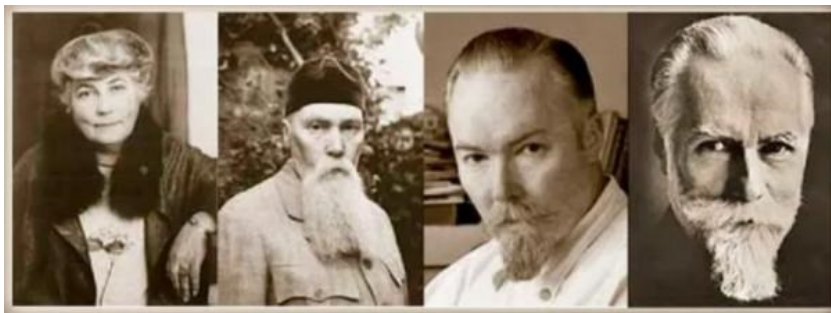
2. Две исторические линии

В ходе работ ежегодно проходили встречи в Москве и Бангалоре, где находилась ИСРО. Эта совместная работа длилась около тридцати лет, и 17 раз я летала в командировку в Бангалор.

В это же самое время в Бангалоре жил и работал замечательный русский художник Святослав Николаевич Рерих.

Вот таким чудесным образом слились две исторические линии: начало развития индийской космонавтики и творческая жизнь русского художника, воспевшего природу и людей Индии.

В каждый приезд в Бангалор мы непременно виделись со Святославом Николаевичем и его женой Девикой Рани. Это происходило либо в их городском доме, либо в пригородной усадьбе, либо у нас в гостинице. Каждая наша встреча была обоюдно желанной, взаимно обогащающей. В моих блокнотах сохранились краткие записи этих незабываемых встреч. Дальше мой рассказ по этим записям, сделанным в хронологическом порядке, с добавлением подробностей, которые остались в памяти.

Семья - Елена, Николай, Юрий, Святослав

Но сначала несколько слов о семье Рерихов. Святослав Николаевич родился в Санкт-Петербурге в семье художника с мировым именем Николая Константиновича Рериха (1874 – 1947). Его картины, а их около семи тысяч, находятся в самых лучших музеях мира. Он был ещё путешественником, археологом, философом, писателем и общественным деятелем. Николай Константинович – автор идеи «Пакта Рериха» - международного договора об охране художественных и научных учреждений и исторических памятников. Пакт был подписан в Вашингтоне и одобрен Рузвельтом в 1935 году.

Мать Святослава Николаевича Елена Ивановна Рерих (1879-1955) – религиозный философ, писательница, путешественница. Она автор «Агни – йоги» («Живая этика»). Этика у Елены Ивановны – это форма общественного сознания, одна из важнейших форм жизнедеятельности человека. Книги учат людей мудро и достойно прожить земной путь, моральному усовершенствованию человека. Елена Ивановна была убеждена в сверхчувствительных методах познания.

С 1935 года семья постоянно жила в Индии в Кулу (Гималаи). Они вырастили двух сыновей. Старший Юрий (1902-1960) – доктор филологических наук, востоковед со знанием тридцати языков. Младший Святослав (1904-1993) унаследовал от отца талант живописца и любовь к Гималаям. В 1938 году Рерихи хотели вернуться в СССР. На просьбу Сталин пишет: «не отвечать». Николай

Константинович подавал прошение в 1939 году, а последнее – в 1947. Он умер, не узнав, что снова пришёл отказ. В начале войны Святослав и Юрий просились добровольцами на фронт, им отказали. Отец и сын устраивали выставки с продажей своих картин, а деньги перечисляли в фонд Красного Креста Красной армии. Николай Константинович пишет статьи в поддержку советского народа, а в 1942 году создаёт американо-русскую культурную ассоциацию, куда вошли Чаплин, Хемингуэй, Кент и другие.

В 1957 году Юрий вернулся в Россию и работал в институте востоковедения АН СССР. Создал Тибетско-русско-английский словарь, которым пользуются востоковеды всего мира.

3. Первый раз в Индии

В апреле 1979 года лечу в Индию рейс «Москва-Дели». Утром пролетаем над Гималаями. В окне иллюминатора в мелких складках огромные горные хребты, то прямые от горизонта до горизонта, то закрученные дугами. Их снежные вершины освещает восходящее солнце, и они горят ярким жёлтым цветом, как плафоны. Грандиозная картина!

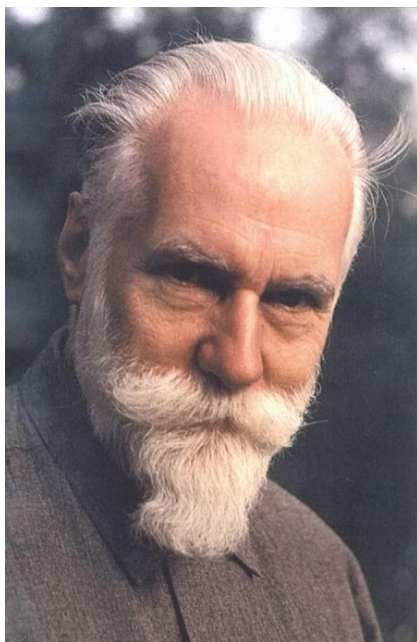
Самое разительное впечатление от страны было, конечно, в мой первый приезд. Индия пахнет! Выхожу из здания аэропорта - и на меня спускается, меня обволакивает тёплый дурмящий воздух. Вокруг жужжание голосов, сказочная картина цветущих деревьев. Я просто была зачарована.

4. Знакомство со Святославом Николаевичем Рерихом

Поселяется наша группа в гостинице Barton Court. И в первый же день Алексей Фёдорович Богомолов ведёт нас к хозяину гостиницы г-ну Миките с просьбой договориться о нашей встрече с Рерихом. Уезжаем в ИСРО. И уже в обед получаем записку от Микиты, в которой он сообщает, что Святослав Николаевич приглашает нас завтра утром в свою загородную усадьбу Татагуни. Усадьба находится в нескольких километрах от Бангалора.

У ворот охрана. Проходим по дорожке к дому. На веранду выходит Рерих, очень подтянутый, с седой бородкой, в светло-серых брюках и рубашке навыпуск. Сразу поражают его глаза – пронзительные, необыкновенно живые, улыбающиеся и очень молодые, а ему уже далеко за семьдесят. Он подвижен. Жестом приглашает нас пройти в сад и ведёт к большому баньяну. Около дерева стоят плетёные кресла. Знакомимся, рассаживаемся. Рерих обводит нас весёлыми глазами: «Ну, рассказывайте, как у вас идут дела». Богомолов как старый знакомый коротко говорит о наших совместных работах с индийскими

специалистами из ИСРО. Святослава Николаевича слушает внимательно, чувствуется его искренний интерес к нашим делам. С улыбкой говорит, что глядя на работу своих слуг, он очень сомневается, что индийцы смогут сделать большие успехи в космической технике. Замечу, что в этом он ошибся: индийский космический аппарат «Чандраян» с первой попытки достиг Марса, что не удавалось ни нам, ни американцам, и положенный срок работал на марсианской орбите.

Святослав Николаевич Рерих

5. Девика Рани Рерих

Появляется Девика Рани жена Святослава Николаевича. Девика училась в Лондоне в университете на факультете прикладного искусства. Вместе с первым мужем основала первую звуковую киностудию в Бомбее и руководила ею после смерти мужа. Она – первая звезда немого, а затем звукового кино Индии, член правления Национальной Академии танца, драмы, музыки и кино, член правительственного департамента по культуре. Сейчас Девика Рани ведёт всю переписку и финансовые дела Святослава Николаевича.

Она небольшого роста и удивительно статная. Красно-зелёное сари, ярко покрашенные губы, в волосах белый веночек из цветов, на

лбу коричневое пятно, на руках от запястья до локтя множество самых разнообразных браслетов - одни дутые массивные, другие очень тоненькие. Особенно красивы её глаза: совершенно чёрные, огромные, глубоко посаженные. Такое ощущение, что в них можно утонуть.

Девика предлагает мне подойти к баньяну. Баньян очень старый, ему больше 400 лет. Можно, загадав желание, позвонить в колокольчик. Я позвонила, загадав, как мне тогда казалось, совершенно невыполнимое желание. Должна сказать, что чудо произошло и желание через некоторое время исполнилось.

Слуги приносят чашечки с чаем и маленькие кусочки бисквита к каждой чашке. Разговор идёт об охране окружающей среды. Богомоллов рассказывает, что с помощью спутника можно будет обнаруживать лесные пожары, определять в море косяки рыб, контролировать таяние снегов в горах, запасы воды в реках и прогнозировать урожай. Рерих очень внимательно слушает. Потом рассказывает о своей жизни в Гималаях. Он очень привязан к Гималаям - там «царят дух и спокойствие». Святослав Николаевич говорит негромко, я бы сказала, мягко, красивым русским языком прошлого. Ощущение значительности, словно соприкосновение с историей русской культуры. Дальше разговор идёт о выставке Рерихов в Москве.

6. На фазенде

Святослав Николаевич предлагает прогуляться по фазенде. Бордюры дорожек выложены камешками, которые в ясную лунную ночь светятся. Идём мимо большого озера, на высоком берегу стоит широкая скамейка, над озером нависают огромные ветви деревьев, по ним разгуливают и качаются на ветках обезьяны. Отсюда открываются бесконечные дали. Рерихи владеют плантацией эфиросных деревьев – бурсеров. Святослав Николаевич выписал эти деревья – эфиросы из Мексики и сам руководил устройством плантации. Он поясняет, что плантация даёт ему материальную независимость, полную свободу и возможность заниматься любимым творчеством. Святослав Николаевич работает ежедневно с пяти утра примерно часа по четыре.

На эфиросных деревьях маленькие зелёные круглые плоды, похожие на оливки. Важно поймать момент, когда они начинают краснеть и чернеть с одного боку – в таком виде они готовы к переработке. Сок этих плодов в закупоренном виде отправляется на парфюмерные фабрики Франции и Швейцарии. Период сбора очень короткий, и мы попали именно в этот период. По пути встречаем

большую группу женщин с плоскими корзинами на головах – это и есть сборщики плодов, Рерих приглашает их из окрестных деревень. Заходим в низкое каменное помещение – давилню. В центре помещения стоит каменный чан, двое индийцев, медленно двигаясь вокруг него, вращают давилный круг. Несколько человек сидят у стены – смена этим двоим. Каменный век! Зато у людей есть работа, хотя и малооплачиваемая. Рерих говорит, что плантация уникальна, первая в Индии, и требует больших забот.

Собираемся уходить. Неожиданно Рерих предлагает мне погадать по руке. С удивлением узнаю, что у меня рука сильного человека. Рерих берёт с нас слово, что мы обязательно навестим его в городе. Проходим в комнату. Оставляем свои подарки - альбомы с репродукциями картин старых мастеров. Я вижу, что у стены высятся стопки аналогичных подарочных альбомов и книг. С этой первой встречи запомнились глаза Святослава Николаевича и его манера вести беседу.

7. Встреча в городском доме

Встреча в его городском доме после рабочей недели в ИСРО. Рерих искренне рад нам, каждого назвал по имени. Мне кажется, что мы ему интересны, потому что заняты делами, связанными с Космосом.

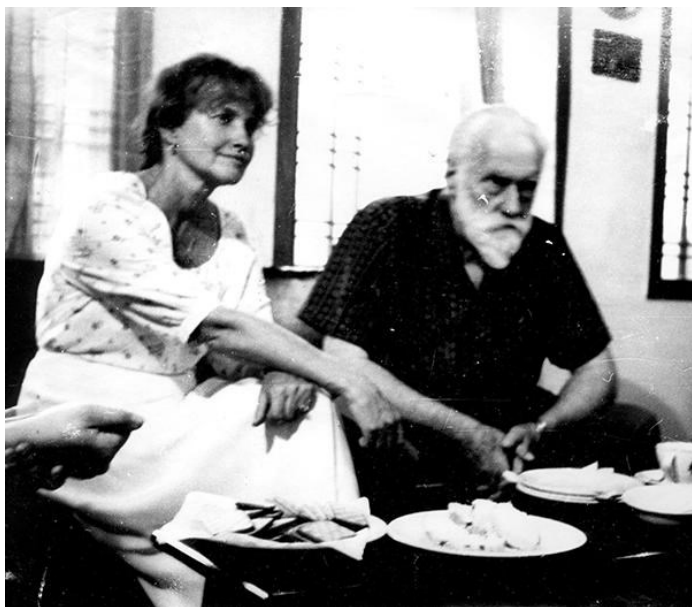
Со второго этажа по довольно крутой (явно не эргономической) лестнице спускается Девика. Спина прямая, спускается, не держась за перила. Позже она как-то сказала, что о возрасте женщины можно судить по тому, как она спускается по лестницы. Ей не следует держаться за перила.

Святослав Николаевич представляет нам молодую женщину с ласковой улыбкой, одетую в шёлковое голубое сари. Это Адити – директор школы имени Ауробиндо Гхоша, которую опекает Рерих. Видно, что в доме она частый гость. Адити красивая, гибкая, очень подвижная.

Разговор зашёл о телепатии, телекинезе и экстрасенсах.

Рерих рассказывает об отшельнике, которому было 366 лет. Он мог мыслью передвигать предметы. Девике отшельник подарил перстень, находившийся в Гималаях, и материализованный им в Бангалоре. Кроме того, он мог материализовывать на время умерших людей - в целом образе, или только голову, или только руку. Из руки он получал состав для смазывания лица – всё это Рерих видел сам. Мы были в шоке. Но как не поверить такому бесконечно уважаемому человеку! После довольно долгого молчания Рерих очень серьёзно стал говорить об энергии, о которой мы ещё ничего не знаем, о наших двойниках в этом мире. Бехтерев рассказывал отцу Святослава

Николаевича о собачке Дурова, которая приносила вещи по мысленным командам хозяина.

Кира и Рерих

Однажды в доме Рерихов собралась компания, шёл разговор и споры о телепатии. Его брат Юрий, востоковед, написал по-персидски записку одной из женщин с заданием подняться на второй этаж квартиры, войти в кабинет отца, достать книгу, найти страницу и прочитать текст на персидском языке. Женщина всё исполнила!

Не знаю, что и думать. Но, повторяю, Святославу Николаевичу хочется верить.

Перед тем, как попрощаться, около дома фотографируемся на память. На память мы фотографировались не один раз в разное время.

8. Встреча Рериха и Рао

В один из приездов Рерихов в нашу гостиницу у нас в гостях был профессор У.Р. Рао – директор ИСРО и директор проекта первого индийского спутника. Он знал об известном в Индии человеке и был рад познакомиться с ним.

К этому времени первый спутник «Ариабата», запущенный с территории СССР из Капустина Яра ракетой Янгеля, уже открыл

национальную программу космических исследований Индии. Ариабата – имя великого астронома и математика V века, в 23 года признанного мудрейшим среди учёных. Им гордились, ему поклонялись. Назвать первый спутник его именем предложила Индира Ганди.

Рао рассказал Рериху, что в индийском центре около 200 человек, все они очень молоды. - средний возраст 25 лет, самому ему около 40. Специалисты прекрасно подготовлены, но нет опыта в комплексной космической технологии. Спутники решат ряд важных жизненных проблем страны. Рерих внимательно слушал и одобрительно кивал головой.

На этой встрече по просьбе Рериха профессор Рао пел индийские песни – это было замечательно! А мы с Егоровым танцевали цыганочку.

9. В школе Адити

В один из приездов, по приглашению Адити, мы посетили школу, которую опекает Святослав Николаевич. Школа эта особенная, в неё принимают детей с трёх лет. Дети, конечно, из богатых семей.

Во дворе школы мы увидели играющих ребятшек - девочки в белых кофточках и синих юбочках, такого же цвета форма у мальчиков. Нам объяснили, что для всех учеников пять дней в неделю обязательна форма, причём каждый день разного цвета, а шестой – одежда произвольная. На шее у каждого ребёнка бумажные таблички с его именем и адресом. Не знаю, специально или случайно подбирают преподавателей в эту школу, но все учительницы были, как на подбор, одна красивее другой. Просторный коридор, на стенах небольшие картины, несколько своих работ подарил школе Рерих. На уроках дети поют, танцуют, рисуют, изучают природу. Главная цель педагога – научить ребёнка видеть и понимать красоту окружающего мира, беречь эту красоту. Эта задача была созвучна идеям Рериха: всегда следует стремиться к прекрасному, ибо красота спасёт мир.

10. Приглашение в Гималаи

На встрече в 1981 году замечаю, что Святослав Николаевич немного погружен, но глаза всё те же - очень молодые, живые, внимательные, весёлые. Он рад нам, каждого называет по имени. И мы очень рады встрече, ведь Рерих для нас – легенда, часть российской истории.

Разговор шёл о современном международном положении, проблеме сохранения мира. Рериха это очень беспокоит: «Здесь нужна вера в человеческий разум».

Он с Девикой собирается в Болгарию к Живковым, с которыми Рерихи давно дружат.

Святослав Николаевич снова гадает мне по руке. Видно, что ему нравится говорить человеку приятное: «Хорошая рука, человек умный, даже талантливый; жизнь будет хорошей и долгой» (мой возраст тогда - 46 лет).

Подписывает мне альбом с репродукциями своих картин: «Будем всегда стремиться к прекрасному». А на странице альбома со своим портретом Девика пишет: «To dear Kira in remembrance». Девика гадает по руке Богомолу: «Алёша, ты – шалун». Богомол увлекает её в соседнюю комнату: «Пойдём, пойдём, ты мне одному расскажешь по секрету».

Святослав Николаевич опять много рассказывает про Гималаи.

Приглашает нас приехать после окончания работы к нему в Кулу на отдых. Благодарим и не имеем возможности ему объяснить, что мы не только не можем поехать к нему в Кулу, мы даже не можем в его городе Бангалоре ходить поодиночке, не можем самостоятельно поехать в другой город – за нами «око».

На прощанье Святослав Николаевич дарит мне аквамаариновые бусы со словами: «Кирочка никогда мне не простит, если я не подарю ей эти камешки».

Давая на прощание сувенир, Рерих обычно приговаривал: «Каждое деяние – благодать, каждый дар совершенен бывает».

11. Рерих показывает нам свои картины

В 1986 году мы на загородной вилле Рериха. Около баньяна Девика угощает нас котлетками, которые сама приготовила. Пьём чай. Святослав Николаевич не очень хорошо двигается. Но глаза! Глаза всё же!

Мы с радостью принимаем предложение посмотреть его картины в студии. Студия – просторное светлое здание рядом с домом. Широкие окна выходят в сад. В них то и дело появляются обезьяны или болтаются их хвосты. Вдоль стен стоят длинные низкие столики, заставленные книгами, образцами старинной индийской бронзы и небольшими акварельными и карандашными рисунками. Вместо масляных красок, который портятся от влажности и высокой температуры, Рерих пишет темперой. Делает её сам на желтке по старинным рецептам.

Сейчас в студии небольшой полумрак, освещаются только картины. Слуги - мне они показались очень старыми и худыми - приносят большой подрамник и по очереди ставят на него одну картину за другой. Святослав Николаевич даёт пояснения, говорит о замысле каждой картины. Картины яркие, красочные, как сама Индия.

Чувствуется, что Рерих очень любит природу Индии. Вот очередная картина: на фоне гигантских стволов деревьев по красной пыли идут крестьяне. У мужчин за плечами мешки, на бёдрах женщин сидят дети, бронзовые тела людей сливаются с землёй. Над ними роскошное вечернее небо. Природа прекрасна и прекрасны живущие на ней люди. Другая картина: полусжатое поле, на нём работают крестьяне. На переднем плане сидит и отдыхает женщина, поза её грациозна. От картины веет покоем – люди вечно мирно трудятся на земле.

Серия картин – гимн Гималаям, любовь и привязанность к горам. В середине февраля, когда температура начинает подниматься, Рерихи уезжают в Гималаи в долину Кулу. Это редкой красоты места не тронутой человеком природы. Рерих работает запоём. Чтобы найти нужную панораму, он может часами лазить по горам. Он – певец горного великана Канченджанги.

Канченджанга – третья по высоте гора после Джомолунгмы (Эвереста) и Чогори. В переводе с тибетского Канченджанга означает «пять сокровищ великих снегов» Гималаев, поскольку у неё пять вершин. Николай Константинович передал свою любовь к горам сыну.

...Заснеженная могучая гора и небольшая группа людей с поклажей, идущих цепочкой. От картины исходит такая напряжённость, что физически ощущаешь как тяжело идти этим людям и какие они маленькие среди этих гигантских гор. Но! Человек силён духом: они дойдут и принесут поклажу людям, которые её ждут.

...Ночь. Люди с факелами преодолевают перевал.

...На тёмном фоне освещённая восходящим солнцем вершина и месяц рогами кверху.

...Гора на закате. В ущельях клубятся туманы и движутся причудливые тени.

Рерих говорит: «не подумайте, что это моя фантазия. Кисть не в силах передать и десятой доли тех ярких красок, которые нам приходится наблюдать в Гималаях». Ощущения остались незабываемые. Горы у Святослава Николаевича поднимаются над мирской суетой и являются источником мудрости.

Были портреты, много портретов в основном пожилых местных людей. Но мне больше запомнились горные пейзажи – каменное царство Земли – связь настоящего и будущего. Фон обычно яркий, хорошо оттеняющий главное.

Уходя спрашиваю: верит ли он в бога? На вопрос ответил вопросом: «Верю ли я в бога? Если Вас одолевают проблемы, вы их собираете и отправляете в бесконечность. Если я верю в бесконечность, то верю ли я в бога?»

15. Завещание Святослава Николаевича Рериха

Святослав Николаевич хотел, чтобы всё наследие родителей Николая Константиновича и Елены Ивановны оказалось на родине в Советском Союзе. Летом 1989 года в Москву привезли письмо, в котором Святослав Николаевич предлагал создать общественный музей им.Н.К.Рериха в Москве, а для содержания музея специальный фонд. В этом же году вышло Постановление Совета Министров СССР (от 4.11.1989 номер 950) об основании Советского фонд Рерихов и центра-музея имени Н.К.Рериха. Председателем Фонда стал президент Академии художеств Борис Сергеевич Угаров.

По мнению Святослава Николаевича, музей должен был быть не государственный, а общественным. Он писал: «...подчинение министерству культуры, а тем более Музею искусства народов Востока, повело бы к неоправданному, на мой взгляд, заведомо сужению задач и возможностей центра. Центр должен, по-моему, обладать значительной независимостью, гибкостью, возможностью функционировать поверх ведомственных барьеров, используя новые, нетрадиционные подходы, напрямую выходя на международное сообщество...Культура должна быть не государственной, а общественной без всяких идеологических границ... Культура-достояние человечества.»

В 1990 году он передал фонду Рерихов художественно-культурное наследие родителей: картины, архив, личные вещи, реликвии, библиотеку. М.С.Горбачёв предложил выбрать место для музея. Святослав Николаевич выбрал усадьбу Лопухиных в Знаменском переулке, в чудесном уголке старой Москвы. Он переправил 288 своих картин из Индии в музей. В 1997 году Центр-музей им.Н.К.Рериха был открыт. Перед зданием музея установлены скульптуры Николая Константиновича и Елены Ивановны, а в аллее бюсты Юрия Николаевича и Святослава Николаевича. Музей занимается не только хранением и изучением наследия семьи, но активно его собирает и популяризирует, издаёт труды, журнал «Культура и время», содействует международному культурному сотрудничеству.

Мне сложно понять многолетние юридические хитросплетения вокруг наследия и общественного музея им Н.К.Рериха, но реальное положение дел таково, что с 2017 года музей закрыт. Картины забрал музей Востока, а на здание усадьбы претендует ГМИ им. Пушкина.

Полностью статью можно прочитать в журнале ЧАЙКА:
<https://www.chayka.org/node/12656>

Вероника Жобер

Париж, Франция

Новая Газета. Газета острых тем и неудобных вопросов

Лауреату Нобелевской премии мира за 2021 год гл. редактору «Новой газеты» Дмитрию Муратову посвящается.

Текст Вероники Жобер, написанный в 2006 году, совсем не устарел. К сожалению, описанная ситуация с «Новой газетой» сегодня только усложнилась. Конечно, радостно, что Дмитрий Муратов получил Нобелевскую премию.

Фото: Михаил Метцель/ТАСС

В своей речи он сказал, что «это Нобель всему коллективу редакторов и авторов НГ». Сегодня уже нет на бумаге Ежа «Ежедневного Журнала» и «Граней», они полностью ушли в интернет, а несколько лет тому назад в РФ к ним был закрыт доступ.

Невероятными «объездами» читатели добирались до их публикаций. Множество изданий на территории России вынуждены были закрыться или были объявлены «иностранными агентами».

Президент РФ Владимир Путин на пленарном заседании форума «Российская энергетическая неделя» заверил, что главного редактора «Новой газеты» Дмитрия Муратова не внесут в список «иностранных агентов», если он не будет «прикрываться» присужденной ему Нобелевской премией мира. Будем надеяться, что этого не произойдет.

Пожелаем «НГ» долгой жизни!

Ксения Кривошеина, Париж

Мой доклад^[1], который посвящен Новой газете, видимо, будет противоречить общей тональности и содержанию остальных докладов.

Дело в том, что в тот момент, когда идет несомненное закручивание гаек, прибирание к рукам СМИ, мне показалось интересным проследить за одной «отдельно взятой» газетой, идущей напролом общей тенденции и доказывающей, что, в том что касается прессы, существуют еще уголки свободы слова и мысли. Как мне кажется, это должно быть интересно в первую очередь не столько нашим гостям, специалистам и участникам СМИ из России, сколько широкой французской аудитории, не разбирающейся в оттенках ситуации в России и убежденной в том, что в этой стране уже нельзя услышать ни одного слова критики в адрес власти предрежащих. Ведь положение наших французских СМИ тоже оставляет желать лучшего, и в отличие от англосаксонской прессы, французские газеты очень предвзято и мало с какими нюансами пишут о России.

(Я вот, например, всегда советую своим студентам факультета «Языки и деловой мир» обязательно читать и International Herald Tribune и The Economist, как минимум, чтобы иметь более или менее правильное представление о положении в России).

Так что заранее прошу меня извинить русских слушателей, которым мой доклад, вероятно, покажется очень тривиальным, но он рассчитан был первым долгом на французскую аудиторию, и представляет именно взгляд извне, западного наблюдателя и исследователя на нынешнее положение российских СМИ.

Что такое «Новая Газета»? История «Новой Газеты»

Первый номер Новой Газеты вышел весной 1993 г, а именно, как ни странно, 1-го апреля.

Газету создала группа бывших сотрудников «Комсомольской правды».

В этой газете сотрудничает ряд очень хороших журналистов, известных своей честностью, свободомыслием и независимостью. Именно такую газету, честную, незвисимую, они и хотели создать. Их мечта о ежедневной газете с миллионным тиражом пока не осуществилась, но газета, пережив два кризисных момента, в частности, в августе 1998 г., когда она оказалась на грани закрытия, после набега налоговой инспекции и замораживания ее банковского счета, выжила. Она, правда, выходит только два раза в неделю, по понедельникам и четвергам, и имеет тираж примерно в 570 000 экземпляров. В своей печатной версии она насчитывает около 30-ти страниц.

Газета печатается в Москве, Воронеже, Краснодаре, Новосибирске, Ростове-на-Дону, Рязани, Самаре, Санкт-Петербурге.

Кроме этого, существуют зарубежные выпуски в Израиле и в Казахстане.

Те, кто участвовал в ее создании, вспоминает, как все делалось на чистом энтузиазме, с большой наивностью, а главное, как трудно давался выход к читателю, сбыт газеты, реализация тиража.

От себя я добавлю, что распространение газеты, по крайней мере в Москве, несомненно наладилось, если судить по тому, как я ее сейчас (ну, хотя бы последние полгода) достаю рядом с моим домом, когда бываю в Москве.

(Кстати, хотелось бы задать вопрос специалистам российской прессы: каков принцип распространения прессы хотя бы в городе Москва? Не перестает удивлять тот факт, что не в каждом киоске можно все достать, что когда вы хотите купить «Новую газету» или «Еженедельный журнал», на вас таращат глаза и переспрашивают: Какая новая газета? Какой еженедельный журнал?)

Всех сотрудников газеты не назвать, хотелось бы только упомянуть самые громкие имена обозревателей и спецкоров, такие, как Юлия Латынина, Юрий Рост, Анна Политковская, Павел Фельгенгауер. Специальное место, конечно, нужно отвести Юрию Щекочихину, который, с 1997 г. до своей загадочной смерти в июле 2003 г., активно сотрудничал с Новой Газетой. Он в ней даже занимал должность заместителя главного редактора.

Газета, конечно, гордится тем, что за 2005 г. Союзом журналистов России были награждены двое сотрудников «Новой». Андрей Липский, заместитель главного редактора, получил премию «За профессиональное мастерство», а собственный корреспондент Борис Бронштейн получил «Золотое перо России».

Газета, разумеется, имеет свой электронный сайт www.NovayaGazeta.ru, располагает интересным видеоархивом, ведет акции и расследования, о которых все можно узнать по интернету.

Содержание газеты. Затронутые темы

Читая Новую Газету, можно проследить за всеми разразившимися скандалами в большой политике страны, за всеми наболевшими социальными вопросами. Освещаются события, произошедшие в разных уголках страны, будь это Татарстан[2], Омск, Благовещенск[3], сталинский город эзков Игарка[4], административный туризм на Камчатке[5], массовое отравление в Чечне[6], закрытие независимой телекомпании в Туле[7], массовая закупка населением соли в Липецке и Орле[8] и многое другое...

Стоит отметить, что главное достоинство и объект гордости газеты ее обширные и обстоятельные расследования. Например, статья, пытающаяся понять суть сделки между Украиной и Россией по поводу энергетических поставок, с участием очень непрозрачной фирмы Росукрэнерго[9]. Оказывается, после нашумевшего скандала, связанного с конфликтом между двумя странами, эта тема совершенно исчезла из российских СМИ.

За неимением времени, хотелось бы выделить лишь две темы, которые, на мой взгляд, характерны для положения в стране и состояния общественного мнения.

Первая тема касается армии и свирепствующей в ней дедовщины. То место, которое занимает дело о дедовщине в армии благодаря раскрытию трагедии с рядовым Сычевым, соответствует резонансу, вызванному этим скандалом. В номере 20 за 2006 г, например, целых 5 статей посвящены армейской теме. И разные статьи[10] разных авторов[11] занимают твердую, непримиримую позицию, разоблачающую весь ужас положения, длящегося уже больше десяти лет в армии.

Подчеркиваются страшные парадоксы: «счастье» в том, что Сычев выжил, а ведь все, пожалуй, от начальства до врачей, не только рассчитывали, но надеялись, что он умрет, следуя сталинскому принципу «Нет человека, нет проблемы!».

Опровергается объяснение, придуманное армейским начальством, дабы умалить скандал: утверждать, что армия — это только слепок с общества очень опасно, потому что это снимает всю ответственность не только с виновников, но и с любого из граждан страны.

С негодованием отмечается попытка по-другому разместить акценты: ведь появилась версия о том, что Сычев стал жертвой, собственно, не дедовщины, а какой-то нераскрытой вовремя болезни.

В последнем номере[12] опять три статьи посвящены армии.

В первой, «Дана команда – служить!»[13], автор подчеркивает противоречивость последних объявленных министром обороны мер. Если начиная с 2008 г. срок службы в армии действительно будет

сокращен до одного года, то это будет осуществляться только за счет увеличения общей численности призывников и сокращения отсрочек. Так что кажущаяся на первый взгляд «гуманность» этой меры моментально и справедливо разносится в пух и прах.

Вторая статья: «Элитная дивизия» дает список детей чиновников, отлученных от службы в армии. В нем почетное место занимают оба сына действующего министра обороны России.

Третья статья: «Армия бьет в виски» приводит очередной пример призывника, оказавшегося жертвой дедовщины в Саратовской области.

Вторая наболевшая тема, конечно, менее трагична, но весьма поучительна для определения умонастроений в стране и тех сдвигов, которые происходят в общественном мнении. Это известное дело Олега Щербинского, сначала осужденного за автокатастрофу, спровоцированную должностным лицом с «мигалкой», но в конце концов только что оправданного Алтайским краевым судом [14]. В этом деле много интересного. Во-первых, оказывается, что в России существует движение автомобилистов с довольно-таки крамольным названием, напоминающим перестроечные времена: «Свобода выбора». Это движение сумело организовать нашумевшие демонстрации [15], с участием тысяч автомобилистов, под лозунгом «Нет мигалкам» и «Мы все Щербинские!» Под его давлением не только оправдан невинно осужденный, но самими думскими депутатами принято решение сократить до минимума количество мигалок. С одной стороны, казалось бы, какое второстепенное дело - защита каких-то автомобилистов, которые вряд ли самые обездоленные граждане России. С другой стороны, как правильно отмечает журналист [16], исход всего этого дела доказывает, что налицо, с одной стороны, качественно новый уровень гражданственности, а, с другой стороны, наличие настоящего, неоспоримого «мидл-класса», того самого среднего класса, на который все, от политиков до экономистов, тщетно уповают (или уповали?). Дождались наконец? В любом случае, «автомобильное сообщество становится серьезной социальной силой [17]».

Из вышеприведенных примеров ясно, что газета оппозиционна по содержанию.

А как насчет формы, без которой содержание не дошло бы до читателя?

Стиль газеты. Общая тональность

«Новая газета» характеризуется остроумными выпадами, язвительными комментариями, беспощадной критикой.

Авторы статей метят не в бровь, а в глаз, придумывая острые «бонмо» «каламбуры», которые были бы просто смешны, если бы за ними не раскрывалась такая страшная реальность. Многие заголовки по качеству не уступают, как мне кажется, знаменитому сатирическому французскому журналу «Le Canard enchaîné[18]»

Вот несколько примеров.

«Иванову восстановили старый орган»[19]. О том, как восстанавливается официально и институционально ВПК.

«У медведя лапа широкая[20]» О коррумпированности депутатов из партии власти «Единая Россия». Единороссы, кстати, сплошь и рядом названы медведями.

«Фонтанка нефти и мойка денег[21]». Статья о том, как Сибнефть собирается регистрироваться в Питере и город выделит компании 2 миллиарда долларов на строительство нового бизнесцентра. Задается вопрос: не является ли это типичной попыткой «оптимизации налогов», за которую другие компании, такие как Юкос, во главе с Ходорковским, наоборот пострадали? То есть опять тот самый двойной стандарт, в котором президент Путин так горазд упрекать Запад, когда сам им пользуется на каждом шагу.

«У олигархов в России два пути: орден или ордер. Есть равноудаленные, но остались ведь и равноприближенные.

«Добрый вечер. Будем расстреливать». Этот провокационный заголовок статьи[22] обращает внимание читателей на всю опасность грозящего (в связи с антитеррористическими судами) восстановления смертной казни в России. Напомним, что Россия, чтобы стать членом Совета Европы должна была отказаться от вынесения вердиктов о Высшей мере наказания и ввести мораторий на ее применение. Иначе России придется выйти из Совета Европы и распрощаться со Страсбургским судом, в который обращается все больше и больше российских граждан[23].

«Время собирать камни». Библейское изречение служит иллюстрацией розыгрышу, затеянному молодыми людьми, которые стали тащить на Лубянку подозрительные «шпионские» камни. Это акция дерзких молодых людей, [24] последовавшая вслед за потрясающим якобы шпионским делом, раскрытым ФСБ и широко разрекламированным в СМИ.

Выводы и акции

Было уже отмечено, что в своих статьях журналисты призывают к ответственности каждого гражданина страны.

Вечный русский вопрос «Кто виноват?» преподносится на страницах газеты в более конструктивной форме. Конечно, не раз упоминается о том, что в любой нормальной, цивилизованной,

свободной стране, министр обороны, после скандала с дедовщиной, должен был бы подать в отставку[25]! Но газета не довольствуется этим, она предлагает конкретные акции. Это, например, совместная акция партии солдатских матерей[26] и Новой газеты[27], имеющая целью снабдить каждого солдата мобильником. И сразу же деловито отмечается один чисто совковый аргумент, прозвучавший у тех, кто против. Ни о какой «секретности» здесь не может быть и речи. Ничто не противоречит этому в армейском уставе.

Помимо чисто информационных статей, обстоятельных расследований, конкретных гражданских акций, «Новая Газета» еще предлагает серьезные статьи на исторические, культурологические и философские темы. Стоит упомянуть статью Евгения Евтушенко к 50-й годовщине XX-го съезда «Оттепель, засунутая в морозилку[28]. Попутно отметим, что эта годовщина в России мало кем и где отмечалась, за исключением Круглого стола, организованного Горбачевским фондом. И это не случайно, по словам Евтушенко, как раз, «горбачевская перестройка была дочерью хрущевской оттепели[29]».

За событиями повседневной жизни скрываются те самые проклятые вопросы, которые все время волновали русского интеллигента, и к ним возвращается, например, философ Владимир Кантор, рассуждая об особенностях русской цивилизации, о вечных мифах среди которых живет русский народ[30].

Андрей Рябов, со своей стороны, предостерегает россиян от соблазна ложных исторических сравнений, типа «Веймарской России»[31]. На самом деле, это просто опять проявления настроений «постимперского реванша», позволяющие, с одной стороны, оправдать в глазах Запада «просвещенный авторитаризм», с другой, перед соотечественниками защищать тезис о распаде СССР вследствие коварного замысла Запада.

Итак, кроме анализа событий, газета предлагает читателю и полезную рефлексию, способную его приблизить к ответам на вопрос «Что делать?»

Заключение

Это настоящая оппозиционная газета, как верно определила газета Le Monde[32], рассказывая о том, как независимый депутат Государственной Думы, Владимир Рыжков, сумел поехать в Минск на президентские выборы, только благодаря удостоверению, выданному Новой Газетой.

Даже не учитывая вкладыша оппозиционного гражданского фронта, Новая Газета затрагивает острые темы и щепетильные вопросы. Недаром ее лозунг: «У нас те же буквы, но другие слова».

В заключение хочется привести слова А. Рябова[33]

«... в любом обществе власть вольна делать все что вздумается, но лишь настолько, насколько граждане позволяют ей это делать. И Россия при всей своей специфике – не исключение.»

Хотелось бы добавить, что несмотря на растущий произвол властей, правосудия, правоохранительных органов и вообще власть предержавших, о которых, к сожалению, приходится так часто еще читать, радуется тот факт, что все больше акций, предпринимаемых отдельными гражданами, с помощью организаций, добиваются в конце концов успеха. И это все становится возможным, если даже и не каждый раз, благодаря таким газетам, как Новая Газета, которые не боятся говорить обо всем, разоблачать все скандалы, называть всех провинившихся и создавать таким образом ту критическую массу оппозиции, которая является залогом гражданского общества.

28-го марта 2006

[1] Текст доклада, прочитанного в Сорбонне в 2006 году.

[2] Борис Бронштейн, о произволе судебных органов и милиции. Номер 2 от 16-го /01/06

[3] Как замерзают тысячи заключенных в Амурской исправительной колонии, Номер 2 от 16-го /01/06

[4] Там же

[5] Там же.

[6] Которое пытаются скрыть или свалить на массовый психоз, номер 2.

[7] «Не частите тут», речи идет о телекомпании Плюс 12, номер 22.

[8] Номер 11/12, 2006.

[9] Номер 8, 06/02/06.

[10] « В первобытном строю», «Дедовские методы»

[11] Анна Политковская, Игорь Рейф

[12] 22, от 27-го марта 2006.

[13] Автор: Павел Фельгенгауер.

[14] Номер 22.

[15] 12-го января и 12-го февраля 2006.

[16] Номер 22.

[17] Статья Екатерины Ивановой, номер 11/12, 16-го февраля 2006

г.

[18] Прикованная утка

[19] Статья Павла Фельгенгауера № 21.

[20] Надежда Андреева, номер 20.

[21] 22, от 27-го марта 2006. Автор Борис Вишневский.

[22] Номер 11/12, 16/02/06.

[23] См. в частности, номер 11/12. Алексей Михеев получит от российского государства 250 000 евро.

[24] Номер 8, 06/02/06

[25] Из интервью с Владимиром Рыжковым: «такой случай должен был бы привести к отставке министра обороны и форсированию армейской реформы.», Вероника Чурсина, «Слиску хотели подставить», номер 19.

[26] Во главе с Валентиной Мельниковой, председателем Единой народной партии солдатских матерей.

[27] См. номер 11/12, 16-го февраля 2006.

[28] Номер 13 от 20-го февраля.

[29] Там же.

[30] «Кажется, становимся нацией», номер 2, 16/01/06.

[31] Номер 11/12.

[32] Le Monde, 21/03/26,.

[33] из его статьи в Номере 22.

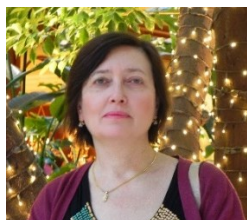
Часть 5. Америка и Россия

Орест Кипренский. Пейзаж с бурлаками

Лиана Алавердова

Нью-Йорк, США

«Как там у них. Непохожие на нас американцы». Главы из новой книги

ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ ПО-АМЕРИКАНСКИ

Традиции гостеприимства, на которых я выросла, в новой стране проходят некоторую модификацию. К примеру, предстоит день рождения, и что вы будете делать? По нашим понятиям – хозяйка зовет всех к себе домой. До этого она бегаёт по магазинам, готовит, что может, сама, что не может – покупает, накрывает стол, а затем, в конце вечера, моет посуду, не чуя под собой ног. В Америке друзья или родные зовут именинника в ресторан или устраивают в его честь вечер-сюрприз у кого-то из друзей. Вы приходите к подруге по какому-то делу (заранее договорившись о визите), входите в комнату, и вдруг с криками «Сюрприз!» из углов и соседних комнат выскакивают ваши друзья и родня. Вас поздравляют и празднуют ваш день рождения, и для этого (что самое прекрасное!) от ваших усилий ничего не зависит. Среди наших эмигрантов, к слову сказать, такой вариант не часто практикуется, а гораздо популярнее поход в ресторан.

У наших принято, что друзья ходят в гости друг к другу. Приглашение домой – знак доверия и расположения. Принято устраивать обеды и застолья, опустошая содержимое холодильника, да так, чтобы блюда едва умещались бы на столе. Выросшие в условиях дефицита, наши люди не могут спокойно относиться к еде. Еда может служить знаком любви, расположения, щедрости – в зависимости от контекста. Американцы не знали настоящего голода, поэтому хоть и любят поесть задарма, друзей к себе годами не зовут, а предпочитают встречи в ресторане. Если же пригласили домой, то вас может ожидать угощение картофельными хлопьями с соусом, галетами, вином и салатом с сырыми грибами (!) В общем, умерьте свои аппетиты.

Походы в ресторан с американцами чреваты недоразумениями для тех, кто не знаком со здешней ментальностью. Если вы зовете на юбилей своих друзей-эмигрантов, то будьте уверены: они принесут в конверте деньги (на ресторан) и, может быть, цветы, если они вас особенно любят. Американцы наивно полагают, что, если вы их зовете в ресторан, то или каждый платит за себя (чего вы, конечно, не можете допустить), или угощение оплачивается вами, а с их стороны ожидается подарок: как правило, что угодно, вплоть до книги об американских президентах.

Представьте, что вас пригласили приехать к себе в гости друзья-американцы и вы живете у них некоторое время. Вы наивно полагаете, что они вас угощают не только у себя дома, но и в каждом ресторане, куда они вас будут возить. Они же считают, что ваш долг как гостей пригласить их хотя бы однажды в ресторан и угостить там. Если вы путешествуете на чужой машине, то хозяева вправе рассчитывать, что вы не забудете предложить заплатить за бензин. Если ничего этого с вашей стороны не последует, то, к сожалению, вы зарекомендуете себя жмотами, а кому охота неблаговидно выглядеть в глазах людей, с которыми дружишь?!

Есть множество «подводных камней», угрожающих вашей дружбе с американцами. Если они поклонники демократов, то открыто республиканские взгляды русских вызовут реакцию отторжения и неприятия. Если друзья – борцы за сохранение экологии, то новая меховая шуба на плечах русской подруги – повод для осуждения. Если вы щеголяете в норковой шубе, сверкаете бриллиантами и покупаете по фудстемпам (продовольственная помощь для бедных) деликатесы, то не удивляйтесь, что на вас будут коситься американцы, которые носят серебряные украшения, не покупают шуб из натурального меха и живут на заработанную пенсию, а не на пособие по бедности.

О ПОДАРКАХ

В Америке еще в годы юности наших отцов в каждой библиотеке красовался на полке том «Emily Post Etiquette». Книга эта выдержала восемнадцать изданий, неизменно изменилась страна, но все же многое, очень многое в ней сохранилось в наш век текучих моральных норм и мультикультурализме. Пожалуй, стоит обратиться к этой книге тем, кто недоумевает, как правильно вести себя в американском обществе. Насчет подарков существует обязательное правило: или развернуть их в присутствии дарителя и поблагодарить, или, если вы получили подарок по почте или через третье лицо, отметить в письменной форме, желательно открыткой или письмом, написанными от руки. Конечно, это страшно старомодно, но куда предпочтительнее, чем отписка электронным письмом. И уж вовсе неправильно смолчать,

оставив в недоумении пославшего Вам подарок человека: получили ли Вы подарок, понравился ли он Вам? Ценить любые, даже самые малые знаки внимания и немедленно на них реагировать – характерная черта воспитанных американцев.

Как дарят подарки наши люди и американцы – это, как говорят в Одессе, две большие разницы. Американцы считают, что нужно дарить что-нибудь этакое особенное, до чего их друг не додумался бы и не купил себе, а не фены, соковыжималки, чайники и блендеры. Американцы исходят из того, что у человека и без того есть все необходимое для жизни, а подарить ему надо нечто специфическое: майку или кружку с любимым литературным персонажем, кухонную утварь с именными монограммами, дощечки с банальными либо смешными цитатами, подушки и коврики, воспевающие радости домашнего очага, безделушки, привезенные из путешествия, либо, повышая уровень утилитарности, билет на концерт или кружку пива в баре. Им и в голову не придет прийти на день рождения с деньгами в конверте.

Когда я получила гражданство, то моя американская подруга прислала мне американский флажок из жести, по фактуре напоминающий деревенский рукомоийник. Флажок был рассчитан на владельца дома с крыльцом и отдельным почтовым ящиком. Не удивительно, что в моей квартире этот ненужный предмет затерялся. Другая знакомая американка регулярно дарила скатерки-дорожки, изделия мексиканского народного творчества. А то вдруг – записную книжку, в стиле дремучего ретро, с карандашом в виде ветки дерева.

В нашей стране постоянного дефицита мы были рады, если находилось что дарить. Не существовало выбора оберточных бумаг, праздничных бантиков и ленточек, пакетиков и сумочек, коробочек, наклейки и тому подобных изысков подарочной индустрии. Поэтому некоторые по старой привычке не обертывают подарок в особую оберточную бумагу, не ломают себе голову с выбором оригинальной открытки, а просто вручают свой выбор оголенным, лишая именинника предвкушения сюрприза, которым обыкновенно сопровождается развертывание неведомого подарка. А жаль! Подарку нужна обертка, как балерине балетная пачка. Она и без пачки отлично станцует, в тренировочном наряде, но праздничной приподнятости, необходимой театральности будет недоставать.

Помимо подарков, одна из нелегких моральных дилемм для некоторых – позволить, чтобы за них заплатили в ресторане друзья. Мы прекрасно усвоили: в Америке не уговаривают и не отговаривают. Если друзья предложили по какому-то поводу заплатить за Вас в ресторане, будь то Ваш день рождения или просто от радости, что наконец-то вы встретились, - не трепыхайте возмущенно по этому поводу, но сумейте сердечно поблагодарить. Больше ничего не

требуется. В следующий раз заплатите вы. Бог даст, не в последний раз встречаетесь, повод найдется! Многим родителям тяжело усвоить тот факт, что дети их зарабатывают больше и, значит, могут позволить великодушно угостить старых родителей в ресторане. Не устраивайте за столом противоборство воли и соревнования кошельков! Как говорила когда-то моя бабушка по поводу некоторых женщин, которые работали «через не могу»: «Раз делает, значит может». А я переиначу: «Раз платит, значит может». Relax!

Казалось бы, все элементарно: «Бабе цветы, детям - мороженое». Представьте, нет простоты и здесь. Даже наоборот: если вас приглашают на обед, приходиться с цветами не рекомендуется. Хозяйку, хлопочущую на кухне или развлекающую гостей, не следует отвлекать на то, чтобы она лихорадочно бросилась искать затырканную в дальнем углу шкафа вазочку и подрезать колючие стебли букета, в то время как ее присутствие востребовано гостями и семьей. Рекомендуется подарить растение в горшке или цветы вместе с вазочкой, а еще лучше - шоколад, вино, орехи. Американцы и артистам не дарят цветов. Цветы преподносят на День Святого Валентина и на романтических свиданиях, а также прихворнувшем, в больницу или домой.

НАДО, НАДО УМЫВАТЬСЯ ПО УТРАМ И ВЕЧЕРАМ!

Не думайте, что окружающие не замечают или не обоняют пропотевшую рубашку. Уж к чему в Америке не толерантны, так это к запахам немытого тела и несвежего белья, не говоря уже о запахе изо рта. Все слои населения истово надраиваются дезодорантами, присыпками и одеколонами, и характерный позорный аромат исходит, как правило, от эмигрантов, включая, разумеется, наших. Рваная и застиранная рубашка для американцев лучше, чем дорогая и грязная. Даже появиться на работе в одном и том же наряде два дня подряд будет означать: а) что этот человек не ночевал дома или б) что он надел, опять же, грязную одежду. Так как у большинства американцев дома стоит стиральная машина, то считается нормальным носить одежду только один раз: поносил и постирал.

Именно потому, что американцы привыкли к тому, что все стирается, у них свое понимание брезгливости. Коренные жители без конца бегают в прачечную либо стирают в домашней стиральной машине. Почему? Надели один раз – уже стирают. Наши же любят носить до тех пор, пока «русский дух» будет убивать наповал даже тех, кто не страдает особо изысканным чувством обоняния. Американцы, придя домой, не переодеваются. Можно в джинсах сидеть на полу, а потом плюхнуться на постель. Повалиться на постель

в верхней одежде запросто для американца, а для нас приравнивается к святотатству.

Дети могут валяться на полу в метро, на улице или в другом общественном месте, а их родители будут спокойно взирать, стараясь не сковывать их индивидуальности.

Все естественные запахи и отправления (сморкания, рыгание и т.п.) должны быть скрыты от носов, глаз и ушей чувствительной публики. Сморгаться в раковину в общественном туалете – однозначно неприлично, как и подкрашивать глаза, расчесываться и пудрить нос на публике.

Татуировки и кольца в экзотических местах на теле американцами воспринимаются более привычно, чем металлические зубы или их отсутствие во ртах наших соответственников. Именно поэтому, приехав в США, эмигранты в первую очередь занимаются обустройством своих ртов и избавлением от презренного металла.

«ПЕШЕХОДОВ НАДО ЛЮБИТЬ»

Нашим соотечественникам бросается в глаза: оказывается, в Америке не пешеход уступает дорогу автомобилю, а наоборот. Речь идет о перекрестках, так называемых «зебрах». Машины терпеливо ждут, пока пешеход перейдет улицу, и чем дальше от Нью-Йорка, тем охотнее. Точно также толпа пассажиров не выказывает никаких признаков нетерпения, пока инвалидная коляска заедет в автобус и выедет из него. Ведь автобусы оборудованы специальными подъемниками для инвалидов. Вообще в Америке для инвалидов или, как здесь принято говорить, «людей с ограниченными возможностями», делается очень многое. Дорожки, специальные туалеты, машины для инвалидов и многое другое, что позволяет им не чувствовать себя изолированными от общества. Дома строятся с учетом того, чтобы инвалид мог передвигаться на инвалидной коляске: лифты, специальные дорожки без ступенек, словом подтвердились слова нашего соседа, писавшего в письме из Нового Света: «Америка – страна для стариков и инвалидов».

Вынуждена, однако, добавить ложку дегтя. В общественном транспорте зачастую не уступают места. Помнится, у нас в Баку невысказанно было не уступить место старику или беременной женщине. Здесь многие ведут себя так, словно свалились с луны: знать не хотят никаких правил. Здесь, если и уступят место, то не декларируют и не настаивают: просто встанут и отойдут в сторону. И на том спасибо!

ПОГОВОРИМ ОБ ЭТИКЕТЕ

Три слова американские родители внедряют в сознание своих отпрысков с младенческих лет: «спасибо», «пожалуйста», «извините». Их усилия большей частью не пропадают втуне. Образованные и необразованные, черные и белые, американцы по малейшему поводу, автоматически, легко и не задумываясь, говорят эти слова. Приветливость и благожелательность при встрече, пресловутая «американская улыбка» - признаки того же воспитания.

Начнем со слова «спасибо». Вероятно, многие, когда смотрят церемонию награждения «Оскара», удивляются, насколько охотно американские кинозвезды благодарят все свое окружение за собственные успехи. У нас, если вы помните, с жаром благодарили исключительно родную Коммунистическую партию и лично Самого! А здесь? Родители, жены и дети, коллеги по работе – все получают свою долю благодарностей. Искренно это или нет – дело совести кинозвезд, но выглядит эта признательность очень благородно и трогательно. Также почти любая книга не обходится без списка тех, кто сподвиг автора на его труд. Американцы не оставляют без внимания любую услугу, любой знак внимания, каким бы мелким он ни казался! Дверь открыл или попридержал перед входящим – «спасибо» влетает в ваши уши, а вы, соответственно, говорите «пожалуйста» или нечто в этом роде.

Не скрою: я не привыкла к подобной реакции у себя на родине. У американцев принято: после гостей или позвонить на следующий день хозяйевам, чтобы выразить свою благодарность и восхищение, или, что еще изысканнее, по-старомодному послать открыточку с благодарностью. Красивый обычай, но только люди, прошедшие школу воспитания, его соблюдают. А то, как иногда случается, хозяйка хлопочет, из сил выбивается, чтобы накормить группу гостей, после все разошлись и ни гу-гу! После предварительного собеседования (интервью) при устройстве на работе коренные американцы не забывают поблагодарить письмом: по электронной или реальной почте. Ведь это элементарно: люди потратили на вас время и вы благодарите их за это. Однако многие приезжие просто не догадываются о таких мелочах.

Если я держу дверь перед входящим и мне не говорят «спасибо», то я почти со стопроцентной уверенностью могу сказать – «наши»! Мои родители живут в доме, где много афроамериканцев и русских эмигрантов. Однажды группа «наших» заходила в подъезд, а афроамериканка держала дверь. Когда почти все прошли, кроме моих родителей, она буквально тряслась от негодования. Мои родители были первыми (!), кто сказали ей «спасибо».

Наши люди, по старинке, считают, что лишнее «спасибо» уронит их достоинство. Если в Америке захотите увидеть грубых продавщиц –

ступайте на русский Брайтон, где лучшие традиции одесского Привоза целы и невредимы.

Можно сколько угодно кичиться своей начитанностью и образованностью, но если вы не владеете элементарными правилами этикета, ваши претензии на звание культурного человека, мягко говоря, нуждаются в переоценке!

Впрочем, неблагодарность касается мелочей. Когда же помогаешь людям, то они всегда благодарят, будь это иммигранты или американцы. Чего не скажешь, к сожалению, о детях. Те в большинстве случаев не знают или не хотят говорить «спасибо», когда им отыщешь книгу, сгибаясь в три погибели, или решив проблему с библиотечной карточкой. Видимо, дома не приучают, и наши сотрудники дружно пришли к убеждению, что они "don't have any tappers", то есть их не воспитали дома благодарить за услугу, пусть даже и входящую в наши служебные обязанности. Когда я почти ежедневно сталкиваюсь с такими детьми, то вижу, что им придется непросто в американской жизни: рано или поздно они заплатят за свою «медвежливость», даже не понимая, в чем, собственно, причина?

Не составляет исключения и слово «пожалуйста». Бывшие советские люди, будучи продуктами командно-административной системы, не привыкли облекать свои распоряжения в более приемлемую форму, что в быту, что на работе. Уже пятнадцать лет я занимаюсь административной работой, и в моем подчинении находится небольшая группа сотрудников. Все распоряжения я привыкла отдавать в вопросительной форме, но никогда не в приказной. «Не могли бы вы...» - самый распространенный оборот в моем лексиконе, когда мне надо обратиться к сотрудникам. Американцы очень чувствительны к любому проявлению категоричности и, чтобы сохранить благоприятный микроклимат в коллективе, мне, согласно «золотому правилу морали», следует соответственно относиться к окружающим так, как мне хотелось бы, чтобы относились ко мне.

Вскоре после приезда в Америку, я пошла учиться в колледж на программу библиотековедения и информационных дисциплин. Перед одним из классов, помню, молодой человек, продвигаясь между рядами, задел мой столик. Он буквально рассыпался в извинениях, как будто уронил кирпич мне на ногу.

Почему я помню этот незначительный эпизод спустя четверть века? Вероятно, потому, что это был урок этикета, урок того, какое поведение ожидается от культурного человека в цивилизованном обществе. Незначительный случай, застрявший в памяти, был поводом задуматься: как все-таки глубока культурная ниша, которую предстоит освоить!

Американцы вообще много и охотно извиняются. Извиняются политики, обманувшие доверие избирателей, кинозвезды, телеведущие и радиокомментаторы, оскорбившие чье-то расовое или национальное достоинство, мужа, провинившиеся перед женами... Губернатор штата Нью-Йорк, избалованный в связи с проститутками, публично извиняется, как и мэр Нью-Йорка, не проявивший должной оперативности при расчистке снегопада под Новый год, как и многие-многие другие, имя им – легион. Здесь признание ошибки считается не признаком слабости, а признаком уверенности в себе и культурной нормой.

Иногда обилие извинений начинает раздражать и перестаешь верить в их искренность. Но это уже другой вопрос. Чем выше ранг и должность, тем скорее слетит с уст извинение. То есть скорее вы услышите извинение от президента, нежели от уборщика. Если ребенок научится признавать свои ошибки и принимать спокойно критику в свой адрес, то это ему поможет в дальнейшем. Где бы я ни работала, всегда сталкивалась с практикой ежегодной переаттестации сотрудников: evaluation или service rating. Там непременно значилась «способность принимать критику» как позитивная черта. К сожалению, наши люди не всегда это усваивают, предпочитая отбиваться от критики или сваливать собственную вину на какие-то обстоятельства вне их контроля. Если такой подход превращается в систему – это уже проблема, как здесь говорят. Русские иммигранты не любят извиняться и просить прощения: это считается признаком слабости. На самом деле это признак уверенности в себе и личного достоинства.

И последний персональный рассказ. У воспитанных американцев не принято спрашивать о заработках и тратах. Чего не скажешь о наших. Недавно дочь приходит с работы и говорит, что группа ее русскоязычных сотрудников оживленно обсуждала, сколько зарабатывает ее мамаша. Спрашивается, им-то что за дело? Когда же они попросили мою дочь внести ясность в этот наболевший вопрос современности, к их разочарованию она сказала: «Не знаю», что было, между прочим, сущей правдой. Слышала я и о сходной привычке у китайцев: бесцеременно вопрошать о заработке своих знакомых. Американцы буквально содрогаются от подобной простоты.

Нью-Йорк, как многократно говорилось и подтверждалось, это не Америка. То есть «город Желтого Дьявола» и холоднее, и угрюмее, и менее вежлив, чем американская глубинка. Тут и продавщицы улыбаются и благодарят за покупку реже, и машинная езда более агрессивная, чем в глубинке. Улыбаются реже, чем в остальных районах Америки, но чаще, чем в России...

Полностью статью читайте в журнале ЧАЙКА:
<https://www.chayka.org/node/12324>

Элеонора Мандалян

Лос-Анджелес, США

Почему Америка не любит Китай

Спровоцированный вчерашним президентом экономический конфликт между Америкой и Китаем отозвался не только на производителях, но и на потребителях всего мира. Свою позицию в этом конфликте и свои намерения Трамп представлял предельно ясно: «Ситуация, при которой Китай год за годом зарабатывает и ворует огромные суммы денег из США, должна прекратиться, и она прекратится. Я приказываю нашим замечательным американским компаниям немедленно начать искать альтернативу Китаю, в том числе перенести компании обратно в нашу страну и производить продукцию в США.»

В общем и целом, представляется огромной заслугой Трампа желание вернуть в Америку мелкие и крупные производства, давно уже вынесенные за ее пределы. Ситуация действительно доходила до абсурда – что ни пожелаешь купить, что ни возьмешь в руки – одежду, обувь, детские игрушки, бытовую технику, мебель, лекарства и пр., и пр., на всем красуется – иногда явно, иногда завуалированно – набившее оскомину «made in China». И это ведь не только в Америке. Китай оккупировал своей дешевой продукцией все рынки сбыта. Не зря его называют «фабрикой мира».

Трамп обещал, в случае своего переизбрания, вернуть рабочие места из Китая обратно – домой. Он собирался даже запретить федеральным ведомствам США заключать контракты с американскими компаниями, переносящими свои производства в Китай. «Мы введем пошлины против компаний, которые сбегают из Америки, чтобы создавать рабочие места в Китае и других странах», - заявлял он. Но его не переизбрали, и вряд ли Джо Байден продолжит антикитайскую политику своего предшественника.

Торговая война

Как дальновидный и опытный бизнесмен Трамп нутром почувствовал масштабы китайской угрозы. На пороге крупнейшего торгового соглашения между Китаем и США на многие миллиарды долларов, он вдруг круто развернулся в неожиданном направлении и начал действовать жестко и решительно, пренебрегая законодательными нормами и межгосударственными договоренностями, что вызвало ярость у китайцев и недоумение у тех, кто не очень вникает в суть проблемы.

А проблема-то международного масштаба, и куда более серьезная, чем может показаться. Если бы это соглашение состоялось, считают аналитики, Штаты проиграли бы Китаю информационно-технологическую войну и навсегда уступили бы ему мировое лидерство. Еще в 2015 году китайское правительство ассигновало 300 миллиардов долларов на запуск общегосударственной программы «Made in China 2025», цель и задача которой за 10 лет выйти на передовые позиции в области высоких технологий, покончив с зависимостью от зарубежных корпораций-гигантов.

На Западе эта инициатива была расценена как установка, взятая Пекином на экономическое превосходство. Вашингтон всерьез напрягает усиление роли Китая на мировой арене и его растущий военный потенциал. Китай становится все опаснее, как слишком быстро набирающий обороты конкурент. А конкурента положено душить, давить, дискредитировать в глазах общественности, а в идеале – уничтожать. Здесь, как с Россией, все средства хороши. В ход идут клевета, санкции, пошлины.

Меры предпринимаются жесткие и вполне конкретные. Чтобы остановить китайскую экспансию на высокотехнологичные западные рынки, американские и европейские страны запрещают своим корпорациям принимать китайские инвестиции, продавать китайским государственным компаниям любые активы.

Администрация Трампа запустила в политику США максимальную эскалацию напряженности в отношениях двух стран. А госсекретарь США Майк Помпео предложил даже создать международный альянс против Китая. Целый ряд российских политологов считает, что такая травля «необоснованная и надуманная», что она создаёт угрозу всемирной безопасности.

В попытке ограничить кипучую, и далеко не всегда открытую активность слишком резвого конкурента – с одной стороны, и вернуть американский капитал назад, в страну – с другой, было решено резко увеличить размер пошлин на импорт китайских товаров – с 10 процентов до 25. Затем последовали санкции против Китая – за нарушение прав человека, за всех видов шпионаж и за многое другое.

Оказывается, есть такой федеральный закон «О противодействии противникам Америки посредством санкций», который и используют ее президенты в своей внешней политике.

Отделом политического планирования Государственного департамента США был подготовлен 70-страничный доклад под названием «Составляющие китайского вызова» (в сокращенном виде опубликованный EADaily), в котором обстоятельно анализируются далеко идущие планы КНР по перехвату глобального лидерства у США – экономического, идеологического, военного.

На Мюнхенской конференции по безопасности вице-президент США Майк Пенс призвал союзников к бдительности и отказу от любого сотрудничества, "ставящего под угрозу работу наших систем связи и национальную безопасность. Мы не можем, - сказал он, - обеспечить защиту Запада, если наши союзники будут полностью зависимы от Востока».

В Белом доме был подписан указ, запрещающий американским бизнесам инвестировать в китайские компании, поддерживающие армию КНР. Трамп был убежден, что китайское правительство развивает и модернизирует свои вооружённые силы и разведку за счет американских инвесторов.

В экономический «черный список» угодили более 270 китайских компаний и правительственных организаций, причем очень крупных. Продолжая усиливать давление на КНР, Трамп, за пару недель до президентских выборов, решил пополнить «черный список» еще 80 китайскими компаниями, в основном – производителями высоких технологий.

В итоге Трампу удалось искусственно испортить отношения с Китаем, разрушить многолетние торгово-экономические связи, сорвать уже готовое торговое соглашение, так и не восстановив собственную производственную базу. С его далеко не легкой руки, экономический конфликт между двумя странами перерос в «торговую войну».

За полтора года Трамп обложил пошлинами китайский импорт в США на 370 млрд долларов в год. Кому от этого стало лучше? Как оказалось, вовсе не Америке. Счет, выставленный китайцам, оплачивают американские потребители и их бизнесы. Агрессивная политика Трампа уже обошлась Штатам в миллиарды потерянных долларов (а всей планете – в \$700 млрд), привела к развязыванию полномасштабной войны пошлин с Китаем, к срыву соглашений с Европой, Канадой и Мексикой. До военного противостояния дело пока не дошло. Сражение идет мирным – «холодным» путем.

Ухудшение торговых, а значит, и всех прочих отношений с Вашингтоном подтолкнуло Пекин на контрмеры. Он объединил вокруг себя 15 стран Азиатско-Тихоокеанского региона, включая Японию,

Южную Корею, Австралию и Новую Зеландию. Сообща они сформировали крупнейший за всю историю блок свободной торговли под названием RCEP – Regional Comprehensive Economic Partnership. Такое партнерство охватывает почти треть населения планеты – 2,2 млрд. потребителей.

У этой, на первый взгляд, странноватой истории – смахивающей на паранойю нежелающего сдавать позиции мирового гегемона, – глубокие и разветвленные (на всю планету) корни.

Киберпротивостояние

Несмотря на препятствия, чинимые Америкой, Китай целеустремленно идет к намеченной цели. Из вчерашнего похитителя чужих мозгов он ускоренными темпами превращается в научившегося самостоятельно мыслить "цифрового дракона". В области высоких технологий китайцы добились таких невиданных успехов, что переплюнули Европу, Японию и даже Штаты. По сведениям Всемирной организации интеллектуальной собственности, в 2019 году Китай впервые обошел США, став мировым лидером по патентным заявкам в девяти из десяти категорий, включая искусственный интеллект, блокчейн и дроны. На него приходится почти половина мирового объема инвестиций в капитал стартапов, ориентированных на ИИ-технологии.

Сегодняшний Китай производит – для себя и на продажу – промышленных роботов, самоуправляемые машины, «умные инфраструктуры», внедряет сети сотовой связи пятого поколения. 5G – беспроводная система, осуществляющая передачу данных в 100 раз быстрее, чем предшествующая ей 4G. Специалисты в области AI убеждены, что тот, кто владеет 5G, станет хозяином планеты, манипулирующим странами и их правителями.

А кто владеет системами 5G на этом этапе глобальной эволюции, кто лидирует в области использования и внедрения высокоскоростного интернета? Ясное дело, Китай. Его телекоммуникационный гигант Huawei является мировым поставщиком базовых станций 5G, обслуживающих более 170 стран (свыше 700 000 станций за год с небольшим).

Америка резко отстает от Китая на этой стезе, застряв на устаревшей версии 4G. Но разработки, руководимые федеральными законодательными и регулирующими органами, идут полным ходом. Американским пользователям обещают, что отечественное 5G и его коммерческое внедрение не за горами. Да только Китай не останавливается на достигнутом. Он уже планирует к 2029 году перейти на следующий уровень – к системе 6G, которая по производительности превзойдет 5G в 10, а то и 100 раз.

Для сдерживания слишком разошедшегося конкурента, Штаты запустили инициативу «Чистая сеть», цель которой заставить как можно больше стран отказаться от китайских "5G-услуг", напоминая, что, по китайским законам, все их операторы связи обязаны сотрудничать со службой разведки КНР. Пропаганда, кажется, работает. Число "стран-отказников" растет. Внутри США действует запрет на заключение любых государственных контрактов с Huawei. Это уже не только торговая война, но и киберпротивостояние. Гонка вооружений в мире смещается в киберпространство – в сферу высоких технологий.

Третируя Huawei, Трамп пару месяцев назад вмешался в его рыночные отношения с основным производителем микропроцессоров – тайваньской TSMC, лишив Huawei поставок полупроводниковых чипов. Все туже закручивая гайки, Трамп запретил всем иностранным фирмам, использующим американские технологии или разработки, продавать свою продукцию Huawei. Шаг за шагом он перекрыл кислород сотрудничеству Huawei со 152 организациями разных стран. Аналитики считают, что из-за трамповских санкций Китаю не удастся полностью избавиться от американской зависимости еще как минимум лет десять.

Huawei закупает чипы в других странах, тратя на них сотни миллиардов долларов ежегодно. В результате всех этих козней Пекин вынужден налаживать производство микросхем у себя в стране.

Следующей под санкции должна была попасть Alibaba – корпорация миллиардера Джека Ма, самого богатого китайца в мире, сумевшего вытеснить с отечественного рынка даже такого конкурента, как Amazon. Два технологических интернет-гиганта сражаются за рынки сбыта по всему миру.

Поднебесная. Какая она изнутри?

Будучи одной из древнейших цивилизаций мира, Китай за пять тысяч лет пережил много взлетов и падений. Еще в недавнем прошлом – у нас на глазах – это была отсталая аграрная страна, еле сводившая концы с концами настолько, что в ней запрещалось иметь больше одного ребенка на семью. В противном случае супругов ждали гигантские штрафы, а женщину – принудительный аборт, а то и стерилизация.

Китай XXI века – нечто принципиально новое. В результате бурного экономического развития, он выходит на первое место в мире по количеству фабрик и заводов (более 370 тысяч), превращаясь в индустриальную сверхдержаву номер один, с непрерывным потоком дешевых, но качественных товаров, экспортируемых в 182 страны мира, с огромными современными городами, - в державу

оцифрованную, взявшую курс на мировое лидерство в высоких технологиях.

Основы его небывалого взлета заложил еще великий реформатор Дэн Сяопин, за каких-нибудь 10-15 лет, помимо всего прочего, создавший некий гибрид социализма с капитализмом, дав старт рыночной экономике с широким использованием иностранного капитала. Дело Сяопина подхватил и продолжил нынешний генсек КПК Си Цзиньпин. За 6 лет его правления в стране появилось более 70 000 000 новых рабочих мест.

Зарубежные бизнесы всех сортов и масштабов – от мелких частных до крупных корпораций, привлеченные таким преимуществом и выгодными условиями сделок, охотно вливаются в китайскую экономику, переводя туда свои фирмы и предприятия, свои капиталы.

Китайский город Шэньчжэнь

Как расправляет плечи Китай, можно проследить на примере одного города – Шэньчжэнь. Всего 30 лет назад это была полунищая рыбацкая деревня. Теперь это крупный промышленный, финансовый и транспортный центр всей страны с 13-миллионным населением и \$389 млрд ВВП. Шэньчжэнь определяет ныне технологический прогресс как внутри страны, так и на глобальном уровне (производя 90% всей мировой электроники). Инвестиции текут в него рекой. Именно там обосновалась самая мощная IT-корпорация Huawei. Минувшим летом муниципальное правительство Шэньчжэня объявило, что развертывание 5G в городе завершено на все сто процентов.

Китай не просто идет в ногу со временем - он работает на опережение. Его технопарк Чжунгуаньцунь, прозванный на Западе «китайской Кремниевой долиной», объединил почти 20 000 высокотехнологичных компаний и предприятий, которые поначалу копировали американский опыт, подражали ему, а потом нашли свою «альтернативную вселенную – со своими галактиками, ресурсами и законами физики», (как высказался один из ее лидеров), что привело к бурному развитию ИИ, положив начало новой эре в жизни всей страны.

Главным социальным приобретением стала та самая коммуникационная система WeChat, на которую ополчилась Америка. Это цифровое приложение к смартфонам позволяет китайцам оплачивать любые покупки в магазинах, заказывать еду, путевки, билеты на самолет и другие транспортные средства, оплачивать медицинские услуги и т.д. Благодаря ему Китай стал первой безналичной страной на государственном уровне.

Китайские умы обуяла ИИ-лихорадка. Инновационные компании, и соответственно, идеи плодятся в стране, как грибы после дождя, в корне меняя всю среду обитания. Китай теперь крупнейший в мире производитель цифровых данных, с каждым днем наращивающий свой «цифровой потенциал». Его Huawei нет равных, а Alibaba и Tencent уже ни в чем не уступают американским Alphabet и Facebook.

Баланс сил между США и КНР незаметно, но неуклонно меняется, и отнюдь не в пользу США. Тогда как Чжунгуаньцунь процветает, «Кремниевая долина», мозговой центр страны и мира, теряет не только свой блеск, но и кадры – пустеет, в буквальном смысле. Компании, к которым присоединился и Илон Маск со своей «Теслой», покидают насиженные места, находя пристанище в других штатах, и даже странах. Американизированные мозги, собравшиеся со всего мира, расползаются. Один из ведущих специалистов "долины" вынужден был признать, что «эра технологического высокомерия Америки подходит к концу».

Шпионы-невидимки

Чжунгуаньцунь – не совсем аналог Кремниевой долины. Китайцам долгое время не удавалось преодолеть дефицит по части умных идей и проектов. Не ломая себе особо головы, они настропалились красть интеллектуальную собственность у передовых держав, у США в первую очередь, шпионя, вынюхивая, высматривая, внедряя своих специалистов в штаты сотрудников университетов, НИИ, секретных лабораторий.

Чертежи, образцы и всё, что удавалось добыть в результате научного и промышленного шпионажа, переправлялось тайно, в

трюмах грузовых кораблей, почтой и прочими, им одним известными средствами. Это была хорошо отлаженная система слежки и хищений.

У себя в Twitter Трамп записал (его тогда еще так бессовестно не вымарывали из соцсетей): «Наша страна за многие годы по глупости потеряла триллионы долларов из-за Китая. Они воруют нашу интеллектуальную собственность, стоимость которой оценивается в сотни миллиардов долларов в год, и они хотят продолжать это делать. Я этого не допущу! Нам не нужен Китай, и, честно говоря, нам будет намного лучше без него».

По официально не подтвержденной информации, даже штамм коронавируса был похищен китайскими учеными из закрытой биологической лаборатории Канады и переправлен в аналогичную лабораторию Ухани бандеролью. (Тема скользкая и темная, в ней задействованы и американцы, и канадцы, и китайцы. Может, поэтому не ведутся расследования и не пытаются сделать достоянием общественности, кто и зачем вверх всю планету в этот не имеющий конца кошмар.) Интеллектуальным воровством занимались и занимаются, наверняка, все страны. Но у китайцев потребность следить и шпионить, можно сказать, в крови. А теперь, с бурным развитием ИИ, она приобретает новый – кибер-уровень.

Похоже, Америка лютует не на пустом месте. Все чаще можно услышать о том, что китайская киберпродукция действительно с подвохом. Их страсть шпионить везде, где только можно, притаилась и тут. BBC news сообщила, что спецслужбами США была раскрыта гигантская система слежения, осуществляемая аналогичными службами Китая через чипы-шпионы.

Это заявление подтвердило Информационное агентство Блумберг (специализирующееся на финансовых рынках, и имеющее свои телевизионные программы, журналы, сайты, мобильные приложения и радио), проводившее собственное журналистское расследование. По Блумбергу, специалисты высокого класса смогли обнаружить и проследить цепочки колоссальных хакерских внедрений в процессинговые центры примерно трех десятков самых крупных американских компаний – через поставляемое им из Китая оборудование.

«Просвеченными» оказались Amazon и Apple. Но они данную информацию подтвердить отказались. Если бы они это сделали, то в тот же день оказались бы банкротами, поскольку так или иначе вся их продукция завязана на торгово-промышленном взаимодействии с Китаем.

Блумберг утверждает, что невидимая интервенция осуществляется китайской компанией Super Micro Computer – через анонимные чипы, встроенные в микросхемы электронной бытовой техники. При включении прибора в сеть, микро-шпионы просыпаются,

активизируются и подключаются через Wi-Fi к домашнему компьютеру, если тот находится в радиусе до 200 метров. А подключившись, внедряют в него вирусы и спам.

Это уже не шпионаж, а злостное хакерское вредительство, к тому же действующее не извне, а изнутри вашего собственного бытового прибора, вычислить который, без знания дела, практически невозможно. Партия таких «инфицированных» утюгов, телефонов и чайников, якобы, была случайно обнаружена в Санкт-Петербурге.

Вспомним еще раз, что практически любая вещь, покупаемая нами, сделана в Китае. А еще можно вспомнить, что 90% всех компьютеров собирается там же. Получается, что либо Китай – глобальный кибершпион, либо данная информация – очередные американские штучки, направленные на борьбу с конкурентом.

Железный кулак

Для стороннего наблюдателя (партнера-конкурента-туриста) Китай – радушная, дружелюбная, гостеприимная страна. Еще бы. Ведь она кровно заинтересована в любых формах сотрудничества. Но это жесткая тоталитарная, полицейская система, опирающаяся на палочную дисциплину, заимствованную у Советского Союза сталинских времен, огромную массу низкооплачиваемой, хорошо вымуштрованной рабочей силы и опять же - на шпионаж, характерный не только для ее внешней политики, но и внутренней.

О внешней мы уже поговорили. Добавить можно маниакальную интернет-цензуру Коммунистической партии Китая, пресекающей на корню любую критику в свой адрес, дабы она не просочилась внутрь страны – вплоть до ликвидации самих источников критики, независимо от того, личность это или организация, и где находится. Осуществляется цензура по проекту «Золотой щит», больше известному, как Great Firewall of China (вариация на тему «Великой китайской стены») или просто «Файрвол» - «Огненная стена».

Что же касается политики внутренней, то, чтобы держать собственный народ в страхе и повиновении, задействована беспрецедентная сеть тотальной слежки, поставленной на рельсы высоких технологий. Не страна, а «цифровой концлагерь», как называют Китай.

Жесточайшая борьба с коррупцией, запущенная с 2012 года, отправила на скамью подсудимых 1 300 000 крупных должностных лиц, включая 76 министров. КНР не скупится на смертные казни. В такой густонаселенной стране человеческая жизнь, видимо, дешево стоит. Официальные органы не афишируют число расстрелянных, но, по просочившимся данным, за год их набегало до 15 000.

В китайском рачительном хозяйстве все идет в ход. Даже внутренние органы казненных. Практика бесчеловечная, и далеко не всегда легальная. Чтобы сохранить органы неповрежденными, во время расстрела производится «временный выстрел», то есть несмертельный, что цинично называется «неоконченной казнью». Окончательное умерщвление происходит уже на операционном столе, с изъятием внутренних органов.

Под надзором правительства, с целью выявления хищений, оказались едва ли не все учреждения и заведения страны – от государственных, высших партийных до школ и больниц. Правда, даже страх перед судом и казнью не всегда помогает. Коррупция - штука неистребимая. Общеизвестна история мэра города Хайкоу: в подвале его дома нашли невероятное количество ценностей и 13,5 тонн (!!!) золота, на общую сумму \$37 млрд.

Репрессии для Китая - неотъемлемая часть его внутригосударственной политики. Миллионы представителей этнических меньшинств преследуются и загоняются в исправительные колонии под названием «лагеря политического перевоспитания». Происходит это в основном в Синьцзян-Уйгурском автономном районе, где проживает 13 миллионов мусульман (уйгуров, казахов и других тюркских народов).

Для того, чтобы на каждого жителя Синьцзяна завести досье, используются комплексные данные, получаемые: с повсеместно размещенных камер видеонаблюдения (на улицах, в магазинах, мечетях); с электронных контрольно-пропускных пунктов - каждые 500 метров жители этого района обязаны предъявлять удостоверение личности, останавливаться перед специальными установками с программой распознавания лиц, голосов, походки; предъявлять полицейским мобильные телефоны для сканирования; являться на процедуры биометрии – сбора образцов ДНК, проверки отпечатков пальцев, сетчатки глаза; плюс постоянный мониторинг всех цифровых коммуникаций. В смартфоны потребителей внедрены программы трекинга. Отслеживание осуществляется по всем мыслимым и немыслимым каналам: по чат-мессенджеру (WeChat) и приложениям для электронных платежей (Alipay), по GPS, по Bluetooth и так далее.

Не дано нацменьшинствам укрыться от всевидящего ока и у себя дома – в их семьи подсаждают «родственников» или «гостей», то бишь соглядатаев. В случае выявленной неблагонадежности и инакомыслия любого ждет «политическое перевоспитание» в лагерях.

Большой шаг к цивилизации

«Перевоспитываются» не только местные мусульмане, но и жители всей страны. Такая тенденция стала особенно актуальной в последние

годы. Ведь Поднебесная готовит себя в мировые лидеры, а значит ее население должно соответствовать новому имиджу государства.

Увы, простые китайцы – народ на удивление невоспитанный. Судите сами. В понятие всенациональных привычек входят тенденции: бросать мусор мимо урны и под ноги прохожим; расталкивать друг друга локтями, чтобы занять свободное место в транспорте; громко, смачно отхаркиваться себе под ноги; еще громче галдеть и гоготать в общественных местах, ни на кого не обращая внимания. Китайские мужчины в жаркое время на улице задирают рубашки до подбородка, вентилируя таким путем оголенные животы и спины (легендарное «пекинское бикини»), и тому подобное, далеко не всё здесь перечисленное. Причина в общенациональном менталитете - всем на всех наплевать. Собственное удобство превыше всего.

Вот государство и решило устроить в стране культурную революцию, дабы перебороть всенародный пофигизм, используя систему штрафов и поощрений в виде начисляемых и отчисляемых баллов. Не обошлось и без лозунгов. Так, в общественных мужских туалетах над каждым писсуаром разместили печатное воззвание: «Маленький шаг вперед, к унитазу, – большой шаг к цивилизации». Как говорится, без комментариев.

Когда шпионаж во благо

Возвращаясь к тотальной слежке на государственном уровне, нельзя не признать, что в отдельных ситуациях она может работать и на общее благо. Вот все мы – жители планеты, столкнулись с довольно странной, даже таинственной ситуацией: Вспыхнувшая в Китае эпидемия распространилась по всему миру, нарушив привычный ход жизни сотен стран и народов, ввергнув их в глубочайшую депрессию, вызвав коллапс мировой экономики. Общее число зараженных приближается к ста миллионам, а погибших - к двум миллионам. И цифры эти растут с устрашающей скоростью. Люди теряют близких, работу, привычные ориентиры. Разоряются частники, большие и малые компании, несут колоссальные убытки целые государства.

А что стало с виновником глобального бедствия? В кратчайшие сроки раздравшись с пандемией, Китай процветает себе над всеобщим хаосом, всем врагам назло, лишь наращивая экономику и мировое влияние. Как же ему это удается?

С появлением первых случаев заражения в Ухани был сразу же изолирован сначала эпицентр возможной эпидемии, а затем и город в целом, перекрыты все воздушные и наземные пути сообщения. (И не так, как в других странах, где "локдаун" носит в основном символический характер.) Аналогичные меры были приняты и с еще десятью городами. «Стратегия закрытых городов» практикуется

китайской цивилизацией с древности – при вспышках эпидемий холеры, чумы и прочего мора.

Еще до начала пандемии на всей территории Китая была введена система кодирования. Каждому жителю страны надлежало иметь в мобильных приложениях персональные цветные «QR-коды здоровья» (штрих-коды, разработанные сетевыми гигантами Alibaba и Tencent), определяющие уровень риска или степени заражения индивида. Зеленый код – человек здоров и волен идти куда захочет, желтый – недельная самоизоляция, красный – двухнедельный карантин. Не предъявишь свой QR-код на контрольно-пропускных пунктах, никуда не пройдешь.

Получаемые таким путем данные поступают в соответствующие органы. Персональные QR-коды китайских граждан помогают собирать информацию об эпидемиологической картине того или иного района в целом, автоматически маркируя его на карте соответствующим цветом.

В острый период борьбы с коронавирусом на улицах, в магазинах, в больницах и других общественных местах широко использовались роботы. Одни обезвреживали помещения и улицы, другие предлагали прохожим дезинфицирующие средства, третьи помогали медперсоналу, избавляя его от прямого контакта с зараженными. Роботы-полицейские катались по улицам, обеспечивая соблюдение предписанных норм поведения, разгоняя непослушных по домам.

В качестве эксперимента, роль патрульных, следивших за соблюдением дистанции, выполняли роботы, повадками и "телом" очень похожие на собак. Только вместо голов у них экраны, отражающие лицо нарушителя, которого четвероногий страж порядка облаивал вполне по-собачьи.

Патрульные дроны отслеживали с воздуха траектории перемещения носителей инфекции и их контакты. Двухногие полицейские – это уж само собой, на каждом перекрестке. Маски, перчатки, заслоны появились мгновенно повсюду. Медперсонал не защищал себя мусорными пакетами (как в Нью-Йорке), а был герметично упакован в специальные комбинезоны. Ну и так далее.

Вот так и справились с бедой, зажав всю свою тоталитарность в один кулак. С марта месяца прошлого года показатель смертности в стране от covid-19 застыл на цифре 4 634 – ни одного летального исхода за последние 10 месяцев... Нет, 13 января один случай все же был зафиксирован. Один на почти полтора миллиарда! Увы, даже близкими результатами не может похвастать ни одна другая страна. (В США сейчас ежедневно умирает от covid больше четырех тысяч человек.) Несмотря на начавшуюся вакцинацию, мир лишь все глубже увязает в трясине пандемии. Регулярные сводки смертей стали обыденностью.

И что же предпринимает для борьбы с национальным бедствием (помимо всего, что связано с вакцинацией) всемогущая и самая умная супердержава, коей продолжает считать себя Америка? Ну что вы! Какие дроны! Какие роботы! Какая уличная дезинфекция! Обыкновенного полицейского днем с огнем не сыщешь. (Я имею в виду – в промежутках между путчами и погромами.)

Ну хорошо, лекарств от коронавируса еще не изобрели. Но об элементарной гигиене ведь можно было позаботиться, чтобы сдерживать распространение инфекции. Улицы Лос-Анджелеса (где я живу), гордо величающего себя «столицей мирового кинематографа», практически не убирают – повсюду пыль, грязь, кучи мусора на обочинах. Непонятно почему, урны с началом пандемии исчезли – использованные маски и перчатки выбросить некуда. Те немногие магазины, что держали у входа сенсорные санитайзеры, их тоже убрали, якобы, по распоряжению властей.

Перечень подобной маразматической безответственности можно продолжать и продолжать. Создается впечатление, что властям до граждан страны нет никакого дела – барахтайтесь сами, кто как может. Главное – не перегружайте собою больницы. Туда вообще лучше не соваться, потому как в больницах тоже беспредел, и медики борются, как умеют – за выживание пациентов и свое собственное. А если надумаете помереть, то постарайтесь не всем скопом - тела девать некуда. Родственники сначала неделями не могут найти место, куда приткнуться покойного, а потом неделями ждут возможности его похоронить.

На днях, уже после начала массовой вакцинации, мэр Лос-Анджелеса сообщил «приятную» новость – что дополнительно закуплено 5 000 мешков для трупов, и к больницам доставлены холодильные установки для их складирования.

Чего ж удивляться, что Америка крепко держит первенство по смертности и заболеваемости от коронавируса, оставив далеко позади все прочие страны.

Пандемия уже отметила свою первую годовщину. За год можно было много чего сделать в нашем-то двадцать первом веке, но все остается по-прежнему. (Речь не о наспех разработанных вакцинах, с их спорным эффектом.) Единственное объяснение такой халатности – что в США слабая централизованная власть, что штаты – сами себе хозяева, и президент страны им не указ. Выходит, что за растущее количество смертей никто – ни президент, ни губернаторы штатов – ответственности не несут...

На саммите G20 (в формате видеоконференции) Си Цзиньпин предложил создать единую международную систему «кодов здоровья» (QR-кодов), что, по его убеждению, помогло бы избавить мир от пандемии, как избавился от нее сам Китай. В данной связи глава

Пентагона Марк Эспер заявил, что Пекин собирается распространить технологии массовой цифровой слежки на дружественные ему страны, включая Россию.

На том же саммите «Двадцатки» Си пообещал «сделать вакцины от коронавируса доступными для всего мира». Обещание не было голословным. С первых чисел декабря Китай осуществляет глобальные поставки вакцины (корпорации Sinopharm) в страны, обратившиеся к нему за помощью. Уже отправлено – в среднем по миллиону доз – в ОАЭ, в Бразилию, в Индонезию. Мексика запросила 35 млн доз. Турция – 50 млн.

«На войне как на войне» – это не про Китай

Поднявшись до уровня ведущей региональной и мировой державы, Пекин провозгласил себя, в духе национальной символики, «Тигром земли, драконом моря». Чтоб, на всякий случай, знал противник, с кем имеет дело. Напряжённость между Вашингтоном и Пекином нагнетается и принимает все более опасный оборот. Готовясь к возможной войне, Пекин открыто наращивает свой военный потенциал.

Обогнав Россию и Америку, он разрабатывает, производит и экспортирует во многие страны новые типы оружия, основанные на современных технологиях, включая гиперзвуковое и военные беспилотники. Гиперзвуковое оружие движется в 10 раз быстрее скорости звука. Оно способно менять траекторию полета и пробивать любые противоракетные установки. А как могут боевые дроны изменить ход войны, деморализовав не готового к ним противника, мы имели прискорбную возможность убедиться на примере последней Карабахской войны.

С приходом к власти Си Цзиньпина, Народно-освободительная Армия Китая (НОАК), ее боеспособность и техническое оснащение, вышли на совсем иной, куда более высокий уровень – за счет широкомасштабной реорганизации по образцу вооруженных сил США. НОАК ныне включает в себя киберкосмический, радиоэлектронный, психологический методы ведения войны. По численности военнослужащих армия Китая крупнейшая в мире, что не удивительно при его-то человеческих ресурсах.

«На Китай привыкли смотреть как на покупателя, просителя и похитителя технологий, - пишет Коммерсантъ. – Сегодня в распоряжении Китая не только миллионные армии, но и оружие, которому нет равных.»

Следуя заветам Мао, Китай сам ни на кого нападать не собирается, но в случае необходимости ему есть чем ответить. Как и положено сильной державе, он обладает усовершенствованным ядерным

арсеналом. Самих бомб не так уж и много, значительно меньше, чем у США – две сотни ядерных боезарядов со средствами доставки на земле, воде и в воздухе. Его субмарины прячут под водами Южно-Китайского и Жёлтого морей ракеты JL-2. Есть и еще кое-что за пазухой.

Зная, что теперь любую страну легко можно просвечивать во всех подробностях из космоса, китайцы принялись рыть подземные тоннели – для того, чтобы перемещать межконтинентальные баллистические ракеты в нужном им направлении, оставаясь незамеченными. И нарыли уже больше пяти тысяч километров – этакая Великая китайская стена наоборот.

Существует целая сеть потайных подземных тоннелей и вдоль морских границ Китая, напичканных портами и военно-морскими базами. Они выполняют роль бункеров на случай вооруженных столкновений с противником - не только с моря, но и с воздуха. Выходы тоннелей под воду позволяют тайно эвакуировать людей и технику морским путем.

Потайной тоннель

Пекин осуществляет хитроумные планы – не вступая в открытую конфронтацию со Штатами, он исподволь вытесняет их из акваторий Южно-Китайского, Восточно-Китайского и Желтого морей, создавая для американских военных кораблей, мягко говоря, некомфортные условия. Он запускает целую флотилию субмарин "с гостинцем" под киль американцев, размещает датчики под водой и на искусственных островах, наземные радары, системы противовоздушной обороны. Его вооруженные силы демонстративно проводят военные учения в

Китайских морях, под лозунгом Си Цзиньпина: «Отбросить иллюзии – быть готовыми к бою!» То есть еще в одном очаге на планете, гигантском очаге, запахло жареным.

Внедряясь, бесшумно, так сказать, в Индо-Тихоокеанский регион, Китай подчиняет своему влиянию сотрудничающие с ним островные государства. Его цель – взять под контроль весь регион, в котором он уже превзошел Вооруженные силы США. В частности – в кораблестроении (на его 350 кораблей и подводных лодок у Штатов их там всего 293); по интегрированным средствам ПВО; по крылатым и баллистическим ракетам наземного базирования средней дальности – у Китая их 1250 единиц с дальностью поражения от 500 до 5,5 тыс. км, тогда как дальность американских, связанных международными нормами ограничений, не превышает 300 км.

К "пыльным тропинкам далеких планет"...

Преуспел Пекин и в расширении горизонтов Поднебесной за пределами родной планеты, с фантастической быстротой превращаясь в космическую супердержаву. По количеству спутников, запущенных на околоземную орбиту – а их у него там уже крутится 363 штуки – КНР уступает только США. Но это пока. Последние несколько лет бурно растут китайские инвестиции в сектор «Нового космоса». Набирает силы коммерческая космонавтика.

На 2021 год Соединенными Штатами была намечена доставка людей на Луну и строительство обитаемого поселения на ее поверхности – по проекту Артемиды (Artemis), в котором задействованы американские частные компании, Европейское космическое агентство (ESA) и Япония. Но из-за пандемии большую часть проектов, связанных с освоением космоса, пришлось отложить.

Китаю же, сумевшему вернуться к полноценной жизни, ничего не мешает реализовывать самые дерзкие задумки. Обитаемые лунные базы он планирует построить только к 2050 году. Осуществлять доставку необходимого оборудования и потенциальных луножителей будет сверхтяжёлая ракета-носитель «Чанчжэн-9». Для подготовительных исследовательских работ китайцами построена серия аппаратов «Чаньэ».

Год назад «Чаньэ-4» с луноходом «Юйту-2», впервые в истории человечества, совершил мягкую посадку на обратной стороне Луны, в результате чего все мы смогли, наконец, увидеть, как выглядит наш спутник с той загадочной стороны, которой он никогда к нам не поворачивается.

Совсем недавно запущенный на Луну беспилотный корабль «Чаньэ-5» впервые за 40 с лишним лет, доставил на Землю образцы лунного грунта, и не только с поверхности. Его модуль совершил

посадку у лунного «Океана бурь», и в течение двух суток буравил Луну до двухметровой глубины.

В соответствии с программой исследования Марса, завершена подготовка к запуску миссии «Тяньвэнь-1» (намеченному на этот год). Китайская орбитальная станция будет летать вокруг Марса, а спущенный с нее марсоход – исследовать красную планету с ее поверхности.

Копируя и осуществляя, теперь уже с опережением, планы и замыслы США и России – не без его рокового участия пребывающих ныне в раздрызганном состоянии – Китай прорывается на передовые позиции не только на Земле, но и за ее пределами, все больше совершенствуясь в сверхсовременных военных и космических технологиях, основанных на искусственном интеллекте и квантовых вычислениях. Ближний космос для него вполне удобное место для развертывания, в случае необходимости, военных действий.

Его успехи и напористость все больше напрягают Америку. Особенно тот факт, что Пекин вкладывает колоссальные средства в космическое оружие, «ставя под угрозу мирное использование околоземного космического пространства», как сигнализирует американская пресса. Пентагон, в частности, озабочен тем, что Китай уже использует наземные и космические средства противоспутниковой направленной энергии и радиоэлектронной борьбы на лазерных технологиях. Это означает, что американские навигационные спутники находятся в их зоне поражения.

Звездные войны не за горами

Ну разве могут Штаты позволить себе отстать от «какого-то там» Китая в гонке космических вооружений. Ответ последовал незамедлительно. Президент США отдал приказ создать шестой вид вооруженных сил – космический. Уже назначен Командующий и Начальник Штаба космических операций. (Им стал генерал Джон Рэймонд.) Военнослужащие Космических сил США будут называться «стражами» - по аналогии со «Стражами Галактики» в комиксах. Были солдаты, моряки, лётчики, морпехи. Теперь к ним добавились космические стражи. Американская пресса назвала это нововведение самым значимым военным достижением Дональда Трампа.

Под занавес своего президентства он толкнул суперпатриотическую речь, поздравив Космические силы США с первым днем рождения: «Год назад мы открыли новую главу в экстраординарной истории американского лидерства в космосе и укрепили наследие Америки как крупнейшего в мире арсенала демократии. Верные своему девизу "Всегда на высоте"...». И так далее.

Мы, кажется, дожили до той поры, когда самые безумные идеи писателей-фантастов воплощаются в действительность, когда звездные войны землян вполне могут перейти из голливудских блокбастеров в реальный космос и реальное время.

Только охранять Америку космические стражи собираются не от нашествия злобных и ужасных инопланетных монстров. Враги у Вашингтона – в наземном, водном, воздушном, а теперь еще и безвоздушном пространстве все те же – Россия с Китаем. За высокопарными речами бывшего президента скрывается банальная милитаризация околоземного пространства и ближнего космоса – как ответная или упредительная мера на действия Пекина.

Согласно новой стратегии США, межзвёздное пространство – это потенциальная арена военных действий. В уставе записано, что Штаты «будут продвигать свои национальные интересы в космосе и станут лидером в новой эре постоянного человеческого присутствия в космосе – на Луне, Марсе – и за его пределами». Записать-то можно что угодно, а вот как будут разворачиваться события, похоже, решать уже не только Америке.

Си Цзиньпин тоже обратился к высшему военному руководству своей страны с воззванием усилить боевую подготовку армии в связи с растущей угрозой национальной безопасности. Военное развитие Китая, заявил он, и вся ситуация в мире вступили в «новую эру», а это значит, что китайские военные должны быть готовы к войне и «не бояться смерти и лишений», Народно-освободительная армия Китая должна стать «военной силой мирового класса» и привести себя в состояние повышенной боевой готовности. Ой-ёй-ёй.

Ну, да что мы всё про Китай с Америкой. Можно немного поговорить и про Китай с Россией. Тоже интересно.

Москва-Пекин. Демографические маневры

Песенка такая была в советское время, которую все мы знали наизусть – потому как ее постоянно крутили на радио: «Москва - Пекин, Москва - Пекин, Идут, идут вперед народы За светлый труд, за прочный мир Под знаменем свободы».

Идут-то идут, да, несмотря на отличные торгово-экономические отношения и многолетнее сотрудничество в целом ряде сфер, российские политики никогда не выпускали из поля зрения «китайскую угрозу российской безопасности», понимая, что Пекин, как союзник, что кочка на болоте - может уйти из-под ног в самый неподходящий момент, потому как блюдет только свои собственные интересы.

У него в отношении России, вернее – российских территорий, свои далеко идущие планы, о чем недвусмысленно свидетельствуют хотя бы карты в китайских учебниках, на которых юг российской Сибири,

например, обозначен в составе Китая. Мирное завоевание приграничных российских земель уже давно происходит, с ведома российского правительства, кстати сказать. Китайцы слишком активно их арендуют и заселяют.

По официальным данным, в Сибирском и Дальневосточном федеральных округах проживает 14,3 тыс. китайцев. А по неофициальным, в результате нелегальной миграции – до двух миллионов. (И это уже устаревшие данные. Сейчас их намного больше.) Правительство КНР стимулирует, поддерживает и организует миграцию в РФ, и даже выплачивает денежные премии китайским мигрантам за женитьбу на россиянках.

Из-за недостаточности собственных природных ресурсов Китай вынужден искать их на стороне. Эти поиски выливаются в уничтожение не принадлежащей ему тайги – в незаконную, варварскую вырубку лесов. Характерное явление тех мест – многочисленные китайские лесопилки (564 штуки), склады древесины и целые заводы. Дальневосточные регионы РФ стали похожи на сырьевую колонию Китая, сигнализируют местные власти. Данная ситуация наблюдается на Алтае, в Якутии, в Иркутской области, в Бурятии, в Красноярском крае.

В Википедии можно прочесть следующее: «Потребители конечной продукции, в основном в США и ЕС, как правило, даже не догадываются, что покупаемые ими китайские товары сделаны из незаконно вырубленной российской древесины».

Более того – китайцы строят печи для производства древесного угля на местах. Производство настолько вредное для экологии, что вокруг него гибнут деревья и болеют люди. В КНР оно запрещено, а в России – нелегально, выходит, можно.

На берегу Байкала китайцы построили завод бутилированной байкальской воды, которую отправляют в свою страну. Второй такой завод заложили на территории Иркутской области. Воду берут из глубины с помощью трубопровода, длиной в несколько километров. Там, на глубине между 400 и 500 метрами, залегает особый, реликтовый, ни с чем не смешивающийся слой сверхчистой, насыщенной кислородом воды, обладающей уникальными свойствами. Ученые бьют тревогу: китайские водозаборные заводы – прямая угроза экологии озера. Государственные политики почему-то молчат. Видно, Китай хорошо платит.

В 2017 году неугомонный сосед вознамерился проложить трубопровод от Байкала к китайскому городу Ланьчжоу и напрямую перекачивать через него байкальскую воду.

Жители тех мест узнали о «китайской инициативе» лишь со строительством заводов на берегах Байкала. Начались протесты с обращением в разные инстанции. Под петицией подписалось

полмиллиона человек. Вот выдержки: «Запретим китайцам выкачивать воду из озера Байкал», «китайцы захватывают озеро Байкал», «китайцы скупили всю землю около Байкала», «через 5–10 лет Байкал станет еще одной китайской провинцией».

Особая статья китайского беспредела на Дальнем Востоке – туризм, организуемый китайцами из своей страны. Соответственно вся прибыль от него уходит туда же. Туристов принимают китайские компании и китайские гиды, живущие на российской территории. Но это россияне думают, что территории российские. А гиды рассказывают своим соотечественникам, что Россия «временно (!) владеет землей, на которой раньше жили китайцы», что Байкал принадлежал им до Нерчинского договора, подписанного Россией и Китаем в XVII веке.

Сегодня туристы и гости из Китая неизменно называют Байкал «своим Северным морем» или «внутрикитайским озером». Они скупают земли вокруг Байкала и возводят на них многоэтажные отели, (отправляя неочищенные канализационные стоки в Байкал). До пандемии поток китайских туристов на Байкал непрерывно рос. Будет расти и после нее.

И что же делают местные жители в ответ на китайскую экспансию? Не получив желаемого отклика на свои жалобы, они покидают насиженные места. Иными словами, их выживают. Уже заговорили о геополитической катастрофе России в Азиатско-Тихоокеанском регионе. «В будущем Китай – серьезная головная боль для России», - предупреждает политолог, президент Института Стратегических оценок А. Коновалов.

«Головная боль» и «угроза» состоит в том, что, когда китайское население на Дальнем Востоке превысит российское, КНР может предъявить на него свои права.

Глобализация по-пекински

Да что там Сибирь с Дальним Востоком! Для Китая это мелочи. Он одержим идеей строительства планетарных путей сообщения, чтобы связать между собой города и страны. Связь-то между ними и так есть, но она не устраивает нынешний Китай. По его задумке, это должны быть ультрасовременные скоростные автотрассы, железные дороги, морские и воздушные маршруты, со всей сопутствующей IT-инфраструктурой, включая удобные вокзалы, трубопроводы, линии электропередач и пр. Такие транспортные коридоры объединят Австралию и Индонезию, всю Центральную и Восточную Азию, Ближний Восток, Европу, Африку и через Латинскую Америку выйдут к США... Фантастика!

Поначалу планы были намного скромнее, но тоже о-го-го. В качестве альтернативы слишком длинного морского пути от Пекина до европейских стран, Китай вознамерился возродить – в современном варианте – древний торговый маршрут между Востоком и Западом, известный, как «Великий шёлковый путь». Свой проект он так и назвал: «Новый Шелковый путь». В его основе лежит ВСМ «Евразия» – инфраструктурная высокоскоростная грузопассажирская железнодорожная магистраль.

Евразийский торгово-транспортный коридор, общей протяженностью 9 500 км, привлек внимание 120 стран, и соответственно – их капиталы. Он должен пройти через весь Китай, Казахстан, Россию, Белоруссию, Польшу и Германию. Свою часть (3200 км) – от Пекина до границы с Казахстаном, Китай уже построил. Когда «коридор» дойдет до Москвы, расстояние между китайской и российской столицами в 7 000 км можно будет покрывать не за 5 дней, как сейчас, а за 2, при скоростях 200-400 км/час.

Этот мегапроект, заявленный, как всемирная транспортная артерия, которую по значимости приравнивают к Суэцкому или Панамскому каналами, жизненно необходим самому Китаю – для доставки его грузовых и пассажирских потоков в Россию и Европу. Но "коридор" нужно протянуть в основном через бывшие советские республики, у которых таких денег на его строительство нет. (Иностранные инвестиции всех расходов не покрывают.) Зато деньги есть у Пекина и его богатейших частных корпораций, всегда готовых одолжить их в нужном месте и в нужное время.

Прикрываясь щитом сотрудничества и взаимопомощи, Китай плетет долговую паутину-ловушку. И в этой паутине уже барахтается с полсотни азиатских, африканских и латиноамериканских стран. Не случайно все чаще поднимается вопрос об изоэкономной политике Пекина, направленной на завоевание мира не кнутом, а пряником - с начинкой-подвохом.

Среди крупнейших получателей прямых китайских кредитов, общий объем которых приблизился к \$5 трлн, Белоруссия, Киргизия, Таджикистан, Туркмения, Узбекистан, Казахстан. Если страны Центральной Азии не могут платить по счетам, Китай отбирает у них их месторождения и их территории, не обращая внимание на возмущение и массовые протесты населения.

По долгам перед Китаем Киргизия занимает 5-е место в мире (30% ее ВВП). Бишкек дважды обращался к Пекину с просьбой отсрочить выплаты, и дважды получал злой отказ. Таджикистан уже расплачивается приграничными землями, месторождениями золота и серебра. В ответ на 20-миллиардные китайские инвестиции, Казахстан отдает Китаю природный газ, сырую нефть, медные руды,

ферросплавы, цинк, природный уран, руды драгоценных металлов, титан и т.д.

Из Туркмении, по прямому трубопроводу, транзитом через Узбекистан и Казахстан, течет в Китай природный газ. Это самый длинный в мире газопровод – его протяжённость около 10 тысяч км. На долю Туркмении приходится около 30% всего объема импортируемого Китаем газа. Есть неофициальные данные, что страна ничего на этом не зарабатывает. Газ, в основном, лишь покрывает ее долги.

Не обошел Китай и Россию своими щедротами, одолжив ей на развитие экономики сотни миллиардов рублей в рамках подписанной декларации о сотрудничестве в проектах «Один пояс, один путь» и «Евразийская интеграция». России тоже приходится делать ставку на нефть и природный газ, цены на которые последние годы только падают. Российский газопровод в Китай носит название «Сила Сибири». Уже строится «Сила Сибири-2». Поставки нефти в Поднебесную осуществляются под кредит в \$25 млрд.

Пекин отнюдь не ограничивает свою внешнюю политику рамками Евразийского коридора, Россией и азиатскими странами. Проект-инициатива «Новый Шелковый путь» обретает немыслимый размах. Китай все чаще называет его «Один пояс – один путь». И «пояс» этот становится все шире и... туже. А «путь»... ясное дело, все пути ведут теперь не в Рим, а в Пекин.

Колонизация целого континента

Хитроумная и коварная внешняя политика Китая такова, что он вот-вот начнет предъявлять свои права в самых неожиданных точках земного шара, используя как незаконные внедрения (по типу «китайского» Байкала), так и тактику «легких» кредитов с тяжелыми долговыми последствиями.

Справедливости ради надо сказать, что много бедных стран живет сегодня за счет Пекина, наслаждаясь электричеством в своих домах, построенными им прекрасными дорогами, морскими и воздушными портами. Но давно известно, что бесплатный сыр бывает лишь в мышеловке.

С некоторых пор Китай положил глаз на весь Африканский континент, включив его в свой мега-проект "Пояса и пути". Со щедростью сказочного Деда Мороза его компании предлагают африканским странам-участницам проекта, прозябающим в нищете и забвении, но стратегически удобно расположенным, создать современную инфраструктуру – на деньги, которые они любезно предоставят. В кредит, разумеется. В сфере интересов Китая все 37

государств Черного континента, имеющие широкий выход к морям и океанам. И все они уже им облагодетельствованы.

Секрет небывалой щедрости желтого брата все тот же. Кредитами-ловушками он обеспечивает себе геополитическую свободу действий и доступ к чужому сырью. Если по окончании тех или иных работ, страна-должник не может расплатиться с кредитором (а она, как правило, в силу своей бедности, не может), или... как там это называется – следовать долговым обязательствам, то Китай, в счет долга, оформляет долгосрочную аренду – этак, лет на сто, на порт, аэропорт, рудники и т.д.. Получается, что все, что он строит в Африке, он строит для себя. Но и это лишь часть кредитного айсберга.

Подсаживая страны на долговую иглу, китайские компании, прочно обосновавшиеся на их территории, вынуждают их играть по своим правилам, ставя условие, что выполнять запланированные работы на местах будут их рабочие и специалисты. А оплачивают и штат компании, и рабочую силу страны, получившие кредиты. Таким образом, деньги возвращаются туда, откуда были взяты, а долги «партнеров» растут.

Наглядным, но далеко не единственным примером, продемонстрировавшим всему миру, как работают китайские долговые ловушки, стала Шри-Ланка, за долги отдавшая Китаю в аренду – почти на сто лет – свой глубоководный порт Хамбантота. В Танзании китайская частная компания попыталась повторить аферу с арендой порта, но получила отказ.

Негласно, тихой сапой Китай забирает африканские земли за долги – в Эфиопии, Танзании, Замбии, Уганде, Мозамбике, Камеруне. На этих землях, возделанных под сельскохозяйственные культуры, трудятся не местные жители, а завезенные из Китая рабочие. Всё, что они выращивают, отправляется в Китай. Построенные в кредит железные дороги, порты, электростанции и прочее тоже обслуживают сами китайцы. Ангола, Нигерия и Судан за долги поставляют в Китай нефть. Либерия, Камерун, Мозамбик Намибия – лес. Замбия – медь. Этот перечень можно продолжать и продолжать.

На Черном континенте находится сегодня более десяти тысяч китайских предприятий, а количество самих китайцев приближается к двум миллионам, и цифры эти непрестанно растут. Массовая иммиграция китайцев в страны Африки вызывает не только негативное к ним отношение со стороны местного населения, но и организованные вспышки протеста.

Вот как описывает ситуацию бизнесмен-издатель Тревор Нкубе из Зимбабве, живущий в ЮАР: «Открываются новые посольства и воздушные маршруты. Всюду можно встретить новую китайскую элиту континента, делающую покупки в собственных дорогах магазинах, разъезжающую в лимузинах. А покрытые рытвинами дороги забиты

китайскими автобусами, везущими людей на рынки, заполненные дешевыми китайскими товарами. Тысячи миль новых китайских железных дорог пересекают Африку, перевозя миллиарды тонн незаконно вырубленного леса, алмазы и золото. Ж/дороги привязаны к разбросанным вдоль побережья портам, ожидающим груза для отправки его в Пекин».

В той или иной степени практически вся Африка у Пекина в должниках. Долг Джибути, Нигера и Конго превысил уже четверть их ВВП. Министр ВМС США Ричард Спенсер открыто обвиняет Китай в использовании капитала в качестве оружия, загоняющего нуждающиеся страны в долговую ловушку.

Кстати, упомянутая Джибути имеет для Пекина особое значение. Эта маленькая бедная африканская страна на левом берегу Баб-эль-Мандебского пролива стратегически уникальна. Ее порты служат воротами в Красное море, и дальше – в Суэцкий канал. Не случайно в Джибути разместились военные базы четырех стран – США, Франции, Италии и Японии, плюс военные формирования Германии, Испании и Саудовской Аравии. А теперь и Китай добавил к ним свою первую зарубежную военную базу.

Не афишируя своих намерений, вторую военную базу и порт Китай строит в Намибии. Здесь у него тоже особый интерес. Он уже хозяйничает на местных урановых рудниках, снабжающих атомную промышленность Китая радиоактивным сырьем.

Экономическое присутствие Китая в Африке, ненавязчиво перерастает в военное. Дешевое китайское оружие переправляется на Черный континент непрерывным потоком. Особенно – в противоборствующие Алжир и Марокко. Его армия (НОАК) проводит совместные учения с войсками Нигерии, Камеруна, Ганы и Габона. С какой целью?

Африка далеко не единственный, подвергающийся китайской экспансии, континент. Аналогичная ситуация наблюдается в восточноевропейских странах Евросоюза, на Балканах и в Центральной Европе. Стремясь улучшить пути доставки своих товаров, Китай строит там скоростные железные дороги, попутно скупая порты.

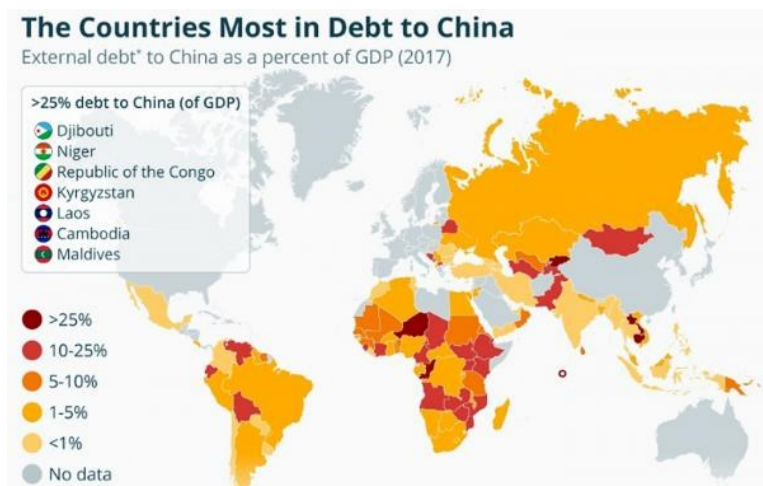
Сунулся вездесущий желтый брат и в Крым (до того, как Крым стал снова российским), подписав с Украиной в 2013 году меморандум о совместном превращении Крыма в экономический и транспортный узел "морского Шелкового пути».

В Австралии разразился скандал после того, как китайская группа Landbridge арендовала – сроком на 99 лет – порт в городе Дарвин, что жителями страны было расценено, как угроза национальной безопасности. Этот австралийский порт, называемый «Воротами в Азию», Пекину крайне необходим. Через него проходит половина всех

грузов, направляющихся в КНР. Но фишка в том, что, во-первых, Австралия – союзник Соединенных Штатов, а во-вторых, рядом с этим портом расположена военная база США.

Так за что же не любят Китай?

Вопрос, конечно, риторический. Сначала Китай заполнил дешевыми товарами весь мир, буквально оккупировав все рынки сбыта. Потом началась тонкая игра на опережение в высоких технологиях. Интернациональные инициативы ВСМ «Евразия», «шелковых путей», «пояса и пути» позволили Пекину положить ногу и руку едва ли не на все страны мира, выкачивая из них природные ресурсы, скупая земли, перебрасывая туда свое необъятное население.

Китайские страны-должники

Раздавая кредиты, так сказать, из рук в руки, Китай требует не разглашать условия сделки. Это называют непрозрачными системами учета. Отсюда и невозможность для заинтересованных органов отслеживать реальные размеры полученных той или иной страной займов. Эксперты убеждены, что целый сонм развивающихся стран (их уже набралось 152) задолжал Китаю значительно больше, чем предполагают. А с учетом дефолтов и рецессий, вызванных пандемией, и гораздо больше, чем предполагают сами страны-должники. Так, хитро и изощренно, Китай сталкивает одну страну за другой в долговые ямы.

В расставленные ловушки попадают не только страны третьего мира. Долг Германии и Голландии превышает 10% их ВВП, а США,

Канады, Франции, Великобритании и Австралии – от 5 до 10%. (Процент этот не выглядит пугающим лишь в сравнении с высоким ВВП упомянутых стран. ВВП США, например, двадцать с половиной триллионов. Германии - почти четыре триллиона.)

Китайцы только с виду улыбочивые да уступчивые. Под внешней мягкой оболочкой таится негибачаемый стержень. В любой ситуации они с завидным упорством гнут свою линию и делают только то, что нужно и выгодно им.

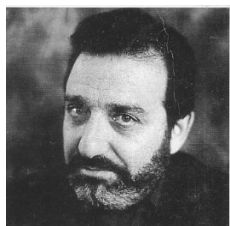
Часть 6. Литература и Искусство

Орест Кипренский. Портрет Жуковского

Евсей Цейтлин

Чикаго, США

Сокровенная книга. Евсей Цейтлин - Анатолий Либерман

Беседа эссеиста и литературоведа Евсея Цейтлина с критиком, поэтом, переводчиком, литературоведом и лингвистом Анатолием Либерманом

Анатолий Симонович Либерман – автор 20 книг, более 600 статей по тематике: общее и историческое языкознание, средневековая германская литература, история науки, история русской литературы. Доктор филологических наук, до эмиграции (1975) работал в Институте языкознания Академии наук по специальности «Скандинавские языки», 45 лет является профессором Миннесотского университета, преподавал также в Гарварде, в Германии (Фрайбург, Киль), в Италии, Японии и др. Перевел на русский язык сонеты Шекспира, на английский – книги стихов Лермонтова, Тютчева, Боратынского (с комментариями переводчика), труды выдающихся филологов Н. С. Трубецкого и В. Я. Проппа. Обладатель престижных научных наград.

1. Начну с поздравления. В петербургском издательстве «Гуманитарная Академия» увидел свет ваш роман «Отец и сын, или Мир без границ». Странная книга? Сразу притягивающая к себе. На первый взгляд, вызывающая желание спорить с автором. Бесспорно, уникальная. Как же она рождалась?

Книга не столько рождалась, сколько выросла из крошечного семечка. Когда в 1972 году родился мой сын, оставшийся нашим единственным ребенком, я по совету своего знакомого, к тому времени отца двух почти взрослых детей, начал вести дневник, подробно рассказывая о том, что делает младенец, что делаем, опекая его, мы (мы — это, кроме нас с женой, родители жены и моя мать; мой отец погиб на ленинградском фронте в 1941 году). Меньше всего тогда, полвека тому назад, я думал, что буду продолжать эти записи почти тридцать лет, хотя после того, как сын уехал в университет, а потом не раз переезжал из города в город и даже из страны в страну, записи стали отрывочными и касались только самого существенного. Я писал уже по инерции: не хотелось останавливаться. Так накопилась гора общих тетрадей. Читали их двое: моя жена и я. Не раз я задумывался о том, что делать с дневниками. Когда в 1975 году мы уезжали в Америку, я не был уверен, что тетради (тогда их было всего три), посланные через голландское посольство, дойдут до меня. Если бы они пропали, я бы, скорее всего, свою затею бросил. Но они не пропали! Я продолжал записи и остановился лишь тогда, когда они потеряли смысл.

Лет десять тому назад я подумал, что так подробно описанная жизнь ребенка, подростка, юноши (толстовская триада) с его и нашими трудностями в двух странах может быть интересна не только мне, и решил превратить записи в книгу. «Превращение» это

оказалось непростым и крайне трудоемким делом: надо было жестоко сократить текст, добавить кое-какие пояснения, но, главное, сделать книгу интересной так называемому широкому читателю, хотя я ни одной секунды не питал иллюзий, что в магазинах выстроятся очереди жаждущих приобрести новинку. Но пишешь ведь всегда в расчете на целый мир и вечность. Объем не тревожил меня: сколько получится, столько и получится. Смущали только две первые главы, и я постарался ужать их до максимума. Я и сейчас думаю, что начало покажется кому-нибудь слишком прозаичным. Поэтому я вставил туда разные отступления. Стихи после каждой главы — нечто вроде виньеток.

2. Как определить жанр вашей книги? Вопрос, лишенный академизма. В данном случае вопрос подразумевает, кроме литературоведческой четкости, путь, которым шел автор. В тексте вы называете свою книгу повестью. Издательская аннотация утверждает: «роман, основанный на дневниковых записях, охватывающих несколько десятилетий». О том же подробно размышлял в интервью с вами глубокий и тактичный редактор вашей книги С. И. Князев. Вы подчеркиваете эту опору на документ. Только жене и сыну поменяли имена. Но не хотелось ли вам во время работы со своими дневниками выйти за пределы документа?

Вопрос о жанре беспокоил меня меньше всего. Конечно, «Отец и сын» — повесть. Я ведь ничего не сочинил и не ввел дополнительных персонажей. Роман может быть частично автобиографическим (например, «Мартин Иден», детские главы в «Дэвиде Копперфильде», «Рыжик», хоть Жюль Ренара, хоть Свирского), но при этом он остается романом. А у меня никакого вымысла: всё так и было, как рассказано в книге (ужато, просеяно, прокомментировано, но не придумано). В самом начале я предупреждаю, что книга не исповедь, не «всё на продажу»; однако за достоверность я ручаюсь.

Редактор (Сергей Иванович Князев) мне попался замечательный, и я рад, что вы посмотрели видео и оценили его. Автор редко бывает объективен в оценке сочиненного: свое ведь всегда нравится, особенно поначалу. Мне кажется, что правдивость моего рассказа только и может привлечь читателей. Мне-то в книге дорого всё, но это потому, что она закончена совсем недавно и я пока слишком близоруко всматриваюсь в нарисованную картину. Хотел ли я выйти за пределы документа, то есть дневника. Разумеется. Не только хотел, но и вышел. В повести масса рассуждений, оценок происходившего, то есть, выражаясь высокопарно, в ней и бывшее, и думы. Но думы не главное: главное — сюжет. Оценка же иногда была нужна потому, что дневник я писал для себя, а книгу — для людей, далеких от мест и персонажей,

попавших в поле зрения «автора». Да и временная, равно как и пространственная, перспектива действия восходит к 1972 году и действие начинается в СССР, в стране, которой больше нет, а продолжается в стране, в которой почти никто из российских читателей не бывал, и это обстоятельство не раз заставляло меня пояснять ситуации.

3. Очень интересен ваш педагогический опыт, который резко высвечивает эта книга. Вот, к примеру, ваше парадоксальное правило: «...со взрослыми надо обращаться, как с детьми, а с детьми – как со взрослыми». Как и когда вы сформировали для себя это правило жизненного поведения? Оказалось ли оно эффективным?

Парадокс, он парадокс и есть. Я его даже вставил в один из своих давних очерков. Окончив педагогический институт, я три года работал по распределению в интернате за несколько часов езды от Ленинграда (сначала воспитателем и учителем, потом только учителем; вел я там никому не нужный, но полагавшийся по программе английский язык). Но я и вообще люблю и всегда любил возиться с детьми. С ними легче войти в контакт, чем со взрослыми. Я нисколько не переделывал себя, а просто говорил со своими подопечными без скидки на «детскость», веря, что они разумные существа, поймут меня и поступят в соответствии со здравым смыслом.

Разумеется, так происходило не всегда. Во-первых, передо мной были дети примерно с одиннадцати до тринадцати лет, то есть частично или полностью сложившиеся подростки. Во-вторых, у многих было позади в высшей степени непривлекательное детство. Напомню, что хрущевские интернаты открыли для детей из самых малоимущих семей, в основном для сыновей и дочерей матерей-одиночек, часто сильно пьющих и распутных, а то и для таких, у которых только и была полунищая бабушка. Слово, ласка, терпение действовали на них плохо. Но «отверженных» было абсолютное меньшинство; иногда добрым словом и участием удавалось повлиять и на них.

Дети видели, что во мне нет ни раздражения, ни взрослой снисходительности, что я отношусь к ним, как к «личностям», понимая всё-таки пределы их возможностей. Взрослые же — это люди, с выработанной системой взглядов и убеждений, и часто нужны жестокие правила, чтобы они вели себя достойно. Только дурак спешит наказывать ребенка, а взрослые в самых разных ситуациях не причиняют ближнему зла лишь из страха наказания. От ребенка, если он чувствует к себе уважение, можно добиться многого; только не надо унижать его высокомерием. Взрослые же, увы, часто ведут себя, как злые, строптивые дети. Но повторю, парадокс, он парадокс и есть. Оскар Уайльд наговорил их целую книжечку: всё умно и в каком-то

смысле верно (например, «медицина делает большие успехи: она открывает новые и новые болезни»). Добавлю, что дети меня любили (не все, конечно, — увы!), горевали что, отработав три года, я бросаю их. Многие долго писали мне письма и приходили в гости, когда оказывались в городе. Лет пятнадцать тому назад меня разыскала по интернету бывшая семиклассница. Что-то в моем парадоксе, наверно, есть.

4. Напомню: в вашей книге два названия: «Отец и сын, или Мир без границ». Второе название звучит банально, оно походит на дежурные рубрики советских газет. Но... только до тех пор, пока не задумываешься о реальном содержании вашей книги. Она погружает читателя в «бездну» человеческой души, в таинственную, бурлящую конфликтами природу отношений личности и общества. Когда и как пришло к автору это второе название?

Вначале название было несколько иным. «Отец и сын» я придумал сразу, но я добавил подзаголовок, который по разным причинам оказался неприемлемым. Наверно, можно было обойтись без всякого подзаголовка. «Война и мир», «Доктор Фаустус», «Мадам Бовари» — вполне достаточно. Но мне хотелось подчеркнуть главную мысль, а она состояла в открытии моим сыном огромного и, главное, свободного мира. Для человека, прожившего почти сорок лет за железным занавесом, газетный штамп «мир без границ» полон особого смысла. О безднах души я не думал, и если в заглавии можно вычитать и такой смысл, то тем лучше. В первоначальном, отвергнутом подзаголовке тоже был намек на дальние странствия.

5. Вашего сына долго волнуют в детстве две темы: богатство и смерть. Вспомнил сейчас своих маленьких внуков: они настойчиво желали в дни рождения мне и жене денег и здоровья. Как вы думаете, с чем была связана эта иерархия интересов у вашего сына?

Я думаю, что тема смерти неотступно преследует всех, но, став взрослыми, мы, если не сразил нас страшный недуг, осознаём, что жизнь длится долго, а смерть — ну, когда придет, тогда и придет (не завтра же). Кроме того, у взрослых более устойчивая психика. Тридцатилетний Вертер не застрелился бы. Мне трудно делать обобщения, но ребенка, как я думаю, страшит мысль остаться без защиты. Мысль о смерти родителей не может не приводить в ужас. А тут еще неизбежный вывод: если все смертны, то, значит, и я? С этой мыслью не мог смириться толстовский Иван Ильич, как не могли и не могут смириться цивилизации всех времен. Отсюда миф о загробной жизни, но для ребенка, даже если он усвоил такой религиозный

принцип, мало радости: с того света папа с мамой (чаще мама), кроме как в сказке, не вернутся.

С богатством дело обстоит проще. Только чуть подрастешь, как видишь имущественное неравенство: у одних всё, у других ничего или мало. Ребенок эгоистичен и жаден (что, по-моему, абсолютно нормально). Как же не возжелать благ, доступных соседу? Здесь дело обстоит, как со смертью: вырастая, мы в какой-то степени научаемся соразмерять свои порывы с реальностью (ну, не могут все жить во дворце), но от лучше оплачиваемой работы, премиальных и удачного лотерейного билета никто не отказывается. Мой малолетний сын был не умнее и не глупее других детей.

6. Еще одна сквозная тема вашей книги – тема памяти. В поисках утраченного времени вы обращаетесь к своим дневникам. Но тема памяти волнует вас и очень конкретно, часто – болезненно. Еще бы! У сына великолепная «гастрономическая память», она не изменяет ему с годами: помнит все блюда, которые заказывал в ресторанах в течение десятилетий. Однако безнадежно забывает сюжеты книг, хотя вы читали их вместе из вечера в вечер. Пытались ли вы лечить это его «беспамятство»?

Нет, эти качества врожденные. Наш сын был и в этом смысле, как все. Он помнил то, что его интересовало. Может быть, если бы он рос в обстановке, где уважали бы культуру, начитанность и гуманитарные знания; если бы рядом были дети, именно за такие качества ценимые окружающими, и он бы стал другим. Он очень любил слушать то, что я ему читал (а прочел я ему необозримо много), удачно цитировал и сопоставлял, и многое осталось в нем навсегда, но домашние ценности не поддерживались окружением. Никогда он не встретил ни товарища, ни девушки, которые бы восхитились тем, как он много знает. В классе за желание «выступить» его бы только осмеяли, и никто из школьных учителей не оказал на него ни малейшего влияния. И всё же, как выяснилось, многое осталось и всплыло потом — многое, но меньше того, чем хотелось бы. И взрослым он никогда не встретил ни одного по-настоящему культурного человека. Люди такие есть, но ему не попались.

7. В своей знаменитой «Исповеди» Руссо признается в поступках, лежащих за гранью нравственных законов. Вы очевидно следуете этой традиции. Конечно, «грехи» вашего сына, ребенка, ничуть не сравнимы. И все же: обжорство, воровство, высокомерие, снобизм... Трудно ли было сообщать читателю эти факты, причем в живописных подробностях? Не хотелось ли вычеркнуть, убрать – в рукописи или корректуре?

Этот вопрос задал мне и мой редактор С. И. Князев. Ему я сказал то же, что скажу вам. Во-первых, я писал роман без вранья, а не повесть в духе социалистического реализма, где борется хорошее с лучшим. Если помните, диалектика учила нас, что развитие происходит в борьбе противоречивых сил. А при социализме нет противоречий. Как же он развивается? Выяснилось, что противоречия есть, но не антагонистические! Вот экзерсис на эту тему меня не устраивал. Грехи моего сына были не так уж и велики. Лишь неведомо откуда взявшаяся склонность тащить деньги приводила нас в отчаяние. Обжорство было чем-то вроде болезни, и оно прошло само. Снобизм отпал с возрастом. Но скажу вам то, что сказал и Князеву: если бы история не имела счастливого конца, если бы из нелегкого подростка не вырос хороший, любящий юноша, я бы этой книги не написал.

8. Ваша система воспитания поражает и своим беспримерным замыслом, и той твердостью, с какой она воплощалась в жизнь. Никогда не встречал ничего подобного! Списки книг на трех языках; занятия французским, музыкой, плаванием, гимнастикой... Нет-нет, перечислил далеко не все. Не удивительно, что ребенок пытается бунтовать. Иногда очень мягко, он ведь бесконечно любит отца:

«-Папа! Я хочу тебе что-то сказать: мне не нравится заниматься музыкой. Давай бросим!

Я ответил, что разговоры на эту тему надо оставить.

-И как долго мы будем играть?

-До конца школы, - обнадежил его я».

При этом: «...все эти годы я просидел рядом с ним, разучивал этюды и сонаты, играл в четыре руки и рассказывал ему о композиторах, чьи имена стояли на нотах».

Так было всегда - по всем предметам, во всех занятиях сына. Мы с вами, Анатолий Симонович, знакомы много лет. Никогда не думал, что у вас такая «железная воля».

Здесь надо кое-что уточнить. У нашего сына рано проявился талант к усвоению языков. У него несомненные задатки полиглота, так что читал он легко, а многое с большим удовольствием. Французские детективы исчезали с ужасающей скоростью. Но вокруг цвел и цветет нечитающий мир. Поэтому я и уговаривал его читать и так старался, чтобы он прочел побольше. Учиться плавать он поначалу не хотел, но научился, и всё пошло хорошо. Как можно не уметь плавать, не ходить на лыжах и не ездить на велосипеде? Но ведь само не получится! Вот играть он не хотел, и музыка действительно шла со скрипом. Вы читали книгу и знаете мой ответ: я старался научить сына тому, что считал полезным, даже необходимым и что умел делать сам, а умею я,

кстати сказать, совсем немного. Но, чтобы защитить себя от упрека в тирании, напомним: когда стало ясно, что сын не унаследовал ни художественных склонностей матери, ни моего аналитического склада ума, мы никогда не толкали его в те области, которые были ему не по нутру. Он (конечно, благодаря домашней подготовке) прекрасно учился в университете и в конце концов стал юристом — судя по результатам, хорошим. Его специальность не мой идеал, но я — это я, а он — это он.

Никакой железной воли у меня нет, а были и есть любовь к нелегко доставшемуся ребенку (почему нелегко, я объяснять не буду), неприятие тупой окружающей среды, желание вырвать его из трясины, в которую опустил наш век, и изрядная доля терпения.

9. Вы ничего не говорите о том, как семья отнеслась к вашим педагогическим экспериментам. Семья присутствует в вашем романе-документе молчаливым фоном: две бабушки, дедушка (он, правда, занимается с внуком в России в самом раннем детстве героя)... О жене мы узнаем только, что она очень красива, талантлива; как и вы, приходит к сыну, чтобы поцеловать его перед сном: вы с ребенком говорите по-английски, жена — на русском... Неужели почти все? Неужели ваш авторитет воспитателя столь беспрекословен? Неужели не было семейного бунта? Ведь малыша часто жалеет даже читатель.

А никаких экспериментов не было! Всё шло, как шло. В самом начале книги я предупреждаю, что для рассказа характерен сильнейший перекосяк: в фокусе только двое («отец и сын»). Без жены вообще бы ничего не было: она, хотя всегда либо училась, либо работала (полностью переквалифицировавшись в Америке: она приехала сюда инженером-сантехником); она же вела наше хозяйство, занималась счетами (она быстро усвоила английский), одевала и кормила нас, возила сына по каткам и бассейнам и всюду нас всех (я получил права много позже и главным «шофером» не был никогда). Она же выжимала соки из нашего скромного бюджета, одевала всех нас, будто у нас в банке миллионы, а мне доставалась чистая работа: читать сыну Диккенса, учить русской грамоте, проходить математику и разучивать сонатины. Но любое начинание предполагало наше согласие: я делал лишь то, что мы оба считали правильным и нужным. Кстати, она единственная поддержала мою идею говорить с новорожденным младенцем по-английски и сделать его двуязычным (что и случилось). Моя мать была учительницей музыки (рояль). Не будь ее, не было бы ни сонатин, ни четырех рук, ни прелюдов Рахманинова (сам я играл вполне прилично для непрофессионала). Материнскую бабушку сын очень любил, и она как раз не всегда одобряла мою настойчивость, но мы с женой держали круговую

оборону. А тесть обычно мое упорство хвалил. Нет, нас было много на челне, но все в повести остались за кадром. В этом, и только в этом, смысле «Отец и сын» — роман. Но книга никогда и не задумывалась как летопись.

10. В своей книге вы безжалостно, но вполне аргументированно развенчиваете систему американского образования. Вовсе не как анекдот вспомню в связи с этим «антирасистский» закон, принятый недавно в штате Орегон: оказывается, выпускникам средней школы необязательно уметь читать, писать и считать. Возникает печальный и резонный вопрос: так что же завтра?

А не надо никаких законов: половина выпускников средней школы (если не больше), как были недорослями, так и останутся. Америку держат на плаву гении. Такие ухитряются выплыть из любой трясины. Недостоящих гениев привезут из Индии, Китая, России — откуда угодно. Но «массу» тоже надо кормить. До поры, до времени ей будут раздавать пособия. Как всякая социалистическая страна (а мы туда идем семимильными шагами), обанкротится и Америка. Нефть и газ, может быть, устроят, но Земля всё равно будет нагреваться (такой у нее теперь гибельный цикл). Население стран, только и живущих продажей нефти и газа, хлынет в поисках хлеба за границу. Прообраз нового Великого переселения народов мы наблюдаем каждый день. Вас едва ли удовлетворит мой эсхатологический прогноз, но, судя по всему, Западная цивилизация погибнет, тем более что она сама весело торопит свою гибель. Останется на какое-то время легко обучающийся, но малотворческий Китай. Но пока мы еще живы и в меру сил должны противостоять катастрофе.

11. Во время работы над книгой вы отсылали сыну готовые главы. Герой отказался их читать: «...по его словам, возвращение в детство наполняет его такой грустью, что хочется плакать». Скорее всего сын не скоро прочтет и вашу книгу. Если вообще прочтет. Что же касается ваших дневников... 18 общих тетрадей: «В каждой 192 страницы. Первая запись помечена маем 1972 года, последняя – августом 2001-го... Всего набегало 3456 страниц». Вы собираетесь передать тетради в архив Миннесотского университета, ограничив к ним доступ. Жаль! Ведь в ваших дневниках огромный, поистине бесценный материал для исследователей – педагогов и психологов.

Я не тщеславен и ни секунды не верю, что буду кому-нибудь интересен не только через полвека, но даже и через десять лет. Наша эпоха почти отменила историю. Кто помнит кумиров предыдущего поколения? Кто может назвать Нобелевских лауреатов позапрошлого года? Тетради свои я всё-таки не выброшу, а доступ к ним в архиве,

оберегая упомянутых там людей, ограничу лет на двадцать-тридцать. Педагоги и психологи пока что прекрасно обойдутся без моих дневников. Вот если книга дойдет до читателей, я буду, конечно, рад.

12. В вашей книге два главных героя – отец и сын. На первом плане – сын. Но и образ отца вырисовывается в повествовании очень четко. В конце книги мы видим усталого и разочаровавшегося (хоть и не признающегося в этом) человека. Он хотел воспитать гения, подобного себе, филологу с мировым именем, а, может быть, и превосходящего отца. Сын же «вырос просто дельным и порядочным человеком, преуспевшим в выбранной профессии и относительно довольным своей судьбой». Что ж, совсем неплохой итог. Моцарта из ребенка не получилось? Зато получилась замечательная книга, которая сегодня пришла к читателю.

Нет, нет, такого и в заводе не было! А рассказчик в конце и не устал, и не разочаровался. Никогда я не мечтал вырастить своего двойника. Моя цель была воспитать культурного человека. Студенты, которых я учу, не испытали потрясения ни от симфоний Брамса, ни от хроник Шекспира, ни от картин Рембрандта — их лишили великих радостей жизни. Среди них много способных, даже одаренных молодых людей, но пахать приходится по целине, и главное: время упущено. Только один раз в жизни можно поставить себя на место Тома Сойера, содрогнуться от Вия; разрыдаться, услышав *Lacrimosa* Моцарта; опешить, увидев «Демона» Врубеля. Потом привыкаешь, черствеешь, слишком многое принимаешь за данное. Вот я и хотел приобщить сына к чудесам, которые навсегда западают в душу. А мой клон, еще один филолог в семье? Что вы: мне совершенно хватает самого себя! Моя величайшая награда состоит в том, что, оглядываясь назад, наш сын с полным одобрением относится к годам, проведенным дома, а ведь многие проклинаят свои «детство, отрочество и юность». Сыну скоро исполнится пятьдесят лет, и близость между нами за последние десятилетия только окрепла.

Но закончить я хочу благодарностью вам. Спасибо, что вы издавна следили за судьбой книги, прочли и одобрили ее и даже не пожалели времени сегодня поговорить со мной и о ее замысле и о воплощении.

Давид Шерман

Израиль

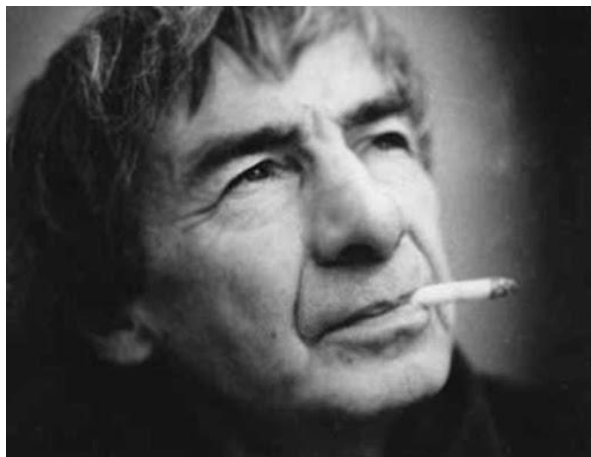
Юрий Влодов: поэт

Имя поэта Юрия Влодова стало широко известным на просторах интернета уже после смерти поэта в сентябре 2009 года. И связано это с курьезным случаем. Вот как об этом пишет вдова поэта Людмила Осокина:

“... летом 2011 г. я зашла как обычно на сайт «Зарубежных задворок» - ... и вижу, кажется, ко дню рождения Евтушенко было опубликовано стихотворение «Бабий Яр». Ну и поздравления ему, соответственно. Я не сдержалась и написала (главному редактору Евгении Жмурко), что Евтушенко вовсе не является автором этого стихотворения, его автор мой умерший муж, поэт Юрий Влодов.”

С тех пор эта тема не замолкает и муссируется в интернете. Не будучи экспертом в области поэтического творчества, оставляю решение этого вопроса специалистам.

Время расставит точки над *i*.

Процитирую лишь Наума Сагаловского: "Тогда, в 1961-м, я еще работал врачом. Я был на выступлении Евтушенко в Киеве и должен сказать, что Евгений Александрович, мягко говоря, привирает. Стихотворение "Бабий Яр" на своём вечере в Киеве Евтушенко не читал. Может, он и написал его в ночь после посещения Бабьего Яра, не знаю.

Не было на вечере стихотворения "Бабий Яр", не было минуты молчания, не было хромой старушки, которая целовала поэту руку. Как не было и "тысячи две, не меньше" безбилетников у входа в зал. Сочинитель - он и есть сочинитель." ("Евтушенко и Бабий яр").

Так кто же это такой, поэт Юрий Влодов. Надо сказать, что Юрий Александрович Влодов - личность неординарная, можно сказать, легендарная, многое в его жизни покрыто тайной. Его жизненные перипетии достойны приключенческого остросюжетного романа.

Юрий Александрович Влодов родился в декабре 1932 году в г. Новосибирске в театральной семье. Вот как он пишет о времени своего рождения:

Гуляло летом по европам...
Там пастернаком и укропом
Пропахли городки.
И фрау – пышные, как лето,
В субботу шли на «Риголетто»,
Взбивая парики. ...

...

Шипели праздничные фарши...
В Берлине взвизгивали марши! –
Вибрировал эфир.
И Сталин грыз мундштук устало,
И дабы робость не пристала
Грузинский пил чефир...

В Москве гуляющие матросы
Швыряли лихо папиросы
На танцевальный круг!
Послы садились в лимузины,
Стоял горячий дух резины...
Но я родился вдруг!...

Всё это было...было...было...
Ты, мама, всё в земле забыла:
Шекспир, мечты, семья...
На довоенном фото – в раме,
Худрук цветы подносит маме!..

Но тут родился я!

Семья, в которой родился поэт, была не совсем обычной. Его отец, Александр Захарович Левицкий, будущий главный режиссер Кинешемского театра драмы, родился в Одессе и был племянником "короля Одессы" Мишки Япончика (Левицкий, Виницкий). Оставив родные пенаты, не желая иметь ничего общего со своим дядей, сменил фамилию на Влодов и работал в антрепризном театре, разъезжая по "городам и весям", выступая перед красными и белыми.

Однажды, когда белые застрелили антрепренёра театра, трагика Райского, Шура Влодов, будучи младше на пять лет, стал ухаживать за молодой вдовой, актрисой Надей Надеждиной (Тимошенко), дочерью православного священника. Через два года они поженились. Так что Юрий Влодов (Левицкий) - сын православной актрисы, внучатый племянник знаменитого одесского налетчика времен Гражданской войны, еврея Мишки Япончика, прототипа бабелевского Бени Крика.

В зеркало степного колодца
Проникну, как в детские сны.
Я — пасынок русого солнца
И пасынок рыжей луны.
Я — боженька, гость, полукровка,
Не ведаю сам, кто таков...
Как некая божья коровка,
Вползаю по стеблям веков.

В то время, семья не имела постоянного местожительства и вместе с театром гастролировала по стране, периодически оседая в различных городах. Так, под звуки сонетов Шекспира и паровозных свистков, проходило детство Юры Влодова. Он рано пристрастился к чтению, увлекся творчеством Пушкина и Лермонтова и уже в 7-8 лет писал большие подражательные поэмы. Учился ли Юра в школе или был самоучка, об этом история умалчивает.

По воле случая, приехав с мамой к родственникам в мае 1941 года в Харьков, Юра оказался в оккупированном Харькове. Так что жизнь в оккупированном городе он видел воочию.

Война распяла детство.
Оставила наследство:
Сухую ёмкость фраз,
Почти звериный глаз,
Сверхбдительный рассудок,

Отравленный желудок,
Горячий камень сердца
И дух единове́рца...
И нет моей вины,
Что я – поэт войны!

И тем пронзительней звучат эти строки:
Танки шли по Руси, придыхая...
Танки шли на восток по прямой...
И кричала дошкольница Хая:
«Мамка! Тракторы! Ой!...»

Подгорала земля, что коврига.
На подовом калёном листе,
И крестился пропойный расстрига:
«Иисусе Христе!...»

Круглосуточно вякали стёкла,
Крались танки в туманах Руси...
И вздыхала двужильная Фёкла:
«Сын родимый, спаси!»

А сыночек – румяный лицом,
В обороне залёг с ружьёмом,
И клубился над ним, молодым,
Трубок маршальских вдумчивый дым...

Когда Харьков освободили первый раз, Юре с мамой удалось эвакуироваться. “Людей вывозили товарняками, с частыми и продолжительными остановками в пути”, вспоминает Ю. Влодов:

Теплушки похожи на низкий закат,
А низкий закат — на теплушки.
Живой паровоз, как дракон, языкат,
Соломушка вместо подушки.
Четвертые сутки наш домик ползет
На юг, на восток и на север...
Четвертые сутки больная поет
Нескладную песню про клевер.
Гнездо из соломы на нарах совью,
А доски свистят как синица.

Во сне я, наверно, фашиста убью —
Носатого, рыжего фрица.

Жизнь в эвакуации:
Ведро, веники, пеленки —
Мир барачный...
Где расту я, тонкий, звонкий
И прозрачный.
Всё толкует мне старушка —
Бабка Нина:
«Привезут тебе игрушку
Из Бярлина!..».
Но пекусь я, тонконогий,
Не о детстве:
Не отец ли на дороге?
Не отец ли?!

Зимы военных лет
Выпали полной мерой...
Греемся нашей верой,-
Другого топлива — нет.

Юрий Влодов никогда не датировал свои стихи, и мы не знаем, когда они были написаны. А жизнь текла своим чередом. Оккупация, эвакуация и послевоенные годы внесли свои коррективы. Гены легендарного деда также внесли свою лепту. И Влодов, как пишет его друг, поэт Юрий Беликов, пытаюсь выжить, "скорешившись с ураганами, пустился во все тяжкие: воровал в Кунгуре, Чусовом, Лысьве, Кизеле, Соликамске, Березниках, Перми." А одесситы добавили: и "не раз бывал и в Ростове-папе, и в Одессе-маме, о которой было столько семейных воспоминаний, столько фотографий в альбомах отца." Жизнь проходила в скитаниях и преследованиях органов.

Но в конце 50-х Влодов с первыми взрослыми стихами все-таки объявился в писательском поселке Переделкино и пришел на поклон к классикам: И. Сельвинскому, Б. Пастернаку, К. Чуковскому. Знаменитые мэтры благосклонно отнеслись к творчеству молодого поэта, они прочили ему большое литературное будущее.

"Каждое стихотворение поэта Юрия Влодова есть кирпич, заложенный в основание современной русскоязычной поэзии. Доброго

пути, брат мой Юрий!”, написал Б. Пастернак. Весьма категоричен А.Солженицын: «Мощь этого поэта в том, что он идёт не от книг, а от самой жизни и поэтому, несмотря на вневременные темы, всегда современен».

Судите сами, состоялся ли поэт Ю.Влодов. Вот несколько стихотворений из рубрики “портреты”:

Слетают листья с Болдинского сада,
И свист синицы за душу берёт.
А в голубых глазах у Александра
Неяркое свечение берёз.

Суров арап великого Петра!
А внуку – только детские забавы...
Он засмеётся белыми зубами
Под лёгкий скрип гусяного пера.

«Ребятюшки! Один у вас отец!»
И на крыльце Пугач в татарской бурке...
А на балах, в гранитном Петербурге
Позванивает шпорами Дантес...

На сотни вёрст густой и гулкий лес...
Тебя, Россия, твой изгнанник пишет...
Вот он умолк... А, может быть, он слышит
Прощальный крик гусей из-под небес?!..

Она всё ближе – тёплая зима,
Где выстрелы, как детские хлопушки,
Где в синий снег падёт руками Пушкин,
И из-под рук вдруг вырвется земля...

И Натали доложат: «Он убит».
Ей кто-то скажет: «Вы теперь свободны».
И с белых плеч сорвётся мех соболий,
И медальон на шее задрожит.

Пробьётся луч весенний, золотой.
И будут бить на празднике из пушки.
И только под Михайловским, в церквушке,
Звонарь встревожит колокол литой...

Ну а пока – туманная пора.
Всё в липкой паутине бабье лето.

И небо – в голубых глазах поэта!
И нервный скрип гусяного пера...

«Граф, извиняй! – слова твои пусты,
Сморгнул денщик, топя лепёху в сале,
Издравле – смерть и кривда мир спасали,
А жизнь и правда прятались в кусты...»
Всё возмутилось в Лёвушке Толстом...
«Прочь!...» – гаркнул граф и в двери ткнул перстом...
Потом всю ночь казнил над листом...

«Зарежусь!» – объявил Есенин девке.
«Да что ты? – против Бога и природы?!»
«Зарежусь, говорю! Молчи, дурёха!
Бог добрый, а природа в нас самих!»
Умолкли, выпили, накрылись простынёй...
В углу под краном капли отбивали
последний месяц...
«У, какая грудь!» – пропел поэт
и глухо всхлипнул: «Ма-ма!»
«С. А. Есенин, – подытожил врач. –
Гостиница, дежурную карету, двух санитаров».
Капли отбивали
последний месяц...
Колченогий дворник
сметал метлой прошедшее число...

НЭПМАНСКАЯ БАЛЛАДА

Ну кто не знает Мандельштама?
Фигура-дура, скажем прямо:
Шатун, крамольный стихоплет,
В какой ты цвет его ни выкрась.
Одни подачки: ест да пьёт,
По виду — грач, по слухам — выкрест.

...

Тарелку взять — нужна сноровка,
Не двинь-ка локтем невзначай...
В окне — тельняшка, клеш, винтовка...
Пиит два супа спросит робко
И для жены — горячий чай...

В 1967 году в журнале "Смена" выходит подборка его стихов с предисловием Ильи Сельвинского.

Не попав в обойму поэтов-шестидесятников (проект был государственный), Ю.Влодов самостоятельно стал открыто выступать со своими стихами перед большими аудиториями (жил он тогда в Харькове, дружил с Женей Евтушенко). Вот одно из его знаменитых стихотворений тех лет (стихи были на слуху, но мало кто знал имя автора):

"Прошла зима, настало лето, —
Спасибо партии за это!
За то, что дым идет в трубе,
Спасибо, партия, тебе.
За то, что день сменил зарю,
Я партию благодарю!
За пятницей у нас суббота -
Ведь это партии забота!
А за субботой выходной.
Спасибо партии родной!
Спасибо партии с народом
За то, что дышим кислородом!
У моей милой грудь бела -
Всё это партия дала.
И хоть я с ней в постели сплю,
Тебя я, партия, люблю!"

Или совсем крамольное:
"Под нашим красным знаменем
Гореть нам синим пламенем!"

Поэт, как говорится, пересек красную линию, вышел за флажки. Написав и публично выступая со стихами, которые причислили к антисоветским, привлек внимание соответствующих органов.

Судьба поэта была предрешена. Он попал в «черные списки», потерял возможность полноценно печататься, издаваться, вступить в Союз писателей.

К тому же, со слов Влодова: "Я вел тогда довольно стремную жизнь и как-то попался в руки властям, 12 апреля 1960 года был суд надо мной, потом меня посадили на 8 лет, правда, я вышел намного раньше."

Освободившись и не имея возможности публиковать свои стихи, Юрий Влодов, обладая феноменальным даром имитировать манеру писания стихов другими, придумал новый "криминальный промысел", стал писать стихи для других, в частности, для номенклатурных литераторов и продавал их за деньги, что приносило весьма ощутимый доход, хотя приходилось, иногда писать и просто за ночлег (своего постоянного жилья у Влодова не было).

Так, он создал латышскую поэтессу Мары Гриезане, стихи которой печатались от "Правды" до "Дружбы народов". Но это особый случай.

Ю.Влодов: "Нет, я своего ничего печатать не давал. Я публиковал стихи Мары Гриезане, своей жены-латышки. Мне это было важней. Я ее делал знаменитой всесторонне. Она ни слова сама по-русски не написала. За Гриезане писал я."

Почти всю жизнь Ю. Влодов провел в скитаниях, как говорится, не имея "ни кола ни двора".

Ю. Влодов: "Мой путь был, таким образом, определен: в подполье, во тьму. Дождаться своего часа, сидя в погребке при свече".

Чтобы не прослыть тунеядцем и не попасть под статью, Влодов в застойные и перестроечные времена работал по договору в журнале «Смена», в газете «Московский комсомолец», в после перестроечного время в журнале «Юность». В 90-е годы Влодов был некоторое время сотрудником «МК», где вел популярный «Турнир поэтов».

В 90-х годах стихи поэта печатаются в журналах "Смена", "Юность", "Дети Ра" и др., в газетах МК, "Литературной газете" и др. Первая книга поэта "Крест" вышла в 1996 году в издательстве "Юность", книга "На семи холмах" в 2008 году. Книга "Люди и боги", которую он писал ровно 33 года (число символичное), опубликована уже после смерти поэта, в 2012 году. В 2015 году вышла книга "Летопись". Юрий Александрович — создатель более шести тысяч стихотворений и двадцати восьми поэм.

О Юрии Влодове созданы 2 фильма: «Я Вам пишу, Ваше величество» (1992 г.) и «А гений – сущий Дьявол!» (1995 г.).

В начале 90-х узнав, что король Швеции любит поэзию, Ю.Влодов пишет письмо королю Швеции Карлу XVI Густаву с просьбой о "нравственном прибежище". "Единственный случай, когда большой вор и большой поэт слились воедино. Поэт может переписываться только с поэтами или королями", – утверждал Юрий Александрович. Приглашение от короля пришло. Увы, Влодова в Швецию не выпустили, перед королем извинились, но фильм создали.

Жандарм сыграл сквозную роль.
Позорно струсила газета.
Смолчал запрошенный король.
Все отмахнулись от Поэта...

Храпит Поэт!.. Житуха – во!..
Над ним хоров небесных спевка...
А кормит гения того
Одна лишь уличная девка...

В 1993 году Юрий Беликов публикует в журнале "Юность" эссе "Иномирец: Легенды о Влодове". Юрий Влодов стал членом Московского союза литераторов в 2007 году, а Членом Союза писателей Москвы за год до смерти, в ноябре 2008 году.

Олег Хлебников: "Маленький, щуплый, но со значительными носом и голосом, одетый всегда во что-то серое, ... Влодов называл себя вором в законе. Видать, врал. Хотя бы потому, что все-таки иногда работал, — в журнале "Юность" — консультантом отдела поэзии. Если не воландовское, то уж коровьевское что-то в нем точно мерещилось."

Юрий Беликов: "Ю.Влодов никогда не называл себя великим поэтом. Гением — да. Например ... мог грохнуть кулаком по столешнице: "Встать, когда с тобой разговаривает поэт!!!"

Талант, по сути, толст.
А гений тощ как щепка.
Неважно, что там: холст,
Поэма, fuga, лепка.
Судьба, как дышло в бок, —
Что дали, то и схавал...
Талант по духу — Бог,
А гений — сущий Дьявол!

Как заметил когда-то сам Влодов: «Всему приличному я научился в воровском мире, всему отвратному — в мире литераторов».

И думает Исаич: "Был бы гением, —
Я б вам, христопродавцы, показал!!!"

Тимур Зульфикаров: "... Юрий Влодов — поэт-скиталец. Рыцарь поэзии. ... Когда с ним общаешься — чувствуешь, что имеешь дело скорей с Духом, чем с плотью... Он глядит сквозь тебя куда-то вдаль... Быть может, он великий, безвестный, катакомбный поэт!..."

Листва в Иудее опала...
Бездомье пришло и опала...
Вся крыша судьбы протекла...

Он молвил: «Послушай, Иуда! —
Теперь мне действительно худо, —
Риски, приюти до тепла...
Мне худо, ты слышишь, Иуда?
Что далее — голод, простуда,
И, может быть, даже — арест!...»
Иуда взмолился: «Учитель!
Ты — мученик наш и мучитель!
Спасенье для гения — крест!...»
Без лишних упреков и прений
Ушёл успокоенный гений,
Убрёл от людского тепла...
А зимней природы опала
Дождями и снегом опала...
Вся крыша Земли протекла!..

Лев Новожёнов: "Я знал Влодова. В ту пору, когда подвизался в "МК".

... можно ли дружить с поэтами - вопрос, ведь они всегда сами по себе и где-то там?

... Мы все только и делали, что курили и выпивали, чем и занимаемся до сих пор, те, кто пока ещё жив. Стихи сочинял обалденные и абсолютно непроходимые. ... Писал как бог. Думаю, можно поставить вровень с Бродским."

Считай судьбу наукой! —
Чу! — средь ночных миров
Ты подтверждаешь мукой,
Что жив ты и здоров.
Ты должен свежей болью
Примять былую боль...
Присыпать раны солью...
Не в том ли жизни соль?!..

Официально, Ю. Влодов является поэтом московского андеграунда (от англ. underground — подполье, подпольный), "поэт полусвета", который известен в узких кругах. И только в последнее время, благодаря усилиям вдовы поэта Л. Осокиной, проникновенные стихи поэта стали доступны широкому читателю.

Извечный вопрос, что есть жизнь, что есть смерть, поэт разрешает предельно просто и ошеломляюще мудро:

Я заглянул в зеркало Бытия...
Прозрачный звон слегка коснулся слуха...
Чу! — за спиной стояла побируха!
«Ты — Смерть моя?» — едва промолвил я.
«Я — Жизнь твоя...» — — прошамкала старуха.

— Кто толчётся у дверей
Шито-крыто как еврей?
Кто там круть да верть?
Ты, подруга Смерть?
— Не бойсь, что я с косой,
Не дичись, что глаз косой...
Я не Смерть, а Жизнь!
Что, признал, кажись? !

«Как хороша над морем лунность!» —
Вздыхала юность.
«Я пью за дружество и смелость!» —
Басила зрелость.
«Умрете все!» — глотая ярость,
Шипела старость.

Вопрос, “кто есть кто” во все века волновал человечество, будь ли то бог, дьявол, ангел или просто человек с его желаниями, странностями и наклонностями. Поэт решает этот вопрос объемно, с трех сторон, представляя читателю самому выбрать подходящую версию:

Жизнь долбила кайлом в два бока...
И затурканный наш народ
Сатану принимал за Бога,
Или чаще - наоборот.

Луга в туманной синеве,
В туманной синеве...
А Бог скрывается в траве,
Скрывается в траве ...

Над пышностью искусств, над сухостью наук,
Как будто где-то вне, в абстракции, вдали,

Вселенство во плоти, настырно, как паук,
Сосёт из года в год живую кровь Земли.
Спаси людей, любовь от непотребных мук,
От жизни исцели, от смерти исцели.

Со скоростью света наука
Ворвется в трехтысячный год.
А древность со скоростью звука
Конечно же, в Лету падет.
Но ты содрогнешься, потомок,
Когда через сердце твое
Державинской оды обломок
Пройдет, как живое копьё!

Пока живет на Земле человек, его всегда будут волновать вечные вопросы о добре и зле, о любви и ненависти, о верности и предательстве:

Переплелись пути добра и зла.
Святой продаст святейшего под мухой.
Пастух – и тот – вонючего козла
С пахучим агнцем спутает под мухой...
Над Иудеей – огненный клубок,
Вокруг пески, шипящие как щелочь.
И черт-те знает, кто там – полубог,
А кто, простите, завтрашня сволочь!..

И закончим рассказ о поэте Ю. Влодове такой пейзажной зарисовкой:

Ветры тянут волоком
Пыльный полог неба.
Зеленеет облаком
Призрачная верба.
На поляне сумрачной —
Эфемерно, мнимо —
Скачет зайчик солнечный
С ликом херувима.
И бредет средь полюшка,
Росами куря,
Слепенькое солнышко
Без поводыря.

Ирина Чайковская

Б.Вашингтон

Иван Тургенев в 1850-м. Жизнь в двоемирье (сокращенный вариант)

С 9 по 11 ноября 2021 года в формате онлайн состоялась конференция «Тройственный союз: Иван Тургенев, Полина Виардо и Гюстав Флобер. К 200 -летию». Ее организаторами были Библиотека-читальня им. Тургенева в Москве и Центр им. Тургенева университета города Монс, Бельгия. В конференции приняли участие тургеноведы из нескольких стран – России, Франции, Бельгии, Канады и Америки. Бельгийская и французская сторона сумели организовать прекрасную зум-трансляцию и синхронный перевод докладов с русского на французский и с французского на русский.

Предлагаю вниманию читателей свой доклад в сокращенном изложении. Полностью статья на эту тему должна быть опубликована в журнале НЕВА.

В 1850-м году Иван Тургенев вернулся на родину после длительного пребывания за границей; в общей сложности он пробыл в Европе, в основном в Париже и имении семьи Виардо Куртавнеле, около четырех лет[1].

Главной причиной отъезда Тургенева, находившегося в Куртавнеле в неловком положении «приживала», была денежная, отсутствие средств для пребывания за границей. Необходимо было уладить «тамошние дела», добиться от матери дележа наследства.

Иван Тургенев уже не мальчик, ему 32 года, на родине он начинающий приобретает известность писатель. В каком умонастроении уезжает он из Франции и от четы Виардо? Приведу несколько отрывков из писем Ивана Сергеевича, написанных в это время и адресованных Полине:

Вот из письма от 24 июня 1850 года из Парижа – перед поездкой в Россию:

«СЕГОДНЯ ровно год, как мы с вами читали «Германа и Доротею» в большой гостиной в Куртавнеле. Как идет время!...»

(спустя два часа) «... будьте благословенны – мои дорогие и добрые друзья, моя единственная семья, вы, кого я люблю больше всех на свете»[2].

В том же июне 1850-го, находясь на корабле, Тургенев пишет Полине Виардо: «Вы позволите мне, не правда ли, поверять вам все, что меня касается? Поверять вам все, без исключения, все, что я сделаю, что решу, что со мной случится. Мысль жить так, на ваших глазах, будет для меня очень благотворной и очень приятной».[3]

По приезде в Россию спешит поделиться: «... Дела я нашел в самом плачевном состоянии, но расскажу вам об этом позднее, когда немного осмотрюсь. Сейчас же вам достаточно будет узнать, что самому мне кажется, будто я, бог знает как надолго, вошел в сырой и вредный для здоровья погреб. Ах! Солнце, свежий воздух – все, что делает жизнь приятной и прекрасной, я оставил там, у вас, друзья мои. Как далеко нахожусь я от вас...».

И дальше: «Не забывайте меня, думайте обо мне, умоляю вас... это будет для меня единственным якорем спасения, когда, среди ожидающих меня тягостных распрей, трудясь над устройством всевозможных грустных дел, я почувствую, что мое сердце изнемогает от усталости и отвращения. Это будет моим единственным утешением».

Остановимся ненадолго в цитировании, чтобы коротко обобщить смысл тургеневских писем в момент и после отъезда из Франции. По собственному ощущению, во Франции он оставляет свою «единственную семью». Если для Полины Россия, отнявшая у нее Тургенева, «противная», то и сам он сравнивает страну, в которую вернулся, с «сырым и вредным для здоровья погребом». В оставленной Франции многое для него священно. Так, он отмечает дату (ровно год), как они с Полиной читали гетевскую идиллию «Герман и Доротея». Читали по-немецки только что вышедшее произведение о любви немецкого юноши к беженке-француженке. Мы знаем, что эта поэма была определенным знаком для обоих, возможно, тайным символом их любви.[4]

Тургенев говорит на родном языке, общается с братом и его женой, с друзьями, с крестьянами. При этом каждая черточка, мелочь, деталь, оставленная позади, во Франции, ему дорога. Все начало 1850 года он провел в Куртавнеле. Что же это была за жизнь? Возьмем один день в Куртавнеле, описанный Иваном Сергеевичем в письме к Полине

Виардо (она в это время гастролирует в Лондоне) от 19 июня 1849 года.

«Добрый день, милостивая государыня; как вы поживаете? Все обитатели Куртавнеля чувствуют себя хорошо и кланяются вам. Они поручили мне дать вам отчет о вчерашнем дне. Вот этот отчет:

Все спали после отъезда П. Виардо до 10 часов. Затем встали, позавтракали, поиграли в бильярд, принялись за дело: м-ль Берта с Луизой, г-н Сичес – с газетой, г-жа Сичес не знаю где, а я в маленьком кабинете стал обдумывать известный вам сюжет (скорее всего, сюжет комедии «Завтрак у предводителя», написанной в 1849 году).

Я размышлял в течение часа, затем читал по-испански, затем написал полстраницы на этот сюжет, затем отправился в большую гостиную, где с удивлением увидел, что еще только два часа... потом я отправился гулять один, а после моего возвращения все общество (вместе со мною) отправилось гулять до обеда, который был в пять часов. Потом спал до 9 часов, вследствие усталости, вызванной двумя прогулками. В 9 часов принесли чай... Наконец, насладившись в течение часа обществом себе подобных..., мы встали со своих мест, взяли светильники, пожелали друг другу доброй ночи и легли в постели, где тотчас заснули».[5]

Описан длинный, прямо-таки безразмерный летний день, день, в котором отсутствует главное – смысл, одушевляющее начало. Большая часть этого дня для автора письма уходит на сон – утренний, дневной, ночной. На «полезное» тратится не так много времени – 45 минут урок немецкого с Луизой, час с чем-то на обдумывание и записывание сюжета. Остальное – прогулки, еда и сон.

Но не пропустим продолжение письма на следующее утро: «Я провел все утро в парке. Что вы делали в эту минуту? Вот вопрос, который мы (я, - И. Ч.) задаем себе каждую четверть часа». И далее приписка по-немецки, что означает, что обращена она именно к Полине[6] и не может быть вслух прочитана Луи, как наверняка читалась первая часть письма: «Вы должны теперь думать обо мне, потому что я все это время погружен в воспоминания о вас – любимая, дорогая».[7]

Вот то одушевляющее начало, которого не хватало описанию «первого дня без Полины».

Именно эта постоянная мысль о ней, сопровождавшая Ивана, придавала куртавнельским летним дням смысл и значение.

Тургенев в годы, предшествующие своему возвращению на родину, живет целиком «миром» Полины Виардо, - ее жизнью, ее пением, их взаимным чувством, при том, что в их паре руководит она, он – подчиняется.

Пьесы, которые в эти годы пишутся им для театра, отчасти об этом свидетельствуют.

Для нашей темы нам кажутся особенно интересными пьесы «Месяц в деревне» (1850) и «Провинциалка» (1850).

Но особенно интересным в связи с нашей темой представляется тургеневский Ракитин, один из персонажей «Месяца в деревне». Актриса Савина вспоминает, что Тургенев как-то ей сказал: «А Ракитин это я. Я всегда в своих романах неудачным любовником изображаю себя». [8]

Нужно сказать, что среди этих «неудачных любовников» можно найти очень мало персонажей, столь же неотлично близких к автору, что и Ракитин[9]. Тургенев дает ему множество своих черт, словно напрашиваясь на отождествление с героем. Они одного возраста[10], одного круга, занимают одинаковое двусмысленное положение «друга дома» в семье замужней дамы и – самое главное - оба целиком принадлежат любимой женщине[11]. Читавшему письма Тургенева к Виардо той поры – очень знакома и ситуация, и лексика влюбленного: «Я в вашей власти...делайте из меня, что хотите...». [12]

Занятия Ракитина в присутствии «дамы сердца» схожи с тургеневскими. Он читает ей вслух французский роман («Граф Монте Кристо»), всячески развлекает, угождая то и дело сменяющемуся настроению и боясь «приесться», он терзается ревностью... «Дама сердца», как сам он пронизательно замечает, играет с ним «как кошка с мышью», одновременно привлекая и отталкивая...

Теперь прошу внимания. Что мы знаем об отношениях Натальи Петровны и Ракитина? Только ли платоническая эта любовь? Могут ли оба с чистой совестью глядеть в глаза Аркадию Сергеевичу Ислаеву, мужу Натальи Петровны? На этот счет нет никаких сомнений. Вот развернутая характеристика их отношений, данная Натальей Петровной: «Наши отношения так чисты, так искренни... мы с вами имеем право не только Аркадию, но всем прямо в глаза глядеть. Я вас люблю... и это чувство так ясно... так мирно».

И тут нужно сказать о коренном, кардинальном отличии Ракитина от самого Тургенева. Мне кажется, что Ракитин и нужен был Тургеневу, чтобы создать своеобразную плотную завесу перед глазами сплетников, старавшихся проникнуть в будуар мадам Виардо, завесу для тех отношений, которые развивались у него с Полиной. Долгое время среди исследователей бытовало мнение о платонических отношениях между Тургеневым и Полиной Виардо, во многом опиравшееся на высказывания самого Тургенева и на ситуации с изображенными им героями, такими, как Ракитин.

Истина открылась при внимательном рассмотрении Дневника писателя, названного им Мемориалом, где Тургенев по годам очень кратко отмечал самые важные события и встречи своей жизни с 1830 по 1853 год.[13] Приведу несколько значимых для нас записей.

1. 1843 В ноябре ЗНАКОМСТВО с Полиной
2. 1845 19/31 декабря Templario – первый поцелуй
3. 1849 Все лето в Куртавнеле без денег. 14/26 июня я в 1-й раз с П /олиной/

Теперь, я думаю, слушателю этой работы становится понятна огромная разница между персонажем пьесы Ракиным и ее автором. Ракину позволяется «обожать» на расстоянии, Тургенев же допущен в святая святых. Это окрашивает его письма к Полине 1849-1850-х годов совершенно определенной краской. Если первое тайное свидание произошло в Куртавнеле 14 июня 1849 года, а письмо из Куртавнеля с описанием томительного долгого дня пишется Тургеневым 19 июня (сразу по ее отъезде в Лондон), то понятно, что влюбленный еще не отошел от нового своего состояния и спешит заверить возлюбленную в своей любви, очень надеясь, что она тоже думает о нем. Еще раз приведу утреннюю приписку к письму от 19 июня 1849 года, сделанную по-немецки и не понятную мужу: «Вы должны теперь думать обо мне, потому что я все это время погружен в воспоминания о вас – любимая, дорогая». [14] Он томится по возлюбленной и хочет, чтобы она знала об этом, находясь на гастролях. Он напоминает в письме, как ровно год назад, 24 июня 1849 года, они вместе читали «Германа и Доротею» в большой гостиной в Куртавнеле. Возможно, упоминание «большой гостиной» в письме не случайно и связано с воспоминаниями не только о совместном чтении, но и об одном из интимных свиданий...

Пойдя на связь с Тургеневым, Полина серьезно рисковала стать лакомой добычей для «парижских сплетников». Но и муж Полины, Луи Виардо, требовал к себе бережного отношения. Он ни в коей мере не должен был почувствовать себя уязвленным, обманутым. И Тургенев удивительным образом мог прекрасно ладить с мужем своей любимой. Как мне представляется, главным условием, поставленным Полиной перед нетерпеливым (и любимым ею) русским, было сохранение тайны их отношений. Ни слова, никогда, никому, нигде. Как видим, если это так, то Тургенев ее условие выполнил.

Вторая пьеса, комедия в одном действии, которую Тургенев писал уже в России, в Санкт-Петербурге, и успел закончить до того, как срочно выехал в Москву к умирающей матери, носила название «Провинциалка» (1850).

Эта пьеса так же, как и «Месяц в деревне», была отчетливо автобиографична и отчасти навеяна французскими впечатлениями.

Зинаида Гафурова говорит о «тени Полины Виардо», которая лежит на этой пьесе. По мнению Гафуровой, Дарья Ивановна, героиня «Провинциалки», многими своими чертами напоминает Полину – возрастом (28 лет); тем, что между нею и ее мужем возрастная разница 20 лет, как и в семье певицы; манерой одеваться просто и со вкусом; интересом к новейшим журналам и книгам; привязанностью к саду; наконец, своей музыкальностью и игрой на фортепиано[15].

Главный источник комедийности пьесы – граф Любин.

Он – третий в незадавшемся треугольнике, где членами выступают Дарья Ивановна и ее глуповатый недотепа-муж, Алексей Ступеньдеев, уездный чиновник 48 лет, также поданный драматургом в комическом ключе. Тугольник не задался потому, что, по всем правилам, третьим его членом должен быть любовник супруги, дурачащий глупого, недоверчивого и –таки обманутого мужа. Однако графу Любину, явно пленившемуся пикантной провинциалкой, счастье взаимности не светит. Похоже, автор пьесы все усилия кладет на то, чтобы показать, благородство одураченного графа, который, несмотря на свой явный афронт, хочет устроить «провинциалке», ее мужу и их воспитаннику Мише переезд в С-Петербург.

Автор делает обоих мужчин, Ступеньдеева и графа Любина, персонажами комическими.

Вспомним признание Тургенева в передаче Марии Савиной: «Я всегда в своих романах неудачным любовником изображаю себя». Сказано это было по поводу Ракитина из «Месяца в деревне». Но и «неудачный любовник» граф Любин – отчасти сам Тургенев. Зная подлинные отношения Тургенева и Полины Виардо, можно сказать, что эти автопортретные персонажи – некая сознательная дезориентация читателя и зрителя, увод в сторону. Больше того, мне кажется, что эти две пьесы в какой-то мере ориентированы на чету Виардо – Луи и Полину – как главных читателей и зрителей. Тургенев приветственно машет им обоим со страниц и подмостков. Он сделал так, что Луи останется доволен высококонтрастным поведением героев, а Полина увидит, с каким искусством ее друг уводит любопытствующих от ее алькова.

О том, что пьеса напрямую обращена к Полине и содержит тайный шифр для нее, говорит такая деталь. В 23-м явлении граф, стоя на коленях, признается Дарье Ивановне в нежных чувствах. Это комическая сцена, так как бедняга долго не может встать с колен, а его «предмет» над ним смеется и не хочет помочь; в итоге – ему помогает неожиданно появившийся Ступеньдеев, муж. Но вот какую фразу произносит граф, стоя на коленях: *Je vous aime, Dorothei... Et*

vous? В переводе с французского эта фраза звучит так: «Я вас люблю, Доротея... А вы?» Это, на мой взгляд, прямое обращение автора к любимой. Не случайно здесь появляется непонятно откуда взявшееся имя Доротея. Для Полины и Ивана – это имя - «их знак», воспоминание о совместном чтении гетевской поэмы и обо всем, что за ним последовало...

Тургенев, приехав в Россию, живет в «двоемирье». Поверяя практически в ежедневных письмах-отчетах свои впечатления, мысли и намерения французской возлюбленной, он волей-неволей подстраивается под ее восприятие чуждого ей уклада, образа жизни, даже звучание слов...

Вот маленький пример.

В письме к обоим Виардо от 18 сентября того же года в конце есть такой пассаж: «Хотите ли вы знать имя моей ПРЕЖНЕЙ любви, о которой я вам рассказывал три недели назад? Ее зовут Лизой Шеншиной. Смешное имя, не правда ли?»

По-русски имя Лиза Шеншина самое обычное, отнюдь не смешное. Но Тургенев пишет по-французски и проверяет слова на восприятие французского уха. Он чутко улавливает, как эти звуки слышит Полина, и его оценка сливается с оценкой любимой женщины.

С другой стороны, Тургенев принимает, присваивает некоторые обычаи, которые не были характерны для русского общества и даже могли показаться диковатыми. В приписке по-немецки в письме к Полине Виардо от 26 сентября 1850 года Иван Сергеевич благодарит ее за присланные в письме ногти:

«Тысяча благодарностей за милые ногти!». Взамен он посылает Полине прядь волос, что более соответствует обычаям русской дворянской молодежи того времени. Есть у него и просьба: «Прошу вас прислать мне лепесток из-под вашей ноги». И заканчивает: «Целую милые, дорогие ноги»[16]. Последний оборот «Целую ваши ноги» был принят в куртуазных кругах романских стран, в частности в Испании, откуда было родом семейство Виардо. Римскому папе, как известно, также было принято целовать ногу (туфлю). В русской же традиции такого обычая не было. Русские дворяне целовали дамам, как и священнослужителям, исключительно руки...

Подведя итог этой части нашей работы, скажем, что, если постараться дать определение чувствам и переживаниям Ивана Тургенева сразу по приезде в Россию, летом и осенью 1850 года, можно сказать, что он живет в «двоемирье». Его «дом», любимая женщина и ее семья, ставшая его семьей, остались «Там», а пребывает он, надеясь на скорое возвращение, «Здесь». В свой 33 день рожденья[17], 28 октября 1850 года, Иван Сергеевич пишет Полине: «И мне радостно сказать вам по истечении 7 лет, что я ничего не видел

на свете лучше вас, что встретить вас на своем пути было величайшим счастьем моей жизни».[18]

[1] Обычно говорят о трех годах, проведенных Тургеневым вне России (1847 – 1850). Но, если мы обратимся к «Летописи жизни и творчества Тургенева», то увидим, что он находился за границей почти четыре года, точнее, 3 года и десять месяцев. Он уезжает в Европу вслед за четой Виардо, в первой половине мая 1845. В середине октября 1845 года возвращается в Россию, где в это время гастролирует Полина Виардо. В феврале 1846 года вся семья Виардо, вместе с маленькой Луизой, прерывает гастроли, из-за болезни девочки и матери, и покидает С-Петербург; Тургенев с ними не едет и весь 1846 год проводит в России. Но уже 12 января 1847 выезжает в Берлин, где встречается с Полиной Виардо, и возвращается на родину 17 июня 1850 года (См. Летопись жизни и творчества И. С. Тургенева (1818-1858). С-Петербург, Наука, 1995, стр. 104-164). Если посчитать время пребывания писателя за границей в этом промежутке, то получится около 4 лет.

[2] Письма. т. 2., стр. 342, 343

[3] Там же, стр. 344

[4]См. Ирина Чайковская. Иван Тургенев как читатель Гете. Семь искусств, № 12(48), декабрь 2001. Обратим внимание, что и «Полина Виардо выделила эту поэму Гете. В списке (любимых книг, - И.Ч.) Полины нет ни «Страданий молодого Вертера», ни «Фауста», из всех произведений Гете именно поэма «Герман и Доротея» удостоилась чести быть названной».

[5] Письма, т. 2, стр. 408

[6] Немецкий – был для Полины и Ивана языком их любви, Луи Виардо немецкого языка не знал.

[7] Письма, т. 2, стр. 409

[8] В комментарии к пьесе, стр. 638.

[9] Наиболее близки автору, а порой и сливаются с ним, герои «Переписки» (1856), «Фауста» (1856), «Первой любви» (1860), «Вешних вод» (1872) ...

[10] Ракинтин ровесник своей «пассии», Натальи Петровны, в то время, как муж, Аркадий Ислаев, старше ее на 7 лет. Конечно, это не 20 лет – такая разница в возрасте была между Полиной и ее мужем, но соотношение возрастов в пьесе сохраняется: она и он - ровесники и «старый муж».

[11] Ракинтин о себе: «Ах, как смешны люди, у которых одна мысль в голове, одна цель, одно занятие в жизни. Вот как я, например... Я весь принадлежу ей» ...

[12] Тексты цитируются по ПСС и писем в 30 т., т. 2.

[13] См. на интернете: <http://turgenev-lit.ru/turgenev/bio/avtobio/memorial.htm>

[14] Письма, т. 2, стр. 409

[15] Зинаида Гафурова. «Провинциалка». 170 лет на русской сцене». Доклад из цикла «Тургенев: ближний круг», прочитанный 15 мая 2021 года на Тургеневском обществе в Москве. On-line трансляция.

[16] Письма. т. 2, стр. 361

[17] В письме к Виардо – ошибочно указано 32 года.

[18] С- Петербург, 28 октября 1850, Письма, т. 2, стр. 366

Евгений Соколинский

Санкт-Петербург, Россия

«Я не люблю иронии твоей...». Заметки театрального критика

В давние времена (в 1930 г.) известный критик, театровед Евгений Зноско-Боровский, писал по поводу гастрольного «Ревизора» в Париже (постановка Всеволода Мейерхольда): «Погрубение, понижение вкуса вообще болезненно замечается нами во всех спектаклях, привозимых из СССР, будь то Таиров или Вахтангов» («Воля России». 1930. № 7/8). И это об эстетике Таирове! Впрочем, Зноско-Боровский имел право на подобный приговор. Ему было с чем сравнивать. Скажем, с «Сестрой Беатрисой» в Театре В.Ф.Комиссаржевской или с александринским «Дон Жуаном». Оказавшись чудом в сегодняшней театральной России, Евгений Александрович заболел бы всерьёз.

Я начинаю издалека, пытаюсь найти истоки печального явления в современном русском театре: исчезновения иронии. Мы хотим смеяться, мы ищем смеха..., но без затей. А ирония, гротеск – тонкие, интеллектуальные проявления комического (не всегда смешного). Термины-то мы употребляем кстати и некстати, но без понимания, что они обозначают. При всём нашем цивилизационном прогрессе исчезает внутренняя потребность в сложных формах комического. Не хочу быть голословным. Обратимся к петербургским примерам, конкретным художникам, порой весьма достойным.

Оскарас Коршуновас – из наиболее интересных режиссеров среднего поколения России, Литвы. Второй раз он обратился к гениальному фарсу Александра Сухова-Кобылина «Смерть Тарелкина». Первый раз поставил сложнейшую пьесу в калягинском театре Et-cetera, ещё будучи молодым режиссером (в 2005 г.). Спустя 16 лет он вернулся к Сухово-Кобылину в Санкт-Петербурге (театр-фестиваль «Балтийский дом»). Очевидно, «Смерть Тарелкина» не

отпускает. В то же время перед премьерой Коршуновас подчеркнул, что никогда не повторяется.

Действительно, спектакль 2021 года иной. А вот Сухово-Кобылин почти не менялся. Нередко человек с годами смягчается. Сухово-Кобылина в весьма преклонном возрасте (дожил до 86 лет) помягчение не коснулось. Третья часть трилогии во всех редакциях (до самой последней, прижизненной) оставалась предельно жестокой и страшной, несмотря на комизм. Коршуноваса, тоже человека жесткого, в новой версии вдруг потянуло на философскую «лирику». Режиссёр начитался философских произведений Жюль Делёза и Феликса Гваттари (сегодня Делёза не цитирует разве ленивый). Коршуноваса увлекла идея перехода от «глиняно-деревянного мира белого мужчины к молекулярному миру женщины». Поэтому Тарелкин (и позже Отелло в литовском спектакле) оказался женщиной. «Обновлённый, очищенный (где, чем?!- Е.С.) Тарелкин улизнул из застывшей, косной системы и оказался там, где любовь», - объясняет Коршуновас.

«Смерть Тарелкина». Фото: Стас Левшин

Всё это очень интересно, но зритель теорий не знает, а реально видит, как Тарелкин-женщина в белом платье с разрезом исполняет в финале балетное па-де-де с Варравиным (Егор Лесников). Ни в коем случае не отрицаю права режиссера на внезапную нежность (бывают в жизни приятные этапы), но для неё следовало бы выбрать другую комедию, каких много в мировом репертуаре. Мы спорили с

Коршуновасом за месяц до премьеры, однако мне не удалось убедить упрямого мастера: Тарелкин не может от страсти к наживе и интригам уйти в любовь, даже аллегорическую.

Постановщик назначил на главную роль обаятельную актрису Анну Щетинину, и распределение ролей изменило всю авторскую концепцию. Гендерные игры в «Смерти Тарелкина» не новы. У Мейерхольда в 1922 г. (на него в постановке есть немало сценических ссылок) жуткую бабу Брандахлыстову играл молодой М. Жаров..., но это никак не влияло на общее содержание. В Театре ГИТИС устраивали «жуткий цирк». У Коршуноваса и пристава Оха играет тоже женщина, а кухарку Маврушу (Станислав Шапкин) – мужчина. Если пристав Ох (Елена Карпова) женщина, то как это корреспондирует с идеей молекулярного мира? Уж полицейский-то точно принадлежит к мужскому «деревянному-глиняному миру», даже если ему дают взятки кружевными трусиками (так в спектакле).

Режиссёр поясняет, что в интернете человек может быть кем угодно. На тему о противоречии между сетевым аватаром и реальной сущностью лица написана пьеса М.Исаева «Садоводы». Она оригинально поставлена Андреем Могучим в Александринском театре. Коршуновас согласен, что «Смерть Тарелкина» - гениальная вещь, но с гениями надо бы поосторожнее. И ссылки на Христа и апостола Павла в интервью СМИ почему-то не помогают понять нам новую «Смерть Тарелкина». Коршуновас обозначил жанр своей постановки «попросту»: «футуристическая кибертрагикомедия». Не слишком зовёт. Заменяет на «русские горки». Эти метания в определении жанра симптоматичны: жанр так и не решён.

Режиссёр понимает, что третья часть сухово-кобылинской трилогии философична. При этом внедряет в сценический текст идеи, совершенно чуждые автору. Как известно, писатель оставил после себя множество философских трудов. Коршуновас ввёл двух новых персонажей в комедию (Философ и Актёр), произносящих философские монологи, но они принадлежат Достоевскому. Понятно, Достоевского легко снять с полки домашней библиотеки, а публикации работ Сухово-Кобылина надо ещё поискать. Что же касается трудов Делёза, выпрыгнувшего в окно, завершившего свою жизнь без всякой любви, и Гваттари, автора книги «Капитализм и шизофрения», то об их взглядах можно, конечно, узнать из интервью Коршуноваса, но публика не обязана быть с ними знакома.

«Смерть» в оригинале «забирает» безмерностью обличений, безумств. Тарелкин обрушивает на зрителей (по пьесе) гроздь сарказмов в своих монологах: «Едва услышит он, бывало, шум совершающегося преобразования или треск от ломки совершенствования, как он уже тут и кричит: вперед!!... когда объявили Прогресс, то он стал и пошел перед прогрессом...». Анна

Щетинина-Тарелкин с мольбой смотрит в зал и, по интонации, вроде бы, жалобно спрашивает: «Друзья! Вы хоть понимаете, о чем я говорю?»

Усложнённая режиссёрского замысла (прежде всего, в первом действии) парадоксальным образом сочетается с примитивизацией (прежде всего, второго). «Смерть Тарелкина» в целом, ассоциируется для Коршуноваса с мультиками, комиксами, смайликами. В комиксах пытки, избиения, естественно, становятся наивно-комическими, но никак не страшными, жестокими. Забавность заменяет фарсовость. Гиперусловность бесстыльно соседствует с «киношной» натуральностью интонаций, эстрадной подачей шуток. Уходит масштаб, что самое грустное. Реплики Тарелкина, Расплюева чрезвычайно современны, но они либо сокращены, либо заменены режиссерскими трюками из современного арсенала (скажем, полицейские щеголяют в комбинезонах антиковидных медиков). «Смерть Тарелкина» намеренно поставлена Коршуновасом вне времени, точнее, с модернистским подмигиванием, но современная режиссура не понимает, что писатели жили в своём времени. Сопряжение того и нашего времени не может быть элементарной заменой. Два других примера – из литературы 1930-х годов, и атмосфера, психология 1930-х тоже принципиальна.

Я сознательно выбираю спектакли совершенно разных театров и даже видов искусства. Детский театр имеет право на известное упрощение. Сам по себе выбор материала для нового спектакля камерного музыкального театра «Зазеркалье» был удачен. В «Зазеркалье» вспомнили фантастическую повесть Алексея Толстого «Гиперболоид инженера Гарина». Почему бы нет? Музыка для мюзикла написал известный эстрадный и театральный композитор Сергей Плешак.

Из программы становится ясно: создатели спектакля (либреттист Ольга Погодина-Кузьмина и режиссер Александр Петров) прекрасно осознавали пародийность сюжета: «В этой лихо закрученной интриге много персонажей. Но главные двигатели событий – Гарин, его двойники (похожие друг на друга, как два весла), промышленный магнат Роллинг, Зоя Монроз, предмет вожделения и страсти Гарина, но и многих, а также бдительная товарищ Маша и следователь Василий Шельга. Убийства, ад из дымящихся развалин, трупов и ... танцы с шампанским под золотым дождём!». Когда-то подобный фантастический детектив по тексту 30-х годов поставил в ТЮЗе Зиновий Корогодский с Львом Додиным. Это был спектакль «Месс-Менд» (1973). Очень смешной.

Конечно, повторить в театре ничего нельзя и не нужно. У Александра Петрова есть свои удачи в плане иронической оперы: «Золушка», «Итальянка в Алжире» по Россини. Увы, Плешак не

Россини. Музыкальной драматургии в мюзикле нет. Стремительное по сюжету действие тянется, как резина. Главные оппоненты Роллинг – Алексей Сазонов и Шельга – Сергей Ермолаев не похожи ни на Жан-Поля Бельмондо, ни на Николая Лаврова из ТЮЗа. Только видеоэффекты второго акта (Виктория Злотникова) привлекают некоторое внимание. В «Гиперboloиде» всё играет в лоб. Недавняя премьера «Зазеркалья» «Свадьба Фигаро» показывает, что артисты театра могут успешно играть весёлый водевиль (у Моцарта, правда, история посложнее). Здесь темп тягучий. Для подростков три с лишним часа это очень длинно.

"Гиперboloид инженера Гарина". Фото: Виктор Васильев

Вид искусства, в данном случае, роли не играет. Речь об иронии, вернее, её отсутствии. Роман Леонида Добычина «Город Эн» написан в 1935 г. Его перепечатавали в 2007 и 2014 г., но имя писателя, обличённого официозной критикой в 1936 г. и тогда же таинственно исчезнувшего, не на слуху. Это очень жаль. «Город Эн» -- большая литература, существующая в контексте русской классики (Гоголь, Достоевский) и классики 1930-х гг. (Зощенко, обериуты, Вагинов). В книге нет явного сюжета. Перед нами поток сознания в голове недалёкого, но наблюдательного мальчика, позже молодого человека. Как это поставить, трудно представить. И вот МДТ приглашает на премьеру. При чём тут ирония? Цитирую фрагмент из первых страниц романа:

«Дождь морозил. Подолы у маман и Александры Львовны Лей были приподняты и в нескольких местах прикреплены к резинкам с пряжками, пришитым к резиновому поясу. Эти резинки назывались «паж». ...На вывесках коричневые голые индейцы с перьями на голове

курили...Тюремный замок, четырёхэтажный, с башнями, был виден впереди. Там был престольный праздник богородицы скорбящей...Нет, в самом деле, - говорили они, - трудно найти место, где бы этот праздник был так кстати, как в тюрьме». Напомню, роман написан в 1935 году, в советской России.

В большом мире идёт русско-японская война, умер Лев Толстой, но это события несущественные для главных героев. Повествователя больше волнуют встречи с Натали с другими девочками. Об этом замечательно сказал Подсекальников в «Самоубийце» Н.Эрдмана: «Даже тогда, когда наше правительство расклеивает воззвания «Все.м.Все.м.Все.м», даже тогда не читаю я этого, потому что я знаю – всем, но не мне. А прошу я немногого. Всё строительство наше, все достижения, мировые пожары все оставьте себе. Мне же дайте, товарищи, только тихую жизнь и приличное жалованье». Добычин – не сатирик. Он рисует психологию обывателя более опосредованно. Молодой человек ужасается, что ему, возможно, придётся столкнуться с мужиками, они для него дикие животные, вряд ли умеющие говорить. Он, главный герой, даже читает умные книжки, но Достоевский радуется его смешным, а в «Мертвых душах», на его взгляд, действуют исключительно симпатичные персонажи.

«Город Эн». Сцена из спектакля

Режиссер Борис Лавринович старается на Камерной сцене МДТ создать максимально домашнюю, тёплую атмосферу. Немногочисленные зрители размещаются на стульчиках, пуфиках, кушетках по периметру большой комнаты. Актёры подсаживаются к ним и ведут задушевные беседы о том, кто такой Добычин. То же стремление «разжевать» зрителю показываемое, как и в «Смерти

Тарелкина». По ходу действия нас поят чаем в подстаканниках и дают закусить бубликом. Текст романа «читают» по очереди прекрасные актеры театра: С.Власов, И.Тычинина, У.Малка. Этот «распределённый» на несколько исполнителей герой – прием не новый. В спектакле МДТ складывается какой-то осколочный мир, впрочем, не слишком яркий. Создаётся впечатление, будто мы присутствуем не то на учебном чтении романа Марселя Пруста, не то на читке «Детства» Л.Толстого. Не хочется говорить об актёрах, которые выполняют волю режиссёра, вдруг ударившегося в элегичность. Пожалуй, только у двоих из семи проскальзывает ирония.

Режиссер чувствует, что спектакль монотонен, и пытается его расцветить. То все исполнители играют на духовых инструментах, то представляют маленький балаганный дивертисмент. Эти «вставки» не отменяют ощущения «невпопадности». В принципе, публика минут через пятнадцать после начала должна бы захохотать, спрашивая: «Ребята, вы о чём?» Но публика сидит с умным видом, полагая: перед ней разыгрывают нечто глубокомысленное.

Можно было бы поговорить об исчезновении иронии в «Бесах» Театра им. Ленсовета (реж. А.Слесарчук), «Славе» БДТ (режиссер К.Богомолов, хотя здесь, скорее значительная часть зала не понимает, что ей морочат голову), «Иллюзии любви» («Круг» С.Мозма. Реж. Т.Казакова), но суть проблемы и так понятна.

На днях прочёл интервью с одним психологом. Он констатировал: с начала XXI века большой процент детей постепенно отучается читать, общаться со сверстниками, погружёнными в интернет. Похоже, читать, понимать прочитанное перестают не только дети.

Проблема гораздо шире, чем интерпретация литературы в театре. Дело не в том, «правильно» или «не правильно» прочёл театр, режиссёр классическое или близкое к классике произведение. Разумеется, режиссёр имеет право на своё видение. Однако без умения жанрово решить пьесу или инсценировку нет режиссёрской профессии. При любой степени вариативности, самостоятельности нельзя выбрать жанр, который делает произведение бессмысленным. Понимаю, во времена «постдраматического театра» задавать вопрос «О чём спектакль?» неприлично. Всё же мы имеем в виду не пьесы Павла Пряжко, апологета постдраматического театра, а прозу Достоевского, драматургию Сухово-Кобылина. Для них тема содержания не праздная. И выясняется: постановщики, зачастую умные, талантливые люди, не могут видеть текст помимо уровня сюжета. Или уходят в какую-то совершенно чуждую автору сторону.

Одна из причин ситуации – в нашем образовании. Младшего школьника не учат понимать смысл сказки. Тем более, её стиль, язык. Ученик должен пересказать фабулу, не больше. Старший школьник

обязан зазубрить биографию писателя, отдельные факты (даты) истории литературы, но не сумеет объяснить, чем Гоголь отличается от Грибоедова или Салтыкова-Щедрина. Я не ругаю отечественное образование – в нём было много хорошего. Мне приходилось слышать от универсантов-англичан суждения о катастрофичности нынешнего британского обучения. Увы, это не утешает.

Никого не волнуют болезненные проблемы психологии творчества на нынешнем этапе, но ещё хуже дело обстоит с психологией зрительского восприятия. Театр рассматривается многими как «театральная услуга», посещение его случайно, хотя и прилично для «культурного» человека. Я с тоской смотрю, как зал радостно аплодирует вульгарной поделке, грубому комикованию. Впрочем, и это много. Стоит ли вообще придавать значение «зрелищным искусствам». Налицо мелькание ярких пятен, известный «оживляж» (воздействие на уровне пива) - и за это спасибо. Мне скажут, что «неквалифицированный» зритель существовал всегда. Это правда, но дело в процентном соотношении «видящих» и «невидящих». Режиссер Н.Кладько в последней петербургской премьере «Женитьбы» (Молодёжный театр на Фонтанке) решил усилить неспособность главных героев к связному диалогу. Подколесин и Агафья бросаются, как к спасительному якорю, к смартфону и лихорадочно набивают предложение из двух слов. Хорошо хоть буквы ещё помнят!

Понятно, своими заметками я иронию в театр не верну, и тем более культуру. Кто-то бегло пробежит глазами мой текст и поймёт: это его не касается. Кто-то обидится на несправедливые упрёки. Увы, критика – занятие бессмысленное.

Сергей Колмановский

Германия

Мы выбираем, нас выбирают...

Размышления о музыке, композиторах и о времени

*Но где он, подлинный успех,
Успех, а не преуспеянье?*

Евгений Евтушенко

Думаю, что на пути каждого, посвятившего себя творчеству, возникает перекрёсток в нескольких измерениях: какую именно выбрать манеру самовыражения, как совместить творческие задачи с практическими, жизненными, как не утратить свою творческую суть в попытках исполняться, издаваться, выставляться? Начать с того, что сплошь и рядом в искусство приходят в достаточно зрелом возрасте, уже получив какое-то образование. И возникает вопрос: надо ли получать второе? Во-первых, это не так легко, особенно если уже имеется семья, а во-вторых, - есть ли в этом творческая необходимость?

Очень много говорилось и писалось о несовершенствах оперы Дж. Гершвина «Порги и Бесс». Особенно убедительно пишет Леонард Бернштейн об эклектичности речитативной части оперы и о её драматургических недостатках, о том, что опера держится, по существу, на нескольких супер-хитах. Но ведь держится же! И ещё как! Если эта опера ставится по всему миру и приносит людям радость вот уже столько десятков лет, то какая разница, на чём она держится? У каждого свой путь, своя судьба в искусстве.

Известно, что Гершвин тем не менее комплексовал из-за отсутствия настоящего композиторского образования и однажды решил брать уроки композиции у Стравинского. Тот спросил: «Джордж, сколько вы получаете в год?», Гершвин ответил: «Около ста

пятидесяти тысяч долларов». Тогда Стравинский сказал со свойственным ему напускным цинизмом: «Дорогой мой, так это я должен брать у вас уроки».

Разумеется, это нельзя понимать буквально. Имелось в виду внимание к природе собственного творчества. Если композитор успешно самовыражается, не имея композиторского образования, то зачем же его получать, не зная, как это отразится на выразительности музыки? Не возникнет ли эффект сороконожки, которой задали вопрос - с какой ноги она начинает любой путь, и она, задумавшись, не смогла ступить и шагу? Видимо, нет ничего удивительного в том, как мудро Стравинский оценил ситуацию своего коллеги...

Ведь известно, насколько точно и дерзко Игорь Фёдорович выстроил собственную творческую биографию. Он одним из первых предпочёл не эволюционный, а революционный путь развития своей индивидуальности. В отличие от своих предшественников, он в разные периоды своего творчества был разным. Как сказал тот же Леонард Бернстайн, Стравинский всё время менял плащи.

От «Жар-птицы» и «Петрушки» до «Весны священной» и «Свадебки» его музыка становилось всё более диссонантной и острой, но всё же развивалась в одном направлении: русская сказочная и мифологическая тематика, внимание к фольклору и традициям «кучкистов» (композиторы «Могучей кучки»). Достигнув мирового признания в таком качестве, Стравинский, казалось бы, мог до конца жизни разрабатывать этот пласт. Но он, видимо, почувствовал, что ещё немного, и он стал бы повторяться, и, рискуя разочаровать своих многочисленных поклонников, композитор резко меняет палитру выразительных средств, становится в ряд представителей классического модерна и выигрывает собственную творческую судьбу.

Показательно, что примерно такой же путь выбрал один из самых ярких последователей Стравинского Родион Щедрин. В начале он необыкновенно ярко заявил о себе дерзким использованием русской частушки в симфонической и оперной музыке. И его музыка тоже обострялась в пределах выбранного направления - от Первого фортепьянного концерта до «Озорных частушек».

Весьма благополучным был старт Щедрина в кино. Песня «Не кочегары мы, не плотники...» из фильма «Высота», кстати, тоже близкая к частушечному жанру, сразу стала абсолютным хитом. Нельзя не заметить, что кино - не только мощнейший пропагандист имени композитора и его музыки, но и самый большой и быстрый заработок. Вот в этих пространствах и продвигаться бы молодому композитору на радость не только себе и слушателям, но и многообразному начальству - ведь применительно к Щедрину можно было говорить о народности, доступности, о социалистическом реализме. Не случайно же композитор стал самым молодым секретарём Союза композиторов

СССР! Но Щедрина был важен только художественный успех - и он сделал мощный качественный скачок в сторону авангарда, поскольку почувствовал, что именно это ему необходимо для дальнейшего полного самовыражения....

В молодости мне посчастливилось посотрудничать с замечательным поэтом Валентином Берестовым. Он много рассказывал о своих встречах с Корнеем Чуковским, оказавшим на него большое влияние, и один раз прочёл мне своё стихотворение, написанное по следам очередной встречи с Корнеем Ивановичем. Я сразу понял, какое именно влияние оказал Чуковский на Берестова, потому что это стихотворение и меня впечатлило на всю жизнь, поэтому беру на себя смелость процитировать его целиком:

«Писать вы стали мелко,
Поспешно, ловко, вяло.
Поделка
За поделкой,
Безделка
За безделкой.
К чему крутиться белкой?
Вам, видно, платят мало?
Не вижу в этом смысла, —
Вздыхнул Чуковский. — Хватит,
Пишите бескорыстно —
За это больше платят!»

Если под «за это больше платят» понимать не только деньги, но и по большому счёту выигранную творческую судьбу, для подтверждения моей идеи лучшей поддержки не найти.

Яркая индивидуальность Арама Хачатуряна развивалась вполне традиционно и последовательно. И он смолоду был увлечён кино и театром и даже признавался, что если бы не был композитором, то стал бы актёром. Весь мир знает вальс Хачатуряна к драме М. Лермонтова «Маскарад». И в кино он тоже очень рано стал преуспевать. Но когда у Арама Ильича сформировался замысел скрипичного концерта, он решил полностью сосредоточиться на этой работе, отказываясь от весьма выгодных и заманчивых предложений киномузыки. И в результате был создан подлинный шедевр, произведение, ставшее мировой классикой.

Принято считать, что судьба Хачатуряна складывалась благополучней, чем у других советских классиков. Однако и он пережил трагедию опалы, попав в список формалистов - фигурантов пресловутого постановления 1948-го года. (Это надо же было до

такого додуматься! Если даже Хачатурян формалист, кого же считать подлинно народным композитором?).

До этого Хачатурян пользовался активной поддержкой не только советского, но и армянского руководства, был искренне патриотичным и в творчестве, и в жизни, и нелепое клеймо формалиста на некоторое время парализовало его. Но кто знает, может быть, именно необходимость возродиться из пепла привела композитора к совершенно беспрецедентному в своей гармоничности успеху - художественному, общественному и, как следствие, коммерческому? Замысел балета «Спартак» был необыкновенно дерзким и оригинальным и по обращению к Древнему Риму, и потому, что обе главные партии в нём должны были стать мужскими. В то время в Советском Союзе блистали великие балерины, роль танцоров-мужчин была вспомогательной. Их порой даже презрительно называли «носильщиками».

Так что «Спартак» Хачатуряна стал важнейшим художественным событием прошлого века уже хотя бы потому, что он принёс мировую известность двум великим танцорам - В.Васильеву и М.Лиепе. Не все представители музыкальной общественности, а также идеологи от культуры считали этот замысел подходящим для выхода из опалы, многие советовали выбрать тему поближе к советской действительности. Но Хачатурян хотел прежде всего художественного успеха, поэтому выбрал сюжет, органичный по отношению к балетной условности. В поисках идеологической базы своей идеи композитор обнаружил у Маркса следующую фразу: «Спартак - истинный представитель античного

пролетариата». И тут уж оппонентам проекта крыть было нечем... Михаил Светлов говорил, что поэту так трудно пробиться к читателю, что когда это, наконец, происходит, читателю видны только кулаки поэта. То есть, чтобы быть напечатанным, поэт должен идти на такие переделки или даже на создание таких стихов, которые уничтожают его творческую индивидуальность. «Спартак» -счастливое, может быть, даже уникальное исключение из множества ситуаций, когда, желая заявить о себе, или, тем более, реабилитироваться в условиях диктатуры, художник идёт на компромиссы, нивелирующие художественный успех. Нет, музыка балета - замечательная, она часто исполняется в симфонических концертах и по радио, спектакль Большого театра стал единственным конкурентом «Лебединого озера», балет уже около шестидесяти лет идёт по всему миру.

Тут самое время поговорить о финансовой составляющей творчества. Я могу себе это позволить потому, что Хачатурян и сам, когда был уже очень болен, сказал в сердцах (кажется, это произошло во время записи на радио): «Мне уже почти ничего нельзя есть, а у меня только в нью-йоркском банке на счёте четыре миллиона

долларов». У советской власти были большие проблемы с оплатой людей искусства. Совсем не платить авторские отчисления было бы не престижно и не цивилизовано. Но и плодить миллионеров большевикам было не с руки. А такая опасность возникала в связи с огромной территорией (а значит, большим количеством театров, концертных залов и т. д.), и немалым населением.

Выход из положения советское руководство находило в мизерных ставках. И я могу это понять, хотя бы исходя из своего скромного опыта. Я написал музыку к 28-ми инсценировкам сказок народов мира, которые выпускались в виде пластинок фирмой «Мелодия». Кроме скромного единовременного гонорара (примерно 100 тогдашних рублей - это было в начале 80-х годов - за музыку к каждой сказке), я получал 25 копеек с тысячи проданных экземпляров (подчеркну - не выпущенных, а проданных), и в течении нескольких лет это составляло несколько сот рублей в месяц.

Конечно, мне хочется думать, что музыка была достойной, иначе со мною не сотрудничали бы так обильно, но ведь ясно, что десятиmillionные тиражи определялись не качеством музыки, а желанием пап и мам купить за гроши пластиночку и поставить её ребёнку вместо чтения на ночь. В то же время за свои годами сочинявшиеся и долго корчившиеся в черновиках симфонические и камерные сочинения, я часто не получал вообще ничего, даже если они исполнялись и вызывали уважительное отношение к себе моих коллег. Вот насколько коммерческий успех отдалён от художественного.

Эти две составляющие совпадают очень редко. Время от времени власти пересматривали свои финансовые отношения с авторами. Когда-то автор сценария и композитор кинофильма получали процент с проданного билета. Но поскольку фильмов выпускалось сравнительно мало и показывали их, соответственно, много, авторы получали астрономические суммы. И вот эта система была заменена на потиражную. Авторам стали платить единовременно в зависимости от присвоенной фильму категории, каждая из которых предполагала определённый тираж копий фильма. И Алексей Толстой, чьи романы не раз экранизировались, в кругу друзей говорил, что после отмены крепостного права эта реформа - самый большой удар по его роду....

Я считаю достойным уважения даже тот выбор автора, правильность которого жизнь поставила под вопрос, если это выбор, продиктованный соображениями творческой добросовестности. М.Ростропович - автор целого ряда сочинений, высоко ценимых теми немногими музыкантами, (в том числе Шостаковичем), которым удалось ознакомиться с музыкой этого талантливейшего музыканта.

Однако автор не давал звучания своей музыке, поскольку, очевидно, не считал её достойной этого.... После выхода фильма

«Дети капитана Гранта», в знаменитой увертюре к которому проявился симфонический дар Дунаевского, к нему стали обращаться руководители симфонических оркестров и оперных театров, но Исаак Осипович на эти предложения так ни разу и не откликнулся - видимо, посчитал себя не способным проявиться в «серьёзных» жанрах....

Песни Кирилла Молчанова имели огромный успех - достаточно упомянуть «Огней так много золотых...» и «Вот солдаты идут...», но автор посчитал себя преимущественно оперным композитором и почти целиком посвятил себя этому жанру, хотя, будучи классиком песни, он мог бы гораздо легче и дальше добиваться успеха в этом пространстве. Я не знаю его опер (хотя это уже кое о чём говорит), и ни одна из них (их, кажется, девять) настоящего признания не получила, но это не умаляет моего отношения к выбору композитора...

Понятно, что композиторам, работавшим в так называемых серьёзных жанрах, приходилось где-то работать, особенно сразу после окончания консерватории, если они не хотели или не могли подрабатывать прикладной музыкой. Конечно же, избранникам судьбы, прославившимся смолоду, не приходилось об этом думать. Но это касается гениев, живших в условиях нормального, цивилизованного общества. Стравинский развивался, сообразуясь лишь со своими творческими устремлениями.

А вот у Шостаковича и Прокофьева - гигантов, творивших в условиях диктатуры - не переводились и привходящие проблемы. Шостакович по жизни был мягким и осторожным, Прокофьев - резким и угловатым. Мне кажется, что это обстоятельство сбило с толку некоторых его поклонников, пропагирующих его независимость. К тому же индивидуальность Прокофьева была абсолютной.

Он был одинаково узнаваем в разных жанрах - от сказки «Петя и Волк» до оперы «Война и мир». Шостакович умел быть разным. Невозможно в «Песне о встречном» или в романсе из фильма «Овод» узнать автора «Катерины Измайловой».

Хочу оговориться: тут не работает шкала «хуже-лучше», всё перечисляемое не является недостатками или достоинствами. Назовём это всё особенностями. Прокофьев, если и мог написать музыку к фильму, то только к такому, где подходил стиль его симфонических произведений. Из музыки к «Александру Невскому» получилась кантата, из музыки к «Ивану Грозному» - балет. Многоликость Шостаковича позволяла ему сочинять музыку к любому фильму - от «Человека с ружьём» до «Гамлета». И это одна из существенных причин более благополучного материального положения Шостаковича.

Идти же на компромиссы, «бросать косточки» власть предержащим приходилось им обоим - как это могло быть иначе при большевиках? Только у Шостаковича это получалось в силу

вышеназванных причин, а у Прокофьева - нет. Его «Здравица», прославлявшая Сталина, не понравилась вождю, предпочитавшему «что-нибудь попроще», чем прокофьевский стиль. (Сравнительно недавно это сочинение исполнялось с новым текстом. Я не слышал, но по отзывам - гениальная музыка).

Оперы «Семён Котко» (по повести Катаева «Я сын трудового народа») и «Повесть о настоящем человеке» были поставлены. Но поддержки сверху не получили - опять же по недостатку песенности и демократичности, как их понимала советская власть. («Повесть о настоящем человеке» недавно была вновь поставлена, но широкого отклика не вызвала. Мне кажется, что идея постановщиков не менять текст сыграла тут роковую роль - музыка-то прекрасная. А «Семён Котко» - по музыке просто шедевр - это мнение многих музыкантов. Но для её теперешней постановки нужно кардинально менять либретто. Не знаю, возможно ли это.).

Когда где-то очень высоко возникла идея чем-то разбавить увертюру Глинки к опере «Руслан и Людмила» (с этой увертюры начинался каждый официальный концерт, в особенности праздничный), это было поручено Шостаковичу, блестяще справившемуся с поставленной задачей - его Праздничная увертюра широко исполняется по всему миру. Успех, в том числе и у властей, «заказных» сочинений Шостаковича (назовём в этом ряду ещё его двенадцатую симфонию «1917 год» и кантату «Песнь о лесах»), заставляли коммунистических правителей, скрипя сердце, разрешать исполнение такой «крамолы», как цикл романсов «Из еврейской народной поэзии» или Тринадцатая симфония на стихи Евг. Евтушенко, включая его «Бабий яр».

Прокофьеву никогда такое не позволили бы, да он и не пробовал входить в запретную зону. Ко всему Прокофьев, в отличие от Шостаковича, не преподавал. Это объясняют разными причинами. Его преданный поклонник и последователь Д. Кабалевский признавался, что когда ему поручили оркестровать посмертное сочинение Прокофьева (приношу извинения за то, что не могу вспомнить, какое именно), Дмитрий Борисович, и без того хорошо знакомый с творчеством своего кумира, около двух месяцев посвятил изучению партитур Прокофьева, но так и не понял, каким образом классик добивался такого совершенного и своеобразного оркестрового звучания.

Видимо Прокофьев во многом руководствовался уникальной акустической интуицией. А, может быть, не только акустической? Потому и не преподавал, что интуицией нельзя поделиться? Впрочем, это только моя версия. Всё это я к тому, что ставка профессора консерватории - это тоже существенное различие в материальном положении двух советских исполинов. А степень готовности к

компромиссу с советской властью у них была, по-моему, одинаковой. И осуждать за это нельзя ни того, ни другого....

Раз уж речь зашла об интуиции, иначе говоря, о мистической составляющей искусства, то как тут не коснуться области, где эта составляющая царит и властвует. Моё поколение практически единодушно в своём резко отрицательном отношении к современной песне, и я не исключение. Возможно, что мы правы, обвиняя сегодняшних создателей песен в интересе исключительно к коммерческому успеху. Но хотелось бы назвать вещи своими именами.

Какой бы стиль композитор не выбирал, каковы бы ни были его устремления, популярность песни достигается только теми wybranными Богом творцами, которые могут интуитивно осваивать то, чем дышит социум. Поэтому песня - это прежде всего социальное явление. Даже у классиков этого жанра имеется кладбище песен, вызывавших восторг коллег и горячий интерес исполнителей, и, тем не менее, не подхваченных народом. Сколько раз отец говорил мне: «У меня есть новая песня, которая забьёт «Тишину» - и напевал действительно нечто замечательное, но шлягером это почему-то не становилось.

В то же время чудовищные примитивы типа «Чижика-пыжика» или «По улице ходила большая крокодила» покоряют страну уже не первое столетие. Потому, что в них в своё время было схвачено то, чего мы с вами, дорогие сверстники, в сегодняшней действительности схватить не можем. А Вознесенский в стихотворении, посвящённом Высоцкому, писал: «О златоустом блатаре рыдай, Россия! Какое время на дворе - таков мессия!» Но под «блатарём» имелось в виду противопоставление советскому официозу.

Спротивление нелепостям совдепа вносило в нашу жизнь некий особый нерв, особую энергию, которая придавала смысл и выразительность даже тем произведениям искусства - и прежде всего песням - которые были далеки от идеологии. Тут-уж, извините! - мне не обойтись без ещё одной цитаты, на этот раз из Евг. Евтушенко: «И как ушёл из жизни смысл, ушла мелодия из песен!».

Действительно, нам не дано понять, почему сегодня песня перестала нуждаться в мелодии, иначе говоря, в художественном успехе. Но неправильно представлять себе группу злодеев, намеренно насыщающих свои опусы ядом безвкусицы на потребу толпе. Это самое «на потребу» я слышу не первое десятилетие. Редкая популярная песня миновала это обвинение. Например, авторов песни «Я люблю тебя, жизнь!» обвиняли в намеренно неправильном ударе на потребу подворотни. (Действительно, если начало песни спеть точно по нотам, получится «тЕбя», но думающие певцы, и прежде всего Марк Бернес, легко нивелировали это). Этот пассаж был напечатан в

журнале «Советская музыка» за подписью весьма известного и авторитетного композитора.

Нет, дело не в «потребе». Я убеждён в том, что создатели современных песен искренне самовыражаются, а главное - выражают то, чем дышит публика, подхватывающая их песни. Ведь и по отношению к создателям советских песенных шедевров возникает вопрос: а верили ли они в правдивость содержания тех своих произведений, которые так или иначе были связаны с идеологией? На этот вопрос сейчас ответить невозможно. Ясно одно: если представить себе народ, как хор, рождающий и поющий песню, а поэта и композитора лишь запевалами этого гигантского коллектива, то можно с уверенностью сказать: этот хор верил в то, о чём пел. Популярностью нельзя управлять. Люди поют только то, что их греет. Правда, можно предположить, что эта вера была связана не с коммунистическими догматами, а с неизбывным в людях стремлением к справедливости, которой эти догматы должны были служить.

А во что же верить нам, поклонникам мелодии? Вернётся ли она в песню и в серьёзную музыку, всё дальше уходящую от слушателя в запредельный авангард? Впрочем, во что верить или не верить - это уже выбор каждого из вас, дорогие читатели.

Людмила Лукомская

Санта - Клара, США

Семь автопортретов одного художника. Павел Тайбер

*Самое интересное в искусстве – личность художника.
Сомерсет Моэм «Луна и грош»*

- Я нахожу, господа, что весьма трудно описать чье-нибудь лицо. Легко перебрать поодиночке все отдельные черты, но каким образом передать другому то, что составляет отличительную принадлежность, сущность именно этого лица?

- То, что Байрон называет "The music of the face" – заметил один перетянутый и бледный господин.

Иван Тургенев «Андрей Колосов»

Автопортрет — особый жанр в искусстве и, пожалуй, один из сложнейших. Если живописцы других жанров пытаются передать на полотне внешние признаки предметов, то художнику, пишущему портрет, приходится связывать внешние черты портретируемого с его характером, психотипом, настроением.

Писание автопортрета – рассказ о себе самом - еще более усложняет работу художника: что он хочет рассказать о себе, каким он видит и как оценивает себя в данный момент. Задача эта столь увлекательная и вдохновляющая для творческого человека, что немало мастеров подпали под ее очарование. Например, в галерее Уффици есть огромное собрание автопортретов художников, начало которому было положено ещё в XVI веке.

На многочисленных выставках картин Павла ТАЙБЕРА (1940 - 2017) автопортреты художника привлекали особое внимание и почти всегда требовали пояснений. Желание зрителей понятно – чтобы войти в творческий мир художника, который, как и поэт, мыслит образами, нужен «ключ».

Таким волшебным «ключом» блестяще владел Борис Бернштейн (1924-2015), профессор, теоретик искусства, писатель. Фрагменты из его статьи, относящиеся к автопортретам, и эссе «Голой Тайбер» приведены в этой публикации.

И всё же я беру на себя смелость дополнить сведения о представленных или только упомянутых автопортретах. Делаю это на том основании, что в течение пятидесяти лет я была первым зрителем, первым «критиком» работ Тайбера и даже «крестной матерью» большинства из них. Мои суждения – это только «показания свидетеля», которые, возможно, дополнят общую картину. В отличие от фрагментов из статьи Б. М. Бернштейна, они будут представлены как «Дополнения» и подписаны моими инициалами Л.Л.

Б. М. БЕРНШТЕЙН

ПРОЩАЙ XX ВЕК

Фрагмент 1.

Среди картин Павла Тайбера я не встречал портретов. Исключение составляют автопортреты. Но они не совсем из портретного ряда и, как кажется, их породила другая необходимость. Ни один из воспроизводимых здесь автопортретов не написан просто, "в упор". Однажды Павел Тайбер, взрослый, написал себя мальчиком, это было воспоминание о прошлом, другой раз, опережая время – после смерти, в гробу, картина называется Воспоминание о будущем. В 1988 году он

изобразил себя в шутовском колпаке, а недавно – каторжным пленником палитры... Конечно, портреты похожи на написавшего, но их смысл куда больше сходства; всё это метафоры. Через них Тайбер, как умеет, т. е. как живописец – осознает себя, образно проживает свое место в мире, свою судьбу.

Большую часть своей жизни Тайбер был (назовем это условным историческим термином) советским художником. Это означает, что он был не по своей воле брошен в ситуацию несвободы, принудительного сотрудничества с идеологизированной властью, которая предписывала стилистику и требовала бесстыдной и лакейской лжи. Личную судьбу надо было выстраивать между этими полюсами. Рассматривая репродукции его работ, я узнаю в них знакомые опыты «ненаказуемого неучастия», мягкого уклонения от доктринальной колеи.

Многие годы он будет писать детей - персонализированный, каждый раз наново переживаемый мир детства. Вселенная детства, какой ее изображал Тайбер, имела мало общего с бытовым «детским жанром». Индивидуальный характер, портретность, психологизм – качества в общем чуждые этому ряду картин не потому, что художник не умеет, но лишь потому, что они находятся за пределами его живописной концепции. В сущности, один мальчик, круглолицый и круглоглазый, с румянцем на щеках, в бумажной треуголке остается постоянным героем цикла.

Павел Тайбер. Автопортрет с будильником. 1982

Ключевая метафора этой творческой поры - Автопортрет с будильником. Изобразив себя мальчуганом, художник разоблачил собственный секрет: маленький Тайбер подобен многим и многим мальчишкам, которые заполняют его картины, автор и персонаж совмещаются: «Госпожа Бовари — это я».

Дополнение:

В нескольких своих работах Павел выносит на холст строку из стиха Мандельштама: «Из омута злого и вязкого/Я вырос, тростинкой шурша...».

Она могла бы служить эпиграфом к этому скупому на подробности автопортрету, где художнику, тем не менее, удалось многое рассказать о себе, шестилетнем. Хрупкую фигурку мальчика он пишет, не изменяя своей манере виртуозного письма широким движением кисти. Конечно, перед нами не «круглолицый и круглоглазый, с румянцем на щеках, в бумажной треуголке мальчик». Но это никак не противоречит утверждению Бориса Бернштейна о внутреннем единстве и родстве автора с героями его картин. Тайбер сам подтвердит эту связь в автопортрете Воспоминание о будущем.

Здесь же зритель наталкивается на серьезный не по возрасту взгляд мальчугана, на сжатый маленький рот, на прижатую к груди руку, будто защищающую себя от чего-то или кого-то недоброго. Скучные детали интерьера подчеркивают бытовую бедность: старая тумбочка, украшенная салфеткой домашнего рукоделия, неуклюжий, топорного дизайна будильник. Художник зарифмовал его с головой мальчика так, что кажется, будто круглый циферблат смотрит на зрителя черными пятнышками цифр с такой же тревогой, как и мальчик, и вот-вот разразится отчаянным пронзительным звоном.

Художественной метафорой служит и стена за спиной мальчика. Она мало похожа на обычную стену в городской квартире. Художник пишет ее резкими косыми мазками, меняющими цвет от черно-зеленого до темно-красного, отчего стена кажется колеблющейся, неустойчивой, готовой рухнуть в любую минуту. Зритель не знает причин, но понимает, что жизнь у мальчика совсем нелегкая и уж точно не безмятежная. Так возникает догадка: веселые карнавалы и театральные зрелища, изображаемые на полотнах Тайбера – не мечта ли это взрослого художника о несбывшемся счастливом детстве? Л.Л.

Фрагмент 2

Сумрачным, в рембрандтовском освещении, предстает Павел Тайбер в Автопортрете в шутовском колпаке. Метафора шута играет смыслами – королевский дурак, как известно, развлекает, забавляет, но ему же дарована трудная привилегия – говорить правду в глаза.

Дополнение:

Несмотря на острый глаз и чутье, проявляемое в человеческих отношениях, сарказм, злая ирония, позволительные и даже предписываемые королевскому шуту, были абсолютно не свойственны Тайберу-человеку. Присущая ему от рождения неспособность ко лжи, исключала возможность служения «королю» или системе. Смысл автопортрета представляется мне по-другому.

Этот автопортрет Тайбер пишет в 1988 году, ему 48 лет – уже можно подвести некоторые итоги: как и кем ощущает себя художник, «земную жизнь пройдя до половины». Надев шутовской колпак, он обозначил себя актером, но играет он не шута, а волшебника. Волшебной палочкой служит кисть художника, под ее прикосновением на холсте происходят волшебные превращения, а он сам появляется там то в роли кукловода, то циркового фокусника, то уличного продавца игрушек.

Парадокс заключается в том, что картины о детях Тайбер пишет не для детей, а для себя, взрослого. Зачем-то ему нужно героя Автопортрета с будильником – такого беззащитного перед бедностью и злобным окружением - вывести из тесноты убогой комнатухи в пространство улиц, в сад, где на дереве растут одновременно груши и яблоки, в парк, где призывно звучит музыка из цирка Шапито, в жизнь, полную удивительных событий – карнавалов и спектаклей, явлений то Дон Кихота, то Чарли Чаплина. Этот волшебник в шутовском колпаке знает все заветные мечты своих героев и с легкостью осуществляет их: дети едят мороженое! черешню! У них есть аквариум с золотой рыбкой и... любимый чёрный щенок!

Тайбер не просто развлекает почтенную публику, а воссоздает на своих картинах ретроутопию счастливого детства, которого не было. Зачем? Ведь «ни с каких вокзалов в минувшее не ходят поезда».

Я предполагаю, что Павел хотел избавиться от груза детских обид, вспоминая и всё хорошее, что обязательно случается даже в самом суровом детстве, и, конечно, помнится. Например, невиданно огромное яблоко, принесенное дедом с казахского базара; бумажные кораблики, плывущие в ручьях тающего снега; своя первая картинка с натуры: зажженная на столе свеча, когда в комнате погас свет. Вот эта свеча не должна была погаснуть, чтобы мир детства не погрузился в темноту. Очевидно, что детский цикл Тайбера был не только нишей, в которой он скрывался от сотрудничества с властью, но еще и желанием «словесный сор из сердца вытрясть». Возможно, так очищалась душа, и можно было жить и работать дальше. Л.Л.

Фрагмент 3.

Павел Тайбер. Воспоминание о будущем. 1989

Вероятно, неограниченное богатство возможностей, которые художник находил в избранной им - и сотворенной им - нише, побудило его поверить, что тут его судьба. Знак этой веры, трогательный и странный, настоящий на жутковатой макабрической иронии, но в любом случае нетривиальный автопортрет в гробу. На картине «покойного» Тайбера окружают все те же круглоглазые мальчуганы и девчонки в бумажных треуголках. Они сопровождали его всю жизнь, и они остались, когда его не стало; они - его «вторая жизнь». Картина называется Воспоминание о будущем.

Как и другие прогностические воспоминания, она была ошибкой. Непредвидимое будущее оказалось совсем иным.

Знаком этого будущего можно счесть Автопортрет 1995 года - года, когда Павел Тайбер перебрался в Калифорнию. Это двойное перемещение, смена географического и социокультурного места, оказалось переломным рубежом, вернее - кризисом, полным трагического напряжения.

Все было иначе - другой свет, другие краски, другая звучность цвета непреложно требовали и другого письма. Наконец, самое главное - здесь у искусства живописи была другая история, которая здесь, в Америке, была реально прожита и пережита, тогда как там поколение Тайбера получало о ней лишь искаженные и отрывочные известия. Это знание «со слов» надо было сделать своим, сделать фактом собственной духовной биографии, хотя бы в качестве квазибиографии, проделанной интеллектом и запоздалым опытом.

Все это как нерешаемую проблему можно прочесть в Автопортрете 1995 года - произведении глубоко трагическом, воплотившем экзистенциальную потерянность художника перед лицом чужой и чуждой ситуации.

Павел Тайбер. Автопортрет. 1995

Тем не менее, травма пересадки в другую почву, точнее - травма невозможности в ней укорениться, сняла внутренние ограничения и открыла глубоко упрятанные творческие потенции, которые проявили себя во взрывоподобной смене не только стилистических форм, но в смене идей, концепций, принципов живописного выражения.

Дополнение:

Каким видит себя Тайбер после перенесенного кризиса?

Если в портрете 1995 года вывернутая голова портретируемого не имеет в пространстве картины места для ее возвращения в нормальное положение, то в портрете 2001 года она с трудом преодолевает тяжесть палитры на плечах. По определению Бориса Бернштейна художник, захваченный новыми идеями и много работавший над их воплощением, изобразил себя здесь «каторжным пленником палитры». Но по словам самого Павла это была попытка воплотить, возможно слишком буквально, блоковскую мысль «Искусство – ноша на плечах».

Павел Тайбер. Автопортрет. 2001

В Автопортрете 2002 года большая часть лица написана как черно-белая фотография, а другая - как живописный портрет, т. е. мы видим композицию, в которой как бы сосуществуют два лика одного и того же человека. Один молодой, другой пожилой. Разгадывая авторский замысел, я нахожу несколько возможных, лежащих, так сказать, на поверхности вариантов.

Первым из них напрашивается толкование портрета как своего рода грустный рассказ о том, «как мир меняется и как я сам меняюсь» под влиянием обстоятельств и времени: молодое яркое лицо превращается в серое, не улыбочивое, уставшее – пусть зритель подберет эпитеты сам.

Но вслед за первым приходит в голову и второй вариант: кажется, что художник, разглядывая «книгу» своего лица, видит в ней слияние реальности (фотография) и идеала (живописная часть). И это не абстракция, а живой опыт осознания и восприятия собственной личности, утверждение ее высшего единства.

Некоторое время спустя я снова возвращаюсь к портрету. Почему-то он меня не отпускает. Теперь я обращаюсь к фону. Широкие черные мазки как бы намечают вокруг лица раму, но не замыкают ее - портрет еще не завершен, превращения лица не закончены? Память тут же подбрасывает соблазнительную, хотя, возможно, и слишком смелую аналогию - нет ли в этом изображении переключки с уайльдовским «Портретом Дориана Грея»?

Павел Тайбер. Автопортрет. 2002

Мне хотелось бы обратить внимание зрителей на то, что при видимой исповедальности автопортретов Тайбера, художник говорит о себе на своем художническом языке, языке живописи, точно и кратко, не перегружая портрет подробностями визуального ряда, избегая сентиментальности, мелодраматизма и пафосности. В этом нашла отражение главная черта личности Павла – всегда оставаться честным с самим собой и своими зрителями.

В 2004 г. Павел Тайбер начинает и в 2005 заканчивает еще один, последний автопортрет - в полный рост, под названием Утренняя игра, где он изобразил себя без одежды. Это была еще одна метафора Тайбера, преодолевшего внутреннюю скованность и осознавшего необходимость абсолютной свободы в творчестве, без которой искусство просто умирает. Л.Л.

Об этом эссе Бориса Моисеевича Бернштейна.

Голый Тайбер. Эссе

Каждое утро, едва приняв душ, он приступает к делу. Он разыгрывает шахматную партию с самим собой. Шахматная доска отчасти похожа на настоящую, на нее нанесены ровно 64 клетки, в некоторых местах черные и белые поля чередуются в правильном порядке. Но это всего лишь симуляция.

Павел Тайбер. Утренняя игра. Автопортрет. 2004-2005

Часть доски занимают одни белые клетки, предоставляя полную, кэрроловскую свободу играющим. Фигуры могут двигаться как и куда угодно, правила отменяются. Правда, фигур тоже нет, игрок сосредоточенно переставляет пустоту. Свобода получает абсолютное измерение.

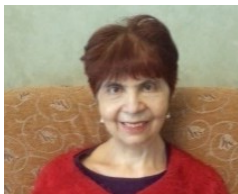
Играя воображаемыми фигурами на мнимо-шахматной доске (ее частичная правильность только напоминает об утрате правильности), он совершенно свободен, может принимать какие угодно правила и тут же их отменять. Но пребывая в веселом царстве игры и видимости, как назвал это Шиллер, он сам не весел.

Он чрезвычайно серьезен, этот мастер игры, он делает важное и неизбежное дело. Он не знает, что ещё Кант когда-то определил главное качество эстетического предмета как целесообразность без цели, но интуитивно догадывается об этом. Иначе говоря, он не знает, зачем он это делает, но не делать не может. Кантов парадокс предстает перед ним без философских драпировок, просто как абсурд жизненной ситуации.

Такова голая правда о Тайбере.

Вера Чайковская

Москва, Россия

Гувернантка и барыня. О двух графических портретах Ореста Кипренского

То и дело приходится вспоминать строчку из Юрия Левитанского: «Всего и надо, что взглядеться, боже мой!» А ведь и правда, этого умения – умения взглядеться, - многие из нас начисто лишены. Или просто современным режиссерам и кураторам выставок удобнее так о нас думать? Не поймут наши современники классики в ее «естественном» варианте - драме, живописной картине, балете. Если это драма, нужно ее как-нибудь упростить, все перевернуть, сделать «поголубее» или «пожелтее», перенести в наше время, - иначе ведь зритель заскучает. Если это картина, положим, женский портрет, можно к его репродукции пририсовать усы (что делали уже классики модернизма) или добавить в экспозицию старых работ каких-нибудь шокирующих деталей, что стало чуть ли не необходимым условием ее успешности.

А ведь всего и надо, что ... Ну, я уже цитировала. И тогда можно открыть какие-то удивительные вещи в произведении, которое создавалось много лет назад. Уверяю вас! В самом произведении! Какая там скука!

Вот смотрю на две графические работы, хранящиеся в Третьяковке и созданные в одном и том же 1813 году Орестом Кипренским - замечательным русским художником-романтиком. Поражает, что он, впоследствии свободно общавшийся со многими «сильными мира» вплоть до русского царя, родился в семье крепостных крестьян, то есть людей, занимавших низшую ступень на тогдашней социальной лестнице. Впрочем, и его происхождение, и вся его жизнь таят множество загадок, о которых я сейчас писать не буду.

На одной работе - богатая молодая барыня, жена приятеля Кипренского Алексея Томилова, петербургского дворянина, любителя искусств и коллекционера, на другой - пожилая гувернантка в

О.Кипренский. Варвара Томилова,1813, бум. на карт. , ит. кар., пастель, сангина, ГТГ

загородном имении этой четы. Но взгляните! Совершенно художнику не важно, какое социальное положение обе эти женщины занимают и сколько у них денег! Не важен ему даже и возраст, потому что гувернантка изображена на графическом портрете и более женственной, и более нежной, чем ее молодая хозяйка со злобно-недоверчивым взглядом маленьких глаз. Гувернантка-француженка, госпожа Вилло, нарисована художником с вдохновенным обожанием, почти сквозь слезы, если не любви, то восхищения, создающие в работе как бы некую дымчатую завесу тайны и недосказанности.

Темная одежда и прихотливая шляпа оттеняют благородство ее осанки и изысканную бледность лица с мягким, грустным, словно бы ласкающим зрителя взглядом. Один мой знакомый, был недоволен тем, что я пишу о немолодом возрасте гувернантки. И правда, с сегодняшних позиций женщина лет сорока семи, может считаться молодой или почти молодой. Но тогда и жили меньше, и выглядели иначе. Однако при том, что Кипренский видит и седые волосы госпожи Вилло, и некоторую грустную утомленность всего ее облика, он все равно изображает ее живой, внутренне утонченной и внешне привлекательной.

О. Кипренский. Портрет госпожи Вилло, 1813, б.пас.,ит. кар, сангина, ГТГ

И ее полная противоположность - барыня, Варвара Томилова, дочь олонецкого предводителя дворянства, видимо, в свое время богатая невеста. Уж не этим ли богатством прельстился «любитель искусств» Томилов, с которым у художника шел какой-то постоянный внутренний спор, отразившийся на трех портретах приятеля. На последнем, когда он еще вовсе не стар (1828), Алексей Томилов - человек, во всех смыслах погасший. А его избранница через пять лет после брака напоминает мать пушкинской Татьяны, которая прежде «звала Полиною Прасковью и говорила нараспев», а, выйдя замуж, «служанок била, осердясь».

Настоящая мегера с жиденькими кудряшками, прорисованными сангиной, колючим взглядом и сутулой фигурой, что только подчеркивается голубенькой пастелью фона, с боков «вздохмаченного» все той же коричневой сангиной.

Современные исследователи так привыкли, что Кипренский не «злой», а «добрый», в особенности по отношению к дамам, что даже и тут пытаются найти в хозяйке «душевную деликатность и доброту к людям». Но эта характеристика говорит только о том, что и профессионалы не всегда «вглядываются». А, видимо, томимая смутным недовольством, барыня некогда пожелала приобрести портрет гувернантки на свой день рождения, написав родственникам,

что он «до того похожий, что это просто удивительно». «Похожий портрет» — это ведь редкость, нечто вроде монстра в Кунсткамере. Как его не купить? Ничего другого в портрете гувернантки барыня постаралась не заметить.

Богатство в данном случае могло помочь только в операции купли-продажи...

Вариант статьи опубликован в «Лит. России» от 17 ноября (№43) 2021 года.

Часть 7. История

Орест Кипренский. Портрет Е.В. Давыдова

Лев Бердников
Лос-Анджелес, США

Американец Толстой

У писателя Грэма Грина есть роман “Тихий американец”, однако американец американцу рознь. Вот и русский граф Федор Иванович Толстой по прозвищу Американец (1782-1846) тихим отнюдь не был, а, напротив, слыл человеком шумным, взбалмошным. Личность легендарная, персонаж скандальных историй, самый эксцентричный представитель славного рода Толстых, послуживший прототипом не одного литературного героя, он вызывал и ужас, и восхищение. Неугомонный бретер, стрелявший без промаха и убивший на дуэлях 11 человек, пьяница и обжора, нечистый игрок в карты, опасный сплетник – он был в то же время патриотом и героем войны, верным и самоотверженным другом, неистощимым остроумцем, личностью, сумевшей заслужить уважение таких выдающихся людей, как П.А.Вяземский, А.С.Грибоедов, Д.В.Давыдов, Е.А.Баратынский, К.Н.Батюшков, В.А.Жуковский, В.Л.Пушкин да и сам А.С.Пушкин. Все они сходились во мнении, что Ф.Толстой - удивительно яркая и крупная фигура.

Даже внешность его не вписывалась в привычные рамки. “Он поразил нас своей наружностью, - вспоминает Ф.Ф.Вигель. – Природа на голове его круто завила густые, черные волосы; глаза его, вероятно, от жара и пыли покрасневшие, нам показались налитыми кровью, почти же меланхолический его взгляд и самый тихий говор его настрашенным моим товарищам казался омутом”. Очевидцы обращали внимание на его средний рост, широкие плечи, тяжелое и грузное тело, круглое лицо с поистине “брутальными” бакенбардами в ладонь шириной. В глазах недругов он был посланцем черта на земле.

“Он не был лучшим из Толстых, - скажет о нем впоследствии один из его потомков, - но мне нравятся люди, умевшие не подчиняться давлению со стороны и не оказываться под ярмом властей”.

Действительно, Федор обладал особой независимостью характера и никогда не терпел диктата. Попав после окончания Морского

кадетского корпуса в Преображенский полк, Толстой вел жизнь, полную возлияний, азартных игр, женщин и сумасбродных подвигов всех сортов.

Ф.И. Толстой

Служба его не слишком обременяла, а его горячий безудержный нрав требовал немедленного выплеска – он постоянно искал острых ощущений. Узнав, что в России строится воздушный шар, граф захотел первым подняться в воздух. Ему понадобилось все его обаяние, чтобы познакомиться с конструктором, а затем убедить его лететь вместе. Все прошло успешно, но на несчастье Толстого, именно во время полета был назначен смотр полка. Педантичный полковник Е.В.Дризен при всех отчитал Толстого за неявку, как мальчишку. Федор вскипел и вместо оправданий плюнул своему командиру в лицо. Дризен вызвал Толстого на дуэль, в ходе которой полковник получил тяжелое ранение.

После кровавого исхода поединка оставаться в столице Федору Толстому было небезопасно – его вполне могли разжаловать в солдаты и посадить в крепость.

Однако судьба преподнесла ему неожиданную палочку-выручалочку – кузен графа, которого тоже звали Федор Толстой (только Петрович, а не Иванович) должен был отправиться в кругосветное путешествие в составе экспедиции И.Ф.Крузенштерна и Ю.Ф.Лисянского. Но тот страдал морской болезнью, а потому не желал пускаться в плавание. Тогда на семейном совете Толстых было принято соломоново решение – вместо одного Федора Толстого поедет

другой, граф Федор Иванович. И вот уже наш граф щеголяет на борту корабля "Надежда" в форме лейтенанта Преображенского полка - он принят в команду экспедиции, где, согласно бумагам, числится в ряду "молодых благовоспитанных особ".

Но поведение Толстого было, мягко говоря, не только не благовоспитанным, но и вообще далеко от элементарных человеческих норм. Дело в том, что его роль - нечто вроде младшего сопровождающего - оставляла ему бездну свободного времени. Кипучая же его натура требовала деятельности в условиях вынужденного безделья. И он разряжался в необузданных, подчас диких поступках. Инициатор экспедиции Н.П.Резанов характеризует Толстого как "человека без всяких правил и не чтущего ни Бога, ни власти, от него поставленной. Сей развращенный человек производит всякий день ссоры, оскорбляет всех, беспрестанно сквернословит". Федор не только бражничал и играл в карты, но и подстрекал, правда, безуспешно, команду к бунту. Не оставил он и страсть к дуэлям. Известен факт, что один офицер предложил графу выброститься за борт и там бороться. Толстой отказался, сославшись на неумение плавать. Тогда офицер обвинил Федора в трусости. Услышав это, граф обхватил противника руками и бросился с ним за борт. Матросы едва успели вытащить их из воды. Офицер получил серьезные ранения и был настолько потрясен случившимся, что вскоре скончался.

Жестоко подшутил Толстой над корабельным священником отцом Гедеоном, имевшим слабость к горячительным напиткам. Однажды, хорошенько подпоив служителя культа, он прикрепил его бороду к палубе с помощью куска сургуча, припечатав ее капитанской печатью, которую выкрал из каюты И.Ф.Крузенштерна. Когда святой отец проснулся, Федор предупредил его быть осторожным, чтобы не повредить официальной печати с двуглавым орлом - во избежание государственной измены. В конце концов бороду старцу пришлось остричь.

В мае 1804 года "Надежда" бросила якорь на одном из островов Вашингтонского (Маркизского) архипелага - Нука-Гиве. Там Толстой и некоторые другие матросы нашли возможность ближе познакомиться с прелестными туземками, лишенными предрассудков. Граф прибегнул здесь и к услугам местного татуировщика, что в то время было едва ли не первым подобным случаем для европейца (показательно, что один современный писатель назвал свою книгу о нем "Татуированный граф"). Впоследствии он не раз демонстрировал перед светской публикой свое разрисованное тело: на груди - громадная пестрая птица, вокруг - змеи и диковинные существа. Тогда же, на острове, обнаружилось особое гипнотическое обаяние Федора - каким-то образом он приобрел необыкновенную власть над королем Нука-Гивы. Этот почтенный муж, словно собака, бегал перед Толстым на

четвереньках, а когда последний кричал: “Пиль! Апорт!” и кидал в море палку, его величество бросался вприпрыжку за ней и возвращался обратно с трофеем в зубах.

В порту Санта-Круца у одного из Канарских островов граф приобрел самку орангутанга. Недовольный этим Крузенштерн в конце концов согласился оставить обезьяну на корабле, но взял с Толстого обещание не выпускать ее из каюты. Граф обещал. Но чего стоили обещания такой “благовоспитанной особы”? Федор тут же нарядил обезьяну в треуголку капитана и научил ее ходить, опираясь на трость. Матросы от души смеялись над ее сходством с Крузенштерном. Эта обезьяна, о которой родственница Толстого М.Ф.Каменская писала: “Орангутанг, умный, ловкий и переимчивый как человек”, была притчей во языцах. Ходили слухи, что это животное стало одной из его бесчисленных любовниц. Характерно, что эта легенда нашла своеобразное преломление у двоюродного племянника Американца Л.Н.Толстого: в одном из черновых набросков романа “Война и мир” Долохов, прообразом которого считают Ф.И.Толстого, доверительно сообщает Анатолию Курагину: “Я, брат, обезьяну любил: все то же. Теперь красивые женщины”.

Эта обезьяна и стала каплей, переполнившей чашу терпения капитана корабля. Произошло вот что – Толстой и обезьяна прокрасились как-то в капитанскую каюту. Там Толстой вытащил грудку дневников Крузенштерна, положил их на стол и поместил сверху чистый лист. Этот последний он начал пачкать и марать чернилами. Обезьяна внимательно наблюдала, а когда граф покинул каюту, принялась за оставшиеся бумаги. Когда Крузенштерн вернулся, он обнаружил, что испорчена большая часть его ценных записей.

В результате Федор со своей обезьяной был отчислен из команды и высажен на острове Сиктаб, что входит в гряду примыкающих к “русской Америке” - Аляске Алеутских островов. Отсюда, кстати, и его курьезное прозвище – Американец. Долгие месяцы он находился среди алеутов, ведя их образ жизни: сопровождал охотников в их походах и стал таким же знатоком гарпуна и лука, каким был в отношении сабли и пистолета. Он построил себе деревянную хижину и научился у местного шамана снимать боль наложением рук. Алеуты ему предлагали стать их царем и давали в жены первую красавицу. А одно племя даже поклонялось ему, как идолу, по причине “красивых белых ног”. Судьба злополучной обезьяны неизвестна – ходили слухи, что Толстой, спасаясь от голода, съел ее.

Сохранилась легенда: бродя среди береговых скал, граф чуть было не свалился в пропасть, но явившееся ему лучезарное видение святого Спиридония – покровителя рода Толстых – предупредило его об опасности, и он был спасен. А вскоре, разведя костер на берегу, Федор тут же привлек внимание проходящего мимо корабля и затем был

благополучно переправлен в порт Петропавловск на Камчатке. С тех пор он неизменно носил на груди образок с изображением святого Спиридона.

Граф отправился через всю Сибирь и Урал в российскую столицу. Он шел сквозь непроходимую тайгу со случайными проводниками, иногда неделями не встречая других людей. К Петербургу он подошел только через два года. Появляться там ему было запрещено указом Александра I. Лишь однажды он нарушил предписание императора. Узнав, что И.Ф.Крузенштерн вернулся и устроил бал в честь успешного завершения кругосветного путешествия, Федор явился прямо на этот бал и во всеулышание поблагодарил капитана за то, что по его воле так весело провел время на Алеутских островах.

- Я тоже совершил кругосветное путешествие, только по другому маршруту, – добавил граф.

Но из Петербурга его сразу же выслали в заштатный гарнизон Нейшлотской крепости, где Федор изнывал от скуки. Чтобы заслужить прощение, он стал проситься в действующую армию. Став, наконец, адъютантом князя П.М.Долгорукова, он проявил чудеса героизма на войне со шведами. Во время боя при Иденсальме он с несколькими казаками удерживал целый полк отступающих шведов. Но, пожалуй, главная его заслуга – разведка пролива Иваркен. Он доложил о составе гарнизона шведов Барклаю де Толли, и тот с трехтысячным отрядом перешел по льду и неожиданно атаковал врага, что и решило исход Северной войны. Толстой, говорят современники, храбрости был невероятной, в нем воплотился истинно русский характер – “колобродить, так до умопомрачения, а с недругом воевать – так до потери памяти”. За проявленный героизм он был награжден и вновь переведен в Преображенский полк, но снова долго там не задержался: после первой же дуэли, когда от его руки пал очередной однополчанин, граф был разжалован в рядовые и отправлен в отставку.

Во время Отечественной войны 1812 года он начал службу в чине рядового. Прошел на ратном поле от Бородина до Парижа и закончил войну полковником с орденом Георгия 4-й степени. Д.В.Давыдов в своем “Дневнике партизанских действий 1812 года” описывает тяжелое ранение Толстого на поле боя и сообщает, что чин полковника ему исходатайствовал сам генерал А.П.Ермолов. В этом чине Федор Иванович окончательно оставил службу.

Достоинно замечания признание Американца, что он узнал, какое значение имеет слово “Отечество” даже не на поле боя, а от чтения “Истории государства Российского” Н.М.Карамзина, восемь томов которой одолел одним духом.

После войны граф поселился в Москве и стал профессиональным картежником. Толстой был не просто шулер, он проявлял за картами

и необыкновенный дар психолога, стратега, и азарт, и математический расчет. Обычно он играл некоторое время с незнакомым человеком, изучая его характер и черты лица, запоминая его стратегию. Это позволяло графу даже честными методами входить в манеру игрока и выигрывать. Но это была только еще половина дела, потому что он был известен тем, что передергивал. За картами Федор просиживал до рассвета. Не о нем ли писал А.С.Пушкин?

Страсть к банку! Ни дары свободы,
Ни Феб, ни слава, ни пиры
Не отвлекли б в минувши годы
Его от карточной игры.
Задумчивый, всю ночь до света
Бывал готов он в эти лета
Допрашивать судьбы завет:
Налево ляжет ли валет?
Уж раздавался звон обеден,
В кругу разыгранных колод
Дремал усталый банкومت,
А он нахмурен, бодр и бледен,
Надежды полн, закрыв глаза,
Метал он третьего туза.

Как-то, заигравшись, Толстой остался наедине с С.В.Гагариным в Английском клубе, и объявил, что Гагарин проиграл ему 20 тысяч рублей. Гагарин отказался платить. Тогда Толстой запер двери и, положив на стол пистолет, сказал:

- Между прочим, эта штука заряжена, так что заплатить вам все равно придется. Даю на размышление 10 минут!

Гагарин вынул из кармана часы и бумажник, положил их на стол и ответил:

- Вот все мое имущество. Часы могут стоить 500 рублей, в бумажнике – 25. Только это тебе и достанется. А если ты меня убьешь, ты должен будешь заплатить не одну тысячу, чтобы скрыть преступление. Будешь ты в меня стрелять после этого? Даю на размышление 10 минут.

- Молодец! – воскликнул Федор восхищенно. - Ты- Человек!

С тех пор они стали друзьями, а вскоре Гагарин даже попросил Федора быть его секундантом. Дуэль была назначена на 11 часов утра. Но когда Гагарин заехал к Толстому в назначенное время, тот еще спал. Разбудив Американца, он раздраженно спросил:

- Разве ты забыл? Ведь сегодня...

- Да этого уже не нужно, - перебил его Федор, зевая, - я твоего приятеля убил...

Оказалось, что накануне Толстой специально приехал к противнику Гагарина, поссорился с ним, вызвал его на дуэль на 6 часов утра, застрелил его, вернулся домой и спокойно лег спать.

Огромные деньги, добытые за карточным столом, Американец спускал на веселых застольях. Он жил исключительно широко и был большим гурманом. Закупки для стола почитал сугубо мужским делом. Гордился, например, что придумал устрицы перед употреблением выдерживать полчаса в соленой воде. Покупал только ту рыбу, которая сильнее других билась в садке, – значит, в ней больше жизненной силы. Мясо выбирал по цвету. “Хорошо приготовленная пища способствует воспарению мыслей,” – говаривал он. Словом, знал много гастрономических хитростей, чем и кичился. Приглашал к себе музыкантов, и сам любил дирижировать оркестром. А однажды, в экстазе от музыки, схватил огромный бронзовый канделябр, чтобы отбивать им такт. Пиробы обычно заканчивались безумными ночами у цыган, которые были тогда частью разгульной русской дворянской жизни. Он влюбил в себя красавицу-цыганку, которая, в отличие от пушкинской Земфиры, была верна ему всю жизнь. Толстой вообще был кумиром женщин. Друг Федора Ивановича в разговоре с одной молодой дамой объяснял это так: “Таких людей уже нет. Если бы он вас полюбил, и вам бы хотелось вставить в браслет звезду с неба, он бы ее достал. Для него не было невозможного, и все ему покорялось. Клянусь вам, что в его присутствии вы не испугались бы появления льва. А теперь что за люди? Тряпье!”.

Толстому не доводилось встречать шулеров, более искусных, чем он сам. Однако, А.Огонь-Догановский оказался именно таким соперником (он, между прочим, послужил прототипом Чекалинского в “Пиковой даме” А.С. Пушкина). Раззадоривая Федора, он для вида несколько раз проиграл ему, а потом обчистил его так, что Американец встал из-за стола совершенным банкротом. На карту была поставлена дворянская честь Толстого, поскольку за неуплату долга его фамилию должны были вывесить на черной доске в Английском клубе. Отчаявшись найти необходимую сумму, Федор решил было покончить с собой. Спасение неожиданно пришло от близкого ему человека – цыганки Авдотьи Тугаевой, с которой Толстой сожительствовавал уже пять лет.

- Где ты взяла столько денег? – спросил граф, еще не веря своему счастью.

- У тебя, - ответила цыганка, - Ведь ты дарил мне много подарков. Все их я хранила, а теперь продала. Так что эти деньги твои.

После того, как Федор расплатился с долгом, они с Авдотьей немедленно обвенчались. Сам брак графа с цыганкой был в то время поступком, ибо в глазах общества воспринимался как непростительный мезальянс. Но Толстого не очень-то беспокоило, что

двери многих домов закрылись перед ним. Он был удручен другим – дети, рождавшиеся в браке с Авдотьей, умирали в младенчестве. Тогда Толстой уверовал, что Господь наказывает его за грехи шальной молодости. После смерти своего первенца он решает наложить на себя епитимью: не пить полгода. Не помогло! Дети продолжали умирать. И тут страшная догадка открылась Федору Ивановичу – смерть его детей прямо связана с убитыми им соперниками на дуэлях! Значит, это Божья кара! Американец завел специальный синодик, куда вписал имена убитых им дуэлянтов. После смерти каждого своего ребенка он вычеркивал имя очередного убитого и сбоку писал слово: “квит”. И только после того, как у него скончалось 11 детей (а он убил на дуэлях именно 11 человек), Толстой облегченно вздохнул:

- Слава Богу, хоть мой цыганенок будет теперь жить.

И, действительно, его двенадцатый ребенок, - дочь Прасковья (в замужестве Перфильева), дожила до глубокой старости. Особенно глубоко граф будет переживать смерть от туберкулеза любимой дочери Сарры (1820-1838).

Толстой был настолько остер на язык, что современники восхищались его безукоризненным владением родной речью. Даже Н.В.Гоголь, о котором граф как-то прилюдно высказался, что за “Ревизора” его следует в кандалах отправить в Сибирь, отозвался о манере Американца говорить по-русски, как об эталонной. Так, в письме из Страсбурга от 22 октября 1846 года, где Гоголь объяснял М.С.Щепкину, как надо играть развязку “Ревизора”, он, в частности, писал: “Играющему Петра Петровича нужно выговаривать слова свои особенно крупно, отчетливо, зернисто. Он должен скопировать того, которого он знал (как) говорящего лучше всех по-русски. Хорошо бы, если бы он мог придерживаться Американца Толстого”.

“Умен был, как демон. И исключительно красноречив...Он любил софизмы и парадоксы, и с ним было трудно спорить,” – свидетельствует Ф.В.Булгарин. “Он пробыл с нами немного, - вспоминал о краткой встрече с ним в Удмуртии Ф.Ф.Вигель, - говорил все обыкновенное, но саму речь вел так умно, что мне внутренне было жаль, зачем он от нас, а не с нами едет”. Д.В.Давыдов дружески называл его “Болтун красноречивый, Повеса дорогой”.

По словам литературоведа и пушкиниста С.М.Бонди, выдающиеся люди, окружавшие Толстого (в том числе П.А.Вяземский, А.С.Пушкин, Д.В.Давыдов), “повторяли при случае его остроумные замечания”. И, действительно, некоторые из них вошли в литературное предание и стали анекдотами. К примеру, разве не уморительно высказывание Американца о С.П.Жихареве: “Кажется, он довольно смугл и черноволос, а в сравнении с душою его он покажется блондинкою”. А чего стоит такое его письмо князю, задолжавшему Толстому энную сумму денег и не желавшему платить: “Если вы к такому-то числу не

выплатите долг сполна, то я не пойду искать правосудия в судебных местах, а отнесусь прямо к лицу Вашего Сиятельства”. Так лихо пародировал граф канцелярский стиль! Или такой еще случай: однажды тетушка попросила его поставить свидетельскую подпись на важной бумаге. “Охотно”, - отвечает он и пишет: “При сей верной оказии свидетельствую тетушке мое нижайшее почтение”. А ведь гербовый лист стоил несколько сот рублей!

Образованность Федора Ивановича, его знание нескольких языков, любовь к музыке, чтению и литературе, тесное общение с артистами, литераторами, любителями словесности и искусств, казалось, должны были утончить его эстетические вкусы. Между тем, мемуаристы свидетельствуют, что Американец подчас смакует такие произведения, восхищение которыми позволяет видеть в нем предтечу русского абсурдизма. Судите сами – в каком-то забытом Богом уголке сибирской глухомани ему повстречался нищий старик-балалаечник, который прохрипел:

“Не тужи, не плачь, детинка,
В рот попала кофеинка, -
Авось проглочу!”

После этой “песни” старик разрыдался. Он рыдал горько, протяжно, истово, как будто хоронил кого-то.

- Что ты плачешь? Что с тобой? – спросил граф.

- Понимаете ли Вы, Ваше Сиятельство, силу этого: “Авось проглочу”?

“Идиотская песня балалаечника и его бурные рыдания, - пишет далее мемуарист, - потрясли графа пуще всех итальянских опер и французских примадонн, которых он потом немало слышал за свою жизнь”. Впрочем, в этом своем преклонении перед бесхитростным напевом Толстой не был пионером. Вспомним законодателя русского классицизма А.П.Сумарокова, написавшего специальную статью “О стихотворстве камчадалов”, где восторгался “простой” и “естественной” песенкой, исполненной местными аборигенами.

Артист и талантливый импровизатор, Федор Толстой рассказывал не только о своих реальных приключениях (которых бы хватило не на один авантюрный роман), но и давал волю своей неумной фантазии. Современники использовали в своих произведениях и эти невероятные истории, и сам образ Американца, который оказался в русской культуре первой половины XIX века личностью исключительно продуктивной. Под впечатлением от Толстого и его рассказов А.С.Грибоедов писал в “Горе от ума”:

Но голова у нас, какой в России нету.
Не надо говорить, узнаешь по портрету.
Ночной разбойник, дуэлист,

В Камчатку сослан был, вернулся алеутом,
И крепко на руку нечист,
Да разве умный человек и может быть не плутом?
Когда ж о честности высокой говорит,
Каким-то демоном внушаем,
Глаза в крови, лицо горит,
Сам плачет, и мы все рыдаем.

Толстой тут же узнал себя, и, желая уточнить свой портрет, зачеркнул четвертую строчку и написал: "В Камчатке черт носил", а в скобках добавил: "ибо сослан никогда не был". Не удовлетворившись этим, он спросил Грибоедова:

- Ты что это написал, будто я на руку нечист?
- Так ведь все знают, что ты передергиваешь в карты.
- И только то? – искренне удивился граф, - так бы и писал, а то подумают, что я табакерки со стола ворую.

Удивление Американца станет понятным, если обратиться к реалиям того времени. Как показал Ю.М.Лотман, "граница, отделяющая крупную профессиональную "честную" игру от игры сомнительной честности, была достаточно размытой. Человека, растратившего казенные суммы или подделавшего завещание, отказавшегося от дуэли или проявившего трусость на поле боя, не приняли бы в порядочном обществе. Однако двери последнего не закрывались перед нечестным игроком". Именно поэтому, когда комедия Грибоедова увидела свет, после слов:

"И крепко на руку нечист" стояла звездочка, а сноски внизу гласила: "Ф.Т. передергивает, играя в карты, табакерки он не ворует".

Граф, однако, не любил, когда его уличали в шулерстве. Однажды случилось, что посетивший его А.С.Пушкин, убедившись в нечестной игре Толстого, отказался в конце заплатить ему требуемую сумму.

- Ну, что вы, граф, нельзя же платить такие долги, - сказал поэт, смеясь, - Вы же играете наверняка.

Другого после подобной реплики Федор вызвал бы к барьеру, однако вокруг были люди, считавшие Пушкина восходящей звездой русской поэзии, и ссориться с ними хозяину не хотелось.

- Только дураки играют на счастье, - отшутился Американец, - а я не хочу зависеть от случайностей, поэтому исправляю ошибки фортуны.

Казалось бы, все кончилось мирно, однако в глубине души Толстой затаил злобу на поэта. Потому, когда Пушкина выслали из Петербурга, он стал (под большим секретом) распространять сплетню, что Александра Сергеевича якобы вызвали в канцелярию его величества и там высекли. Это был излюбленный прием Толстого: клеветать на

людей и с интересом наблюдать за их поведением, которое неминуемо вело к пистолетам.

Сплетня разнеслась быстро, но Пушкин узнал о ней несколько месяцев спустя, в Екатеринославе. Он был взбешен и желал тут же драться с Толстым на дуэли. Друзья, однако, удержали его, и поэт излил свою желчь в стихах:

В жизни мрачной и презренной
Был он долго погружен.
Долго все концы вселенной
Осквернял развратом он.
Но, исправясь понемногу,
Он загладил свой позор,
И теперь он, слава богу,
Только что картежный вор.

В послании "К Чаадаеву" (1821 г.), опубликованном в журнале "Сын Отечества", поэт слегка перефразировал прежнюю эпиграмму:

Что нужды мне в торжественном суде
Холопа знатного, невежды при звезде
Или философа, который в прежни лета
Развратом изумил четыре части света,
Но, просветив себя, исправил свой позор,
Отвыкнул от вина и стал картежный вор.

Вчитаемся в пушкинские тексты – и перед нами оживут реальные факты биографии Толстого. Упоминание о разврате, которым он изумил свет, возвращают нас и к его молодости, и контактам с остроумянками во время экспедиции Крузенштерна, но прежде всего - к связи с самкой орангутанга. "Исправил свой позор" Американец тем, что как раз в 1821 году обвенчался со своей цыганкой Авдотьей Максимовной Тугаевой, до этого несколько лет жившей с ним во грехе. А "отвыкнул от вина" он после смерти их первенца – наложил на себя епитимью и дал зарок не пить полгода.

"Мое намерение было не заводить остроумную литературную войну, - писал в сентябре 1822 года А.С.Пушкин П.А.Вяземскому в ответ на упрек последнего в чрезмерной резкости нападок на Толстого, - но резкой обидой отплатить за тайные обиды человека, с которым расстался я приятелем и которого с жаром защищал всякий раз, как представлялся тому случай. Ему показалось забавным сделать из меня неприятеля... я узнал обо всем, будучи уже сослан, и, считая мщение одной из первых христианских добродетелей – в бессилии своего бешенства закидал издали Толстого журнальной грязью...Куда

не достает меч законов, туда достает бич сатиры". Стихи Пушкина – это не только сознательное оскорбление Толстого. В контексте снисходительного отношения общества того времени к карточному шулерству слова поэта "картежный вор" приобретали острый язвительный характер именно как насмешка над общественным мнением, узаконившим терпимость к нечестной игре. Это тем больнее ранило графа, что он был шулером-профессионалом, для которого "картежное воровство" сделалось постоянным источником существования.

Толстой тоже не желал оставаться в долгу и разразился самодельными виршами. И хотя их художественное несовершенство было очевидно всем и никто не желал их печатать, Пушкину они наносили страшное оскорбление, а этого граф и добивался:

Сатиры нравственной язвительное жало
С пасквильной клеветой не сходствует немало.
В восторге подлых чувств ты, Чушкин, то забыл,
Презренным чту тебя, ничтожным сколько чтил.
Примером ты рази, а не стихом пороки
И вспомни, милый друг, что у тебя есть щеки.

Кошунственно звучала и исковерканная Толстым фамилия – Чушкин. Последний стих намекал на увесистую пощечину, которую бы Американец залепил Пушкину при встрече.

Во время долгих шести лет ссылки Пушкин готовился к дуэли с Толстым. Его часто видели на прогулках с железной палкой в руке. Поэт подбрасывал ее высоко в воздух и ловил, а когда его спросили, зачем он это делает, Александр Сергеевич ответил:

- Чтобы рука была тверже, если придется стреляться, чтобы не дрогнула.

Есть свидетельства, что, находясь в Михайловском, Пушкин по несколько часов в день стрелял в звезду, нарисованную на воротах его бани.

Когда в 1826 году Пушкин вернулся в Москву, он немедленно послал секунданта к графу Толстому. К счастью, Федора Ивановича в Москве не оказалось, а впоследствии дуэль удалось предотвратить. Бывшие противники вновь стали приятелями и сблизились настолько, что граф ввел Пушкина в семью Гончаровых, а затем и выступил в роли его свата. В письмах поэта к Н.Н.Гончаровой он часто нежно называет Американца "наш сват". Известно также, что Толстой присутствовал при чтении Пушкиным в узком кругу друзей поэмы "Полтава" в декабре 1828 года.

Однако и после примирения с Толстым поэт при воссоздании образа графа остался верен натуре. Так, в "Евгении Онегине" у него

фигурирует Зарецкий, “в дуэлях классик и педант”, прообразом которого, по мнению исследователей, явился именно Американец. Будучи единственным распорядителем дуэли Онегина и Ленского, он вел дело, сознательно игнорируя все, что могло устранить кровавый исход. Он не обсудил возможности примирения ни при передаче картеля, ни перед началом поединка, хотя это входило в его прямые обязанности. Зарецкий мог остановить дуэль и в другой момент: появление Онегина со слугой вместо секунданта было ему прямым оскорблением, а одновременно и грубым нарушением правил. Наконец, Зарецкий имел все основания не допустить кровавого исхода, объявив Онегина неявившимся (он опоздал почти на час). Таким образом, Зарецкий, как и Толстой, видит в дуэли забавную, хотя и кровавую историю, предмет сплетен и розыгрышей. Граф стрелялся преимущественно из желания приятно провести время. Однажды, уже в пожилые годы, желая доказать, что рука у него по-прежнему тверда, он велел жене при гостях встать на стол и прострелил ей каблук. Впрочем, жестокость не была ему свойственна; она проявлялась лишь под влиянием страсти или гнева. Гораздо чаще были у него порывы великодушия.

Ф.И. Толстой. Рисунок А.С. Пушкина

“Московским Робин Гудом” в гусарском мундире предстает Ф.Толстой в рассказе Л.Н.Толстого “Два гусара”, где он выступает под именем графа Федора Ивановича Турбина-старшего. “Это тот самый, знаменитый дуэлянт-гусар? – Картежник, дуэлист, соблазнитель; но гусар – душа, гусар истинный”. Он проявляет бескорыстие и благородство, защищая обыгранного шулером Лухновым мальчика-офицера Ильина, который был из-за этого на грани самоубийства. Ворвавшись в номер Лухнова, Турбин потребовал у шулера сыграть с ним в карты на деньги, а когда тот наотрез отказался, граф ошеломил его страшным ударом в голову, после чего собрал имевшиеся в

комнате деньги и передал их Ильину. К образу графа Федора с большей или меньшей степенью сходства обращались А.С.Пушкин ("Выстрел"), И.С.Тургенев ("Бретер", "Три портрета"), Л.Н.Толстой (образ Долохова в романе "Война и мир").

"Привлекательный преступный тип" – говорили о нем, словно не замечая, что такая характеристика уже включает в себе оксиморон. "Его возмутительные проделки скрашиваются его необыкновенной привлекательностью, каким-то наивным и непосредственным эгоизмом и его гипнотической способностью заставлять людей любоваться им и даже любить его,"- пояснил С.Л.Толстой.

Очень точно сказал о графе один современный исследователь: "Он не ищет событий – они сами находят его. Он не рассчитывает последствий, не прикидывает выгоду, не взвешивает опасность – он просто входит в ситуацию и располагается в ней вольготно и удобно, как барин в кресле. Ему все равно, где быть, в какой стране, в каком социальном классе, в каких обстоятельствах – везде он в себе уверен и везде он хозяин жизни".

От Американца исходила особая энергия, известная в то время под названием месмеризма или животного магнетизма. Л.Н.Толстой вспоминал: "...У брата Сергея болели зубы. Он (Федор Толстой –Л.Б.) спросил, что у него, и, узнав, сказал, что может прекратить боль магнетизмом. Он вошел в кабинет и запер за собой дверь. Через несколько минут он вышел оттуда с двумя баттистовыми платками...Он дал тетушке платки и сказал: "Этот, когда он наденет, пройдет боль, а этот, чтобы он спал". В другом месте Л.Н.Толстой отмечает угрызения совести Федора Ивановича в старости.

Действительно, под старость этот эксцентричный человек остепенился и стал набожным. Он посещал церковь, каялся и клал земные поклоны, как мог старался искупить преступления молодости и свои жестокие поступки. Быть может, он ощутил себя отпрыском не только рода Толстых с их страстностью, эгоцентризмом и дикостью, но и сыном своей матери, благочестивой Анны Федоровны Майковой, предком которой был преподобный Нил Сорский, легендарный монах-реформатор XV века, проповедовавший аскетизм и нестяжательство. Граф Федор дожил до седин и на 65-м году жизни спокойно отошел в мир иной. Он успел причаститься. Священник, исповедовавший его перед смертью, говорил, что мало в ком встречал столь искреннее раскаяние и веру в милосердие Божие. Исповедь Американца продолжалась несколько часов.

Современник А.Стахович сказал про него: "Немногие умные и даровитые люди провели так бурно, бесполезно, порой преступно свою жизнь, как провел ее Американец Толстой, бесспорно, один из самых умных современников таких гигантов, как Пушкин и Грибоедов". Однако раздавались и другие голоса. Так, В.А.Жуковский, узнав о

смерти графа, писал А.Я.Булгакову: “В нем было много хороших качеств. Мне были лично известны только хорошие качества. Все остальное было ведомо только по преданию, и у меня к нему лежало сердце, и он был добрым приятелем своих приятелей”.

Пожалуй, наиболее рельефно характер графа Ф.И.Толстого запечатлен в следующих стихах П.А.Вяземского:

Американец и цыган,
На свете нравственном загадка,
Которого, как лихорадка,
Мятежных склонностей дурман
Или страстей кипящих схватка
Всегда из края мечет в край,
Из рая в ад, из ада в рай,
Которого душа есть пламень,
А ум – холодный эгоист,
Под бурей рока – твердый камень,
В волненьи страсти – легкий лист.

Вторую часть статьи читайте в Журнале ЧАЙКА.

Семен Резник

Вашингтон, США

Большевики и эсеры: борьба за власть. Из архива писателя

От автора

Предлагаемая внимаю читателей статья была написана через год с небольшим после моей эмиграции из СССР. Опубликована в одном из ведущих изданий русского зарубежья, журнале «Форум», издававшемся в Мюнхене (1984, № 9, стр. 192-204). Текст воспроизводится с поправками и дополнением; к новой публикации подобран иллюстративный материал.

* * *

Борьба за власть между большевиками и эсерами – одна из самых захватывающих и вместе с тем наиболее искажаемых в Советском Союзе страниц современной истории. В советской печати – не только широкой, но и «узкой», рассчитанной вроде бы только на специалистов, – эсеры обязательно характеризуются как «реакционеры», «предатели», «банда убийц», «агенты Антанты». Что же касается исторической литературы русского зарубежья, то проблема борьбы большевиков и эсеров в ней не занимает того места, какого она заслуживает.

Партия социалистов-революционеров (кратко эсеров) образовалась в России почти одновременно с другой революционной партией – эсдеков, социал-демократов. Цели у обеих партий были одни и те же: построение социалистического общества. Но если социал-демократы, в соответствии с установками марксизма, именовали себя партией рабочего класса, который в то время составлял не больше 7 процентов населения страны, то эсеры, как наследники народолюбцев, считали себя партией всех трудящихся, подавляющее большинство из которых составляло крестьянство.

Партия эсеров пользовалась гораздо большим влиянием, чем партия эсдеков. Она опиралась на более широкие слои населения, имела более гибкую организационную структуру и, допуская в своей среде разногласия мнений, не тратила львиную долю сил на внутрипартийную борьбу, как это приходилось делать эсдекам, у которых фракции большевиков и меньшевиков постоянно ссорились между собой.

В составе партии эсеров действовала строго законспирированная боевая организация. Она подготавливала и проводила террористические акты против тех представителей администрации, которые считались крайними реакционерами. Эсерами были убиты министр внутренних дел Сипягин, другой министр внутренних дел Плеве, московский генерал-губернатор Великий князь Сергей Александрович... Эсеры подготовили несколько покушений на царя, но они были предотвращены провокатором Евно Азефом, проникшим в руководство боевой организации.

Хорошо известно, что эсдеки – и большевики, и меньшевики – отвергали тактику индивидуального террора. Ленин неоднократно писал, что политические убийства ведут только к усилению реакции и к неоправданным жертвам в рядах революционеров. В этом, однако, лишь одна сторона правды. Мало кто в дореволюционной России одобрял террор. Однако и те, кто его не одобрял, видели в нем крайнее выражение народного недовольства существующими

порядками. Поэтому, вопреки Ленину, невозможно отрицать, что террор сыграл немалую роль в создании тех настроений, которые привели Россию к революции 1905-го, и затем и 1917-го годов.

В 1908 году Азеф был разоблачен Владимиром Бурцевым – близким к эсерам историком и публицистом. Известие о том, что главарь боевой организации оказался агентом охраны, потрясло партию социалистов-революционеров. Эсеры утратили значительную часть своего влияния и престижа, их деятельность была почти полностью парализована. Однако со временем партия сумела преодолеть кризис и снова стала одной из ведущих политических сил в стране. После отречения от престола Николая II, в марте 1917 года, эсер Александр Керенский вошел в состав первого Временного правительства, а после реорганизации правительства – большинство мест в нем заняли эсеры, причем Керенский стал премьер-министром.

В России установился режим практически неограниченной политической свободы. Правда, такой «свободолюбец», как В.И. Ленин, утверждал, что «полной политической свободы нет у нас». Но и он признавал, что «такой свободы, как в России, сейчас нигде нет»^[1]. Ленин разъяснял пролетариату (то есть партии большевиков), что не воспользоваться этой ситуацией для захвата власти было бы преступлением.

Захватив власть, большевики срочно стали уничтожать ту свободу, которая позволила им совершить переворот. Они закрывали небольшевистские органы печати. Производили аресты всех подозрительных. Разогнали избранное всенародным голосованием Учредительное Собрание. Создали грозную ВЧК, ставшую главным орудием подавления, основой карательной системы такого размаха, какого прежде не знала история. Целей своих большевики не скрывали: им надо было любой ценой удержать власть, свобода же была удобна для захвата власти, а не для ее удержания.

Опаснейшими политическими противниками большевики считали эсеров, против них и использовали все доступные им средства подавления.

Поставленные фактически вне закона, эсеры вынуждены были вести подпольную борьбу. Однако относительно средств и методов этой борьбы среди них не было единодушия. Эсеры много раз заявляли, что оставляют за собой право на вооруженную борьбу с большевиками; но тут же разъясняли, что они вовсе не намерены организовывать вооруженные выступления: только если вспыхнет стихийное восстание масс, они готовы его возглавить.

Такая непоследовательность объяснялась тем, что свою борьбу против большевиков они считали борьбой «внутри класса» и полагали невозможным использовать против них такие крайние меры, какие они использовали до революции против «вражеских классов». В

частности, они не решались пустить в ход против большевистских лидеров такое испытанное средство борьбы, как индивидуальный террор.

Зато большевики каждый террористический акт против своих «вождей» немедленно объявляли делом рук эсеров и использовали его в качестве повода для новых беспощадных репрессий против них. Так, в июне 1918 года в Петрограде был убит Комиссар по делам печати В. Володарский. Террорист (впоследствии выяснилось, что им был молодой рабочий Никита Сергеев) скрылся, напасть на его след чекистам не удалось. Тем не менее было объявлено, что Володарский стал жертвой заговора партии эсеров.

30 августа 1918 года произошло сразу два террористических акта: утром в Петрограде был убит Председатель петроградской ЧК Урицкий, а вечером в Москве ранен Ленин. В обоих случаях террористы были задержаны. Один из них, поэт Леонид Каннегисер, оказался членом малочисленной группы «народных социалистов». По взглядам эта группа была близка к эсерам, но организационно никак не была с ними связана и действовала совершенно независимо. Другая террористка – Фанни Каплан.

Фанни Каплан

О Фанни Каплан я опубликовал в 1983 году статью в «Новом русском слове», где приводил свидетельства «старого большевика» Виктора Еремеевича Баранченко, которые проверил по всем доступным источникам, подтвердившим достоверность его воспоминаний. Суть их в том, что Фанни Каплан была анархистской и

к тому же она была почти слепа. В 1908 или 1909 году у нее в руках разорвалась бомба, которую она готовила для покушения на какого-то царского сановника, вследствие чего она потеряла зрение. Частично оно было восстановлено летом 1917 года после удачной операции в Харькове, куда она поехала из Крыма по совету Дмитрия Ильича Ульянова – родного брата Ленина. Однако и после операции у Фанни было восстановлено лишь силуэтное зрение, чем и объясняется тот факт, что, стреляя с трех шагов, она дважды попала Ленину в руку, а третий раз промахнулась. Почти стопроцентная слепота террористки исключала версию о том, что она могла быть использована в качестве исполнительницы заговора какой-либо организацией, тем более такой, как партия эсеров, имевшей в своем распоряжении достаточно средств и людей для осуществления любой акции такого рода.

Однако оба покушения – Каплан и Каннегисера – были приписаны эсерам, на которых и была обрушена основная тяжесть «массового красного террора».

Несмотря на все это, когда летом 1919 года армия Деникина подходила к Москве и для эсеров был особенно удобный момент выступить против большевиков, их руководители заявили, что партия временно прекращает борьбу «внутри класса», ибо видит главную опасность – в «реакции».

Казалось бы, у эсеров уже накопилось немало горького опыта, чтобы понять, что никакая реакция по суровости и жестокости подавления всех инакомыслящих не может сравниться с большевистской диктатурой. Но догматизм «классового» мышления имел такую большую инерцию, что оказался сильнее конкретных фактов. В Сибири эсеры вместе с большевиками боролись против Колчака, а в Причерноморье – против Деникина. Когда же одерживали победу, все плоды ее доставались большевикам, чему эсеры оказывались бессильными противостоять.

Все это привело к тому, что к концу Гражданской войны были разгромлены не только армии Колчака, Деникина, Врангеля, но и партия социалистов-революционеров. Большинство ее лидеров либо эмигрировало, либо томилось в застенках ЧК. Казалось бы, эсеры перестали представлять для большевиков какую-либо угрозу. Однако у большевистских лидеров было достаточно оснований думать иначе.

Если после октябрьского переворота эсеры боролись за власть Учредительного Собрания и на этом основании большевики объявили их врагами Советской власти, то в 1919 году руководство эсеровской партии выразило готовность признать Советскую власть и прекратить всякую нелегальную деятельность, если им будет предоставлено право легального существования и легальной работы. Вот как это предложение эсеров излагалось их непримиримым противником, крупным большевистским функционером Н.В. Крыленко:

«IX Совет партии предъявил Советской власти ультимативные условия: “Мы согласны разрешить наш спор с вами через свободно избранные советы. Дайте нам гражданские свободы, гарантируйте свободу выборов в советы, пусть эти свободно избранные советы соберутся и разрешат наш спор. Мы этому решению подчинимся”» [2].

Как видим, даже в изложении Крыленко позиция эсеров выглядит достаточно ясно. Они не враги Советов как власти трудящихся. Они лишь враги такого положения, когда одна партия, силой захватив власть, навязывает себя Советам, не дает трудящимся возможности свободно выбирать в Советы наиболее желательных кандидатов.

Большевики, конечно же, отвергли предложение эсеров, что Крыленко оправдывал «теми политическими и стратегическими условиями, в которых тогда находилась Советская Россия» [3].

Почему в критической ситуации великим народом должны руководить не свободно выбранные им представители, а кучка самозванных «выразителей» «интересов рабочего класса», Крыленко не объяснял, хотя в одном он был несомненно прав: положение большевиков в 1919 году действительно было критическим.

Однако в 1921-22 годах ситуация стала иной. Гражданская война окончилась. Стремясь как-то наладить жизнь в голодающей стране, большевики отказались от мысли о немедленном введении социализма; они взяли курс на новую экономическую политику (НЭП). На международной арене они стали добиваться признания Советской России, прилагали усилия к получению иностранных концессий. Столь привычный для них язык пулеметов приходилось менять на обычный человеческий язык, которым они владели намного хуже. В этих условиях оправдывать дальнейшее сохранение диктатуры одной партии становилось все труднее – во всяком случае, до тех пор, пока существовала другая партия, да не «буржуазная», а социалистическая, которая критиковала правление большевиков и предлагала свое решение стоявших перед страной проблем. Надо было окончательно ликвидировать эсеров как возможного политического противника и конкурента.

И вот 28 февраля 1922 года в большевистской печати появилось следующее сообщение:

«От Государственного Политического Управления.

Сообщение о контрреволюционной и террористической деятельности партии социалистов-революционеров.

В распоряжение Главного Политического Управления в последнее время поступил ряд важных и ценных материалов, подтверждающих имевшиеся давно сведения о террористической и боевой деятельности партии с.-р. в годы гражданской войны. За границей на днях опубликована брошюра Г. Семенова (Васильева), бывшего начальника центрального летучего отряда п. с.р. и руководителя

террористической группы, организовавшей покушение на советских вождей, в частности на т.т. Ленина, Троцкого, Зиновьева, Володарского, Урицкого, и ряда экспроприаций. В этой брошюре, вышедшей под названием «Военная и боевая работа п. с.-р. в 1917-1918 гг.», сделаны обширные разоблачения о действительной роли п.с.-р. в гражданской войне и ее методах борьбы с Советской властью. Печатаемый ниже документ – показание одного из бывших крупных деятелей п.с.-р. Лидии Коноплевой, подтверждает данные брошюры Семенова.

В виду того, что имеющиеся в распоряжении Государственного Политического Управления материалы с несомненностью устанавливают преступления п.с.-р. перед пролетарской революцией, центральный комитет этой партии и ряд ее активных деятелей предаются суду Верховного Революционного Трибунала.

Государственное Политическое Управление призывает гражданина Семенова (Васильева) и всех с.-р., причастных к деяниям этой партии, но понявших преступные контрреволюционные методы борьбы, явиться в суд над партией социалистов-революционеров.

**Президиум Главного Политического Управления.
Москва, 27 февраля 1922 года»[4].**

В том же номере «Известий» и в «Правде» были опубликованы обширные показания Лидии Коноплевой, которая давно уже находилась под арестом. В них говорилось об организации покушения на Ленина, Урицкого, Володарского, то есть подтверждались все те обвинения, которые большевики постоянно выдвигали против эсеров, но которые сами эсеры решительно отвергали.

А на следующий день в «Известиях» стала перепечатываться брошюра находившегося в эмиграции Г. Семенова (Васильева), в которой с подробностями излагались те же факты, что и в показаниях Коноплевой.

То, что ЧК и ГПУ умеют выколачивать из некоторых подследственных нужные «признания», уже в то время не было слишком большим секретом. Поэтому показания Коноплевой немногого стоили. Однако брошюра Г. Семенова оказалась потрясающей сенсацией. Как проникли к нему агенты Дзержинского, какими угрозами и посулами заставили совершить предательство, – это долго еще будет оставаться тайной – до тех пор, пока не станут доступными для исследователей самые секретные архивные фонды КГБ.

Семенов (Васильев) Григорий Михайлович

В одном лишь не может быть никакого сомнения: брошюра Семенова была так же инспирирована ГПУ, как и показания Коноплевой. В одновременности их появления, как и в том, что в предисловии к «исповеди» Семенова употреблена та же формулировка, что и в сообщении ГПУ («... по первому требованию Верховного Революционного Трибунала сочту себя обязанным вернуться в Советскую Россию и понести заслуженное наказание» [5]) видна работа режиссера, оставшегося закулисами.

Коноплева Лидия Васильевна

Карты организаторов процесса были несколько спутаны теми шагами, какие Советское руководство предпринимало на международной арене. В Берлине пытались договориться о единстве действий представители трех интернационалов: Второго, Третьего и так называемого Двухполовинного (Венского), промежуточного между Вторым и Третьим. Когда появилось сообщение о предстоящем процессе над эсерами, партнеры по переговорам заявили

представителям Коминтерна, что подсудимым должно быть дано право свободного выбора защитников и, кроме того, должны быть даны гарантии, что им, по крайней мере, будет сохранена жизнь; в противном случае соглашение о единстве действий трех интернационалов окажется невозможным.

Разумеется, ни о каком единстве с западными социалистами большевики не помышляли. Но переговоры им были важны как средство, позволяющее «разоблачить» перед рабочими Запада «оппортунизм и предательство» социалистов-соглашателей.

Делегацию Коминтерна на совещании представляли Н.И. Бухарин и Карл Радек. Они поторопились дать требовавшееся от них обязательство, за что тотчас получили выволочку от Ленина, который квалифицировал предоставление обвиняемым права на защиту и согласие сохранить им жизнь как «политическую уступку, которую революционный пролетариат сделал реакционной буржуазии» [6].

Тем не менее, Ленин не считал возможным аннулировать подпись III Интернационала под достигнутым соглашением.

Социалисты западных стран направили на процесс своих защитников, и советские власти вынуждены были допустить их к участию в суде. В качестве адвокатов решили выступить крупнейшие представители международного рабочего движения: председатель Второго интернационала Эмиль Вандервальде, Теодор Либкнехт и Курт Розенфельд.

Люди эти были известны всему миру: десятки лет их деятельность привлекала к себе внимание широкой общественности.

Но это не помешало большевистским газетам обрушить на них поток самой непристойной брани. К их приезду в Москве была проведена особая подготовка.

«К вокзалу стекаются рабочие, работницы и пролетарская молодежь Москвы, -- живописали «Известия». – Вот перед группой рабочих плакат:

-- Долой Соглашателей!

-- Долой предателей рабочего класса!

-- Они нам ненавистны!

... На пути проезда Вандервальда устанавливаются шпалеры рабочих с многочисленными плакатами: «Адвокат контр-революции г. Вандервальд, когда же вы будете перед судом трибунала?» «Теодору Либкнехту: "Каин, Каин, где твой брат Карл?"», «Теодор Либкнехт, брось защиту недостойных, не позорь славных вождей рабочего класса, Вильгельма и Карла Либкнехта!»

... Перед Вандервальдом и его спутниками, как только они вышли на привокзальную площадь, предстал плакат с изображением красного слона и лающих на него двух маленьких желтых мосек. Вслед за этим

к ногам Вандервальда работницами был брошен букет из крапивы и желтых увядших болотных цветов, воздух огласился свистками, ироническими возгласами. С подавленными улыбками, скрестивши руки, Вандервальд и его спутники уселись в закрытый автомобиль. Дежурившая у вокзальной площади конная милиция с трудом проложила дорогу автомобилю Вандервальда, вслед которому долго неслись свист и улюлюкание»[7].

На следующей день Вандервальде и его спутники посетили наркома юстиции Д.И. Курского и вручили ему декларацию. Они благодарили советские власти за защиту, но в то же время указали, что «принятые полицейские меры оказались бы лишними, если бы в коммунистической прессе ... не помещались статьи, рисующие нас изменниками делу социализма, врагами русской революции и сообщниками контрреволюции за то только, что мы согласились взять на себя защиту обвиняемых в московском процессе... Дело идет не о том, чтобы спасти от заслуженного наказания людей, являющихся в действительности виновными. Но в настоящем процессе предстоит именно выяснить, виновны ли обвиняемые в инкриминируемых преступлениях»[8].

Но подобные «увертки оппортунистов» не могли, разумеется, воздействовать на настроение обрабатывавшихся в течение многих месяцев «широких масс пролетариата».

Судилище продолжалось почти два месяца.

34 подсудимых резко делились на две группы. В первую входили А.Р. Гоц, Е.М. Тимофеев, Д.Д. Донской, М.А. Лихач и другие члены ЦК партии эсеров. Они отрицали правомочность суда и называли его не иначе, как «расправой временно победившей партии над временно побежденной партией».

Вторую группу составляли Г. Семенов (Васильев), Л. Коноплева, К.А. Усов, Ф.Е. Ставская и несколько других действительных или мнимых членов боевой организации. Они охотно признавали себя виновными во многих злодеяниях, в том числе в подготовке и осуществлении покушений на Ленина, Урицкого, Володарского, Троцкого, Зиновьева. При этом они утверждали, что действовали с ведома и по заданию ЦК партии эсеров.

Защитники тоже делились на две группы. Н.И. Бухарин, М.П. Томский и ряд других видных большевиков взяли на себя защиту второй группы обвиняемых – тех, кто признавался в подготовке и совершении злодейских убийств. Бухарин и его товарищи по защите считали, что эти люди заслуживают всяческого снисхождения[9].

Другую группу адвокатов составляли защитники членов ЦК. В нее входили иностранные социалисты, а также некоторые беспартийные адвокаты, известные еще с дореволюционных времен. Председательствовавший Г.Л. Пятаков при открытии процесса заявил,

что все эти защитники хотя и допущены к участию в процессе, но «не пользуются доверием суда».

Главным обвинителем выступил Н.В. Крыленко. Обвинителями были также А.В. Луначарский, М.Н. Покровский и другие известные большевистские ораторы.

Иностранные социалисты, с одобрения обвиняемых, уже через неделю демонстративно покинули процесс, заявив, что не считают возможным участвовать в суде, где чинится расправа, а не выясняется истина. Еще через неделю, с одобрения подзащитных, заявили о своем уходе и другие защитники членов ЦК, так что в итоге партия эсеров осталась совсем без защиты.

То, что обвинение шито белыми нитками, организаторы процесса скрыть не могли. Г. Семенов (Васильев) показывал, что сам был инициатором и организатором большинства террористических актов, которые якобы подготавливала и совершала его «боевая организация». Что же касается членов ЦК, то они, по признанию самого Семенова, либо возражали против проведения этих актов, либо отвечали неопределенно.

Впрочем, когда Гоц, Донской или Тимофеев просили уточнить, когда, где и при каких обстоятельствах Семенов обсуждал с ними эти вопросы, тот сбивался и настолько запутывался, что становилось ясно: никаких обсуждений вообще не было. В обвинительной речи, построенной почти целиком на показаниях Семенова, прокурор Крыленко должен был долго распространяться о несовершенствах человеческой памяти, которая может упускать «детали», из чего не следует, что ей нельзя доверять «в главном».

Однако о том, что «процесс» был заранее подготовленной комедией, яснее всего говорит даже не ход разбирательства, а приговор и опубликованное одновременно с ним постановление ВЦИК.

Как и следовало ожидать, большинство подсудимых были признаны виновными в терроре, шпионаже, проведении диверсий и приговорены к смертной казни. Но одновременно суд «возбудил ходатайство» о смягчении приговора «раскаявшимся» боевикам, а президиум ВЦИК, рассмотрев это ходатайство с молниеносной быстротой, постановил не только сохранить жизнь, но и немедленно освободить их из-под стражи. Эта сверхъестественная «милость» к «убийцам» большевистских вождей ясно изобличало сговор между судьями и судимыми провокаторами. К тому же, сразу после суда, помилованные эсеры-убийцы, получили большевистские партбилеты и были направлены на различные партийно-государственные должности. [10]

Что касается не раскаявшихся членов эсеровского ЦК, которые, если и признавали себя виновными, то только в том, что в борьбе с большевиками не были последовательными и отдавали ей

недостаточно сил, то вынесенный им смертный приговор им ВЦИК утвердил. Однако исполнение его было отложено на неопределенный срок. Эту дань большевистское руководство должно было заплатить за подписи, поставленные в Берлине Бухариным и Радеком от имени Третьего Интернационала. Однако и из сохранения жизни лидерам эсеровской партии большевики извлекли максимум возможной политической выгоды. В решении Президиума ВЦИК простодушно разъяснялось:

«Если партия социалистов-революционеров фактически и на деле прекратит подпольно-заговорщическую, террористическую, военно-шпионскую, повстанческую работу против власти рабочих и крестьян, она тем самым освободит от высшей меры наказания тех своих руководящих членов, которые в прошлом этой работой руководили и на самом процессе оставили за собой право ее продолжать.

Наоборот, применение партией социалистов-революционеров методов вооруженной борьбы против рабоче-крестьянской власти неизбежно приведет к расстрелу осужденных вдохновителей и организаторов контр-революционного террора и мятежа»[\[11\]](#).

Таким образом, лидеров эсеровской партии оставили в качестве заложников. Они могли быть расстреляны в любой день и час, когда большевикам вздумалось бы заявить, что эсеры «продолжают» борьбу с ними.

Этот приговор окончательно парализовал волю эсеров к борьбе. В январе 1924 года, убедившись, что эсеры больше не представляют никакой опасности, Президиум ЦИК СССР заменил смертный приговор заложникам пятилетним заключением.

Так был закончен этот судебный спектакль, оказавшийся лишь репетицией к другим, более пышным и грандиозным инсценировкам, в которых принимали участие многие из тех же лиц, но уже в других ролях.

Во второй половине 30-х годов Пятаков, Бухарин, а чуть позднее и сам Крыленко вынуждены были «признаваться» в «шпионско-диверсионной», «террористической» и иной «преступной» деятельности против «власти рабочих и крестьян». К сожалению, мы никогда не узнаем, вспоминали ли они, делая эти признания, давний процесс эсеров; сознавали ли, что являются жертвами той страшной системы, которую сами же создавали.

Добавление 2021 года:

После отбытия пятилетнего срока заключения каждый из осужденных членов эсеровского ЦК, постановлением ГПУ, отправлялся

в ссылку на три года; затем ссылка продлевалась и фактически стала пожизненной. В 1937-м году, те из ссылных эсеров, которые до него дожили, были снова арестованы, обвинены в «антипартийной», «террористической», «шпионской» деятельности и тотчас расстреляны. Такая же участь постигла и другую группу обвиняемых, то есть «раскаявшихся боевиков», ставших большевиками-ленинцами. Их поснимали с партийно-государственных постов, арестовали и присудили к высшей мере. В числе расстрелянных Лидия Коноплева, Григорий Семенов, Фаина Ставская и остальные «боевики», не успевшие умереть до рокового 1937-го года.

На сегодняшний день все участники той драмы – и жертвы, и палачи - «полностью реабилитированы за отсутствием состава преступления».

[1] В.И. Ленин. Сочинения 1917 года, Москва, 1937 г., т. 1, стр. 206.

[2] «Известия», 30 июля 1922 г.

[3] Там же.

[4] «Известия», 28 февраля 1922 г.

[5] Известия, 1 марта 1922 г.

[6] «Известия», 11 апреля 1922 г.

[7] «Известия», 27 мая 1922 г.

[8] «Известия», 28 мая 1922 г.

[9] «Известия», 3 июня 1922 г.

[10] Так, Фаина Ставская, сразу после суда была направлена на партийную работу в Крыму, где познакомилась с В.Е. Баранченко и вскоре стала его женой.

[11] «Известия», 9 августа 1922 г.

Часть 8. Необычное в обычном

Орест Кипренский. Вид Везувия в зимнее время

Михаил Голубовский

Беркли, США

Библейские овцы Иакова и генетика

Начну прекрасными словами из предисловия к русскому изданию Брюссельской Библии («Жизнь с Богом», 1983): «Библия – книга совершенно исключительная, неисчерпаемая, книга, в которой все сказано как о Боге, так и человеке... Библия содержит в себе учение религиозного порядка, богооткровенную истину, но и человеческое знание, и вся наша умственная деятельность находит в ней пищу богатства неиссякаемого».

Для биологов Библия остается источником важных сведений. Библия и медицина, Библия и психология, Библия и генетика – увлекательные области изысканий. Но для генетиков в особенности. Ибо генеалогический метод – один из основных в генетике, а Библия вся проникнута родословными. Они прослеживались на многие сотни лет, от Авраама до Давида, затем до переселения в Вавилон и далее до Христа. Это позволило мне проследить наследование в родословной праотца Авраама редкой мутации. Она вызывает нарушение плодовитости и одновременно вызывает склонность к рождению близнецов. (см. Библия и ген. «Звезда». 2002 №3). Тем самым был обоснован довод о реальности, а не мифологичности Авраама и его рода.

В Талмуде зафиксирован и первый пример медико-генетической консультации в отношении мутации гемофилии или кровоточивости. Недуг особенно опасен для народов, где распространен обычай обрезания. До появления хромосомной теории наследование гемофилии представлялось запутанным и капризным. Пораженный болезнью отец почему-то не передает болезнь ни своим сыновьям, ни дочерям. Между тем, от его здоровых дочерей гемофилия передается только внукам. Так случилось в родословной королевы Виктории. От нее мутация попала к последней российской императрице и затем к ее несчастному сыну.

Оказывается, библейские мудрецы, благодаря традиции скрупулезного составления родословных, проникли в сущность

наследования гемофилии глубже, чем биологи и медики вплоть до XX века. В Талмуде есть точное предписание: смерть от кровотечения освобождает от обрезания всех родных братьев умершего младенца, но только по женской линии, а не по мужской. Эта странность стала кристально ясной, когда выяснилось, что ген гемофилии расположен в половой хромосоме, которая от отца передается лишь дочерям, а от них к внукам.

В библейской детективной истории, которую условно называют «овцы Иакова», зафиксирован другой случай проникновения в основы генетики наследования признаков и успешного их применения в селекции. Этому посвящена данная заметка.

Предыстория

Библейская легенда договора Иакова с родным дядей Лаваном хорошо известна. Иаков, младший сын Исаака и Ревекки, правнук Авраама, по наущению матери, обманом получил благословение отца вместо его старшего брата-близнеца Исава. От гнева брата ему пришлось бежать из родительского дома в Вирсавии (ныне Беер Шева) и найти убежище в Месопотамии (Харран). Там жил родной брат Ревекки Лаван, у которого были две дочери Лия и Рахиль. После изнурительного и опасного странствия (на ночлег камень в изголовье), Иаков набрел, наконец, на поле с закрытым камнем колодцем, где пастухи поили овец.

Они сказали ему, что сюда приводит для водопоя овец Лавана его дочь Рахиль. Когда он увидел пастушку Рахиль, то один отвалил тяжелый камень от устья колодца и напоил овец Лавана. А затем от избытка чувств «поцеловал Иаков Рахиль, и возвысил голос свой и заплакал». (Быт.20:11). Современный израильский писатель Меир Шалев, автор прекрасной книги «Библия сегодня», особо обращает внимание на этот неслыханный поступок. Ведь Иаков поцеловал Рахиль на глазах пастухов еще до того, как он, неведомый для нее незнакомец, поведал, что он ее родственник! Так он сразу покорила сердце Рахили. Библия дважды упоминает ее красоту: «красива станом и красива лицом».

Лаван встретил племянника радушно. Прошел месяц. Иаков попросил у Лавана руки Рахили, пообещав за это пасти его скот семь лет. «И служил Иаков за Рахиль семь лет; и они показались ему за несколько дней потому, что он любил ее». Всякий раз при чтении этих строки, - пишет Шалев, « мое сердце обжигает зависть – зависть к тому, кто написал эту историю и сумел сочинить эту прекраснейшую из фраз, и зависть к Иакову, испытывавшему такую великую любовь». Именно эти строки стоят в эпиграфе к стиху «Рахиль» из библейского триптиха Анны Ахматовой. Семь лет Иаков пас и стерег овец и коз Лавана. Пригоняя скот с пастбища и возвращаясь в свой шатер, он

время от времени видел свою возлюбленную. Но безусловно, замечает Шалев, Иаков никогда не оставался с ней наедине. А уж об интимных отношениях до брака и речи тогда быть не могло - 4000 лет назад в земле Харран.

Но когда прошли семь столь долгожданных лет, Иакова ждали ужасный стресс и унижение. Согласно обычаям, вечером после большого свадебного пира, отец невесты вводил ее, покрытую покрывалом, в брачный покой. В эпической ветхозаветной манере Томас Манн живописал томление Иакова перед этим событием. «Иаков сидел, напрягши бедра, и думал о своей мужской стати, от которой зависело теперь счастье и которая вскоре могла и обязана была показать себя в священной темноте спальни» («Иосиф и его братья»).

Но коварный Лаван вместо вожделенной Рахили ввел некрасивую Лию. Этим коварным обманом он вынудил Иакова служить еще семь изнурительных лет за младшую дочь. Шалев просит читателей вообразить напряжение чувств, терзания Рахили, которая лежала в соседнем шатре до зари и воображала происходящее на брачном ложе. Вот проникновенные строки Ахматовой:

Течет над пустыней высокая ночь,
Роняет прохладные росы,
И стонет Лаванова младшая дочь,
Терзая пушистые косы.
Сестру проклиная и Бога хулит,
И Ангелу Смерти явиться велит.

Договор между Иаковом и Лаваном

Четырнадцать лет Иаков «всеми силами» пас скот Лавана. Но затем решил вернуться домой с женами и детьми. «Ты знаешь, как я служил и каков стал скот твой при мне. Ибо мало было у тебя до меня, а стало много» (Быт. 30: 29-30). Лаван попросил Иакова назвать награду за свой труд. Желание Иакова оказалось парадоксальным: «Не давай мне ничего. Если только сделаешь, что я скажу, то я опять буду пасти и стеречь овец твоих». Он предложил вместе с Лаваном пройти по всему стаду, отобрать всех черных овец и всех коз с пятнами или с крапинами и отдать ему как награду. Весь не пятнистый скот возьмет Лаван. А через несколько лет пусть он снова осмотрит стадо и, если увидит там не пятнистых коз и не черных овец, то возьмет их себе без всякого спора - словно «краденое это у меня». Лаван с удовольствием согласился. В тот же день он отобрал всех пятнистых коз и черных овец и отдал пасти этот скот своим сыновьям, назначив расстояние между собой и между Иаковым на три дня пути. Свой скот Лаван доверил пасти Иакову. На том и порешили.

Комментарий к договору

Почему же Иаков, после четырнадцати лет трудной службы, не назвал своей награды, получив которую сразу бы вернулся в желаемый отчий кров? Почему он сделал такой странный выбор - еще ряд тяжелых лет пасти и стеречь скот Лавана? Понять парадокс помогают строки Ахматовой: «Но много премудр сребролюбый Лаван / И жалость ему незнакома. / Он думает: каждый простится обман / Во славу Лаванова дома». Иаков не забыл жестокого обмана. Он уже не верил в честность Лавана. Решившись потом на тайный уход от Лавана, он поведал своим женам: «Отец ваш обманывал меня и раз десять переменял награду мою».

Иаков обоснованно подозревал: любая награда на которую согласился бы сребролюбый Лаван, была бы несоразмерно низкой за четырнадцать лет бесплатного труда. Поэтому он принял необычное решение: взять награду натурой в виде овец и коз. Скот был основой жизненных благ у полукочевых племен. Иаков решил поймать Лавана на его жадности. Он заранее продумал такой способ селекции, чтобы через ряд лет, большинство животных стали нужного для него окраса (термин животноводов) - пятнистые козы и черные овцы.

Лаван, видимо, представлял, что окраска скота наследуется. Поэтому он назначил расстояние между двумя стадами в три дня пути, дабы избежать ненужных скрещиваний. Здесь библейский текст ясно указывает на знание основ селекции у еврейских племен около 4000 лет назад. Но, опытный пастырь Иаков оказался гораздо более искусственным в селекции и более хитроумным!

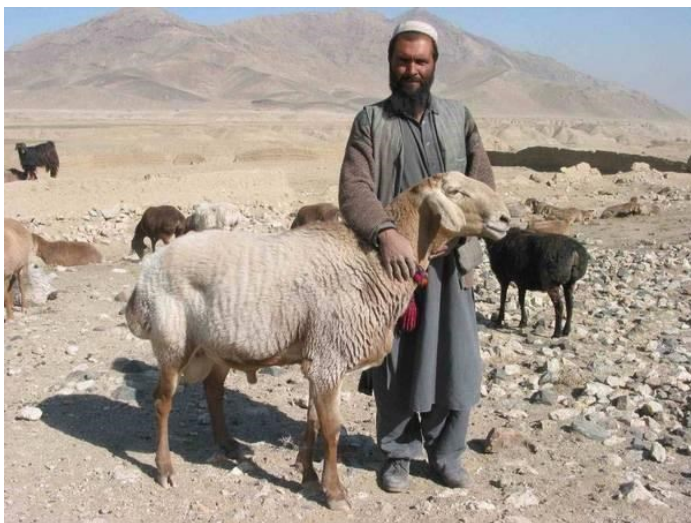
Пастырь в Месопотамии и его овцы

И ползают овцы по злачным стремнинам. И пастырь нисходит к веселым долинам. Пушкин «Кавказ»

Жизнь пастуха в Месопотамии и Палестине была трудной. Никакое стадо не паслось без надзора, и пастух никогда не был свободным. Овцы - пастбищные животные. Они постоянно переходят с места на место, могут заблудиться или скатиться вниз с обрыва. Они нуждаются в постоянном присмотре. Пастбища не были окружены заборами. Пастушьих собак в то время не было. Работа пастуха была опасной, ибо приходилось еще охранять стада от зверей и от разбойников. У пастуха была пастушья сумка из шкуры животного, где он носил свою провизию.

Как оружие нападения и защиты применялась праща. Пастух Давид, будущий царь иудейский, поразил из пращи великана Голиафа. На поясе пастух носил жезл в виде деревянной дубинки с шишкой на конце. Пастух имел и посох – длинную палку с большим крюком на верхнем конце. Этим крюком можно было ловить и подтянуть за ногу удирающую овцу. В конце дня, когда овцы возвращались в загон,

пастух держал свой жезл низко над землей, и каждая овца должна была пройти под ним (Иез.20-27). В это время пастух бегло осматривал овцу, не больна ли, не поранилась ли она за день. Овцы знают голос пастуха и реагируют, когда он зовет их.

Пастух в Афганистане. Видны черные и светлоокрашенные овцы, как в стаде Лавана

Неусыпность и зоркость, мужество, терпеливость, наблюдательность - необходимые черты хорошего пастуха. «Когда он встретится вам на поросшем вереском бугре, где по ночам воют гиены, бдительный, дальнзоркий, обветренный, опирающийся на посох и надзирающий над своим стадом овец, которое разбрелось во все стороны, хотя ни одна овца не покинула его сердца, вы начинаете понимать, почему иудейский пастух оказался впереди еврейской истории, почему его именем назван царь, почему он стал символом заботливости и почему Христос взял именно его в пример самопожертвования». Подобное описание оставил сэр Джордж Адам Смит (1856-1942), видный шотландский теолог, знаток иврита и Библии, объехавший всю Палестину. Иаков был ревностным пастухом. «Вот двадцать лет я был у тебя; овцы твои и козы твои не выкидывали; овнов стада твоего я не ел. Растерзанных не приносил к тебе; это был мой убыток; ты с меня взыскивал, днем ли, что пропадало, ночью ли пропадало. Я томился днем от жара, ночью от стужи, и сон мой убежал от глаз моих» (Быт. 31:38-40).

Методы селекции Иакова

История о том, как Иаков проводил селекцию и скрещивание животных, толковалась многожды. Однако до появления в начале 20-го века законов Менделя толкования оставались произвольными и малоубедительными. Комментаторы по-разному толковали метод селекции Иакова. В современное время этот эпизод обычно излагается как мифология, наивная веру в то, что само лицезрение животными пятнистых прутьев перед зачатием приводит к рождению пятнистого потомства. Томас Манн склонен был полагать, что Иаков открыл одну из чудесных тайн природы: «Он обнаружил явление материнской впечатлительности».

Здесь стоит отвлечься и упомянуть о давней дискуссионной биологической проблеме. Какой момент следует считать началом индивидуального развития организма? Акт оплодотворения спермой яйцеклетки и слияние их ядер с хромосомами и генами? Выдающийся эмбриогенетик Томас Морган, основатель хромосомной теории наследственности, и известные российские эмбриологи и генетики П.Г. Светлов и Л.К. Корочкин резонно полагали, что начало еще ранее, в период созревания яйцеклетки. Ибо именно в это время в яйцеклетке закладывается план строения будущего организма. А когда же появляются сами яйцеклетки? У млекопитающих, включая человека, яйцеклетки как особые клетки, которые обеспечивают преемственность поколений, выделяются и начинают процесс созревания еще на стадии двухмесячного эмбриона. Тут следует напрячь воображение. Это значит, что одна из яйцеклеток, из которой возникает каждый индивид, появилась и стала созревать в то время, когда мама этого индивида была 2-х месячным эмбрионом в утробе у бабушки. Отсюда важные следствия. Яйцеклетка и физически, и генетически связывает три поколения. А второе: условия протекания беременности бабушки могут влиять на проявление признаков и статус здоровья внуков! Ибо разного рода резкие внешние воздействия на раннее эмбриональное развитие (пищевой режим, стрессы, вирусные и бактериальные инфекции) способны вызывать наследуемые изменения активности генов.

В моих с коллегами опытах на дрозофиле (модельном объекте генетики), были обнаружены отдаленные последствия импульсного действия повышенной температуры на девственных самок до оплодотворения, в период созревания у них яйцеклеток и в начале развития зигот. Такой кратковременный стресс влиял на жизнеспособность и продолжительность жизни потомства. Подобные эпигенетические изменения обнаружены у разных животных и человека.

Однако стоит ли из-за таких биологических фактов разделять мнение Бурдюкова из сценки Гоголя «Тяжба»: «Вот у нашего заседателя вся нижняя часть лица баранья, так сказать, как будто

отрезана, и поросла шерстью, совершенно как у барана. А ведь от незначительного обстоятельства: когда покойница рожала, подойди к окну баран и нелегкая подстрекни его заблестать». Верил ли в подобное библейский Иаков в задуманной селекционной программе? В рамках менделевской генетики можно реконструировать успешные действия Иакова.

Окраска кожного покрова и волос млекопитающих зависит от особых клеток (меланоциты), которые несут два варианта пигмента меланина. Один пигмент (эумеланин) определяет темно-коричневую и черную окраску, другой (феомеланин) красновато-желтую. Окрас животного, его конечный фенотип, зависит от концентрации и распределения этих пигментов в клетках. У овец и коз найдено более 10 генов, которые влияют на окраску волос (шерсти). Главный ген окраски называется «агути» (Agouti) и обозначается символом «А». Найдена серия вариантов (или аллелей) этого гена. Игра разных генов в скрещиваниях у овец и коз несколько различается. Рассмотрим их эскизно.

Овцы и действие гена «агути»

Овцы, несущие доминантный вариант (аллель) гена, обозначаемого символом А, имеют полностью белую, беловатую или окраску цвета загара. Этот признак доминирует у потомков от скрещиваний овец с другими вариантами окраски (символ «а»). В 2008 году австралийские генетики установили, что у большинства пород белых по окрасу овец, участок хромосомы, где расположен ген агути, удвоен или утроен. Такая мутация блокирует действие генов окраски в потомстве любых гибридных скрещиваний. Сходный доминантный эффект удвоения и утроения гена был установлен еще в 1920-е годы на дрозофиле.

Каждый ген в организме находится в двух вариантах - один от самки, другой от самца. В отношении гена агути животные могут быть трех генотипов, обозначая их символами (новация Менделя): AA, Aa и aa. Овцы с двумя одинаковыми аллелями AA (гомозиготы) и овцы генотипа Aa (гетерозиготы), будут белыми. Овцы aa с двумя рецессивными аллелями будут черными. Лаван видимо полагал, что если отделить из стада всех черных овец, то оставшиеся белые овцы будут приносить лишь белое потомство. Но Лаван просчитался. При свободных скрещиваниях в исходном стаде овцы черного цвета покрывались и белыми самцами. В потомстве возникали гетерозиготы Aa, носители рецессивного аллеля. Их скрещивания между собой (Aa x Aa), порождали, по законам Менделя, потомство в генном соотношении 1AA: 2Aa: 1aa. Или, что касается окраски шерсти, в соотношении 75% белых (AA+2Aa) и 25% черных овец (aa). Такова школьная ныне менделевская алгебра.

Приведу аналогию с наследованием цвета глаз у человека. Цвет глаз зависит от действия нескольких генов. Они определяют концентрацию и распределение пигмента меланина в радужной оболочке. Основная наследственная дихотомия: коричневые глаза - голубые / синие глаза. Голубые глаза – рецессивный признак, а карие глаза - доминантный. В 1985 г. в США была собрана статистика по цвету глаз у разных этнических групп, родившихся в 1957-1965 гг. У белых американцев коричневый цвет глаз был отмечен у 34,1% лиц, а сине-голубой у 33,0%. Чернокожие американцы в 98 % случаев имели коричневый или черный цвет глаз. По контрасту, частота голубоглазых людей в Эстонии достигает 99%.

В браках двух голубоглазых лиц потомство ожидается всегда голубоглазое. Но люди с карими или черными глазами («очи черные, очи страстные») могут быть скрытыми носителями аллеля голубоглазости, который у них внешне не проявляется. В потомстве от браков кареглазых гетерозигот друг с другом ожидается 25% голубоглазых. Каждый человек хорошо знает подобные семейные примеры. А в потомстве от браков кареглазых гетерозигот с голубоглазыми партнерами ($Aa \times aa$), рецессивная голубоглазость (aa) ожидается уже в 50% случаев.

Теперь занятая история в духе «овец Иакова». О ней поведала в своих мемуарах замечательный генетик старшего поколения Зоя Сафрониевна Никоро. В 1927 г Наркомзем СССР решил усиленно развивать кролиководство и призвал генетиков помочь закупить за границей ценные породы. Ранее в Германии нашли рецессивную мутацию «рекс» и вывели на ее основе ценную породу с короткой шерстью и черного цвета. Однако, ее вывоз тогда запретили, желая сохранить монополию. Но известный генетик А.С. Серебровский договорился с немецкими генетиками и вывез через таможенную нормальную по фенотипу кроликов, гетерозиготных по мутации «рекс». В их потомстве здесь уже легко вывели гомозигот. На зоологическом научном симпозиуме в Киеве в 1930 г. был сделан доклад об этой истории, «рапортующий» о получении важной для практики породы. Доклад вызвал резко негативный отклик «чистого генетика» проф. Ю.А. Филипченко (завкафедрой генетики ЛГУ): а при чем здесь наука: это простое применение законов Менделя.

Возвратимся к «нашим баранам». Черные овцы из исходного стада достались Иакову. Их пасли, согласно желанию Лавана, в трех днях пути сыновья Лавана. Хитрован Лаван знал: его сыновья не будут особо стараться увеличивать поголовье черных овец Иакова. А вот своих белых Лаван доверил пасти искусному пастырю Иакову. По своей наблюдательности и долгому пастырскому опыту он был уверен, что в потомстве белых овец могут и будут возникать черные овцы. На практике он поступал как нынешние селекционеры, проводя

избирательные скрещивания по законам Менделя. Это следует из текста Библии.

Хорошее генетическое истолкование селекционного метода Иакова рассмотрено в статье Пирсона (J. Pearson. Science and Christian Believe. 2001. vol.13, №1). Автор предположил такой сценарий. Примем, что в начале договора соотношение овец по окрасу в исходном стаде было около 80 % белых овец (они отошли к Лавану), а остальные отошли к Иакову. Это вполне устраивало Лавана, а на меньшую долю не согласился бы Иаков.

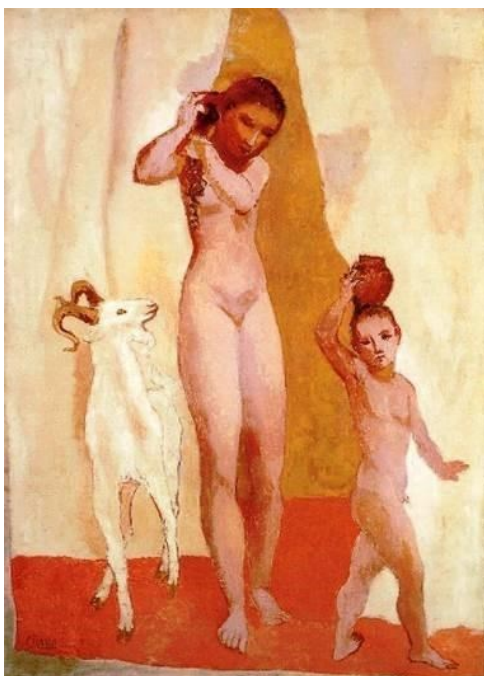
Иаков получил в свое распоряжение белых самцов и самок с генотипами AA и Aa. В исходном стаде при отсутствии ограничений, среди других скрещивались между собой и гетерозиготные самки и самки (Aa x Aa). А в их потомстве в 25% случаев будут возникать черные гомозиготы aa (менделевский закон расщепления). По расчетам, уже после первого сезона размножения белых овец, доставшихся Иакову, доля черных овец от всего потомства составит 1/12. Можно полагать общее число овец в стаде не менее 200 голов (Быт. 32: 13). Тогда в таком стаде уже после первого сезона репродукции в распоряжении у Иакова станет около 17 родившихся черных овец. Половина из них будут самцы, которые через 6-7 месяцев становятся половозрелыми. Здоровый баран в сезон размножения способен оплодотворить 30 - 40 самок, а козел еще больше (длительность полового акта у овец и коз всего 2-5 секунд).

Селекционная программа Иакова состояла в том, чтобы только черные самцы допускались для размножения и покрывали всех самок в стаде. Белые самцы и старые белые самки удалялись из стада (прокорм, продажа, обмен на другие товары). При такой селекции уже к 6-ому поколению доля черных овец в стаде станет более 90% (расчеты в цитированной статье Пирсона).

Каким образом Иаков контролировал скрещивания

Сезон размножения овец - осенью и до начала весны. Скрещивания происходили обычно в местах, куда животные приходили пить. Там же оплодотворялись готовые к скрещиванию самки (Быт. 30:38). Эструс (течка) у овец и коз происходит через 21 день и длится 48 часов, беременность - около 5 месяцев. По замыслу Иакова, только черные бараны покрывали всех самок каждый сезон размножения. Пятнистые прутья, которые изготовлял Иаков, могли просто служить загоном для изоляции белых самцов во время контролируемых зачатий. А также для рождавшихся черных ягнят, которые содержались отдельно: «и держал свои стада особо и не ставил их вместе со скотом Лавана», Быт. 39:40.

Пятнистые козы: отбор Иакова

П. Пикассо. Девушка с козой. 1906

В генетике окраса у овец и коз много общего. Но есть и определенные отличия. Палитра наследуемых вариаций окраски шерсти у коз разнообразнее, а мутации пятнистости встречаются гораздо чаще. Главный ген окраски у коз также «агути» но его разные аллели могут вызывать пятнистую окраску, а не сплошную. У коз имеются другие особые гены «белой пятнистости» (White –spotting). Они вызывают появление белых пятен на любом окрашенном фоне. Пятнистые козы, выбранные Иаковым в награду, могли содержать подобные гены. «И отделил в тот день козлов пестрых и с пятнами, и всех коз, на которых было несколько белого, и всех черных овец, и отдал на руки сыновья своим».Быт. 30-35. Здесь ясно указано и на селекционные различия по окраске между козами и овцами. Именно в случае коз различие между двумя стадами всегда указывалось по принципу: пятнистый - сплошная окраска.

Иаков выбрал коз с пятнами и крапинами на белом фоне. Овцы Лавана имели сплошную окраску. Вот возможный сценарий селекционной программы Иакова. Допустим, возникновение белых пятен на темном фоне зависит от определенной рецессивной мутации. Обозначим ее символом s^* (spotting –пятнистость), альтернативный доминантный вариант данного гена обозначим S . Тогда пятнистые

kozy будут иметь генотип s^*s^* ; козы со сплошной окраской - генотипы Ss^* и SS . Цель Иакова - получить пятнистых коз потомстве сплошных по окраске и увеличить их поголовье. Несомненно, из своего долгого 14-летнего опыта он заранее представлял, что это возможно и как этого добиться!

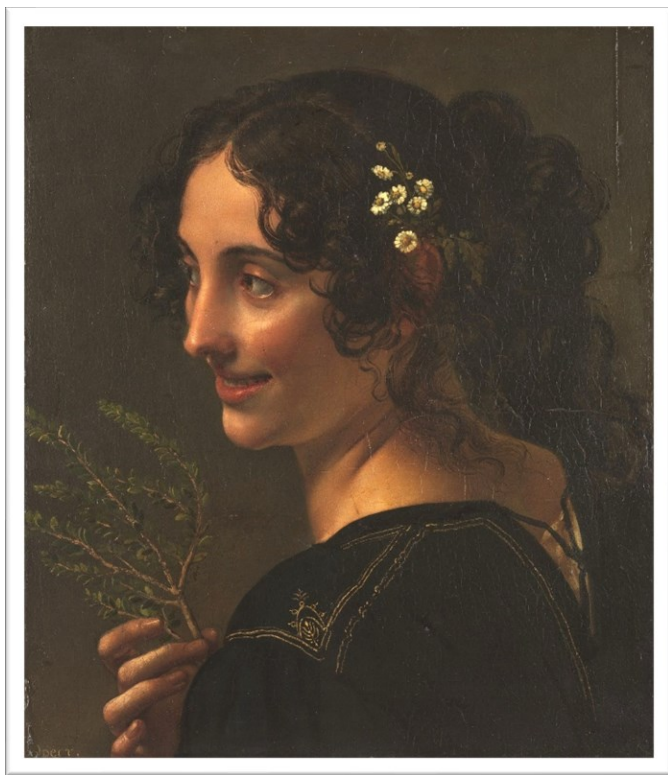
Сплошные по окраске самки коз, которые поначалу достались Иакову, не были девственными. В исходном стаде происходили свободные скрещивания независимо от окраски животных. В их числе были скрещивания гетерозигот $Ss^* \times Ss^*$, в потомстве которых происходит менделевское расщепление и в 25% случаев ожидаются козы генотипа s^*s^* - пятнистые по окраске. Далее Иаков проводил селекцию так же, как и с овцами.

Только пятнистые козлы (s^*s^*) в местах водопоя допускались к скрещиванию со всеми козами. Получавшиеся в их потомстве пятнистые козлята держались в отдельных загонах. И далее - по сходной с овцами программе. Пятнистые прутья могли лишь маркировать загон, где происходили контролируемые скрещивания и где потом содержалась и выращивалась пятнистые козлята. Нет необходимости прямолинейно понимать библейские строки о том, что лицемерие пятнистых прутьев во время зачатия, вызывало пятнистое потомство. Излишне привлекать в данном случае и новейшие факты эпигенетической наследственности. Достаточно известных законов Менделя.

Поразительно другое. Интуитивное, настоянное на долгом опыте проникновение Иакова в основные менделевские принципы наследования признаков. Конечно, Библия при описании реальных фактов и событий, связывает их с богооткровением и теологически осмысляет. Иаков свой успех в селекции связывал с божественным покровительством. Он признался Лии и Рахили, что во время сезона размножения ему во сне явился Ангел Божий и посоветовал, чтобы «все козлы, поднявшиеся на скот» были пестрые, с крапинами и пятнами». Иаков верил: ему помогал «Бог отца моего, Бог Авраама и страх Исаака», Быт.31:42. Он поведал также дочерям Лавана, сколько козней чинил ему их отец. И вот в отместку «отнял Бог скот у отца вашего и дал его мне».

Вспоминается известная притча о Нильсе Боре. На двери его дома висела подкова. Бора спросили, неужели он, такой великий физик, верит в благое влияние подковы? Бор ответил: он не верит, но говорят, подкова приносит успех и удачу даже тем, кто в нее не верит. Сходным образом религиозное мировидение и мироощущение, и опытное знание могут парадоксально и вполне гармонично переплетаться, что доказывает и эта статья.

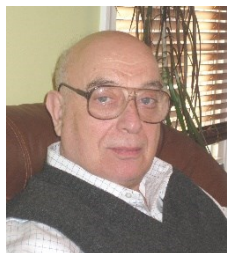
Часть 9. Свойства страсти

Орест Кипренский. Цыганка

Виктор Финкель

Филадельфия, США

Крейцерово безумие. Этюд о ревности

В шалэ берёзовом, совсем игрушечном и комфортабельном,
У зеркалозера, в лесу одобренном, в июне севера,
Убила девушка, в смущеньи ревности, ударом сабельным
Слепого юношу, в чьё ослепление так слепо верила.
Игорь Северянин. «В шалэ березовом»

ДАНТЕ – ФРАНЧЕСКА ДА РАМИНИ – ДЖОВАННИ МАЛАТЕСТА

Франческа? Она? Да Римини? Теперь я узнал: обманула!
К другому, тоскуя, она поцелуем болящим прильнула.
Я вспомнил: он был моим другом, надежным слугою,
он шлейф с кружевами, как паж, носил за тобою.
Я вижу: мы двое в постели, а тайно он между.
Убить? Мы в аду. Оставьте у входа надежду!
О, пытки моей беспощадная ежедневность! ...
Семён Кирсанов. «Ад»

И прежде всего, мы обратимся к «Божественной Комедии» Данте. Дело в том, что Знатный род Малатеста, правил в Римини с конца дученто (Дученто (ит. duecento — двести) — итальянское название XIII века, которое в истории культуры и искусства используется для обозначения определённого периода в развитии итальянского искусства Возрождения. Дученто — начало Проторенессанса) до конца кватроченто ((итал. quattrocento, «четыреста», сокращенно от mille quattrocento — «тысяча четыреста») — общепринятое обозначение эпохи итальянского искусства XV века, соотносимой с периодом Раннего Возрождения). «Малатеста» в переводе означает «дурная голова», по преданию, это прозвище основателю рода дал император

Рудольф. В последующие века представители этого рода вполне оправдали свое имя, совершив немало убийств и злых дел [3]. «А все Малатеста - «из племени псов, алчущих крови» [6].

В частности, правители из рода Малатеста часто убивали своих жен.

Даже в то время, когда яд и кинжал были обычными способами урегулирования семейных конфликтов, один из них, Сиджизмондо, считался очень жестоким человеком. Признавая его таланты как правителя, историки обвиняют его в многочисленных преступлениях, убийствах, изнасилованиях, кровосмешении, ограблении церквей, предательстве, измене присяге и т. д. Сиджизмондо приписывают ужаснейшие поступки: покушение на изнасилование собственного сына Роберта, защищавшегося кинжалом; изнасилование своей же дочери, забеременевшей от него. Папа Пий II, сказал о Сиджизмондо так:

«Сигизмунд Малатеста был в такой степени не воздержан в разврате, что насиловал своих дочерей и своего зятя... В его глазах, брак никогда не был священным. Он осквернял монахинь, насиловал евреек, что же касается мальчиков и молодых девушек, которые не хотели согласиться добровольно на его предложения, он или предавал их смерти, или мучил жестоким образом. Он сходил с некоторыми замужними женщинами, детей которых он раньше крестил, а мужей их он убивал». [3].

Все эти детали остались на страницах истории и интересны специалистам. Однако один эпизод оказался значимым и для последующих поколений, и не только Италии, но и для миллионов людей во всех странах мира. Именно с родом Малатеста связана история трагической любви Франчески да Римини, изменившей своему супругу Джованни Малатеста с его младшим братом и убитой вместе с любовником в 1285 году.

В 1200 году две семьи, Да Полента из Равенны и Малатеста из Римини, были наиболее влиятельными в политической жизни региона Романьи. В 1239 году правителем Римини был Малатеста из Веруккьо (Malatesta da Verucchio), у которого было четверо детей: Джованни (Giovanni), по прозвищу Джанчотто-Хромой, так как был безобразен и имел пороки при рождении, Малатестино (Malatestino), Паоло Прекрасный (Paolo Il Bello) и Маддалена (Maddalena) [4].

С малого возраста дети Малатесты были политически образованы и всегда сопровождали отца на различных переговорах. В особенности отличались в этом Джанчотто и Паоло. Оба в 1265 году воевали против Гуидо из Монтефельтро (Guido da Montefeltro) и Траветсари (Traversari) при поддержке Да Полента. В 1275 году, решив отпраздновать победу и закрепить союз, главы семейств договорились породниться: первенец Малатесты, Джанчотто, должен был повести под венец дочь

Да Полента, Франческу. Интуитивно родители Франчески понимали, что дочь никогда не захочет выйти замуж за калеку, и тогда было решено ввести дочь в заблуждение: молодой и прекрасный Паоло должен был жениться на Франческе по доверенности от старшего брата, и внушить, что он и есть ее настоящий муж [4].

Увидев из окна молодого и энергичного юношу, девушка была очарована и без промедления дала согласие на брак. На следующее утро она поняла, что лежит рядом с неприятным и безобразным стариком, это был Джанчотто. ... Несмотря на разочарование и обман, Франческа родила для Джанчотто дочь, Конкордию (Concordia), которая после убийства матери и второго бракосочетания отца, была отправлена в монастырь Сантарканджело ди Романья (Santarcangelo di Romagna) [4].

Через некоторое время в 1282 году Паоло, благодаря своей врожденной дипломатии, был назначен римским папой Мартином IV губернатором Флоренции, а Джанчотто в это время стал мэром города Пезаро. В 1283 году Паоло вернулся в Романью. И, обосновавшись около Градары, стал частым гостем в замке у Джанчотто, встречаясь также и с его женой. Во время одной из таких встреч, молодые были застигнуты врасплох Малатестино дель Очьо (Malatestino dell'occhio), младшим братом Паоло и Джанчотто. Он рассказал своему старшему брату об увиденном. После чего Джанчотто сделал вид, что уехал в Пезаро. Но внезапно вернувшись в замок, он застал Франческу и Паоло вместе в комнате [4].

Читая любовную историю Ланселота и Гвинеvры, молодые были наполнены безграничной страстью и ... поцеловались. В это время в комнату влетел разъяренный Джанчотто и обнажил свой меч. Паоло пытался бежать через люк, но зацепившись одеждой, не смог завершить свой побег. В тот момент, когда Джанчотто решил вонзить меч в брата, между ними встала Франческа и была убита вместе с Паоло. Так, ослепленный ревностью и гневом, Джанчотто убил обоих. [4]

Эта история любви вдохновила многих художников и поэтов разных времен на создание шедевров. Трагическая любовь Паоло и Франчески была воспета Данте Алигьери в «Божественной комедии», Песнь V, «Ад». Франческа с Паоло, убитые без покаяния, осуждены на вечные муки. Они находятся во втором круге преисподней, где души прелюбодеев кружит вечная буря, не давая им ни мгновения покоя.

37. И я узнал, что этот круг мучений
Для тех, кого земная плоть звала,
Кто предал разум власти вожделений.

Бесконечный вихрь несет их среди прелюбодеев и эротоманов:

31. То адский ветер, отдыха не зная,
Мчит сонмы душ среди окрестной мглы
И мучит их, крутя и истязая.

Франческа Малатеста, известная в искусстве как да Римини, — первая грешница, с которой Данте Алигьери разговорился в Аду.

С легкой руки Данте, Франческа да Римини (итал. Francesca da Rimini, Francesca da Polenta; ок. 1255 — около 1285) стала одним из вечных образов в европейской культуре. Её трагическая судьба запечатлена в произведениях литературы, живописи, и кинематографа. Сюжет об их любви заимствовали из «Божественной Комедии» многие деятели искусства, в частности поэты Джон Китс и Габриэле д'Аннунцио, композиторы Петр Чайковский и Сергей Рахманинов, этим сюжетом вдохновлялся и Огюст Роден — знаменитая скульптура «Поцелуй» сначала называлась «Франческа да Римини». [5].

Но дело-то в том, что убивать свою жену Франческу Джанчотто не хотел! Как пишет Боккаччо, «...Разъяренный супруг, неожиданно нагрянув домой, начал ломиться в дверь спальни, откуда его жена в этот момент в панике выпроваживала Малатесту-младшего через другой выход. Франческа впустила мужа в комнату, думая, что Паоло уже скрылся, а молодой человек меж тем зацепился одеждой за железный крюк, торчащий из двери, и не успел высвободиться, когда брат бросился на него с мечом. Женщина кинулась между ними, закрыв собой возлюбленного от удара», а Джованни, как писал Боккаччо, «уже замахнулся рукой с мечом и весь устремился с этим ударом, — и случилось то, чего он не желал бы, так как раньше меч рассек грудь Франчески, чем он приблизился к Паоло». Джованни был потрясен произошедшим, «так как любил жену больше самого себя». Вторым ударом ревнивец зарубил Паоло.» [7].

Данте предрек Джованни Малатесте вечные муки во льдах за содеянное, но в земной жизни знатный сеньор не понес наказания за убийство. В 1286 году он снова женился - на Джиневре из Фаэнцы, у них родилось пятеро детей; он до самой смерти правил городом Пезаро. [8].

Как бы то ни было, но мужу Франчески, предсказаны мучения в самом нижнем и страшном круге Ада, предназначенном для худших изменников, ведь Джованни Малатеста — убийца ближайших родственников, предавший святость семейных уз.

И тут мы вступаем на спорную территорию. Ведь Данте знает, что Джованни Малатеста жив, и тем не менее «прописывает» его на самое дно Ада. И это не ошибка, а аргументированная логика Данте. Дело в

том, что, по мнению Данте, убийцы теряют душу раньше, чем тело, а в уже обездуховленное тело вселяется бес (Ад. Песнь 33):

124. Здесь в Таломее, так заведено,
Что часто души, раньше, чем сразила
Их Атропос, уже летят на дно.

127. И чтоб тебе еще приятней было
Снять у меня стеклянный полог с глаз
Знай, что едва предательство свершила,

130. Как я, душа, вселяется тотчас
Ей в тело бес, и в нем он остается,
Доколе срок для плоти не угас.

И еще раз в этой же главе Данте пишет о душе Бранка д'Орья «Душа Бранка д'Орья оказалась в ледяном озере еще раньше, чем душа убитого им на пиру Мигеле Цанке (А., XXII, 88) направилась в смоляной ров, где казнятся мздоимцы (А., XXI - XXII). В теле Бранка д'Орья дьявол занял место души, как только она замыслила вероломное убийство. Та же участь постигла его сородича, соучастника преступления». (Данте Божественная Комедия. Перевод Лозинского. 1967. Примечания)

142. И дух в ответ: «В смолой кипящий ров
Еще Микеле Цанке не направил,
С землею разлучась, своих шагов,

145. Как этот беса во плоти оставил
Взамен себя, с сородичем одним,
С которым вместе он себя прославил.

В тексте Данте используется слово «бес», а в Примечаниях – «дьявол». Для проверки я обратился к английскому переводу «Божественной комедии» - Dante: The Divine Comedy. [9]. Дело в том, что в отличие от рифмованного текста перевода М.Лозинского, американский перевод выполнен в прозе, не стеснен рифмой, а стало быть, более точен. Фрагменты, содержащие слово «бес» у М. Лозинского, здесь в переводе на русский выглядят так:

...знай, что когда душа предает, как предала моя, ее тело забирает у нее демон, ..., который управляет им после этого, пока его время не закончится.

....этот человек оставил дьявола на своем месте в своем собственном теле, ...

Итак, следуя Данте, человек, замысливший убийство, теряет душу, следующую напрямик в Ад. А сам человек вместо души имеет Дьявола, руководящего сейчас и впредь его поведением!!! И подобное существо человек-Дьявол может долго жить на Земле и творить «черт» знает что!

154. С гнуснейшим из романцев заодно

Я встретил одного из вас, который
Душой в Коците погружен давно,

157. А телом здесь обманывает взоры.

В английском переводе прозой это звучит так:

Я обнаружил, что худшим духом Романы был один из вас, который за свои поступки даже сейчас купается, как душа, в Коките, и до сих пор кажется живым на земле, в собственном теле.

Так вот, не совершают ли убийство из-за ревности люди, которые и до этого эпизода были Человеко-Дьяволами или стали ими в момент самого убийства либо непосредственно перед ним? Короче: не дьявол ли руководит ими в момент убийства? Не его ли злая воля ведет руку убийцы-ревнивца?

ШЕКСПИР - ДЕЗДЕМОНА - ОТЕЛЛО

Даже ревность может стать великой,
если прикоснется к ней Отелло...

Маргарита Алигер. «Летний день заметно убывает»

Каждый раз, когда мы анализируем произведение великого поэта, целесообразно приложить к нему не только материалистическую линейку, что делают практически все, но и пространственное, многомерное измерение и мысленное ощупывание компьютером иррациональности. Надо всегда помнить, что рукой гениального поэта, а тем более гениального среди гениальных, зачастую, руководят не его талант и не его мозг, а Высшие Силы, точнее, Воля Господа!

В связи с этим, прежде всего, давайте посмотрим на лексический фон «Отелло». Воспользуемся для этого переводом П.Вайнберга. В сравнительно небольшом произведении не менее двадцати одного раза используются слова Дьявол, Сатана, Демон и смежные с ними. Автор оригинален и изобретателен. Это «Дьявольский плут!» «Демону опьянения было угодно уступить место демону ярости», «Прекрасный

этот демон», «Затем, что тут гнездится дьяволенок!», «Скажите мне: не адские ли козни,/Не злейшая ль насмешка сатаны», «Твой взгляд мою низринет душу с неба,/А дьяволы подхватят налету», «Ответит вам вот этот полудьявол./К чему мой дух и тело страшно так опутал он?»».

Не менее десяти раз используется слово «черт». Это: «Черт вас в деда превратит», «Брось гнусную догадку в зубы к черту», «Я на ноги смотрю его; но это/Все выдумки; коль ты и вправду черт,/Убить тебя мне, верно, не удастся».

Слово «ад» частый гость на страницах «Отелло» (не менее 15 раз): «дно глубоких адских бездн.», «...сама себя ты аду/Отдай теперь, а то ведь даже черти,/Взглянув в твое небесное лицо,/Тебя схватить, пожалуй, побоятся...», «Муки адские», «Происки ада», «И в адскую наружность облекися», «милая привратница в аду», «Пусть ад его все кости сгложет!».

Таков словесный фон «Отелло». И это при всем том, что главный герой этой трагедийной пьесы, по отзывам всех её персонажей, фигура светлая, отличающаяся величию души и добродушным нравом: достойнейший правитель, смелый и бесстрашный полководец, «благородный мавр,/Которого сенат наш называет/Всех совершенств полнейшим образцом». Человек, о котором Дож Венеции говорит будущему тестю:

Почтеннейший сеньор, коль добродетель,
Как красота, прекрасна, то ваш зять,
Поверьте мне, не черен, а прекрасен.

А все дело в том, что движущей силой этой трагедии является отнюдь не Отелло. Со всеми его сильными чертами, перечисленными выше, Отелло оказывается определенно беззащитным при встрече с грозным соперником. Классическое замечание А.С.Пушкина, безусловно, правильно: «Отелло от природы не ревнив — напротив: он доверчив». И это обстоятельство, четко оцененное Яго,

....у мавра
Такой простой и добродушный нрав,
Что честным он считает человека,
Умевшего прикинуться таким.
И за нос так водить его удобно,
Как и ослов

позволяет ему овладеть мышлением и поведением незаурядного и выдающегося человека, генерала и правителя Отелло. Вот его ход:

Так в мавра я вселю такую ревность,
С которою не справится рассудок...

Что я его искусно превращаю
В полнейшего осла и довожу
От мирного покоя до безумья.

Из доброты ж её сплету я сеть
И ею всех покрою.

При этом, Яго предельно циничен. И если ему это необходимо, в ход пойдет и Священное Писание:

А в ревности и самая безделка,
Хоть легкая, как воздух, так важна,
Как доводы священного писания.
Из этого уж выйдет что-нибудь,
Мавр без того моим напитан ядом;
А для таких натур и подозренье,
Нелепая догадка – тот же яд.
Сперва он слаб, едва и вкусу слышен,
А чуть на кровь попал – как копи серы,
Он жжет ее. Я это прежде знал...
Вот он идет. Ни мак, ни мандрагора,
Ни зелья все, какие есть на свете,
Не возвратят тебе тот мирный сон,
Которым ты вчера еще был счастлив.

И вот мы уже слышим стонущего Отелло:

Прочь! Ты меня ужасной пытке предал!

До кровавой развязки остался один лишь шаг, и он контролируется и управляется все тем же утонченным и ухмыляющимся внутри садистом Яго:

...Но только, генерал,
Терпение! Иначе я уверюсь,
Что бешенству совсем вы отдались
И что в вас нет уж ничего людского.

Яго так раскачал психику генерала, смелого и бесстрашного полководца, мужественного и благородного воина и чудесного человека, что Отелло, - интеллектуально и физически мощная

индивидуальность, - распался под ударами ревности за считанные дни и, вопреки своей любви, пошел на убийство.

Итак, основными пружиной, мотором, движущей силой трагедии является не Отелло, который всего лишь объект приложения злых сил. Яго - вот он, ядерный реактор, изобретательно накачивающий злую энергию во всех эпизодах трагедии! Именно черный, мрачный, коварный цвет этой личности и определяет общий фон всей пьесы. Более того, осмелюсь предположить, что её следовало бы назвать не «Отелло», а «Яго»! Однако политкорректность, видимо, существовала и в 1604 году...

Итак, мы подходим к важнейшему вопросу, кто же такой Яго? С точки зрения литературоведческой, Яго — главный антагонист пьесы Уильяма Шекспира «Отелло». Википедия разъясняет этот термин следующим образом:

«Антагонист (греч. ἀνταγωνιστής «противник»; от др.-греч. ἀντί «напротив» + αγωνίζομαι «состязаться», αγωνιστής «борец») — нечто, действующее противоположным образом; также соперник.

Антагонист — персонаж, противодействующий протагонисту.

Протагонист (греч. πρωταγωνιστής: πρώτος «первый» + αγωνίζομαι «состязаться», αγωνιστής «борец») — главный герой, центральное действующее лицо, актёр, играющий главную роль в произведении и т. д. Противопоставляется антагонисту».

В рамках этих определений и следуют безусловно материалистические, литературоведческие оценки личности Яго. Они, в среднем, одинаковы. Вот одна из них – Александр Андеев «Шекспир. Отелло. Мир Яго - мир Отелло». [10].

«Яго – злодей со своей философией... Кстати, бесстыдство, склонность к глумлению, по-видимому, родовая черта подобных людей... Имморализм Яго основан на том, что ценности других, что называется «нельзя пощупать»... Все должны быть одинаковы с точки зрения аморальности – вот идеальный миропорядок Яго.

Отелло не только нравственный человек – он еще и крупная личность. Он талантливый полководец, великодушный человек. Он пробил себе дорогу вверх исключительно своими способностями, без чьей-либо поддержки и стал высокопоставленной персоной, несмотря на свое расовое отличие. Как может Яго победить такого человека? Конечно же, сражаясь с ним на своей территории, сделав его безнравственным, опустив до своего уровня....

И с Отелло Яго продельывает подобную работу. Он начинает со смущенных полунамеков, и когда любопытство мавра привлечено, говорит, что возможно, что-то неладное с Дездемоной. "Ревности остерегайтесь, Зеленоглазой ведьмы, генерал", - издевается под видом заботы наперед все знающий Яго. И не зря, первая уступка сделана: "Нет, Яго, я сначала посмотрю,/ Увижу что-нибудь, проверю,/"

А выясню, до ревности ли тут?". Допущена сама мысль, а значит негодяй получает карт-бланш. После небольшой порции новых, более определенных намеков, уже на конкретного соперника, Кассио, он вынуждает Отелло сказать: "Я потерял ее, и я обманут./ Мне может только ненависть помочь". И он уже жертва Яго. Дальше падение идет быстро и ужасающе. Цепь провокаций, подстроенных Яго приводит Отелло в состояние, когда он не способен рассуждать. В таком состоянии человек легко управляем, что Яго и делает виртуозно, уговаривая Отелло убить Дездемону и получая от него разрешение убить Кассио.

Яго торжествует.

Убита Дездемона. Погублен Отелло. Убита Эмилия, фактически отрекшаяся от мужа. Кассио ранен. Только случай отдает Яго в руки правосудия. Повержены все благородные люди.

Почему? Доверие благородных людей друг к другу, тот пакт о ненападении, который заключают они как союзники, имеет великую силу, так как оно объединяет усилия людей в достижении совместных целей, оно усиливает и каждого в отдельности и всех. Но оно же является и слабым местом. Как только таким благом пользует мерзавец, он уничтожает всех и вся, строя свой страшенький "счастливый" мирок.

Эта трагедия происходила и происходит. Правда, несмотря на происки мерзавцев, человечеству до последнего времени удавалось сбросить с себя путы "яго", этих "гениев посредственности", и двигаться вперед. Надеюсь, что человечеству удастся справиться с "яго", уменьшить проблему обмана доверившихся, и двигаться дальше, к настоящему счастью, а не фальшивке из "Законов" Платона».

Шаг вперед делает Георг Брандекс (Неизвестный Шекспир. Кто, если не он [= Шекспир. Жизнь и произведения] [11].

В Главе 49. «Отелло». — «Значение и характер Яго» Георг Брандекс пишет:

«Он не злое начало, не старозаветный дьявол, который, как известно, глуп, и не мильтоновский дьявол, который любит независимость и изобретает огнестрельное оружие, и не гетевский Мефистофель, говорящий цинизмы, умеющий делаться необходимым и по большей части оказывающийся правым, — и в то же время он не величие в неустрашимой злобе, не Цезарь Борджиа, наполнивший свою жизнь ужасными деяниями.

Нет, в великом олицетворении Яго — это завистливое недоброжелательство, выступающее в человеческой жизни державной силой, самим двигателем ее, это отвращение к чужим совершенствам, проявляющееся в упорном отрицании этих преимуществ, в недоверии или пренебрежительном к ним отношении;

это инстинктивная произвольная ненависть ко всему открытому, прекрасному, светлому, доброму и великому.

Этот полудьявол постоянно старается объяснить самому себе свою ненависть, постоянно чуть не дурачит самого себя, представляя себе половинчатые побуждения, в которые он немножко верит и в сильной степени не верит.

Но Яго, несколькими строками выше сказавший об Отелло, что у него «верная, нежная и благородная душа», тысячу раз слишком умен, чтобы думать, будто он обманут мавром; ведь он же видит сквозь него, как сквозь стекло. Он медленно и настойчиво отравлял душу Отелло. Мы можем проследить действие яда на простодушного мавра и видим, как сам тот факт, что процесс отравления удался, все более и более ожесточает и опьяняет Яго. Но откуда яд проник в душу Яго, об этом было бы нелогично спрашивать, да и сам он не может на это ответить. Змея ядовита по природе и производит яд, как шелковичный червь свою пряжу, как фиалка свое благоухание.»

Итак, у Георга Брандекса Яго – полудьявол! К слову, оказывается, Яго — род семейства куньих акул.

Намного дальше Брандекса идет Александр Блок: А.А. Блок. Тайный смысл трагедии "Отелло". [12].

Вот что пишет он о Яго и о трагедии, в целом:

«... нет в Яго этих нарочито отвратительных черт, нет в его наружности ничего гнусного, что грубо бросилось бы в глаза; это - не простой мерзавец, это - "дорогой мерзавец". "Честный Яго" - так зовут его все, и это - правда, остающаяся правдой до конца, ибо честно стоит Яго на своем черном и дьявольском пути, честно служит он черту, честно отдает ему всю силу своего недюжинного ума и таланта. Потому хотелось бы видеть и Яго так же непохожим на всех окружающих, как непохожи Отелло и Дездемона. Только он светится изнутри иным, темным огнем, какое-то черное сияние окружает его, и кажется все время, что если неожиданно ночью осветить его фонарем, то на стене заплещет не тень поручика Яго, а какая-то другая, бесконечно уродливая и страшная тень...

Если бы нам удалось должным образом ... вскрыть тот тайный смысл, которого не уберешь из трагедии Шекспира, мы, думаю, достигли бы многого, и достижения наши превзошли бы все ожидания, о которых мы только можем гадать и на которые можем надеяться.

Обнаружив тайный, скрытый в трагедии Шекспира смысл, мы достигнем того очищения, того катарсиса, который требуется от трагедии; тогда по-новому прозвучит нам заключительное слово о "грустном событии". Ужас озарится улыбкой грусти, как хотел этого Шекспир».

Итак, из короткого, но весомого текста Александра Блока следуют, по меньшей мере, четыре вывода:

1. Яго, не мелкий или крупный злодей. Он, собственно, и не человек, вообще. Яго – Дьявол.
2. Существует тайный, скрытый смысл трагедии Шекспира.
3. «Ужас озарится улыбкой грусти».
4. Без осознания всего этого невозможен катарсис.

Кáтáрсис (др.-греч. κάθαρσις — «возвышение, очищение, оздоровление») — сопереживание высшей гармонии в трагедии, имеющее воспитательное значение. Понятие в античной философии; термин для обозначения процесса и результата облегчающего, очищающего и облагораживающего воздействия на человека различных факторов. (Википедия. [13].)

Уважаемый читатель, сейчас мы вступаем в область, где точно и строго ничего доказать нельзя. Тем не менее, привести определенные аргументы можно. Начнем с персоны Яго. Я не знаю, хотел ли того Шекспир или нет, но он нарисовал в роли Яго - Дьявола. Такова была Божья Воля, которая вела руку поэта. Вот черед аргументов, которая убеждает меня в этом.

а. Возможно, такая человеческая персона, как Яго, и могла существовать. Но вероятность концентрации подобного злого дарования у человека крайне мала.

б. Речь идет о гроттмейстере Зла, играющем одновременно на многих досках, со ставкой жизнь и смерть, и на всех одерживающий победы не безобидным матом, а полным физическим уничтожением противников.

в. Поразительна легкость, с которой Яго уничтожает своих беспомощных противников, хотя ему, в частности, противостоит профессиональный генерал-воин, обладающий к тому же властными государственными рычагами. Маловероятно, что поручик, даже умный поручик, способен столь просто раздавить генерала.

г. Яго не брезгует никакими аргументами, он готов для достижения своих целей сослаться даже на Священное Писание:

А в ревности и самая безделка,
Хоть легкая, как воздух, так важна,
как доводы священного писания.

д. Существует одна показательная фраза, произнесенная Яго, в которой он, практически выдает себя. Вот её варианты в трех переводах «Отелло».

«Черт возьми, сеньор! Вы один из тех, которые откажутся от служения Богу, если того потребует дьявол.» (Перевод П. Вайнберга)

«Честное слово, синьор, вы из тех людей, которые не желают служить Богу, хотя бы сам черт велел.» (Перевод М.Лозинского)

Но, пожалуй, лучше, точнее и лаконичнее всех уловил смысл сказанного Яго Борис Пастернак:

«Синьор, ради дьявола вспомните бога»!!!

Ничего подобного человек сказать, попросту, не может. Это словесный и мыслительный оборот дьявола!!! ЛжеЯго выдал себя!!! Яго – персонаж из преисподней!!!

е. Казалось бы, после всего зла, принесенного Яго персонажу «Отелло», было бы естественно восстановить справедливость и воздать в конце пьесы Яго по его заслугам. То есть так или иначе, но убить его. Однако этого не происходит – его арестовывают, но не казнят... и что будет завтра с ним, совершенно непонятно. Что бы так? Почему такая милость к преступнику? Шекспир подсказывает нам, в чем тут дело – Отелло говорит о Яго следующую удивительную фразу:

Я на ноги смотрю его; но это
Все выдумки; коль ты и вправду черт,
Убить тебя мне, верно, не удастся.

И, всего лишь, ранит его...

ж. И, наконец, именно Яго переводит повествование из области определенно материалистической, рациональной в, безусловно, иррациональную. В самом начале своей атаки на Отелло он определяет ревность:

О генерал! Пусть бог
Вас сохранит от ревности: она —
Чудовище с зелеными глазами.
С насмешкой ядовитой над тем,
Что пищею ей служит...
(пер. П. Вейнберга)

"О, Берегитесь ревности, синьор.
То - чудище с зелеными глазами,
Глумящееся над своей добычей."
(пер. М. Лозинского).
И более лаконичный перевод Б. Пастернака
Ревности остерегайтесь,
Зеленоглазой ведьмы, генерал,

Которая смеется над добычей.

Дело в том, что во времена Шекспира, людей с зелеными глазами инквизиции обвиняла в колдовстве и сжигала на всякий случай вместе с их черными котами. [14]. А великие художники изображали исключительно зеленоглазых демонов. Стало быть, Шекспир, устами Яго, предупреждает нас, выстраивая в одну линию зелёные глаза, ведьмы, демоны и ревность. Из сказанного выше, следуют два важных заключения:

Первое: Яго и Демон разительно похожи друг на друга. Собственно, разницы-то между ними нет и Яго – это Дьявол!

Второе: Человек слаб и силовой посыл человеческой ревности непомерно велик для обычного человека. Ревность - непреодолима, поскольку за её спиной стоят могущественные черные силы преисподней. Человеческая ревность – дело Дьявола, и она непреодолима...

Именно к такому пониманию сознательно толкает нас Шекспир. Думаю, именно об этом писал и Александр Блок:

«Обнаружив тайный, скрытый в трагедии Шекспира смысл, мы достигнем того очищения, того катарсиса, который требуется от трагедии; тогда по-новому прозвучит нам заключительное слово о "грустном событии". Ужас озарится улыбкой грусти, как хотел этого Шекспир».

Вероятно «тайный, скрытый в трагедии Шекспира смысл» заключается в том, что изначально человек не обладает качеством ревности. Возможно, в самой Божеской конструкции человека ревности заложено не было. Во всяком случае, никакого гена ревности дор сих пор не обнаружено. Это качество было привнесено в конструкцию Его Величеством Дьяволом, внедрено в человеческую личность, а точнее, навязано человеку, и полностью курируется им (Дьяволом). Могучий и безжалостный манипулятор, Дьявол, обладает огромными возможностями для жонглирования человеком, и ревность – один из ключей, точнее, отмычек для этого. Педалирование ревности вводит всю структуру человека в разрушительный резонанс, своего рода флаттер. Обдуваемый стремительным потоком событий, провоцирующих ревность, человек, как самолет, испытывает губительные, катастрофические, всесокрушающие, скручивающие колебания, далеко превосходящие его физическую и моральную прочность. В итоге почти любой человек сопротивляться искусственно накачиваемой Дьяволом ревности не может и довольно быстро ломается. Исключения составляют немногочисленные и лишь

особенно сильные личности. Как мы видим, даже генерал и правитель Отелло к ним не относится.

Именно эту мысль, вызывающую ужас, и стремился передать нам Шекспир. Что касается Блоковской «улыбки грусти» - то она определяет наше смущенно-беспомощное отношение ко всему этому:

Слегка наклоненная голова, расслабленные, разведенные и бессильно повисшие руки, приподнятые брови и смущенная улыбка: «Да, это так... Мы ничего не можем сделать... Но жить - то надо!»

К сожалению, более четырех веков человечество не слышит мудреца и провидца Шекспира и упрощенно толкует «Отелло»...

Три величайших произведения человеческого разума – «Божественная комедия», «Отелло» и «Крейцера соната» опубликованы между 1308 и 1890 годами и перекрывают примерно 600 лет. Их авторы – Данте, Шекспир и Толстой – являются, пожалуй, выдающимися из выдающихся представителей человеческой цивилизации и, вне всякого сомнения, были целованы Господом!

Все трое Великих рассматривают ревность в её крайней трагической форме. Все трое – Данте, Шекспир и Л.Н.Толстой, - считают, что в кровавой развязке, определенно, видны следы Дьявола! И не просто следы, а его рука! Более того, Данте, Шекспир и Л.Н.Толстой убеждены, что Дьявол не просто присутствует, но содействует, споспешествует и провоцирует весь процесс ревнования. Он – основная движущая сила столкновения. Помимо того, а точнее, сверх всего, Дьявол режиссирует его и активно подталкивает обе стороны к кровавой развязке! Обе стороны этой драмы – всего лишь объекты безжалостного манипулирования Дьяволом.

И, наконец, Данте, Шекспир и Л.Н.Толстой убеждены, что чувства ревности изначально в человеке нет! Оно привнесено извне! И привнесено Дьяволом!

Поскольку этот вопрос – вопрос о ревности - оказался смещенным из области материальной в область духовную, целесообразно проверить его толкование в Книге Книг – в Торе! В разделе Числа V:11-31 описана процедура, своего рода дознания, - с целью установления, изменяла ли мужу жена. Вот первые три абзаца из этой части Торы: «11.И говорил Господь Моисею так: 12. Говори сынам Израилевым и скажи им: если чья-либо жена совратится и поступит с ним вероломно, 13. И ляжет кто с нею с изливанием семени, и это было скрыто от глаз мужа ея; а она тайком осквернилась, и свидетеля против нея нет, и не была она захвачена. 14. На него же найдет дух ревности, и будет он ревновать жену свою, а она осквернилась; или же найдет на него дух ревности, и будет он ревновать жену свою, а она не осквернилась.»

В рамках обсуждаемого вопроса, важнейшим в этом отрывке является «найдет на него дух ревности». Это означает, прежде всего, что существует некий «дух ревности». Кроме того, изначально, муж не ревновал и начал ревновать лишь тогда, когда «дух ревности» сошел на него. Буквально эта очередность звучит так: «найдет на него дух ревности, и будет он ревновать жену свою,»!

В Песне песней Соломона (8,6) любовь и ревность стоят рядом и определяются следующим образом: «...крепка, как смерть, любовь; люта, как преисподняя, ревность; стрелы ее – стрелы огненные; она - пламень весьма сильный».

В исключительно точном переводе «Holy Bible» (New International Version) этот фрагмент звучит так:

Song of Songs 8:6-7 New International Version (NIV)

for love is as strong as death,
its jealousy unyielding as the grave.
It burns like blazing fire,
like a mighty flame.

Песня песен 8: 6-7 новая международная версия (NIV)

ибо любовь сильна, как смерть,
ее ревность непреклонна как могила.
Она горит, как пылающий огонь,
подобно могучему пламени.

Итак – ревность сопоставляется с преисподней, с могилой, с огненными стрелами, пылающим огнем и пламенем могучим. Не о Дьяволе ли идет речь?

Вот что пишется о ревности в [17]:

«Если говорить о ревности, которая имеет место в отношениях супругов, то это конечно же тяжелое, страстное чувство, доставляющее мучения человеку. Равнодушие ужасно, но не менее ужасна и ревность, порой заглушающая совершенно голос разума и делающая человека своеобразным маньяком, лишающая его нравственной свободы. Эта ревность называется в Библии жестокой, как ад; эта ревность доводит иногда до умоисступления и убийства, зачинаясь и совершаясь в человеке не без участия демонов.»

Речь идет о чувстве, которое существовало вчера, существует сегодня и будет существовать завтра. Это вечное чувство, сопровождающее человека всю историю его существования. И в этом отношении

Далеко ушли едва ли
Мы от тех, что попирали

Пяткой ледниковые холмы.
Редьярд Джозеф Кипплинг

Таким образом, Данте, Шекспир и Толстой, исследуя болезную тему человечества, его горькую и стыдливую боль - ревность, - были, как я считаю, правы, видя следы Дьявола в жестоких драматических, фатальных развязках своих классических литературных произведений.

И если бы следовало подвести итог этой работе, посвященной ревности, куплет Мефистофеля из оперы Гуно «Фауст» (Акт 2, сцена 3) был бы безусловно уместен:

Сатана там правит бал,
Там правит бал!
Сатана там правит бал,
Там правит бал!

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- [1]. <https://www.invictory.org/articles/spirituality/747-revnost-cheloveka-i-...>
- [2]. <https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%A0%D0%B5%D0%B2%D0%BD%D0%BE%D1%81%D1%82...>
- [3]. <https://history.wikireading.ru/62780>
- [4]. https://tonkosti.ru/%D0%98%D1%81%D1%82%D0%BE%D1%80%D0%B8%D1%8F_%D0%9F%D0...
- [5]. <http://www.vokrugsveta.ru/article/244165/>
- [6]. [https://www.e-reading.club/chapter.php/1047902/6/Benconi - Krov%2C slava...](https://www.e-reading.club/chapter.php/1047902/6/Benconi_-_Krov%2C_slava...)
- [7]. <http://www.vokrugsveta.ru/article/244165/>
- [8]. http://gramotei2013.blogspot.com/2016_02_16_archive.html
- [9]. <https://www.poetryintranslation.com/PITBR/Italian/DantInf29to34.php#anch...>
- [10]. http://samlib.ru/s/shok_a_w/otello.shtml
- [11]. <https://biography.wikireading.ru/144380>
- [12]. http://dugward.ru/library/blok/blok_tayniy_smysl.html
- [13]. <https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%9A%D0%B0%D1%82%D0%B0%D1%80%D1%81%D0%B8...>
- [14]. <https://lektsii.com/3-92047.html>
- [15]. <https://www.chitalnya.ru/work/2026712/>
- [16]. <http://pasternak.niv.ru/pasternak/bio/kataeva-drugoj-pasternak/krejcerov...>
- [17]. <https://www.pravmir.ru/lyuta-kak-preispodnya-revnost/>
Полностью эссе можно прочитать в журнале ЧАЙКА.
<https://www.chayka.org/node/12368>

Лазарь Фрейдгейм

Калифорния, США

Репортаж о завидной молодости.

Часть 1

Сигнал скайпа прозвучал неожиданно. Я с трудом понял, что это уже рассвет. Спросонок любой сигнал оказывается неожиданностью.

Звонок от Таи. У нас издавна установились очень дружеские, точнее — подружеские (от понятия — подруги) отношения. Более правильно, вероятно, сказать, что мне была отведена роль жилетки для "девичьих" слёз. Так уж сложились наши взаимоотношения. Но иногда это были не заботы, а переживания, которые было необходимо немедленно кому-то пересказать.

Молодость — понятие условное. Можно в 30 лет чувствовать себя стариком, а можно в 75 воспринимать жизнь, как девушка на выданье. Можно по каждому из этих вариантов непонимающе пожимать плечами, а можно мысленно прочувствовать один из этих вариантов как путеводный.

Кажется, ну что может случиться в жизни людей далеко за границей пенсионного возраста. Может!

Короткая рекогносцировка. Тая и Эдгар. Пусть это будет за пределами России, чтобы возможное не казалось невозможным. Я поселю своих героев в Майами и в Вермонте, чтобы ковидные государственные границы не препятствовали перемещениям. "Старый" — голос автора — присутствует в этом разговоре, чтобы не превратить видимость диалога в монолог-исповедь. Для клиповой определённости всё привязано к скайповской идентификации с именами и тихоокеанским стандартным временем Лос-Анджелеса — как бы на мониторе компьютера автора.

Я понял, что таким даром случая нельзя воспользоваться наедине. Прививку молодости надо донести до страждущих. В самом сюжете есть поразительное переплетение реальности и сказочности. Чтобы сохранить первую часть, в тексте как бы прямо из скайпа даны временные отметки, виден живой ритм пересказа. Вторая составляющая оттеняется вклинивающимися авторскими

комментариями — которые "растекаются мыслями по древу...". Этой не очень точно интерпретируемой фразой часто прикрывают общие рассуждения. Да и само имя автора-собеседника "Старый" заимствовано из давних времён общения, когда один из сослуживцев использовал как присказку: "Старый всегда прав!" Добавились годы, образная возрастная характеристика превратилась в паспортноподтверждённое достижение, ну а правота, смею надеяться, не улетучилась.

Погрузитесь на несколько минут в сентиментальный мир...

Попутный ветер в паруса!

Октябрьский день. Калифорнийское раннее утро

Тая, 5:16 AM

Сейчас моя голова и душа поглощены особыми обстоятельствами: в мою жизнь вошёл новый человек! Человек очень мощной судьбы.

Он из Вермонта: англо-саксонец французского происхождения (так характеризует себя он сам), фермер, доктор наук, строитель, садовод, кузнец, писатель! Всё в одном! 82 года. С женой в разводе после 50 лет жизни.

Он нашёл меня и очень дорожит своей находкой! Это все случилось недавно! Его имя Эдгар. Он очень редкий сплав.

Старый, 5:56 AM

Вперёд! Успехов тебе с претворением надежд! "Нам нет преград ни в море, ни на суше..." Уже виделась или пока только заочно общаетесь?

Тая, 6:53 AM

Он приезжал ко мне, а теперь ждёт меня в Вермонте!

Обычный день, обычные домашние заботы, обычная сосредоточенность на интересующих новостях в мире или переключке дорогих людей. Звуковой призыв скайпа. Без картинки. Высокий разговор вклинивается в бытовую сиюминутность. Отдалённо, но с серьёзным событийным текстом. Внутренне переориентирует на другую волну, другие размышления. Неожиданное смещение спокойных и привычных представлений о реальности немолодых лет.

Тая, 7:35 AM

Эдгар старый мачо. Внешне мы выглядим почти как дочь с отцом! Хотя разница в возрасте у нас всего 7 лет. Вся его тяжелейшая жизнь отражена на его лице. Он весь в жутких морщинах и выглядит очень утомленным! Но он продолжает работать, как вол! Он сказал мне, что, если он перестанет работать, он сразу умрет, а в его интересах жить со мной, сколько отпущено Богом! Он не еврей и не религиозный. Но его святость глубоко сидит в его убеждениях и действиях. Например, он сказал, что он не будет спать с женщиной, не будучи на ней женатым!

Ему как мачо всё равно, где жить с любимой женщиной, хоть на Луне... Если наши отношения обретут надежный характер, он хочет, чтобы мы жили у него на ферме и у меня. Он обожает Майами. Ему очень импонирует сочетание моего еврейского происхождения с местом, где я жила в России. Он хочет поехать туда со мной и очень хочет ближе узнать русскую культуру.

Меня волнует лишь то, что он человек солидного возраста и я буду бояться за его здоровье! Он обещал мне прислать все врачебные документы. Он также собирается поговорить с моим врачом, узнать, что от него зависит в продлении моей жизни. В общем, глас Бога...

Я хочу знать твоё мнение. Ты прав всегда.

Старый, 7:45 AM

Да, к гласу Бога надо прислушиваться внимательно. Глас Бога! Тая, 7:56 AM Именно этим я сейчас и занимаюсь, смотрю во все глаза и слушаю во все уши!

Старый, 10:09 AM

Поскольку ты в числе его проявлений написала, что он писатель, вероятно, есть его литературные публикации. Пришли линк, познакомь.

Тая, 10:48 AM

Он пишет о своих пристрастиях, о проблемах, которые он знает. Он пишет очерки для себя, он их не публикует.

Его письма ко мне состоят из подобных очерков, у него прекрасный стиль.

Он влюблён в мой русский акцент, но при этом он меня плохо понимает. Он плохо слышит. Его глухота очень усложняет наше общение, но он не видит никаких проблем. Он решает все проблемы! Он какой-то титан, а не человек!

Трудно представить себе что-либо прекрасней женщины, мечтающей о счастье. Раздвигаются границы реальности. Пред очами — мечта, набросок желанного. В какой-то момент это великолепно сочетается с непохожестью на возможное. Несколько мгновений полёта... Хочется молиться за продление таких моментов. Подольше, на всю жизнь...

Тая, 12,27 AM

Когда Эдгар решил, в конце концов, попробовать найти себе новую спутницу жизни, он сделал профайл на сайте знакомств для пожилых людей. Приврал свой возраст, будучи уверенным, что его истинный возраст может отпугнуть. Откликнулись богатые одинокие американки. Он понял, что у него есть шансы найти женщину. Несколько раз он там знакомился и встречался, пока не увидел меня.

Я же пошла на этот сайт от отчаяния, оставшись вне семьи. Моя подруга нацелкала меня на океане, одну фотографию я туда поместила, и в тот же день моё фото попало Эдгару. Он оказался

первым мужчиной, с которым я познакомилась! То есть вначале он увлёкся мной, увидев моё фото. Он порвал отношения со своими дамами. Ему оказались не нужными их богатства, а со мной в моей маленькой квартире ему оказалось комфортнее. Вот такое неожиданное начало!

Он говорит, что до нашей смерти мы будем благодарить друг друга за правильное время, когда мы встретились друг другу! Старый, 1:12 PM "Надежды юношей питают, Отраду старцам подают". Замечательно, когда годы не ведут к утрате оптимизма. Божественный подарок.

Тая, 1:38 PM

Я ничего пока не знаю, и я почти не знаю его! Поэтому я лишь поделилась самым фактом знакомства. Мы можем что-то найти друг в друге, что не позволит нам жить вдвоём. Не знаю, может, рано говорить об этом. Могут быть разногласия, я очень этого боюсь. Ментальность разная, я этого тоже боюсь. В общем, не знаю, что и как развернётся. Симпатии симпатиями, а жизнь жизнью! Старый, 8:29 PM Думай, пробуй. Тая, 8:30 PM Страшно! Но очень интересно! В душе Эдгар очень великодушный человек, он не позволяет себе опускаться до обид, а тем более до мести, хотя он глубочайше оскорблён предательством своей жены.

День другой

Тая, 9:57 AM

Я боюсь его поспешности и сумасшедшей влюбленности в меня. Он старый мачо, но он не считается ни с возрастом, ни с обстоятельствами. Меня пугает этот напор. И к тому же для него нет никакой дистанции от слов признаний в любви до гроба к словам: если ты не приедешь ко мне, всё будет конечно между нами. Наверное, он жалеет потом о своей вспыльчивости. Это всё не по годам. За время нашего общения он уже призывал меня принять окончательное решение: я с ним или нет. Нет — значит всё кончено! Это тоже меня очень настораживает.

Но ещё одно: я очень боюсь за его здоровье. Я боюсь, что в любой момент его шархнет инсульт или инфаркт. У него я увидела на лице перекошенность. По-видимому, он уже пережил микроинсульт.

В общем, старый вулкан, который никак не утихнет!

Мне вспоминаются давние времена работы в московском исследовательском институте. Вспомнилось не по тематике работ и производственных контактов. А по "хвосту", всегда сопровождающему Таю... В этом не было таинства. В этом проявлялось естественное поклонение симпатии и красоте. Я неоднократно в мыслях и наяву спрашивал, не надо ли снабдить героиню топором, чтобы отсекал

хвост. Тая справлялась без топора. А может даже, лелеяла такой хвост... "Это было недавно, это было давно".

Старый, 10:10 AM

В эмоциональной наполненности, в мирных извержениях есть своя прелесть. Ну и немного надежды...

Тая, 10:37 AM

Человек он незаурядный, но несущий непокой. Вот это я вижу отчетливо. Он вулкан и бунтарь. Да, мы очень понравились друг другу, но этого ещё так мало, чтобы в старости соединяться. Он не понимает, что я битая жизнью и поэтому очень опытная женщина. Я вижу далеко. Гораздо дальше его.

Старый, 11:36 AM

Я не думаю, вспоминая классику, что "он, мятежный, просит бури, Как будто в бурях есть покой". Он просто сотворен из другого теста, другие границы и понятия. Без хитрости, без обмана. Вот так ему кажется правильным...

Тая, 11:37 AM

Да, очевидно, ты, как всегда, прав. Это так!

Тая, 12:13 PM

Он сам построил два дома на ферме своими руками! Он рабочий человек по своей сути и деревенский по тому, как он безобразно одет. Он ест очень медленно, он благословляет каждый кусок еды, перед тем как положить его в рот. Но умный и аристократичный.

Эдгар обожает свой мир. Он развёл там сады, у него действительно очень красиво. Он отдал этому столько лет жизни, и продолжает работать с наслаждением. Но я понимаю, как тяжело он зарабатывает свой хлеб. У него лицо древнего старца, помятое до безобразия, хотя он очень интересен объективно. А выглядит он много старше своего возраста! Я около него выгляжу на 20 лет моложе, чем я есть! И все потому, что жизнь его каторжная!

Мне он очень интересен как личность, в нём много personality, но все его обстоятельства меня очень пугают! Пусть всё остаётся как есть, но есть мощное притяжение. Пусть жизнь всё сама подскажет. Пока мы живы...

День другой

Старый, 9:44 AM

Сколько дней пробыл Эдгар в Майами — хороших дней? Тая, 9:47 AM Эдгар пробыл в отеле 2 дня и 3 дня у меня! Все было замечательно! Но, пардон, после первой ночи он поставил мне ультиматум. Я женщина его мечты, и я должна ему сказать, иду ли я с ним в совместную жизнь или нет? После одной ночи он сказал своё "да"! "Мне этого достаточно, я вижу тебя и твой дом и считаю, что это сон

наяву! Я тебя люблю и хочу жить с тобой до смерти! Ты решай, я твой до смерти!"

Тая, 4:34 PM

Он не просто сказал настойчиво, он поставил ультиматум; yes or no! Я была в шоке! Он поставил вопрос ребром! Или я готова жить с ним всю оставшуюся жизнь, или он немедленно уезжает! После первой ночи, утром!

А потом на следующий день к нам приехала моя подруга, которая делала фотографии для профайла, те фотографии, в которые он влюбился. Она хотела увидеть его и оценить на свой взгляд! Она принесла роскошный букет цветов нам на счастье, и все были довольны друг другом! Её глаза увидели его почти как Квазимоду. И всё-таки он оказался и ей интересен! Она поддержала меня.

Когда мы были вместе, нам обоим казалось, что у нас все одно на двоих! Он повторял, что я это он, а он это я! И мы ощущали эту взаимосвязь!

Что день грядущий нам готовит?..

Старый, 8:40 AM

Мне трудно воспринять такие экстравагантные события в масштабе кавалерийской атаки — такое извращение событий.

Тая, 8:58 AM

Я сама никогда бы не поверила в такое, не пережив эти эмоции. Я в них и сейчас.

Я старый скептик. Мне даже трудно представить себе оправданность целенаправленного поиска спутника жизни. Поэтому столь распространившиеся ныне объявления на сайтах знакомств мне представляются шагами от лукавого. Казалось бы, что это не поиск товара на рынке с весами, ароматом, сезоном... Это не бриллианты с видимой огранкой, цветом, чистотой, наконец, размером... Внутри живёт мало осознанное ощущение, что здесь есть что-то, если не от бога, то от независимых от себя обстоятельств. Проявление судьбы. Разумной или неразумной, но судьбы.

Всегда хочется ждать хорошего. До некоторой степени такая способность - признак молодости. Если не календарной, то душевной. То ли ждёшь, то ли надеешься, то ли покорен судьбе... Но вдруг захватывает, обрушивается, оттесняет всё ежедневное. Надежда, свежая струя... К чёрту сумрак, жизнь идёт... И не мимо. Трудно даже поверить, но добрые вести на пороге, стучатся в дверь. Глаза смотрят на мир по-другому, света в квартире стало больше.

Надежда на счастье, погоня за птицей счастья... Кажется, нужно вспомнить секрет возрастов поражённых чувством: 75 на 82. Настораживает, но, на мой взгляд, звучит не безнадежно. Нет выгорания, есть кажущаяся реальность. Всем жить до 120!..

Он в свои 82 года ждёт, а она в свои 75 лет готовится к оптимистичной поездке. Билеты заказаны на Рождество — впереди праздничная ёлка или, если хотите, "Ханука буш"... Жизнь идёт... Слышу голос героини: "Ощущаю себя в полёте. В общем, как всегда, моя жизнь кипит!"

Старость не в возрасте...

Часть 10. Путешествия

Орест Кипренский. Неаполитанская девочка с плодами

Сергей Бычков

Москва, Россия

Путешествие в Армению. Часть 1

Я приехал в Армению в августе 1973 года. Находясь под впечатлением от фильма Сергея Параджанова «Цвет граната», я решил побывать в монастырях Ахпат и Санаин, где проходили съёмки фильма. В переводческих кругах Москвы я познакомился с Владимиром Роговым, у которого были друзья в Ереване. Так что по приезде меня радушно встретили его друзья и я начал свое путешествие по Армении вместе с краеведом Хачиком Стамболцяном, впоследствии известным диссидентом.

С ним на стареньком автобусе мы добрались до Гарни, где незадолго до моего приезда археологи и строители восстановили разрушенный землетрясением языческий храм, посвященный богу солнца Митре. Здесь, начиная с III века до н.э., находилась летняя резиденция армянских царей. Храм был воздвигнут царем Трдатом в I веке н.э. Тогда этот единственный сохранившийся языческий храм на территории СССР одиноко высился над ущельем.

Спустившись по тропе мы с Хачиком, который стал моим проводником, вдоль реки мы неспешно прошли до монастыря Гегард, высеченного в скалах. Я наслаждался горным воздухом и внимательно слушал рассказы моего проводника. К счастью, мы были совсем одни — ни туристических толп, ни автобусов. Гегард меня потряс своей величественностью и обилием хачкаров.

В сентябре 2021 года я вновь посетил Армению, в которой не был тридцать лет. Страна существенно изменилась. Она стала настоящим раем для туристов. Те, кто бывал в Израиле, будут потрясены сходством этих двух стран. И не только в ландшафте. Плодородных земель в Армении немного. Но страна, благодаря трудолюбию и упорству жителей, превращена в цветущий сад. Климат благоприятствует земледелию. В Араратской долине растет буквально

все – начиная от знаменитых абрикосов вплоть до арбузов, дынь, овощей и фруктов.

Храм Митры в Гарни

Причем все отменного качества. Добавьте к этому знаменитую армянскую кухню, рецепты которой используются на всем Востоке, начиная от Турции и кончая Ираном, Ливаном и Сирией. Преимущество армянской кухни заключается в том, что большинство блюд готовится на живом огне. Особенно вкусны печеные баклажаны и помидоры. Умолчу о знаменитых шашлыках, долме и запеченной рыбе. За последние десятилетия Армения умножила свои кладовые – теперь здесь можно попробовать не только знаменитый армянский коньяк, но и великолепные выдержанные вина. Нигде, кроме Армении, я не встречал гранатового вина.

В середине сентября мы приехали из Еревана в Гарни, который превратился в небольшой городок со множеством кафе и магазинов. В эпоху пандемии, когда многие европейские страны закрыли доступ туристам в свои страны, Армения радушно распахнула свои границы для всех желающих. В Гарни мы встретили множество туристов из самых разных стран. Немало было туристов из России. Все они недоумевают – почему раньше они ничего не знали об Армении? Приятно удивляют туристов и цены. Они значительно ниже, чем в России или в Европе.

Рядом с языческим храмом археологи расчистили фундамент древнего христианского храма VII века. Нашли и обустроили древние бани с остатками напольных мозаик. Территория рядом с храмом

благоустроена. Позади храма открывается величественный вид на ущелье, по дну которого протекает горная речка с чистой водой. Прекрасно видны тектонические скальные разломы, которые прозваны "симфонией в камне", поскольку напоминают трубы органа. Чтобы полюбоваться ими, мы спустились в ущелье, испили холодной горной воды и ахнули – на самом деле, мы оказались под гигантскими трубами скального органа, сотворенного Творцом Вселенной.

Налюбовавшись красотами ущелья, продолжили свой путь и вскоре достигли знаменитого монастыря Гегард. О нем есть упоминания еще в IV веке. Но дошедшие до нас храмы относятся к XII-XIII векам. Название этот монастырь получил в честь святыни, которая хранилась в нем. Гегард переводится как "копье". Согласно преданиям, сохранился наконечник копья, которым римский воин пронзил сердце Иисуса Христа, после того, как Он был распят на кресте. Сейчас этот наконечник копья хранится в Эчмиадзине, резиденции армянских католикосов. Монастырь был воссоздан князьями Прошянами, которые приобрели его во второй половине XIII века.

Сохранилось имя создателя монастыря – зодчего Галдзага, который в течение сорока лет ежедневно вырубал в скале пещерный храм с чудотворным родником. И сегодня сюда приезжают, чтобы набрать воды из этого родника, который, тихо журча, вытекает из храма. Во втором пещерном храме сохранился горельеф, на котором изображена голова быка, держащего во рту шее цепь, охватывающую шею двух львов. Под ними – орел с полураскрытыми крыльями, держащий в когтях ягненка. Считается, что это родовой герб князей Прошянов. В самом монастыре и вокруг него собрано немало древних хачкаров. Почитание креста, на котором был распят Иисус Христос, широко распространено в Армении. Резчики по камню изображают крест как расцветшее дерево, которое дарует жизнь.

От Гегарда мы отправились на высокогорное озеро Севан. Но о Севане и о монастыре Севанованк, расположенном на берегу величественного озера, – особый рассказ.

Юрий Смирнов

Луга, Ленинградской обл., Россия

Диксон. Полярная экспедиция Эдуарда Толля

Посёлок Диксон расположен в северо-западной части Таймыра, где Енисей впадает в Карское море. Посёлок основан в 1915 году и назван в честь шведского предпринимателя Оскара Диксона, обеспечившего экспедицию Норденшельда (1878-1880) на парусно-паровом судне «Вега», впервые прошедшую по Северному морскому пути за одну навигацию. Посёлок входит в Красноярский край. В этих местах очевидно, насколько «широка страна моя родная». До краевого центра Красноярска от Диксона 2507 км. Это по прямой. Для сравнения: от Лиссабона до Калининграда на 333 километра дальше.

Первым академическим предприятием России по изучению Северного ледовитого океана севернее Новосибирских островов была экспедиция 1900-1902 годов. Был куплен в Норвегии барк, однотипный с норденшельдовской «Вегой», переоборудован под новые задачи (усилен ледовый пояс, установлены паровые лебёдки, ввиду малочисленности команды, была демонтирована часть парусного вооружения.

Барк превратился в шхуну, которая, по совету президента Императорской академии наук, была названа «Зарёй». Начальником экспедиции был назначен барон Эдуарда Васильевича Толля. Ближайшим помощником Толля был молодой учёный-исследователь, гидрограф, гидролог, магнитолог, гидрохимик, топограф и картограф лейтенант Императорского флота Александр Васильевич Колчак.

Значительная часть научных приборов была получена от Фритьофа Нансена. Оборудование для проведения гидрологических исследований заказали в Англии, Швеции и России. Примерно 10 апреля 1900 года, когда собралась вся команда, Колчак и Матисен с нижними чинами отправились по Финляндской железной дороге через

Гангсуд в Стокгольм, затем через Христианию в норвежский городок Ларвик, где на эллинге известного судостроителя Колина Арча шхуна проходила переоборудование. Побывал на «Заре» и Фритьоф Нансен.

В начале мая 1900 года лейтенант флота Н. Н. Коломейцев и лейтенант флота А. В. Колчак привели шхуну из Бергена в Санкт-Петербург, забрав по пути из Мемеля начальника экспедиции барона Э. В. Толля. Пришвартовались на Неве — близ Николаевского (Благовещенского) моста напротив здания Морского корпуса, выпускниками которого были все три офицера экспедиции.

Памятник Бегичеву. Диксон

Им предстояло начать своё дальнейшее путешествие прямо от стен своей Альма-матер. (На этом месте на Неве в 1917 году стоял крейсер «Аврора», а в 1960 — атомный ледокол «Ленин»). 29 мая 1900 года готовящуюся к отправлению шхуну посетил Николай II. Через несколько дней на судне побывал и покровитель экспедиции — президент Академии наук великий князь Константин Константинович. 8 июня 1900 года путешественники отчалили от пристани на Неве. Командир шхуны Коломейцев, под восторженные крики горожан и звуки оркестров провожающих «Зарю» судов, искусно прошёл мимо множества других кораблей, лодок и вельботов, не прибегая к помощи буксира. Судно взяло курс на Кронштадт, где экспедицию встречал главный командир порта и военный губернатор города адмирал Степан Осипович Макаров,

В норвежском порту Тромсё взяли на борт 1500 пудов сушёной рыбы для собак и 50 т угля. В Тромсё около недели было потеряно в

связи с ожиданием запаздывавших из Англии угольных брикетов. За это время один из матросов — Малыгин на берегу устроил пьяный дебош и оказался в полицейском участке. Матроса решили списать на берег в первом же русском порту. Другой матрос Алексей Семяшкин заразился в Норвегии венерической болезнью и также, согласно заключению доктора Вальтера, должен был быть списан на берег.

10 июля шхуна миновала мыс Нордкап и оказалась в открытых арктических водах Баренцева моря. 11 июля путешественники вошли в Екатерининскую гавань Кольского залива и встали на рейде Александровска-на-Мурмане (Мурманска) для погрузки угля. 18 июля после обеда и погрузки 60 ездовых собак, доставленных из Сибири на судно, получившее после погрузки угля осадку в 18½ футов, путешественники покинули Екатерининскую гавань для похода к земле Санникова.

Ещё в 1884—1886 годах Э. Толль принимал участие в экспедиции учёного-полярника А. А. Бунге. Толль тогда обнаружил на островах Котельном и Большом Ляховском кости мамонтов, а на острове Новая Сибирь — залежи бурого угля.

В экспедиции Толля 1900-1902 годов участвовало всего 20 человек. Капитаном шхуны «Заря» был лейтенант флота Российского Н. Коломейцев. В первое летнее плавание «Заря» не смогла достичь восточного побережья полуострова Таймыр и зазимовала у западного побережья. Толль принял решение достичь восточной части Таймыра на нартах. Но без складов продовольствия по пути следования такая операция невыполнима. Для создания складов отправилась команда из четырёх человек; Толль с каюром Расторгуевым и Колчак с матросом Носовым. Помимо этого на судне сложилась напряжённые взаимоотношения между начальником экспедиции Толлем и командиром шхуны Коломейцевым. Оба хотели быть главными начальниками. И этот первый поход по тундре был организован Толлем не только для создания складов продовольствия, сбора геологических образцов, но и из нежелания Толля оставаться на борту в гостях у командира шхуны Коломейцева.

10 октября, погрузив на сани 864 кг груза, Толль с товарищами отправились в первое путешествие к заливу Гафнера, который достигли 15 октября и у высокой скалы заложили склад продовольствия для планировавшейся летней экспедиции вглубь полуострова. Через 9 дней экспедиция вернулась на шхуну. Потом потянулись зимние месяцы полярной ночи. Отношения начальников обострялись. Дальнейшая совместная работа двух начальников стала невозможной. Три раза Толль посылал Коломейцева с Расторгуевым в сильную пургу и мороз, при нехватке провизии людям и собакам, на поиски устья Таймыры, а также в порт Диксон и Гольчиху, где были

жители. Коломейцев и Расторгуев, будучи людьми военными, не смели нарушить приказ Толля.

Эдуард Толь

Из-за оплошности — забыв примусную иголку, отсутствие которой лишало путников горячей пищи в пути и, соответственно, возможности продолжать путь — 8 февраля походники, не найдя устья Таймыры, вернулись на шхуну. Вторая экспедиция была уже сродни преступлению: Толль на этот раз точно знал, что прежняя карта неверна, и всё равно сознательно посылал людей в никуда.

Переждав пургу, Коломейцев и Расторгуев вновь тронулись в путь 20 февраля, но вернулись, к неудовольствию Толля, уже 18 марта. Путники едва не погибли от нехватки еды и собачьего корма, так как реки Таймыры, вдоль русла которой им следовало двигаться, не оказалось в том месте, где она была нанесена на карту.

Коломейцев на борт шхуны больше не вернулся — с третьей попытки, пройдя 768 вёрст за 40 суток, он и Расторгуев достигли Дудинки и прибыли 14 мая 1901 года в Гольчиху. Коломейцев оказался прав, а Толль ошибался относительно выбора оптимального маршрута: Коломейцев по своему маршруту двигался со среднесуточной скоростью 19 км в сутки, в то время как в первых двух походах по маршруту Толля получалось проходить лишь от 3 до 8 км в сутки. Спустя 18 лет, в 1919 году, норвежцы из экспедиции Амундсена не смогли повторить то, что смог сделать Коломейцев.

4 марта, в день рождения Толля, Колчак, поздравляя руководителя экспедиции, произнёс тост, в котором желал встретить следующий день рождения на Земле Санникова.

Мыс Челюскин – самая северная часть материка Евразии. 6 апреля на мыс Челюскин для съёмок Таймырского полуострова поехали на санях Толль и Колчак. В первые дни в санном походе вместе с учёными участвовали матросы Носов и Железников: первый был каюром у Толля, второй — у Колчака. Из-за нехватки собак все четверо исследователей часто сами впрягались в собачьи упряжки.

Участники экспедиции на борту шхуны «Заря». В верхнем ряду: 3 слева над Э. Толлем — А. Колчак. Второй ряд: Н. Н. Коломейцев, Ф. А. Матисен, Э. В. Толль, доктор экспедиции Г. Вальтер (7), астроном Ф. Зееберг (6), зоолог Бялыницкий (5).

Через несколько дней каюров отправили обратно на «Зарю» с одними нартами и оставив при себе консервов и других продуктов из расчёта на 30 дней. Из остальных продуктов сделали склад у высокого валуна с подветренной стороны и воткнув в снег лыжную палку. На всём протяжении своего 500-километрового пути Толль и Колчак провели топографическую съёмку местности, уточнили очертания берегов, описанных ещё помощником Харитона Лаптева штурманом Семёном Челюскиным в 1720 году.

Дойдя 18 апреля до места близ залива Гафнера, где осенью ими было устроен продовольственный склад, Толль и Колчак с трудом узнали это место: рядом со скалой, был наметён сугроб высотой 8

метров. Склад начал раскапывать Колчак, по словам Толля, пребывавший в состоянии «трудового экстаза», в то время как руководитель экспедиции охотился на куропаток; потом за лопату взялся и барон. Колчак и Толль потратили на раскопки склада НЕДЕЛЮ, однако снег слежался и стал снизу твёрдым. Раскопки пришлось бросить и попытаться выполнить хоть какие-то исследования, однако от плана дойти до мыса Челюскина из-за невозможности докопаться до склада пришлось отказаться. Колчак как географ хотел двинуться по побережью и произвести его съёмку.

Толль же был геологом и хотел идти вглубь тундры полуострова для проведения геологических исследований. Воспитанный на военной дисциплине Колчак не оспаривал решение начальника экспедиции и следующие 4 дня исследователи двигались по полуострову. Решено было идти к мысу Инклинаторному, где были оставлены небольшие запасы продовольствия; отыскать удалось 8 банок пеммикана, 25 банок гороха, сало и сушёную рыбу для собак. 1 мая Толль сделал 11-часовой марш-бросок на лыжах. На обратном пути стали заканчиваться продукты, собаки выбивались из сил. Толль обратил внимание, что Колчак в эти дни сильно ослабел. Неимоверно устал и сам Толль. Они с Колчаком часто впрягались в нарты сами и тянули лямку наравне с оставшимися собаками, не желавшими уже двигаться без помощи людей.

В день проходили около 20 км, однако к началу мая собаки настолько утомились, что уже не могли проходить в сутки более 12 км. Колчак, привязавшийся к собаке по кличке Печать, предложил не пристреливать её, а довести до «Зари» полуживую на нартах, на которых уже лежала привязанная сверху Леска. Измученные и голодные учёные не сдавались и продолжали проводить топографическую съёмку, наносить высоты, делать геодезические привязки. Толль отметил, что Колчак выглядел бодрее его самого — тренированного полярника. Устав, он уже готов был ночевать где попало, но Колчаку всегда удавалось настоять на том, чтобы найти подходящее место для ночлега, хотя для этого приходилось ещё идти и идти. Однажды целые сутки путникам пришлось просидеть в палатке — снежный буран не позволял даже ненадолго её покинуть.

9 мая Толль записал в своём дневнике, что питания для собак осталось на 3 дня, а для людей — на 5—6 дней. В один из дней сделал также запись о «скромных итогах» и вообще целесообразности всего похода. 17 мая путники достигли мыса Миддендорфа и двинулись к Таймырскому проливу. Однако Толль и Колчак из-за тумана не заметили свой склад. Поняли это Толль с Колчаком, лишь уйдя от него на целых 5 км. До «Зари» оставалось при этом идти ещё 35 км. Решили не возвращаться. Последние 10 км были самыми трудными — не было еды. 18 мая в 7 часов утра путники всё-таки дотянули до базы. Поездка

Толля и Колчака закончилась через 41 день после их ухода с базы. Барон и Колчак приходили в себя целых 20 дней.

По итогам экспедиции были внесены существенные изменения в ранее имевшихся картах полуострова. Также была уточнена полученная от Нансена карта-набросок окрестностей полуострова Таймыр, выполненная норвежцами по время плавания «Фрама». Отдохнув Колчак сделал подробную съёмку рейда «Зари», а Бируля — другой части береговой полосы. Колчак «не только лучший офицер, но он также любовно предан своей гидрологии», — отмечал Толль.

«Заря» на зимовке 1902 год Источник: wikimedia.org

В 1901 году «за обстоятельное обследование географических объектов и морских вод в районе Карского моря», в благодарность за совместно перенесённые тяготы и риск он увековечил имя А. В. Колчака, назвав его именем один из открытых экспедицией островов в Таймырском заливе между 66—68° в. д. в Таймырском заливе, описанный и положенный гидрографом собственноручно на карту, а также выступ суши (мыс) на полуострове Таймыр.

Весьма польщённый этой наградой лейтенант Колчак собственноручно нанёс «свой» остров на карту, назвав его северную оконечность в честь своего друга-поэта мысом Случевского[84]. Во время своих полярных походов он назвал другой остров в Карском море в архипелаге Норденшельда в группе островов Литке, а также

юго-восточный мыс острова Беннетта именем своей невесты — Софии Фёдоровны Омировой — дожидавшейся его в столице (мыс Софьи сохранил своё название и переименованиям в советское время «по очевидному недосмотру власти»]не подвергся). Этот остров был подарен жене А. В. Колчака Русским географическим обществом в 1906 году, когда весь Петербург чествовал Колчака.

В следующей летней экспедиции Толля удалось найти устье реки Таймыры в 100 км. от места, обозначенного на карте. Удалось и откопать склад продуктов и забрать часть продуктов. Следующие посетители склада Толля и Колчака были участники экспедиции «Комсомольской правды» в 1974 году. В привезённом в Москву кубическом жестяном ящике была овсяная крупа, которая отлично сохранилась через 73 года. Для дальнейшего эксперимента были привезены продукты начала XX века и заложены на складе на глубине 1,5 метра в вечной мерзлоте на бессрочное хранение.

Карта маршрута экспедиции Э. Толля //rus-travelers.ru

12 августа 1901 началась подвижка льдов и шхуну вынесло в открытое море. 19 августа «Заря» пересекла долготу мыса Челюскин. В честь этого события были подняты кормовой флаг и вымпел с Андреевским крестом и литерой «К» под царской короной, личный вымпел президента Академии наук великого князя Константина Константиновича. «Заря» было четвёртым судном, прошедшим мыс Челюскина.

Первыми были «Вега» Норденшельда с вспомогательным судном «Лена» и «Фрам» Фпитьофа Нансена. Высадившиеся на берег Колчак и Зеeberg провели все астрономические, магнитные, гидрологические исследования, осмотрели несколько стамух (льдины, севшие на мель), изучили ледяной покров близ берега. К полудню десант вернулся на судно и, дав салют в честь Семёна Ивановича Челюскина, путешественники отправились в плавание. Сделав расчёты, они также определили широту и долготу мыса — он оказался немного восточнее настоящего мыса Челюскин. Этот мыс назвали именем «Зари».

В навигации, вероятно 1963 года, наш атомный ледокол «Ленин» с проводимым судном целый месяц бился во льдах пролива Вилькицкого, чтобы пройти из Карского моря в море Лаптевых мимо мыса Челюскин. На обратном пути нам помог самый сильный в мире ледокол – южный ветер, освободивший пролив ото льдов. И мы за трое суток прошли то расстояние, на которое ранее потратили месяц. В том рейсе и была написана песня на мелодию «Санта-Лючия», под названием «В проливе Вилькицкого желал бы напиться я». «Рейс уж три месяца – можно повеситься, кормят трескою, недоедаем, свой хилый хребет я непросто сгибаю / в отсек не пускает дозиметрия, Санта-Лючия, Санта-Лючия». В альманахе «Свербильник» был ещё маленький стишок в рубрике «Мечты несбыточные». (Работала на судне камбузница Бабашко – женщина приятная во всех отношениях). «Взамен бы спиртяшки домашней бы бражки / в одной бы тельняшке в объятья к Бабашке / Ах, сны наши тяжки».

За летнюю навигацию 1901 года, длившуюся 25 суток, шхуна прошла 1350 миль, поднималась до 77 градуса северной широты, доходила до острова Бунге, но нигде не было Земли Санникова. Зазимовали у острова Котельный, В апреле была организована экспедиция под руководством Матисена по поиску земли Санникова. Экспедиция посетила много мест предположительного размещения неизведанной земли, но ничего не обнаружила.

В конце апреля вместо умершего доктора Вальтера приехал новый врач, политический ссыльный В. Н. Катин-Ярцев. Будучи студентом Медико-хирургической академии, Катин-Ярцев состоял в социал-демократическом «Союзе борьбы за освобождение рабочего класса», в 1897 году был осуждён и выслан в Восточную Сибирь. В 1918 году Колчак встретит его в Харбине, где врач-революционер спасался от режима большевиков.

Вечером 23 мая барон Толль, астроном Зееберг и двое местных жителей — эвен Николай Протодьяконов (по прозвищу Омук) и якут Василий Горохов (по прозвищу Чичак) — покинули место зимовки на трёх нартах, взяв с собой запас продовольствия чуть больше чем на 2 месяца. Изначально Толль собирался взять в свой поход и Колчака, однако судно нельзя было оставить в ледовом плавании без опытного офицера. Толль собирался исследовать остров Беннетта, до этого посещённый лишь экспедицией Де-Лонга в 1879 г., и произвести рекогносцировку с целью обнаружения неизвестной земли.

После окончания работ полярников должна была подобрать «Заря». Перед отъездом Толль оставил Матисену пространную инструкцию на всевозможные варианты течения событий. В инструкции в частности говорилось: «Предел времени, когда вы можете отказаться от дальнейших стараний снять меня с острова

Беннетта, определяется тем моментом, когда на „Заре“ будет израсходован весь запас топлива для машины до 15 тонн угля».

После этого следовало через материк доставить в Петербург собранные коллекции и немедленно начать организацию новой экспедиции. Толль осознанно шёл на такую опасную экспедицию. У него просто не оставалось иного выхода — он «слишком много авансов выдал Академии наук, прессе, коллегам - и вернуться без открытия Земли Санникова уже не мог». Огромные финансовые средства, выданные Толлю в кредит, заставляли барона предпринимать крайние отчаянные шаги. Такими же мотивами, по мнению исследователей, через 10 лет руководствовался и другой арктический фанатик Георгий Седов, ринувшийся в самоубийственный бросок к Северному полюсу без должной подготовки.

1 июля, вырвавшись из льдов при помощи взрывов, «Заря» вышла на внешний рейд, однако тут же была затёрта льдами, которые стали уносить судно на северо-восток. Только спустя месяц борьбы со льдами «Заря» смогла предпринять попытку обойти с севера остров Котельный и подойти к Новой Сибири. Надежды дойти морем до Беннетта было мало — поэтому решили дойти хотя бы до Новой Сибири, чтобы снять партию Бирули. Но и этот путь оказался покрыт непроходимыми льдами. Рисковать зимовкой в открытом море среди льдов, притом рисковать после уже проведённых двух зимовок с недостаточным запасом угля и провизии, было нельзя. Да и сам Толль оставил Матисену приказание идти в Тикси после уменьшения запасов угля до пределов, необходимых для возвращения. Никто из современников, знавших обстоятельства дела, Матисена не осуждал.

И всё же Матисен предпринял безуспешные попытки снять с Новой Сибири хотя бы партию А. А. Бялыницкого-Бирули. Однако, в конце концов, не добившись цели, чётко следуя инструкции руководителя экспедиции и не имея в сложившемся положении иного выхода, командир судна был вынужден направить «Зарю» к материку[136].

25 августа искалеченная льдами «Заря» еле доползла до устья Лены, вошла в залив Буор-Хая и подошла к берегу в бухте Тикси — на вечную стоянку — отсутствие угольной базы в устье Лены и на острове Котельном не позволяло провести 3-ю зимовку. Здесь они узнали, что тот самый пароход «Лена», который сопровождал «Вегу» во время экспедиции Норденшельда, ходит по маршруту Якутск – Булун. 30 октября в бухту Тикси вошла «Лена». Опасаясь ледостава, капитан «Лены» дал только 3 дня на сборы команде «Зари». На борт «Лены» были перегружены все наиболее ценные коллекции и оборудование. 2 сентября «Лена» отошла от причала. «Заря» с одним человеком на борту последний раз отсалютовала флагом.

Во время плавания на «Лене» Матисен и Колчак разработали план по оказанию помощи предоставленным самим себе после ухода «Зари»

партиям Толля и Бирули. Согласно плану, в случае, если эти группы не появятся самостоятельно на материке, в начале февраля на Новосибирские острова — навстречу им должен был поехать Бруснев, предварительно подготовивший 6 хороших нарт и докупивший к имеющимся на «Заре» экспедиционным собакам ещё несколько. В случае, если Толль и Бируля своими силами вернутся на материк, их у Чай-Поварни близ Святого Носа должны были ожидать ещё осенью заготовленные Брусневым ездовые олени, на которых полярники могли добраться до Казачьего.[141].

30 сентября пароход подошёл к Якутску. В начале декабря 1902 года Колчак добрался до Санкт-Петербурга, где вскоре занялся подготовкой экспедиции, целью которой было спасение группы Толля. Вместе с Матисеном в столице они вдвоём сделали всё, чтобы команда шхуны «Заря» полностью получила жалование и вознаграждение за безупречную работу в экспедиции Толля. 21 июля группа Толля прибыла на остров Беннетта.

Учитывая запланированное на середину августа прибытие «Зари», руководитель мог либо обследовать остров, либо обустроить лагерь на острове и заготавливать продукты на зиму. Второй вариант предполагал зимовку на острове: экспедиция теряла смысл, если бы, заготовив продукты, Толль сел затем на «Зарю» и покинул неисследованный остров[145]. Склонный к принятию рискованных решений, Толль пошёл на риск и в этот раз, решив сосредоточить все силы на исследовательской работе и сделать ставку на приход «Зари». Бесконтрольно распоряжаясь властью, на этот раз Толль погубил себя и троих своих спутников. 26 октября 1902 года партия Толля двинулась с острова на юг. Записка Толля, обнаруженная позднее Колчаком, оканчивалась словами: Отправляемся сегодня на юг. Провизии имеем на 14—20 дней. Все здоровы. 26 октября 1902 г.

Экспедиция Колчака 1903 года обследовала все острова Новосибирской группы, однако следов группы Толля нигде так и не обнаружили. По-видимому, она погибла во время перехода по льду с острова Беннетта на Новую Сибирь. Оставленные для неё на южном направлении запасы продовольствия остались нетронутыми. При переходе по морскому льду Бегичев спас жизнь своему командиру. При попытке перепрыгнуть через трещину Колчак попал прямо в середину и скрылся под водой. Как вспоминал потом Бегичев: «Я бросился к нему, но его не было видно. Потом показалась его ветряная рубашка, я схватил его за неё и вытащил на лёд...

Но это было недостаточно — под ним опять подломился лёд и он совершенно погрузился в воду и стал тонуть. Я быстро схватил его за голову, вытащил еле живого на лёд и осторожно перенёс... к берегу. Положил на камни и стал звать Инькова. Я крикнул ему: «Перестань орать, иди ко мне!». Мы сняли с Колчака сапоги и всю одежду. Потом

я снял с себя егерское бельё и стал одевать на Колчака. Оказалось, он ещё живой. Я закурил трубку и дал ему в рот. Он пришёл в себя. Я стал ему говорить — может, он с Иньковым вернётся назад в палатку, а я один пойду. Но он сказал: «От тебя не отстану, тоже пойду с тобой». Я пошёл по камням, были крутые подъёмы и спуски. Он совершенно согрелся и благодарил меня, сказал: «В жизни никогда этого случая не забуду».

(Егерское бельё – вязаное (трикотажное) бельё из чистой шерсти, придуманное немцем из Штутгарта Егером).

Никифор Бегичев, дважды награждённый Большой золотой медалью Российской академии наук, отец шестерых детей, был свидетелем на свадьбе Александра Колчака и Софьи Фёдоровны Омировой,

Партия Бирули, не дождавшись в конце лета прихода «Зари», соорудила на западном берегу острова Новая Сибирь пригодную для зимовки поварню и в ноябре 1902 года, когда лёд окончательно встал, совершила благополучный переход с острова на материк, прибыв в Казачье в начале декабря.

Научно-практические результаты экспедиции оказались высоки. Экспедиция положила начало комплексному исследованию арктических морей и суши. Значительные результаты были достигнуты, прежде всего, в описании побережья и промерах глубин, которые учёные делали на всём пути экспедиции. Это особенно важно, если учитывать, что предыдущие экспедиции под руководством Нансена и Норденшёльда систематических съёмок и промеров глубин не вели. Группа Толля ценюй жизни её участников обследовала неизученный остров Беннета, собрав геологическую коллекцию.

По результатам работ экспедиции была составлена геологическая карта полуострова Таймыр и острова Котельный. Краткий физико-географический и биологический очерк северного побережья Сибири содержит сведения о климате, гидрографии, геологии, орографии, животном и растительном мире Таймыра и Новосибирских островов. На материалах экспедиции Колчак выполнил фундаментальное исследование, посвящённое льдам Карского и Восточносибирского морей, представлявшее собой новый шаг в развитии полярной океанографии, а как незаурядный гидрохимик он занимался измерением солёности, собирал пробы растворённых в морской воде газов, запланировав посвятить этой стороне исследований отдельную работу.

Как участник экспедиции Колчак выполнял всевозможные работы и поручения, но как учёный-исследователь одновременно он занимался изучением «метаморфоз льда», что и составило материал для монографии «Лёд Карского и Сибирского морей», занимающей более 170 страниц с приложением 11 таблиц и 24 фотографий разных

форм льда, автор, в числе прочего, не только сформулировал основные направления происходящего под влиянием ветров и течений движения льдов в районе Новосибирских островов, но и предложил схему движения арктического пака для всего полярного бассейна.

Научные результаты, собранные Русской полярной экспедицией Академии наук, оказались весьма значительными и включали данные в области метеорологии, океанографии, земного магнетизма, гляциологии, физической географии, ботаники, геологии, палеонтологии, этнографии, полярных сияний. Стало очевидно, что для их научной обработки потребуется много лет: они действительно были обработаны в течение 10—15 лет и изданы в «Известиях Российской Академии наук», в навигационных картах и лоциях арктических морей.

В советское время началась большевизация всего, вплоть до географических названий в Арктике. Уничтожалась историческая память о полярных исследователях, история экспедиций искажалась, замалчивались роль и заслуги Толля и, в первую очередь, Колчака — как учёного-океанолога и отважного исследователя Арктики. Замалчивались его научные труды, получившие признание мировой общественности[2]. Несмотря на то, что деятельность будущего Верховного правителя России как полярного исследователя оставалась в «полутени», советские учёные использовали его труды, но обычно без ссылок на автора.

Примером фильтрации исторических фактов советской цензурой является и изданная в 1985 г. книга И. П. Магидовича и В. И. Магидовича «Очерки по истории географических открытий». В ней авторы довольно подробно описали экспедицию Толля 1900—1902 года (а также его экспедиции 1885—86 и 1893 годов), из участников Русской полярной экспедиции упомянули Толля, Матисена, Коломейцева, Расторгуева, Зееберга, Бегичева, но ни разу не назвали Колчака. Спасательная экспедиция Колчака 1903 года описана Магидовичами в абзаце, где рассказывается о вкладе в географические открытия Бегичева — будущего открывателя острова Малый Бегичев. При этом начальник и организатор спасательной экспедиции 1903 года традиционно не назван.

Эта традиция замалчивания даёт о себе знать и в наши дни. Так, в 2000 году — в год 100-летия Русской полярной экспедиции — это событие было обойдено молчанием как российской общественностью, так и научными кругами. Даже изданный за границей в 1909 году дневник барона Толля, хранившийся на яхте «Заря» и, согласно завещанию его владельца, переданный его жене, в СССР был опубликован в 1959 году в переводе с немецкого в сильно урезанном виде: барон Толль в своих записках много места посвятил лейтенанту Колчаку и положительным оценкам его работы в ходе экспедиции.

В изданной в 1960 г. книге П. В. Виттенбурга 41-дневное 500-километровое обследование Толлем и Колчаком полуострова Таймыр с 7 апреля по 18 мая 1901 года изложено в сильно искажённом виде, а имя Колчака вообще не упоминается.

Известным случаем стало переименование в 1939 году острова в Арктике, названного Толлем именем Колчака — в память о его заслугах как учёного в ходе арктической экспедиции. Как пишет историк В. В. Синюков, «репрессиям подверглись не только люди и их труды, но и целые острова». В конце 30-х годов острову советские власти дали имя матроса с «Зари» Расторгуева. Переименование произошло, несмотря на очевидную топонимическую несуразицу: остров с таким же названием уже был на картах и находился в Пясинском заливе — вблизи острова Колчака. Также известен эпизод с переименованием по тем же соображениям мыса Колчака — ему в период этой кампании дали имя писателя К. К. Случевского.

Шифровка Ленина - Склянскому: «Пошлите Смирнову (РВС 5) шифровку: «Не распространяйте никаких вестей о Колчаке, не печатайте ровно ничего, а после занятия нами Иркутска пришлите строго официальную телеграмму с разъяснением, что местные власти до нашего прихода поступали так и так под влиянием угрозы Каппеля и опасности белогвардейских заговоров в Иркутске». Ленин. Подпись тоже шифром.

Берётесь ли сделать архи-надёжно? ...»

По мнению ряда современных российских историков, эту телеграмму следует расценивать как прямой приказ Ленина о бессудном и тайном убийстве Колчака.

Полностью очерк можно прочитать в журнале ЧАЙКА:
<https://www.chayka.org/node/12425>

Часть 11. Проза

Орест Кипренский. Портрет Варвары Томиловой

Яков Фрейдин

Калифорния, США

Клиника «Негатив»

Погожим сентябрьским днём два приятеля Билли и Вилли уселись за один из круглых столиков, стоявших на тротуаре у входа в кафешку «Синий Чулок», что на бульваре Санта-Моника в Лос-Анджелесе. У подошедшей официантки Муся, привлекательной крашеной блондинки в короткой юбочке, заказали по чашке капучино с круассанами, а когда Муся повернулась к ним спиной и плавно раскачивая арьергардом направилась в помещение, приятели молча уставились на её ноги в тёмно-синих чулках. Ноги были очень даже ничего себе, но странный цвет чулок придавал им несколько зловещий вид. Муся каким-то женским чутьём ощутила этот взгляд, обернулась и задиристо сказала:

— Ну что уставились, кролики? Ошалели от красоты? — и весело расхохоталась.

— Нет, Муся, мы ничего, — смущённо забормотал Билли, — просто у тебя эти... этот... ну цвет чулок какой-то... мрачноватый...

— Ах это, — вздохнула официантка, — такая уж здесь у нас в кафе униформа. Чтобы оправдать название заведения. Босс требует. Будь моя воля, я бы в такую жару вообще без чулок ходила. Но вы, ребята, не выпадайте в осадок, синие чулки у меня только на работе, а по жизни я вовсе не синий чулок.

Она снова задорно рассмеялась, помахала им рукой и ушла.

— Да, цвет — могучая сила, — вздохнул Билли, проводив её задумчивым взглядом, — когда видишь... эти... ну яркие краски, настроение улучшается.

— Смотря какой цвет, — возразил Вилли, — у меня от синего, даже яркого, совсем не улучшается, а вот от красного таки да, становится как-то веселее, от зелёного — спокойнее, от жёлтого.... Ты погляди на флаг у гомиков — там у них радуга, все семь цветов. Это, я думаю, от неуверенности в будущем, из боязни на чём-то одном остановиться. Потому целый спектр.

Муся принесла кофе и два круассана. Какое-то время друзья молча отхлёбывали из своих чашек, каждый думал о своём. Солнце стояло в

зените, жарило нещадно и никак не желало прятаться за редкие облачка. Прохожие жалась к теневой стороне улицы. Мимо «Синего Чулка» по проезжей части медленно катился грузовичок, по бортам которого висели плакаты "Black Lives Matter" («Чёрные жизни важны»), а в кузове вперемежку сидели и стояли несколько чернокожих парней и белых девиц в драных джинсах, с волосами всех цветов радуги и кольцами в ноздрях, как у молодых бычков. Чтобы привлечь внимание публики водитель яростно сигналил, а белокожие пассажирки в кузове махали руками и истошно вопили «Долой белую привилегию!». Некоторые прохожие опускали головы и ускоряли шаг, другие останавливались и приветливо махали руками в ответ.

Вилли молча рассматривал людей, проходящих мимо их столика, потом вдруг встал и крикнул кому-то: «Эй, Гарри!». Тут же к ним подошёл высокий господин лет сорока, с волнистыми седеющими волосами, в джинсах и чёрной футболке с надписью жёлтыми буквами: "А мне плевать!". Подтянул стул от соседнего столика, уселся и спросил:

— Чем угощаете, ребята?

— Вот кофе пьём, а как Муса подойдёт, и для тебя закажем, — ответил Билли и протянул для рукопожатия руку. Гарри подал свою и приятели с изумлением на неё уставились — рука была иссиня-чёрного цвета, будто в чёрной перчатке.

— Где ты так замарался, Гарри? Маляром что ли подрабатываешь в свободное время? — спросил Билли и на всякий случай убрал свою руку за спину.

— Ты не пугайся, — сказал тот, — не запачкаешься. Просто у меня кожа на руке сильно почернела. Уже недели две так хожу. Буду выводить, но пока не знаю как...

— Так сама по себе взяла и почернела? С чего вдруг? Болезнь у тебя что ли какая? Вроде проказы? — удивились приятели.

— Никакой болезни. Вы же знаете, ребята, я работаю лаборантом на фирме «Золотой Закат», мы там делаем кремы для загара. Ищем формулу, которая заставляет кожу активно вырабатывать меланин...

— Что - что вырабатывать? Не понял, — перебил его Вилли.

— Меланин. Это такой пигмент, который придаёт коже тёмный цвет при загаре. Мой босс химичит разные формулы для кремов, а я их испытываю на мышах. Ищем формулу, которая заставляет меланин в коже увеличиваться и вызывать сильную и быструю пигментацию. Две недели назад он мне дал колбу с экспериментальной жидкостью и говорит: «Намажь этим десять мышей». Я взял белых мышек, ватку в жидкость обмакнул и всех их натёр, а тут одна мышь из рук выскочила, по столу побежала, хвостиком махнула, колба на пол упала и разбилась. Жидкость разлилась, осколки в стороны брызнули. Чтобы мелкие стекляшки лучше собрать, я с правой руки резиновую перчатку

снял, но когда стекло собирал, руку этой жидкостью случайно замазал. Разумеется, сразу под краном вымыл, но...

Короче говоря, сунул я мышек в специальный ящик с ультрафиолетовыми лампами, чтобы загорали, — это надо чтобы формулу активировать. Через пару часов прямо обомлел. Гляжу — все белые мышки стали чёрными, как смола, только усики белые торчат и красные глазки сверкают. Вот так загар, думаю! Видать мой босс что-то с формулой переборщил, не то нахимичил, и меланин в мышах пошёл в разнос. Назавтра утром глянул я на свою руку, а она все почернела, я её случайно замочил этой жидкостью. Вот смотрите, розовыми остались только ладонь и ногти, там меланина мало, а снаружи всё чёрное, как у африканца. Я к босу: «Что делать?», спрашиваю. Он плечами пожал и говорит: «Не паникуй, потерпи маленько, должно само пройти, а если не пройдёт, будем думать как лишний меланин вывести.» Две недели уж прошло, а чернота пока не сходит, ну может, чуть посерела...

Тут подошла Муся и принесла ещё кофе с круассанами. Подивилась чёрной руке Гарри и тоже выслушала от него не очень ей понятные объяснения про мышей, меланин и чудо-жидкость, которая заставляет кожу менять цвет. Наморщила лоб, задумалась о чём-то своём и неторопливо ушла.

Когда расплачивались, Муся под села к их столику и, глядя Гарри в глаза, прожурчала:

— Слушай, Котик, а эта твоя химия может кожу в любой цвет красить? Скажем, в синий может?

— А тебе зачем? — в один голос воскликнула вся троица.

— Да вот чтобы чулки в жару не носить. Я бы такой мазью ноги намазала чтобы они стали синие, и могла бы без чулок тут работать. Ну так как, можно в синий цвет?

— Нет, — вздохнул Гарри и уважительно рассмотрел мусины ноги, — в синий нельзя, только в чёрный или коричневый.

Тут его голос заглушили яростные гудки ещё одного грузовичка с плакатами «Долой белую привилегию!» и призывные крики борцов за привилегию чёрную. Билли глянул на разноцветных активистов, что сидели в кузове, как вдруг в голове его что-то щёлкнуло и неожиданная мысль озарила лицо. Он схватил Вилли и Гарри за руки и в большом возбуждении воскликнул:

— Идея, братцы, есть богатая идея! Муся, иди, милая, работай. Мы тут пока ещё малость посидим, нам надо кое-что обсудить.

Когда Муся удалилась, он продолжил:

— Помните певца и танцора Майкла Джексона? У него в семье все были чёрные: папа чёрный, мама чёрная, братья-сёстры все, как сапоги, чёрные. Майкл, разумеется, тоже чёрный, но когда он разбогател, захотел стать белым. В те годы иметь чёрную кожу было

не престижно, не то, что сегодня. Он взял и отбелился. Может ты, Гарри, знаешь, как это ему удалось?

— Точно не знаю, — сказал Гарри, — но кое-что слышал. В своё время у нас в компании про это было много разговоров. Он уверял, что у него генетическое заболевание, от которого кожа светлеет, но я думаю, что это он для отвода глаз так говорил. Действительно, есть такое заболевание, где меланин разрушается и кожа светлеет. Но это происходит не вдруг по всему телу, а пятнами, совсем не так, как было у Джексона. Может, такая болезнь у него действительно была, но главное — он для удаления из кожи меланина использовал специальные кремы, например Venoquin. А вдобавок ему много раз делали пластические операции, чтобы пересадить отбелённую кожу, изменить форму носа и подбородка, как у белых людей. А ты это к чему? Хочешь отбелить тех чёрных бандюг, что на грузовике катаются, и лишить их «чёрной привилегии»?

— Как раз наоборот, — тихо сказал Билли, — не отбелить, а зачернить. Я бы хотел тех белых дур, что с грузовика орут, превратить в чёрных! Гарри, нельзя ли как-то этих идиотов побрызгать той жидкостью, чтобы они почернели, как твоя рука. Они против белизны, вот пусть почернеют и на своей шкуре попробуют. Может, после этого у них ума прибавится.

— Стоп, ребята, вас не туда занесло, — замотал головой Вилли. — Не то говорите! Идея действительно богатая, но вы мелко плаваете. Мы никого насильно чернить не будем, на этом можно опасно погореть. У меня лучшая идея: давайте организуем вроде как... косметический бизнес. Для превращения белых людей в чёрных! Получится как бы Майкл Джексон, наоборот, то есть в негативе. Я уверен, найдётся множество недоумков, которые по моде времени добровольно захотят стать неграми и на этом получить всё, чем сейчас задарма одаривают чёрных, невзирая на их таланты или способности. Мир полон дураков, и на них можно делать хорошие деньги!

— А что, — с воодушевлением сказал Гарри, — действительно богатая идея, давайте попробуем! Я с боссом поговорю, но его придётся взять в долю. Думаю, он на это пойдёт и сварит нам столько той химии, сколько будет надо. Проблема, однако, вот в чём. Мы ведь не врачи, если такой бизнес откроем — гарантию даю: нас всех посадят, и кто будет нам передачу носить? Мусья? Вывод какой? Надо искать медицинского партнёра — врача-косметолога с законной лицензией.

— С этим, думаю, большой проблемы не будет, — успокоил их Вилли, — У нас тут в Голливуде пасётся целое стадо лицензированных косметологов, в основном это выходцы из Ирана. Я с такими «персиками» уже прежде имел дела — эти люди сообразительные и

весьма склонные к бизнесу. Думаю, что найти доктора, какой нам нужен, вопрос только времени. Поищем!

Примерно через неделю партнёры опять встретились в той же кафешке, чтобы обсудить детали. Когда заказали у Муси традиционный капучино с круассанами, Гэрри сказал:

— Хорошая новость, господа, мой босс согласен. Просил 50% от доходов, но я ему объяснил, что, кроме него и меня, в деле ещё есть люди, с которыми надо делиться. Сговорились на 25. Так что химия у нас будет. Это главное. А как дела с «персиками»? Есть кто на примете?

— Я с одним поговорил, — сказал Вилли, — он обещал подумать. Но чувствую, что откажется. У него бизнес идёт лихо: с утра до вечера подтягивает кожу на физиономиях вышедших в тираж актёрок и певичек. Так зачем ему всё бросать и ввязываться в неизвестно что? Ищу других.

— А я уже присмотрел помещение, — сказал Билли, — просторный офис с лабораторией, четыре комнаты. Прямо в Беверли Хиллс, в двух шагах от Родео Драйв.

— Ты что! Там же жуткие цены, нам не потянуть, — в один голос воскликнули Вилли и Гарри.

— Нельзя иначе! Вы хоть понимаете, кто будут наши клиенты? Не эта же шваль, которая про «белую привилегию» орёт. Кому они нафиг нужны? Наши будущие клиенты — успешные белые люди. Те, которые двигают вперёд цивилизацию, народ талантливый, образованный, работающий, пока ещё с деньгами. Поэтому клиника должна быть в самом престижном районе. Не стоит нам ориентироваться на недоумков, куда надёжнее иметь дело с теми, у кого мозги в голове.

Глаза Билли горели, он вскочил, оглянулся по сторонам — не прислушивается ли кто, потом сел, пригнулся пониже к столу и яростно зашептал, размахивая круассаном, как указкой:

— Вы поймите, у людей нынче серьёзная проблема — белизна отлучает их от дел, которыми они всю жизнь занимались. Поглядите, что происходит в Голливуде, на Бродвее, в университетах! Белому актёру, сценаристу или режиссёру работу найти почти невозможно. Лишь потому, что он белый! В оркестрах ищут чёрных композиторов и музыкантов, в театрах охотятся за пьесами чёрных драматургов — только где их взять? Ау! Днём с огнём не сыскать! Нету таких! Научные работники и профессора в университетах почти все «индюки» и китайцы — эти пока ещё держатся, всё же они не совсем белые.

А вот реально белых совсем мало и скоро не будет вовсе — их активно заменяют на чёрных «профессоров», даже если те таблицу умножения не знают. Кого там волнует качество! Это серьёзная проблема, и наш бизнес её будет решать — мы станем переделывать

белых в чёрных. В чёрных актёров, в чёрных музыкантов, в чёрных профессоров, вообще всех белых, кто пожелает, сделаем чёрными. Будем возвращать их, так сказать, в оборот под другим цветом. Я уверен, многие белые будут не прочь перейти в чёрную расу, чтобы только вернуться в профессию. Важно, однако — они только снаружи станут чёрными, а внутри останутся белыми, со всеми их способностями и знаниями. Сегодня белизна принижает, а чернота их поднимет с нашей помощью.

Да что там! Разве дело только в белых! Смотрите шире — мы будем помогать всем: и белым и натурально чёрным! Особенно чёрным! Да, да, не делайте удивлённые глаза! Чёрным будет даже больше пользы! Переделывая белых в чёрных, мы поднимем уровень негритянского населения Америки. Из бывших белых мы создадим чёрную элиту, на которую будут равняться остальные чернокожие - и пойдут за ней! Миллионы натурально чёрных станут подражать своим успешным ново-чёрным собратьям и захотят выбраться из трущоб Чикаго, Балтимора и Ньюарка! Мы поднимем чернокожее население из низов. Мы изменим лицо Америки! Ребята, это будет революция! Поэтому лозунг для нашего бизнеса можно взять из Интернационала: «Кто был ничем, тот станет всем!». Или, если угодно, из Евангелия от Матфея: «...первые станут последними, а последние станут первыми...» Впрочем, лозунг подберём после. Давайте сейчас поговорим о рекламе. Есть какие идеи?

— А что тут долго думать, — сказал Гарри, — закажем рекламные плакаты с двумя фотографиями, где слева будет изображен белый человек, снятый до нашей процедуры, а справа — он же, но почерневший. Хорошо бы для этого использовать какую-то знаменитость.

— У меня идея! — воскликнул Вилли, — давайте пригласим Шварценеггера! Он знаменитый киноактёр, бывший губернатор, а главное — у него фамилия идеально подходит для нашего бизнеса. Мы ведь как раз будем из белых людей делать "schwarze" чтобы получился "negger"! Я слышал: у него сейчас с деньгами туго. Сниматься в кино его больше не приглашают, жена из дома выгнала. Думаю, он согласится и недорого возьмёт.

— О нет, — засомневался Гарри, — он нам никак не подойдёт. У него две серьёзные проблемы. Во-первых, вторая половина фамилии Шварце-неггер звучит уж очень неполиткорректно. Из-за этого на нас наедут всякие либералы и всё дело развалят. Во-вторых, староват он, у него физиономия слишком поношенная. Особенно, если его в чёрном виде показать, — кошмар! Будет по ночам сниться и вызывать отрицательные эмоции. Нет, Шварценеггер для рекламы не годится. Подберём кого -нибудь попривлекательнее... Эй, Муся, подойди-ка сюда, мы у тебя кое-что хотим узнать.

Когда Муся подошла и, упершись руками в бока, вопросительно на них уставилась, Гарри спросил:

— Муся, как насчёт чтобы заработать хорошие деньги? Ты бы хотела?

— Что ты имеешь в виду?

— Хочешь стать моделью?

— Это ты о чём, Котик? Какой ещё моделью? Если ты про порнуху, то забудь! Я такими делами не занимаюсь, я девочка скромная...

— Даже в мыслях не было! Что ты! На фото будешь одетой, но... Есть одно щекотливое условие. Тебе, Муся, придётся почернеть, то есть стать негритяжкой. Помнишь, я тебе на той неделе про меланин объяснял? Так вот, мы тебя сфотографируем как ты есть белая, а потом намажем особым кремом, и когда у тебя лицо станет чёрным, опять сфотографируем. Для рекламы. Согласна?

— Ты что, на солнце перегрелся или накурился чем? — Муся стала закипать. — Да пропади они пропадом, ваши деньги! Подите вы, знаете куда, со своими кремами! Озолоти меня, чтобы я свою красоту зачернила. Да я...

— Стоп, стоп! — замахал руками Вилли, — не надо её чернить, что вы, братцы! Всё куда проще. Пусть Муся остаётся белокожей красавицей. Она ведь нам в чёрном виде нужна не живьём, а только на рекламе. Мы всё сделаем на Фотошопе. Снимем, как она есть, а потом на фотографии поменяем цвет лица с белого на чёрный или бурый — там видно будет, какой лучше.

— Ну, если на Фотошопе, тогда О Кей, я согласна. Так бы сразу и сказали, — успокоилась Муся.

— Значит решено, дадим на рекламе Мусю в двух видах, — сказал Вилли. — Теперь последний вопрос. Есть у кого идеи, как новый бизнес назвать? Может так: «Из грязи – в князи» или наоборот: «Из князи — в грязи»?

— Нет, — возразил Билли, — не пойдёт, это слишком прямолинейно, в лоб. Да и длинно. Название должно быть цепким и коротким, как юбка у Муси: чтобы раньше времени тайну не раскрывать, но возбуждать интерес. Как насчёт такого названия: Клиника «Негатив». Годится?

На том и порешили.

Друзья наскребли денег из своих сбережений, кое-что заняли у родственников, а Вилли, который стал президентом нового бизнеса, смог взять в банке ссуду под залог своего дома. Сняли помещение, что подобрал Билли, в комиссионках купили мебелишку в викторианском стиле, оборудовали комнату с ультрафиолетовыми лампами, повесили на двери вывеску «Клиника Негатив».

Вскоре удалось найти доктора-косметолога по имени Фарид — элегантного господина лет пятидесяти, говорившего по-английски с приятным лёгким акцентом. Он работал в косметическом офисе, который подтягивал кожу на лицах престарелых голливудских старлеток, но загорелся идеей о переделке белых людей в чёрных. Фарид был настоящий профессионал, поэтому первое, что он сделал, — запросил у Гарриного босса токсикологический отчёт и, когда убедился, что состав, возбуждающий в коже меланин, совершенно безвреден, дал своё согласие.

Знакомый фотограф снял Мусю в разных ракурсах, поколдовал с Фотошопом, подобрал разные цвета, и вскоре вдоль 5-го и 101-го шоссе в небо устремились огромные щиты, где была изображена Муся в белом и буром обликах.

Вскоре появился первый клиент. Им оказался плюгавый очкарик лет тридцати пяти в джинсах с дырами на коленях, белых кроссовках и кофте мышинного цвета. Он приоткрыл дверь, робко заглянул внутрь и, увидев сидящего за столом регистратуры Билли, слегка заикаясь спросил:

— Это з-здесь делают афроамериканскую внешность?

— Здесь, здесь, милости просим, заходите, — радостно ответил Билли. Человекек, шаркая по полу, подошёл к столу и высыпал на Билли целых ворох вопросов: «А это не больно? Как долго ждать, пока кожа почернеет? Сколько будет стоить? Долго ли держится чернота? Что делать, если кожа опять побелеет?» И так далее, и тому подобное.

Билли разъяснил ему, что процедура лёгкая и совсем безболезненная, гарантия на полгода, а если белизна вернётся раньше, то повторят процедуру бесплатно. Сказал, что стоимость первой обработки две тысячи долларов, но при хорошей кредитной истории клиника даёт рассрочку на год. Чтобы чернота держалась

постоянно, каждые полгода надо процедуру повторять за куда меньшую плату — всего за 200 долларов. Объяснив это, Билли поинтересовался, с какой целью посетитель хочет стать афроамериканцем? Тот сначала замялся, засмутился, но потом всё же объяснил:

— Меня зовут Франк, я по профессии программист. Полгода ищу работу, но куда ни сунусь, нигде не берут, даже на интервью не приглашают. Я полагаю, что если бы я не был белым, взяли бы, а так посмотрят на меня и говорят: «сожалеем, место уже занято». Сделайте меня афроамериканцем, только у меня сейчас таких денег нет. Можно в кредит? Начну работать - и выплачу всё сполна с процентами.

Билли дал ему карточку и просил позвонить через два дня, а потом посоветовался с партнёрами и они решили, что для почина стоит рискнуть и зачернить Франка в кредит. Через несколько дней появились ещё клиенты: сначала двое, на следующей неделе — дюжина, а потом от желающих покончить с «позорной белизной» отбоя не стало. Бизнес пошёл. Фарид работал по десять часов в сутки, Гаррин босс еле успевал готовить своё дьявольское зелье, и баланс в банке на счету клиники «Негатив» впечатляюще увеличивался. Партнёры даже стали подумывать о франшизе.

Каждый клиент перед процедурой должен был заполнить специальную форму, где подтверждал, что согласился на почернение совершенно добровольно и не будет предъявлять клинике никаких претензий. Клиент также был обязан сообщить причину своего решения поменять цвет кожи. На последнем вопросе настоял Вилли. Он сказал, что для дальнейшего развития бизнеса ему нужна статистика, чтобы знать, на какую категорию клиентов ориентировать рекламу.

Почти половине посетителей приходилось отказывать — они хотели превратиться в афроамериканцев в кредит, но поскольку никто из них не работал и работать не собирался, с такими предпочитали дел не иметь. Своё желание почернеть эта публика объясняла тем, что тяготится своей «постыдной белизной» и мечтает слиться с «угнетённым меньшинством». Когда им отказывали в кредите, они скандалили, обзывали работников клиники «расистами» и грозили, что спустят на «Негатив» свору адвокатов из Союза Гражданских Свобод.

Мусю, хотя она и получила за свои снимки солидное вознаграждение, ждало некоторое разочарование. Посетители «Синего Чулка», видевшие на шоссе плакаты с её изображением, усаживались к её столикам, искательно всматривались в Мусины голубые глаза, с ней фотографировались, удивлялись, как быстро она опять побелела, и оставляли щедрые чаевые. Про Фотошоп она, разумеется, помалкивала.

Однажды ей позвонил продюсер и пригласил на телевизионное шоу-интервью с Опррой, кумиром американских домохозяек и самой богатой чёрной дамой Америки. Для подготовки он прислал Мусе список из двадцати вопросов, которые Опра будет задавать. Среди них были такие: «В каком возрасте вы стали стыдиться своей принадлежности к белой расе?», «Когда вы почувствовали себя афроамериканкой?», «Осуждали ли ваше решение белые расисты?» и прочие благоглупости. Муса не знала как ответить и решила, что придумает что-то на месте по ходу дела. Однако, когда в назначенный час она появилась на студии во всей своей естественной красе, увидев, что она белая, её прогнали с позором.

Одним тёплым декабрьским утром, какие нередко случаются в Южной Калифорнии, в офис зашёл элегантный афроамериканец невысокого роста. На нём были очки, дорогой костюм в полоску, розовый галстук и белые кроссовки. Он подошёл к Билли и, слегка заикаясь, спросил:

— Не уз-знаёте? Это же я, Франк, помните? Мне тут делали процедуру четыре месяца назад. Как видите, я слегка посветлел, но всё ещё в норме. В феврале буду делать повторную процедуру. А пока — вот вам чек. Хочу полностью расплатиться.

Билли принял чек, радостно пожал ему руку, а поскольку время шло к полудню, пригласил на ланч в соседний ресторанчик. Там Франк рассказал, что когда после процедуры его кожа приобрела красивый шоколадный цвет, он пошёл наниматься на работу программистом. В первой же компании ему сразу предложили позицию супервайзера с хорошей зарплатой, даже не поинтересовавшись прошлым опытом и образованием. К новоявленному афроамериканцу жизнь повернулась своей светлой стороной, он даже смог побороть свою природную стеснительность и завести себе натурально чёрную подружку. Единственное, что его беспокоило, — что будет после? Оставаться чёрным навсегда он не хотел и опасался, что когда прекратит периодические процедуры и обретёт свой естественный цвет, его обвинят в обмане и выгонят с работы. Билли его успокоил, рассказав историю Майкла Джексона:

— Наш доктор вам выдаст справочку, что у вас генетическое заболевание, от которого светлеет кожа. А там, глядишь, времена изменятся. Не будет же это чёрное безумие длиться вечно! После тёмной ночи всегда наступает светлый день.

Статистика, которую собирал Вилли, показала, что прав был Билли: клиентами клиники «Негатив» в основном становились люди с профессиями, которые из-за своей белизны потеряли работу и не могли нигде устроиться. На страну опустился мрак смутного времени, когда чёрная кожа ценится куда выше, чем талант, знания и опыт. Стоит ли удивляться, что на искусственное чернение шли журналисты,

учёные, профессора университетов, балерины, и даже был один кандидат в астронавты.

Клиентом клиники стал знаменитый дирижёр Жорж З. Он долго сопротивлялся давлению со стороны совета директоров оркестра исполнять в концертах произведения африканских композиторов и упрямо держался за Бетховена, Брамса и Шостаковича, которые ныне считаются белыми расистами, а их музыка — символом рабства. В конце концов со строптивым дирижёром расторгли контракт и он остался без работы. Ни один оркестр не хотел о нём даже слышать.

После года душевных терзаний Жорж решился на отчаянный шаг: своё имя, которое прежде было на слуху у всех любителей классической музыки, он поменял на Окамбо Мамумба, а, увидев на придорожном щите почерневшую Мусю, решил изменить и внешность.

Помогло немедленно! Через какие-то две недели после процедуры маэстро Мамумба получил предложения занять посты музыкального директора сразу двух крупных оркестров: Paterson Symphony и Pennsylvania Grand Operá. О том, что это бывший Жорж З. никто даже не догадывался, а его высокое мастерство восхищало музыкальных критиков, которые видели в этом подтверждение того, насколько чёрные музыканты превосходят белых.

Уважаемый читатель, я мог бы ещё долго рассказывать про пациентов клиники «Негатив» и о том, как переход в чёрную расу развернул их жизнь к свету, но моё правдивое повествование подходит к концу. Как у Шахерезады, близится момент, когда я должен прекратить дозволенные мне речи. Пока этот момент не наступил, я хочу напомнить старую мудрость: «Всё, что поднимается, то однажды упадёт». Или как говаривали древние «латыши» (я имею в виду тех древлян, что говорили на латыни): «*Omne quod habet principium et finem habet*», то есть: «Всё, что имеет начало, имеет конец». Наступил конец и клиники «Негатив». Случилось это так.

Однажды утром доктор Фарид Хасани-заде не вышел на работу. Пять клиентов, переодетые в специальные голубые халаты, ждали его уже более двух часов. Все официальные бумаги были подписаны, деньги уплачены, а доктора всё не было. Билли пытался дозвониться ему в мобильник, но телефон не отвечал. Перед кандидатами на чернение пришлось извиниться, перенести процедуры на другие дни и закрыть клинику. Только к семи вечера удалось дозвониться до Фариды. По телефону он говорить не хотел, приехал к Билли домой и рассказал следующее:

— Они на меня наехали, когда я утром собрался на работу. Несколько чернокожих бандюг вытащили меня из моей Теслы, силой усадили в свой джип и увезли куда-то на окраину. Куда именно, не знаю, окна в джипе были замазаны. Привели в большую комнату, там на стенах висели портреты Джорджа Флойда, Нэнси Пелоси и Чака

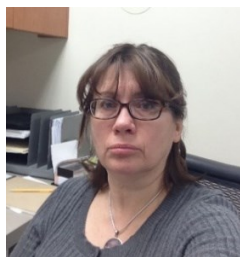
Шумера. На стульях и на диване сидели и курили человек десять, все в чёрных футболках с надписью «Black Lives Matter!». Судя по их реально африканским физиономиям — не наша работа, публика натуральная. Всем заправляла какая-то мулатка в цветастом тюрбане. На ней висела задница неопишуемых размеров, а в ушах и на руках массивные золотые кольца. Сразу стала на меня кричать, обзывала расистом и супремасистом и чем-то ещё по нынешним временам плохим. Я сначала не мог понять, что она хочет, но потом до меня дошло, что клиника «Негатив» приносит их движению большой вред и они требуют бизнес закрыть.

Я пытался что-то сказать, но они ничего не слушали и вся эта толпа стала на меня разом орать. С трудом я смог разобрать, какая у них проблема: их злило, что мы из белых людей делаем чёрных и тем создаём для них конкуренцию. Наши ново-чёрные становятся куда более успешными и потому оттягивают на себя все блага, которые якобы причитаются натурально-чёрным. Они пригрозили, что нам придётся плохо, если мы не прикроем «Негатив». Потом толстуха что-то им крикнула, все враз замолчали, и тогда она мне говорит уже спокойным голосом: «Даю вам 24 часа, чтобы дело закрыть». Когда меня повели к выходу, один пожилой господин подошёл и прошептал мне на ухо: «Вы, мистер, поймите, мы, афроамериканцы — потомки рабов. Мы не такие, как ваши фальшивые чёрные или недавние иммигранты из Африки, которые никогда не были рабами. Мы не можем с ними состязаться, мы этого не хотим.» Меня посадили в джип, довезли до клиники и там выпустили. Что будем делать?

Билли позвонил остальным партнёрам, и после долгих и бурных дебатов они решили бизнес не закрывать, но нанять охрану. Не помогло. На третий день, когда Билли пришёл на работу, увидел, что охранника на месте не оказалось, а окна в клинике разбиты вдребезги. Из офиса было украдено всё, включая викторианскую мебель и ультрафиолетовые лампы. Билли позвонил караульному супервайзеру, но тот сказал, что они отказываются охранять этот объект. Ни одна другая охранная фирма не согласилась прислать в клинику своих стражников, а в полиции лишь составили протокол и отмахнулись — с BLM никто связываться не хотел.

Около «Негатива» бродили группы чёрных активистов. Тех белых, которые шли на приём, обрызгивали чёрной краской, некоторых избивали. Закрытые фанерными щитами окна и входную дверь они заклеили плакатами с физиономией своего нового святого Джорджа Флойда, а Теслу, на которой ездил Фарид, облили краской и прокололи у нее шины. Справиться с этой напастью партнёры не могли и, ко всеобщему сожалению, клиника «Негатив» приказала долго жить. Лишь вдоль скоростных шоссе Лос-Анджелеса ещё несколько недель сиротливо стояли рекламные щиты с белой и чёрной Мусей.

Арин Суш
Ричмонд, США

Норд — ромашки. Рождественская быль

«Санта, Санта отпусти нас! Росинками на пальме мечтаем быть!»

А лужей мазутной или жижей в автомойке не хотите? Лепишь их, корпишь над каждой снежинкой. Кристаллик к кристаллику. Красавицы белюсенькие, микроёлочки. А они в тёплые края надумали.

И что вам в вечной мерзлоте не лежится? Чем вам снег не перина? Дальние страны подавай! Лужайки ромашек поливать? Тут уж выбирай, но осторожно. Либо дождь, либо снег. Вон ваша туча! Прочь на все четыре стороны, норд — ромашки!

И снежинки на попутных ветрах улетают за океан, в южные города. Они медленно тают, превращаясь в туманную пыль. Их воспоминания бледнеют. Прошлое становится далёким, но ещё важным. Слышится шёпот: «Я была, я помню..., — и всё реже — Я стану, я буду...»

На рассвете туман опускается на город, дрожа от восторга в огнях светофоров, гирлянд и витрин. Ручейки стекают на тёмный асфальт в радужные зеркала. Звуки сливаются в торжественный гимн на чужом языке. Колёса машины вдавливают в грязь хрупкие, цветные мечты и скручивают их в липкое серое кольцо.

Люди в автомобиле едут в гости на Рождество.

1

В доме готовились к приезду гостей.

Тихо играла мелодия White Christmas, свечи дымили хвойным лесом, под искусственной ёлкой лежали подарки. Алисия смахивала пёстрой метёлкой только ей видимую пыль.

— Ну я такого тумана не помню. Это не туман, а пурга! — в дверь протискивалась большая коробка на голых ногах. — Куда поставить?

— Только не на ковёр! Мина, ты всю грязь с гаража занёс.

Вениамин опустил коробку на пол и с трудом распрямился:

— По нашему двору белки такие толстые мотаются. Видимо, у них экстра-оперение пошло на зиму.

— И как я забыла про сервис к чаю? Надеюсь, не побился за столько лет и переездов... бабушкин, Кузнецов, — сокрушалась Алисия.

— Так почему мы им не пользовались? Вот и теперь не для себя открываем.

— Какое это Рождество без снега, норд в ромашках, — волновалась Алисия как режиссёр перед премьерой.

— Не тот штат выбрали, южане.

Мина задумчиво рассматривал в отражении окна профиль своего живота.

— Лисик, я хочу с тобой серьезно поговорить... — осторожно начал муж.

В это время в гостиную, в банном халате и тапочках-зверюшках, стремительно вошла тёща, Доля Силовна, и отдала приказ:

— Алисия, позвони в библиотеку Конгресса и закажи мне книгу «Красный террор».

— Мам, на Christmas там никого нет. После праздников — хоть в NASA позвоню, — устало ответила дочь.

Доля Силовна недовольно села.

— Разве книга не на английском? — осторожно спросил зять.

— Алисия мне переведёт.

— Язык страны проживания нужно знать, Доля Силовна.

— Это страна моего прозябания. У меня тут клаустрофобия развилась. Ох, как она мой тембр жизни ограничивает! А ваш английский терпеть не могу. Квакают как лягушки... брэд, кэт, бэд.

Доля Силовна сняла тюрбан с головы и бросила полотенце на стол, едва не попав в свечку.

— Фу, как гнилой картошкой из погреба несёт!

— Мам, ну почему ты не одета? Час ведь остался.

— Сама же говорила по-утреннему, по-домашнему...

Алисия обречённо, как скучный урок, напомнила:

— Здесь Christmas встречают рано утром, в пижамках или халатиках. Ночью Санта влезает через трубу, выпивает молоко с печеньем и оставляет подарки под ёлкой... вот чушь... и как в такое дети верят...

— К нам в гости внук с дочерью президента компании приезжают. Её батя почти как Bill Gates! Это не частушки в крыжовнике. А вы, Доля Силовна, в ватнике! — Мина поспешил жене на помощь.

— Да хоть Билл Клинтон! Разбежалась для неё наряжаться. Может, прикажешь ещё, бусы нацепить, встать в хоровод? Мне американки не нравятся!

— Янка, россиянка. Какая, хрен, разница?

— Я Илье так и скажу, — старуха встала и подняла указательный палец к потолку. — Как старейшина рода ... не одобрю, не благословлю! Нашей семье американский капитал не нужен! Чтоб ноги её у нас не было! Янки, гоу хом!

— Ваше липистричество, да кто вас спрашивать будет? — растерялся Вениамин. Саботаж тёщи перед приездом гостей был совсем некстати.

Алисия попыталась урезонить мятежницу.

— Должно быть, славная девушка, раз с Илюшей. И умная, в медицинском учится. Ведь ты её даже не видела, а судишь.

— Я не признаю! В какие наряды ты её не ряди...

На этот раз терпение у Алисии лопнуло:

— Переодеваться! Живо! Норд — ромашка!

— Слова сказать нельзя. Зашью себе рот, — Доля Силовна величественно поднялась, подошла к двери, обернулась и злорадно добавила. — Я вчера в коридоре видела... моль!

— И камеристка обратилась в бегство ... — торжествовал Мина.

Жена скептически покачала головой. С мамой так просто не заканчивается.

2

Из четырёх стульев только два были одинаковыми.

Алисия, путаясь в полах кимоно, поспешила к комоду с бельём. Она покрыла стулья белыми простынями и подвязала их золотыми бантами для подарков. Гостиная превратилась в зал заседания масонской ложи на карнавале в Венеции.

— Как тебе? — обернулась Алисия к мужу.

Вениамин одобрительно кивнул, обнял жену и попытался с ней танцевать, напевая:

... white Christmas...

Лисик, расслабься... I used to know...

Что ты спех селишь? Что тебя долбит?

Все ж прекрасно ... oh, the snow...

Любимый сын приезжает с девушкой.

Мы всё успеем, нас же двое, почти трое

Мать твоя... Доля моя... all your Christmas' be white...

Музыка затихла. Пара продолжала стоять обнявшись. Они наслаждались тишиной и любовались цветными огоньками гирлянд.

— Если бы просто с девушкой... Не дом а стыдобище. Мина, меня эта спешка сжигает. Ну почему на полу носок валяется??

— Я так быстро бежал что он соскочил. Забудь. Слушай сюда... у меня для нас подарок, сюрприз! — решился наконец Вениамин.

— Мы же договаривались без круговорота подарков в природе! И откуда тут паутина взялась? — Алисия вновь схватилась за метёлку, но муж её остановил.

— Сколько лет без подарков. Будем слишком старыми, чтобы им радоваться.

— Положи под ёлку.

— Это не донесёшь, само придёт.

— Думаешь, успеем всё сделать?

— Всё под контролем. Это быстро, но приятно. Мне от тебя нужно только пятнадцать минут, — Мина игриво и многозначительно посмотрел на жену.

— У тебя с башкой все нормально? Нашёл время! — Алисия гневно ударила мужа метёлкой и резко оттолкнула от себя.

— Стыдно, о чём ты подумала, мать американского врача! А еще отличница... — рассмеялся Мина. — Лисик, нам нужно с собой что-то делать. Во что мы превратились? Посмотри на моё пузо — у меня полная, абсолютная рекламация телосложения! Я не могу смотреть на себя в зеркало. Я уже несколько лет бреюсь в темноте. Не могу понять, куда все делось? Вчера был стройным, а сегодня... кто этот толстый гражданин в отражении? Никогда не думал, что смогу таким стать.

Алисия зашептала, округлив глаза:

— Ну что я могу сделать? И почему именно сейчас? Мне мамы хватает. Давай после Илюши поговорим? Помоги развязать коробку, пока ноготь не сломала...

— Когда мы в последний раз друг другу дарили подарки? Выжимаем последние гроши для всех, а себе — фиг собачий! Столько лет кручусь как вошь в блохе... я манал это! Короче, удели мне пятнадцать минут! — потребовал Мина.

— Это не-воз-мож-но!

— Я тридцать лет, как Аллен Делон на острове, ничего не покупал себе!

— Как Робинзон Крузо.

— Я был хорошим мальчиком в этом году? Даже с такой Долей... Я могу иметь одно желание на Christmas? Пятнадцать минут твоего времени. Это все что я прошу! Лисик, годы берут своё. Романтика между нами пропадает. Давай улучшим дальнюю память, давай вспомним себя молодыми...

— Вот уж точно... тебе легче дать, чем отказать. Окей... Мой подарок... забирай, — смягчилась жена. — Ну и зачем тебе эти минуты?

Вениамин облегчённо и радостно выпалил:

— Я записал нас в класс танго! Я всегда хотел его с тобой танцевать! Сейчас придёт учитель с нами знакомиться.

Алисия всплеснула руками и отступила:

— Мина, это так не вовремя! И как тебе удалось дозвониться до них в праздник?

— Случайно. Клянусь! Я случайно позвонил им три раза подряд.

3

Вошла Доля Силовна с большим красным мешком. На ней была футболка с надписью "Santa's Little Helper". На голове — военная пилотка, украшенная армейскими и туристическими значками СССР.

— В нашем паломничестве пополнение, — вздохнул Вениамин.

Неугомонная тёща недовольно заворчала:

— Все тискаетесь, танцуйки устроили. Как телята: где сойдутся, там и лижут. В доме такая холодюга... на меня анабиоз нападает. Что я хотела сказать... дай бог память... Вы меня отвлекли. Я читала, для мозга в яблоки булавки тыкают, чтоб ржавели и было больше железа.

— Сколько купить булавок? Килограмма два хватит? Я пошуструму слетаю в магазин! — весело предложил зять.

Алисия укоризненно посмотрела на мужа:

— Для памяти, мама, нужно что-то новое изучать или танцевать.

— Что ты тут развела? Ленин в Горках, — махнула на стулья Доля Силовна и вытащила из мешка бархатное знамя. — Как я скучаю за видео с моего окна на храм. Съездить бы, навестить...

— Так в чем проблема? Флаг в руки и вперёд! — обрадовался Мина.

— Только с маминной памятью такие поездки! Собралась в Крым — приедет в Рим!

Алисия раздражённо торопилась достать сервиз из коробки:

— И зачем мы всё это тащили с собой в новую жизнь... Даль ... второй том, кастрюля... без крышки, справочник акушерки...

— Дорогу к пенатам найду! Своя хатка — родная матка. Кошки и те километры до дома бегут, по телевизору показывали, — продолжала кипятиться Доля Силовна.

— Да вы тут-то еле шкандыбаете, — припомнил старухе Мина.

— Не нравится учить язык — танцуй или пей травки всякие. Вот этот, вроде, для мозга полезный. «Cat Claw», кошачий коготь, — Алисия подала матери чашку с чаем.

Доля Силовна сделала глоток и поморщилась:

— Такое пойло точно не забыть. Как моча молодого поросёнка. В миг память улучшил... да ещё и с мухой! — она достала что-то из чашки и бросила на пол.

— Ну зачем вы сорите! Ваша дочь целую неделю гробилась, порядок наводила, — возмущился Мина, незаметно поднимая носок с ковра.

— Скажет безвкусица... — рассматривала Алисия петуха на заварочном чайнике.

— Год петуха, вроде? — попытался успокоить жену Вениамин.

— Год крысы, — поправила его Доля Силовна.

— Вам лучше знать!

Вениамин расправил достал из коробки и расправил старую мятую газету, с большой фотографией Фиделя Кастро.

— Интересно, муха померла от ностальгии или дезинформации? — дразнил он тещу, напевая:

Куба, верни наш хлеб
Куба, возьми свой сахар
Куба, Хрущева нет
Куба, пошла ты ...

— Мина, принеси из машины поин... пионэрию, пибнерию... не могу вспомнить! Мы вчера купили... Christmas цветок, — торопливо перебила его Алисия.

— Как-то танцем память не улучшила. Не та доза? — съехидничала Доля Силовна.

— Вы нам терапию прервали. — Вениамин не сдавался.

— Скоро мешать не буду. Я в среднем прожиточном минимуме.

— Вернуть твой подарок в магазин, мама?

— Не торопись в детдом, Алисия, ещё успеешь осиротеть! — поджала губы Доля Силовна.

— Спасибо за кофе, это так мило, — Алисия с нежностью взглянула на Мину.

— Вчерашний. Жаль было выливать, — ответил любящий муж и прислушался:

— Странный звук на улице. Это дождь идёт или что?

— Либо дождь, либо снег, либо будет, либо нет, — нервно, ускоряя как поезд, повторяла Алисия. — Мне этот визит уже по ночам снится. Скорее бы всё закончилось! — Она хлопала по столу ладонью и барабанила в такт. — Либо дождь, либо снег, либо будет, либо нет...

— У пчелы два желудка: один — для еды, а другой — для мёда, — объявила Доля Силовна.

— А мне ночью снилась жена Бростито, — поделился Мина.

— Простито или простата? — ядовито уточнила теща.

— Я прóсто восхищён вашим даром, Доля Силовна, все впопыхах скомпилировать! — Мина ушёл.

— Твой Витаминыч... — победоносно начала Доля Силовна.

— Вениамин Витальевич, — раздражённо оборвала её дочь, поправляя причёску. — Волосы пегие, как луковица. Думала, краски — до ишачьей пасхи хватит... Хватились — ни одной коробки... Да, пока не забыла! — Алисия поспешила в спальню, принесла деревянный ящичек с золотой надписью "Mini Bar" и протянула матери. — Спрячь. Мой подарок Мине. Не успела завернуть.

— Совсем за собой не следишь, распустёха. А твой супруг — в шкодливой фазе.

Я-то уж вижу! Курчавый волос — кудрявые мысли.

Алисия зябко куталась в шёлковый халат.

— Дурацкие курава, прям, гейша. Я Вениамину верю! Представь себе, есть мужья, у которых пуговица на ширинке застёгнута.

— Доверять — доверяй, да почаще проверяй! Шастаешь по дому в наряде проститутки, внушаешь ему непотребные мысли. Мужика нужно держать на коротком шнурке!

— От ботинок? На бретельке надёжнее, — Вениамин внёс горшок с цветком и поставил на стол перед женой. — Получи и распишись. Пожар в джунглях!

Алые блики лепестков задрожали на старинных фарфоровых чашках, оживив дни, когда семья была большая и дружная, праздники весёлыми, а ёлки пахли хвоей и конфетами.

— Бабушкино варенье было такого цвета, — Алисия любовалась растением и пыталась запомнить его название — Poinsettia, по-ин-се-тия.

— Это Ванька-мокрый! Научное название «кашка». У нас дома их было полным-полно. Забыла? — презрительно фыркнула Доля Силовна и продолжала наступать на зятя. — От вашего ребра нам не ждать добра! У вас стручок хромосомы треснут, я читала.

— Я сегодня на все смотрю позитивно. Вам не задеть мой парус! — невозмутимо парировал Мина.

— Ещё бы...минтай рыба глубоководная.

— Принимаю как похвалу!

— Мама, ты это на зло? Во что ты вырядилась? — Алисия только сейчас заметила наряд матери. — И что ты притащила сюда?

— Переходящее Красное Знамя, гордость коллектива! Пусть капиталистка видит — честь не купишь! Чем тебе пижама не нравится? Опять не угодила. На себя посмотри! Не знаешь, как прогнуться. Кокошник нацепи ещё, да хлеб — соль...

— Ха-лат! Приличный халат надень! Всё что я прошу. Мама, у тебя есть три выбора. Первый: мы отправляем тебя в дом престарелых...

Доля Силовна заломила руки к потолку и стала яростно креститься:

— Слава Богу! Отдайте меня, отдайте!

— Сил на тебя нет... пошли переодеваться, — обречённо вздохнула дочь и увела бунтарку.

4

В дверь позвонили.

— Ні! — поприветствовал Мина вошедшую девушку. Вода ручьем лилась с её зонтика. — Тыц-пиздыц, дождь в полный рост!

— Танго class?

— Вы учитель! — обрадовался Мина и, с опаской оглядываясь на дверь, стал торопливо что-то шептать девушке.

Вошла Доля Силовна, и ей сразу не понравилась эта таинственность.

— Ні! — девушка протянула руку Доле Силовне.

— И вас туда же, по тому же месту, — сухо, не подавая руки, ответила старейшина дома.

— Худющая как пол весла, — пробормотала она Мине — А где Илья?

— Morning! — вошла Алисия и смущённо поморщилась. — Мина, извини. У меня нет времени на потанцульки. Первый урок — сами, без меня. И переодеваться! — она поспешно вышла из комнаты, наступая на полы халата.

Мина, спохватившись что он все ещё в шортах и одном носке, убежал.

Насупила неловкая тишина. Доля Силовна с откровенной неприязнью смотрела на гостью.

— Beautiful! — девушка показала на ёлку, пытаясь начать разговор.

— Нам твоё мнение, как голография в форточке, — надменно произнесла старуха. — Что ты знаешь... Алисия по книжке ёлку наряжала. Она у нас ещё тот дупель педантичный.

— Sorry, I don't understand. Я говорю по-русски как собака по-французски... — засмеялась девушка и посчитала шары на ёлке: — райс, два, три, четыре!

— Что уж тогда обо мне говорить... — смягчилась Доля Силовна. — А с кем, прикажешь, английский репетировать? С Минтаем? У него в башке только танцы с бубнами... Илюша, внук мой, доктор, с капиталисткой сейчас заскочит, на пару минут. Глоток равного интеллекта. Дай бог, чтоб мои анализы успел посмотреть.

Доля Силовна открыла подарок Вениамина и выбрала белую бутылочку с ромом:

— Будешь?

— Alcohol — bad energy! — отрицательно покачала головой девушка.

— Ну ты же на работе, Снегурочка. А мне это — что слону дробинка... дегустация...

Доля Силовна задумчиво рассматривала пальмы на бутылочке.

— На Кубу я мечтала поехать. Дочку вот, в честь Alicia Alonso назвала, — она показала на плакат балерины на стене. — У моего деда партбилет... трёхзначный номер был! Мощь! Сына назвал Сила, внучку, меня, — Доля. А у них кто будет? — махнула Доля Силовна в сторону двери. — Неволя?

А ты чего по утренникам мотаешься? Деньги, поди, нужны... мани... Молчишь? Думаешь, не пойму?

Муж мне записку под дверь пихнул "Не ищи". А мне через неделю рожать и ни одной пелёнки...не пойму...

По ночам сторожем работала, да днём унитазаы подругам мыла... Подругам! Каково?!

не пойму...

Что ты знаешь, индусятина, какая я была красавица! А тут... не ищи... На Кубу с ним собирались работать. Предала я кубинцев... в Америке вот живу.

А что б я одна дома делала? На храм с балкона молилась?

А, давай эти бутылки выбросим! — старуха попыталась открыть окно. — Я потом всем своим ухажёрам говорила: — Ты у меня на втором месте будешь. Это тоже не плохо, поверь. Но на первом у меня — дочка! Так одна и прожила с Лиськой. На второе никто не позарился. — Доля Силовна продолжила злобно бороться с оконной задвижкой. — Не искала! Раз человек так хотел.

Вернулся Мина, ворча: «Вещи, которые я покупал на выход, стали на вынос». Брюки ему были малы и не сходились на животе.

— Вы чего окно открыли? Замерзали, вроде.

Раскрасневшаяся тёща, тяжело дыша, предупредила:

— Она немножко торкнутая.

Мина встал, как ему казалось, в первую балетную позицию: ноги на одной линии, пятки чёрных лакированных ботинок друг к дружке.

— Музыки нет, как же всухомятку танцевать? — ревниво заметила Доля Силовна.

Вениамин включил музыку, и девушка стала показывать танец:

райс, два, три, четыре

райс, два, три, четыре

— Как коза на кровлю мостится! — завистливо засмеялась Доля Силовна.

Девушка продолжала:

райс, два, три, четыре

райс, два, три, четыре

Мина старательно повторял движения. Девушка положила ему на спину руки, поправляя осанку:

райс, два, три, четыре...

Этого Доля Силовна стерпеть не могла:

— Так, стопэ! На минуточку! Этот ананас не для вас! Отойди от его точки отсчёта! — она грубо оттолкнула учительницу от зятя.

— I am professional! — оскорблённо возмутилась девушка.

— Это и видно, августейшая древнейшая. Буду на тебе глаз держать! Давай, учи меня с зятем танго-манго. Врач прописал. Показывай ху из где!

Доля Силовна цепко обняла Вениамина. Тот возражал и отстранялся, но потом стал с ней танцевать. За урок заплачено, хоть какая-то партнёрша.

Райс, два, три, четыре...

— Не дрейфь, Витаминыч! Я всегда была королевой танцплощадки! — кричала Доля Силовна:

пять, шесть — бьют шерсть

семь, восемь — сено косим

Эх, прощай, квашня, я гулять пошла!

Они танцевали до тех пор, пока Мина не взмолился:

— Стоп, гаси чечётку... Я просто восхищён вами, Доля Силовна!

— А ты боялась. Даже юбка не помялась! — задорно хохотала тёща.

Вениамин обнял её и расцеловал:

— Я так доволен что я, в принципе, понял принцип! — Он попытался нагнуться и снять тесные ботинки. — У меня болит все тело, даже палец на правой ноге. Блин... были бы у меня руки хоть на пару сантиметров длиннее! Каждая мышца включилась. Даже лоб болит и мышцы за ушами.

Он посмотрел на свои отражения в ёлочных игрушках:

— Ну чуть-чуть, чувствую, я усох. Что ж, будем радоваться по мелочам! — топнул Мина ногой в белом спортивном носке.

— Пошла я на отключку, пока гостей нет, — устало сказала Доля Силовна.

Она вышла из комнаты и притаилась за дверью, подглядывая в щёлочку.

Вениамин жестом поторопил девушку, и та, махнув головой в ответ, вышла во двор.

Доля Силовна выскочила из засады и ликующе завопила:

— И всё-таки я была права, котлован притворства!

На её крик прибежала испуганная Алисия. Мать дрожащей рукой тыкала на Вениамина и на входную дверь:

— Любовь — морковь у них! Парочка: зашпаклеванная обезьяна и Ванька — мокрый... куры да амурь. Морковка у него со стручком, видите ли, выросла!

Мина опешил:

— Ну что вас шиза долит, Доля Силовна? Переутомились? Всё же хорошо... так душевно танцевали...

Доля Силовна опустила на стул и раскачиваясь, как бедуйн на верблюде, протяжно заголосила:

— Я как в воду глядела! Приглянулся черт ягодкой. Не переживай, Алисия, ты ж у меня почти ещё красавица. Авитаминоз тебе не грозит! С мужиками, как с теми трусами, перевернула — и опять свеженькие.

Обменяем хулигана на Луиса Корвалана! — пригрозила она зятю метёлкой.

Алисия закрыла лицо руками и тихо заплакала. В её усталой голове перемешался снег с дождём, а мама в пилотке со значком парашютиста ДОСААФ гналась за Bill Gates по фабрике Кузнецова.

Вениамин с негодованием обрушился на тещу:

— До чего ж вы своей мнительностью довели дочь, горе родоначальник!

Но Доля Силовна шла в наступление:

— Эх, заржавил, таки, звено ячейки общества, пузан-двоеженец!

— Что вы такое говорите, Доля Силовна? Оздоровили вырванные аденоиды? Кто вам рецепт редактировал? — строго спросил Вениамин.

— Чтоб ты свой жесткий перст сломал!

— Мне ваше выражение лица доставило...

— Да чтоб ты свою пипетку засорил...чтоб твоя бирюлька на пятой точке... — атаковала теща.

— В силу слабости моего характера, у меня значительно меньше увеличилось... — растерялся зять.

— Чтоб твой восходящий шалтай-болтай...

— Дама, отодвиньтесь, вы меня своими фиамами душиите!

— Трепыхаешься, минтай в шоколаде! — Доля Силовна чувствовала скорую победу.

— Твою мать! — не сдавался Мина.

— Свою дешевле будет!

— Слушай сюда, ишемия в репейнике, прекрати этот нервный мотобол, иначе я приму меры!

— Ер да еры упали с горы! — последнее слово всегда было за Долей Силовной.

Алисия всхлипывала и утирала знаменем слёзы:

— Сбылась-таки мамашина кряква, котлован притворства!
Она обняла мать. Старуха шмыгала носом, тщётно стараясь заплакать.

Вошла улыбающаяся девушка с корзинкой в руке. Вениамин попытался удержать жену, но та вывернулась ящерицей, оставив халат в его руках. Почувствовав неладное, учительница спряталась за спину ученика.

В короткой зелёной рубашечке похожая на маленького обиженного эльфа, Алисия грозно кричала сопернице и грозила кулачком:

— Не бойсь, козьявка, только сок выжму. Мы с тобой одного мужика мусолить не будем!

Я не для того с Илюшей тут каждую английскую букровку на полу учила, чтобы вы мне сейчас всё сломали. Ничто мне не помешает по-людски встретить сына! Я как локомотив всех перееду. Норд в ромашках!

Мина подошёл к жене, укрыл её халатом и с холодным достоинством спросил:

— С чего эта двухмерная неприязнь? Что ты имеешь сказать? Задавай вопросы. Я отвечу на ответы!

Он осторожно взял корзинку из рук девушки и вручил её жене. В корзинке сидел белый пушистый котёнок. — Это Снежок, ты мечтала о снеге на Рождество.

Оскорблённый рыцарь проводил девушку, объясняя ей почему-то по-русски:

— Я дико извиняюсь. Стáрой танцы в голову ударили, побочный эффект, а супруга ухайдохалась уборкой, аллергия на пыль.

Девушка беззаботно махнула рукой: "It's ok" - и выпорхнула за дверь.

— Пойду прилягу. Мне нужно рестарт башки сделать, — сухо сказал Вениамин и направился в спальню.

Доля Силовна преградила ему дорогу, приплясывая и напевая:

Барыня, барыня
Я люблю Гагарина
Германа Титова
И еще – Хрущева

Ладно, Вениамин Витальевич, кто старое помянет... Открывай подарок от меня!

Не дождавись ответа, она сама достала из-под ёлки большой пакет, разорвала его и показала зятю и дочери картину.

— Ну, как? Ван Гог! Но... боюсь, это не подлинник. Эх, и чем нам снег не перина? Наливай! Креплёную не сглазить!

Доля Силовна выбрала самую яркую бутылочку из коробки "Mini Bar".

— Чего не пьёшь, Витаминыч?

— Не хочу глотать на скорую руку, — Вениамин продолжал обижаться. — Лисик, как ты могла подумать, что мне понравился этот лепесток тараньки? Обидно до грубины души...

Доля Силовна, сидела на ковре около ёлки и дразнила котёнка пёрышком от метёлки:

— Что ты знаешь... за мной как-то ухаживал главный инженер ликёро-водочного завода. Он был патологически обаятельный... сплошной позитив.

— Но вам на него... — устало вздохнул Мина.

— было все равно... — прошептала Алисия.

И, поглядев друг на друга, они облегчённо засмеялись.

К дому подъехал автомобиль. В свете его фар, в коротком прощальном танце, закружился то ли дождь, то ли снег.

Борис Швец

Израиль

Ужастики

Московский район "Текстильщики" возник на месте бывшей свалки. В наследство жилым домам досталось множество крыс. Большие, умные, голодные, они проникали в подъезды и, случалось, бросались на людей.

Володя, возвращаясь с работы, зашел в подъезд многоквартирного дома, ведя за руку сына Алексея трех лет. Крыса, явно заблудившаяся в подъезде, в метаниях наткнулась на Володю и стремительно юркнула в его штанину. Это укрытие она посчитала недостаточным, а потому полезла дальше, точнее, выше. Острые когти разрывали живую плоть ноги. Можно предположить, что в жизни Володи случались более

приятные моменты. Что делает в подобном случае человек? Может кричать, может молотить кулаками по супостату. Только рядом с Володей маленький сын; если закричать или ударить, ребенок будет напуган. И вообще не лучший для него пример нравственности.

Со словами "Смотри, Лешка, какой чудный гость к нам пожаловал!" Володя отпустил руку сына, расстегнул свои брюки и через верх вытащил злополучную крысу. Вытащил, невзирая на ее укусы и сопротивление. После чего не отбросил, не ударил о стенку, что было бы естественно. Свободной рукой он погладил извивающуюся тварь, открыл дверь на улицу и отпустил крысу. Застегнул брюки и поднялся с сыном домой, где, закрывшись в ванной, долго отмывал кровь и заливал раны йодом. А Лешка пошел играть, осмысливая новые впечатления.

ПЕЧЕВОЙ

На Среднеуральском медеплавильном заводе в городе Ревде случай произошел – в отражательную печь прыгнул мужчина, печевой. Это должность такая – "печевой". Есть в производстве меди передел, дразнением называемый, когда в печь березовые бревна забрасывают, тем самым добавляя восстановитель для нормализации медного расплава. Из того расплава черновую медь производят, а ее потом в чистовую медь переделывают. В ходе этого дразнения мужчина и прыгнул. Со слов очевидцев – шипенье короткое послышалось и дымок нехарактерный поднялся. Не стало человека, даже пепла не осталось. Следователи объяснили, что по семейным причинам человек жизни себя лишил.

Если вам не приходилось бывать на своде отражательной печи в медном производстве, то представьте себе большое огороженное пространство, в центре которого провал, там кипит огонь, прорываются газы. Увидеть это не просто, потому что все закрывает сизо-серая пелена удушливого сернистого газа, разъедающего легкие и глаза. Дышать приходится через противогаз. Для этого с него маску скручивают, а освободившийся конец шланга заворачивают, "соску" делают. Дышат только ртом, зажав "соску" зубами. А глаза не прикрывать, с маской на лице много не наработаешь.

Вот тело защищаешь – костюм войлочный и шляпа войлочная. На лице темные очки, не от газа, от выбросов. Такая картина характерна для всей нашей пирометаллургии. Много лет назад на этих производствах работникам соки бесплатно выдавали, без нормы, сколько хочешь. Потом только газированную воду оставили. Стоят установки для производства газированной воды, сатураторные тележки, на каждой баллон с углекислым газом через редуктор подключен, и вода подведена. Открыл кран, вода потекла, газом

насыщенная – пей. Чтобы забористой вода была, соль в нее можно добавить, блюдца с солью на тележках стоят.

Бросишь щепоть соли в стакан, пузырьки углекислого газа укрупнятся, ученые говорят "коалесцируют". Вода вспучится пузырями, как кипит, тогда ее пьют. Выпил воды, и дышать вроде легче. Если производство побогаче, там еще молоко рабочим полагается. Правда, так было. Сейчас, вероятно, хуже, лучше вряд ли.

Вблизи заводов, которые сернистый газ сбрасывают, всегда тяжелая атмосфера. Когда дожди идут, у женщин колготки расплзаются. Колготки сернистый газ впитывают, газ на колготках с влагой взаимодействует и сернистую кислоту образует, она-то колготки и разъедает. У людей в тех местах дерматиты, экзема и аллергия. Но живут и работают, куда же податься.

РТУТЬ

Спрятался в горах Киргизии Хайдарканский ртутный комбинат. Там, как название указывает, производят ртуть. Вначале из ртутьсодержащего минерала киновари путем механических, физических и химических воздействий готовят ступпу, некий полупродукт, тонкодисперсную смесь мельчайших капелек ртути и мелкой пыли сложного химического состава. Затем для выделения ртути ступпу тщательно перемешивают с известью, как говорят специалисты, "отбивают". Эта операция проводится в большом чане: загружают ступпу, засыпают известь, и мешает член профсоюза большим пестиком, долго-долго. Все просто и понятно, если не принять во внимание три обстоятельства.

Во-первых, чан стоит на улице под открытым небом, а температура воздуха летом в тени доходит в тех краях до сорока двух-сорока пяти градусов.

Во-вторых, пары ртути испаряются, и тем интенсивней, чем выше температура окружающей среды.

В-третьих, ртуть и ее соединения накапливаются в организме. Накапливаются в костях, но более в головном мозге. Следствием этого является то ли распад связей между нейронами в мозгу, то ли нарушение проводимости сигнала. В любом случае в короткий срок утрачивают люди способность мыслить. Через год-два такой работы переводят их в лаборанты, и тогда они растворяются в большом заводском коллективе. Не любит страна такое понятие "профессиональная вредность", а потому не хочет признавать инвалидность этих людей.

И вот такая женщина – имя свое помнит, счет до ста знает, таблицу умножения до десяти не путает. Пожалуй, все. Лет ей около сорока. Отбирает пробы из печи. Справляется.

В ГЛУБИНКЕ

В деревне я оказался впервые оказался лет в пятнадцать, на втором курсе техникума отправившись с соучениками помогать подшефному колхозу, как это было тогда принято. Картофель собирать, свеклу дергать, сено-солому сгребать. Что придется.

Мари-Турекский район марийской автономии, луговая Черемисия. Марийцы, до крушения Российской империи называемые черемисами и вернувшие себе национально-историческое имя в 1918 году, относятся к финно-угорским народам, родственны финнам, венграм, эстонцам. Языки у народов между собой схожи, но от русского отличаются чрезвычайно. В той деревне русский язык не знали, но двое немного понимали и говорили – председатель колхоза и мальчишка лет десяти-двенадцати в избе, где нас разместили. Потому там и разместили, что паренек за переводчика был. Где уж он русский язык выучил, осталось загадкой.

Изда была невелика, но помещалось в ней много. На широкой лавке спали хозяйин с хозяйкой, на русской печи – престарелые родители хозяина. Подле лавки вповалку на полу располагались дети, трое или четверо, у двери лежала свинья с поросятами. Так они все жили, а тут еще мы, большая группа парней и девушек. Нам определили место на полу между хозяйскими детьми и свиньями. Плотню избу заселили.

Из небольшого тамбура выход на крыльцо. Двор немощеный и деревом не застлан, глубокая грязь. С крыльца спустишься, считай, что по колено провалился. Умываются на крыльце, там для этого подвешен на трех цепях большой котел с водой. Воду на себя плеснешь, умоешься. С нашей кормежкой хозяева не заморачивались: привозили на двор свинью, тут же ее кололи и разделявали. Части туши забрасывали в котел, заливали водой, добавляли картошку, варили, солили – готово.

Мылись деревенские жители в банях. Топили бани редко, это было событием. С баней увязывались некоторые особенности причесок марийских женщин. Волосы у них от природы роскошные, черные, блестящие. Женщины длинные волосы в хитрые прически закручивали, а перед тем в бане кислым молоком промывали и травами ополаскивали. Самой женщине с такими своими волосами трудно справиться, другие женщины ей помогали. Над прической вместе трудились, а чтобы не распалась прическа, ее сверху клеем мазали. Варили клей из копыт и костей домашних животных, получался он вроде столярного и пах так же, пока не засыхал. Для красоты на прическу монеты накладывали и тоже клеем прихватывали. Надолго прическу строили, работа какая! С полгода-год

прически носили, много всего под клеєм разводилось. Головы, конечно, чесались, так ведь красота без жертв не бывает, всем известно.

Одежда у марийцев своеобразная, многоцветная, что у женщин, что у мужчин. Женщины еще украшались монистами из монет, как цыганки. Переходили те монеты по наследству вроде приданного. У иных много монет, в пять-восемь рядов, и какие монеты, музейные коллекции! Идет такая женщина по деревне, как экспонат ценный, для стороннего глаза диковинный. Да откуда там сторонний наблюдатель?!

НА СТАРОЙ ПЛОЩАДИ

Кто из москвичей не знал Старую площадь, где при советской власти располагался главный штаб страны, Центральный комитет КПСС? Знал и я, но в самом святилище не бывал и даже в партии не состоял. Занесли меня в те стены ветры перестройки – навещал товарища, занявшего серьезный пост. Охранявший вход милиционер (то есть сотрудник правоохранительных органов в форме милиционера, и если он хотел, чтобы его считали милиционером, мы так его и назовем) попросил документ, подтверждающий мою личность.

К тому времени, уйдя с прежней своей работы, я лишился служебного удостоверения. Паспорта при мне не оказалось, я показал свою визитную карточку генерального директора советско-американского совместного предприятия. Ожидал удивления или отказа, но точно - не того, что последовало: милиционер карточку прочитал, меня пропустил, козырнув, и уважительно поинтересовался, не найдется ли у меня для него работы. Я понял, что эпоха СССР закончилась.

Наум Клейман

Мичиган, США

Шлимазл

*«Время разбрасывать камни, и время собирать камни»
Книга Екклесиаста, или Проповедника*

*«Знал бы прикуп, жил бы в Сочи»
Поговорка*

Вчера Семён Исаакович с женой прилетели домой в Мичиган из Вашингтона, где они гостили у дочери, наслаждаясь непосредственностью и раскованностью внучек. Но интенсивная столичная жизнь уже была не для них – годы начинали брать своё...

Жена рано утром уехала на работу, а он проснулся поздно, что было позволительно пенсионеру, сел на своей большой кровати и осмотрелся. В окно заглядывало солнце, а часы уже показывали десятый час. Вспоминая и размышляя о поездке, он как-то незаметно для себя, вернулся в далёкое прошлое...

Сёма родился в небольшом украинском городе в Украине. Семья жила бедно в полуподвальной небольшой коммунальной квартире и состояла из трёх человек. Туалет и вода были во дворе, а кухней служила лестница, выходящая во двор.

Их комната была настолько мала, что для его кровати не было места. Поэтому он спал на раскладушке, которая почти упиралась в дверь, и вся мебель сдвигалась на ночь в угол. Что-то похожее написал поэт Наум Сагаловский о себе:

*«Метраж у нас был очень мал,
я рос у самого порога,
меня обрезали немного,
чтоб меньше места занимал...»*

Только через одиннадцать лет отец получил двухкомнатную квартиру с газовой колонкой и туалетом, и жить стало веселей. Было отцу тогда уже пятьдесят лет. Молодой человек был из, как вы догадались, бедной, но приличной семьи, одевался скромно, но чисто, много читал и хорошо учился. Он казался моложе своего возраста, был достаточно симпатичен, но застенчив, что иногда принималось как неуверенность в себе. Такие мальчики, как правило, выросли несколько позднее, и на этом этапе проигрывали более уверенным в себе юношам. Их иногда иронично называли шлимазлами, что было неприятно слышать.

А в пятнадцать к Сёме пришла первая любовь. Что можно было сказать за Софочку? Она-таки была симпатичной девочкой с хорошей фигуркой и очень приятным милым личиком, а две аккуратные косички с яркими бантиками украшали её прекрасную головку. Они учились в параллельных классах, но он её совсем не замечал, а тут вдруг это случилось... И спокойная жизнь внезапно закончилась для молодого человека. Он постоянно думал о ней, старался бывать в местах, где могла появиться Софа и, как бы невзначай, начинал с ней разговор. Одним словом, влюбился. Вирус любви попал в молодой организм и активно заработал.

Конечно, Софочка быстро догадалась обо всём, мальчик ей нравился, да и вел себя прилично. Ну и почему бы нет, я вас спрашиваю?

События развивались довольно медленно, как и предполагалось в приличных семьях, но, к несчастью для Сёмы, на Софу обратил внимание Моня, который был на два класса старше. Он был из состоятельной семьи - его папа работал на овощной базе, и этим было всё сказано. Надо ли объяснять, что это такое? Чувствую, что нет. Моня был одет с иголочки, а полноватое лицо излучало уверенность в завтрашнем дне. Семья жила в хорошей трёхкомнатной квартире в центре города и имела даже старенький «Москвич». Ну и кого выбрала Софочка? Да, да, вы не ошиблись, она выбрала Моню, что, естественно, и должно было случиться.

А кого могла выбрать девочка из глубокой провинции в свои пятнадцать лет, когда главным вопросом существования для всех было хорошо покушать и как-то одеться. А кого бы выбрали вы? Ну почему вы молчите?

Но вернёмся к ситуации, которая сложилась в любовном треугольнике.

Видеть каждый день любимую с Мoneй было унижительно и очень больно, особенно первое время, ну а что он мог делать? Шлимазл, скажете вы, но я бы не стал торопиться с выводами.

И тогда молодой человек решил изменить свою жизнь кардинально, так как не видел никаких перспектив для себя в будущем в этом городе. Он не хотел так жить и поставил себе цель уехать после окончания школы в Москву, поступить в хороший институт, а там уже действовать по ситуации. И последующие три года были отданы полностью этой идее. Он занимался каждый день до изнеможения.

Семён родился под созвездием «Козерог», что означает упорный. Уехал учиться в Москву, где ему пришлось испытать антисемитизм системы по полной программе, и, если бы ни его упорство, то трудно было бы сказать, что бы с ним произошло и где бы он был. Настойчивость и огромный труд дал свои результаты: он стал главным инженером проектов в известной проектной компании, а в период перестройки ушёл в бизнес, где тоже был достаточно успешен.

Семён прожил сложную жизнь, но всегда чувствовал себя евреем, да и система ему об этом часто напоминала. В Москве он женился. Брак оказался счастливым. На свет появились двое маленьких прелестных детей. Эмигрировал с семьёй в США, работал и, наконец, вышел на пенсию.

Однажды он решил навестить могилы близких ему людей и поэтому полетел в Украину, где не был более тридцати лет. С большим волнением посетил могилы отца и близких ему людей. Прошлое напоминало о себе на каждом шагу, хотя город сильно изменился и похорошел.

Перед отъездом домой он решил зайти в ресторан, чтобы перекусить. Проходя по центральной улице Соборной (бывшей Ленина), на трамвайной остановке он заметил пожилую женщину, выходящую из трамвая с двумя тяжёлыми сумками. Ей было тяжело и неудобно, и Семён, не раздумывая, подошёл, чтобы помочь. Вдруг он понял, что лицо этой женщины ему хорошо знакомо. Да, конечно, это была Софа.

Невероятно, но это случилось. Женщина же была занята своими мыслями и не обращала на него внимания. Пальцы рук, изуродованные подагрой, пытались удержать сумки и всё внимание концентрировалось на этом. Да, было очень трудно узнать в пожилой женщине с морщинистым лицом и седыми растрёпанными волосами его первую любовь. Он взял сумки и помог ей выйти из трамвая. Она кивнула ему в знак благодарности взяла свои вещи и собиралась идти... Софа, - воскликнул он, и она вдруг замерла, понимая, что произошло что-то неординарное. Когда-то карие, но уже изрядно выцветшие глаза взметнулись вверх и остановились на лице мужчины.

- Сёма? Что ты тут делаешь? Вот такая встреча через много лет... Времени было в обрез, и он коротко рассказал о себе. Она же что-то тихо прошептала, и он услышал только пару слов: «Какая же я была

глупая, когда ушла от тебя к Моне». Они попрощались, и она медленно пошла в знакомый ему переулок, где когда-то жила семья Мони. Семён провожал её долгим взглядом, не замечая, как на глаза навернулись слёзы. Да, должен сказать, не всем удаётся в молодом лейтенанте распознать будущего генерала, далеко не всем и не всегда...

Семён Исаакович встал с кровати, оделся и пошёл на кухню готовить себе кофе.

Воспоминания стали уходить, а реальная жизнь требовала от него действий...

Шлимазл - это еврейский неудачник — человек, которому хронически и пожизненно не везёт (прим. автора)

Наталья Камнева

Питтсбург, США

Два рассказа (дебют)

Как я доказывала свою национальную принадлежность

Моя родина вкатила в «лихие» девяностые. Наука развалилась, кормившая её военная промышленность отдавала концы, университеты приказывали долго жить. На заседании кафедры мой коллега-доцент со спокойной усмешкой произнес: "Необходимо признать, что социальный заказ на нашу профессию ушел в прошлое." Студенты начали прикатывать на лекции в мерседесах, уставшие полуголодные профессора тряслись в переполненных автобусах и троллейбусах.

Я, впервые за двадцать лет, опоздала на лекцию, застряв в очереди за сухарями. И стыд не очень-то мучил меня, когда, войдя в аудиторию, я откровенно объяснила причину своего опоздания студентам. Что делать, пусть знают, что у их преподавателей тоже есть детишки, желающие кушать.

Гораздо больше меня расстраивало то, что я поставила две совершенно незаслуженные четверки двум своим студенткам. И это -

я, никогда до сих пор не поддающаяся даже на полууговоры-полуприказания нашего строгого декана.

Первая добилась от меня четверки, запершись в туалете и рыдая и угрожая покончить жизнь самоубийством. Около закрытой двери туалета собралась вся моя группа, а проходившие мимо преподаватели укоризненно-косо поглядывали на меня. Я строгим голосом, дрожащим от страха, приказала всем разойтись и пообещала закрытой двери поставить четверку, если она откроется. Это была самая малюсенькая четверка, поставленная мной во всех ведомостях и экзаменационной книжке.

Вторую четверку я поставила своей наглой лаборантке. В этот день я приехала на кафедру особенно уставшей, так как умудрилась до занятий скатать на другой конец Москвы, где, по слухам, в каком-то задрипанном универмаге выкинули кукол Барби. Несчастливая Барби, при этом совершенно нагая, стояла половину моей доцентской зарплаты. Когда я гордо продемонстрировала своё приобретение на кафедре, бессовестная девица беззастенчиво промолвила: "Наталья Юрьевна, что же она такая голенькая? А что, если вместо того, чтобы угробить три дня на подготовку к вашему (тут она сделала долгую паузу) экзамену, я лучше приодену вашу куколку? Это будет стоить вам всего лишь четверки."

Вы даже представить себе не можете, как она приодела нашу Барбюху! В ее гардеробе были теперь и бальные платья, и вязаные свитера, и клетчатые юбки, и пальто с меховым воротником, и кожаные сапоги, и замшевая шляпа и даже сумка! Это была самая огромная четверка, которую я вывела недрогнувшей рукой безо всяких сомнений. После всех жизненных потрясений и всех потерь дорогих мне людей, всех сентиментальных ценностей и прочих драгоценностей, сама себе удивляясь, гардероб Барби я все ещё храню.

А жизнь катила дальше, преподнося все новые и неожиданные сюрпризы. На кафедре стали разыгрывать в лотерею всякие экзотические сувениры. Однажды это были бутылки водки. Каждый выигравший обязан был принести пять пустых бутылок чтобы получить одну полную. Рыдая, я ехала домой. Я выиграла аж две бутылки, но где же мне было взять десять пустых бутылок, если водка была просто разменной валютой. Каждый слесарь или сантехник так и говорил, перешагивая порог квартиры: "Один пузырь!"

На следующий месяц в розыгрыше были женские тампоны. Я умоляюще взглянула на своего неженатого приятеля - собрата по профессии и прошептала: "Санек, может, будем разыгрывать "это" только среди женщин?" Мой всегда добрый и великодушный приятель, потупив глаза, промолвил: "Нет, ну что ты, право, Наташа, надо по

справедливости, на всех." Видимо я упустила из вида, что тампоны тоже уже стали расходной валютой.

После розыгрыша моя разозлённая подруга, которой, впрочем, как и мне, ничего не досталось, закурила сигарету и нервным рывком распахнула дверцы металлического шкафа. Нижняя полка шкафа снизу доверху была забита грязно-серой слежавшейся технической ватой. Она усмехнулась:

- Наташка, давай поделим это все напополам. Марине Владимировне это уже не нужно, а мужики спохватятся только осенью, когда надо будет окна утеплять.

- Зин, ты с ума сошла, смотри какая она грязная! - меня уже чуть не тошнило.

- Ну, ты совсем придурочная что-ли? Бинты-то в аптеке ещё пока есть. Вот только времени на раздумья у нас с тобой уже нет.

Вату мы поделили и забрали. Я набила ею огромную нейлоновую сумку-авоську, прикрыв сверху газетой. Сумка скромно стояла в углу преподавательской, когда один из коллег, заметив мою большую сумку, услужливо предложил проводить меня до метро. Я от растерянности не успела даже рот раскрыть, как он уже схватил ручки сумки. Сумка взлетела выше его головы. Я покрылась холодным потом и красными пятнами. Хорошо, однако, иметь дело с интеллигентами. Коллега ничего не сказал и даже не крякнул от растерянности, а спокойно перехватил сумку другой рукой, даже не взглянув на меня.

Работать становилось невозможно. Жить становилось невыносимо. Ещё невыносимее было быть матерью-одиночкой с маленькой дочерью и здоровым, вечно голодным балбесом-сыном. Надо было что-то срочно предпринимать, так как наш маленький корабль (это я о своей семье, а не о всем государстве), явно шел ко дну.

Обстоятельства требовали срочно заняться предпринимательством, но это как раз то, к чему я со своими теоретическими мозгами и интеллигентским воспитанием, была совершенно не приспособлена. Спасли меня польские румяна. Не вздумайте смеяться! Румяна эти стояли в совершенно пустом парфюмерном магазине, занимая все полки, и под ними гордо красовался огромный ценник "40".

- Простите, пожалуйста, - обратилась я к скучающей продавщице, - 40 — это что - рублей или копеек?

- Копеек, - небрежно бросила она мне.

Совершенно невозможно было поверить в свалившееся на меня с полок парфюмерного магазина счастье. Надо вам заметить, что в это время в копейках не измерялось уже ничего. Малюсенький коробок спичек стоил уже один рубль. Я, ошалевши от удачи, кинулась к кассе:

- Восемь рублей, пожалуйста.

- Отпускаем только по пять штук! - грозно прикрикнула на меня кассирша.

Весь остаток этого дня и две последующие недели (до тех пор, пока полки все ещё были полны этими драгоценными сокровищами), я полностью посвятила себя румянам. Я входила и выходила из магазина несколько раз, подходила к разным кассиршам и делала вид, что я - это не я. К концу второй недели кончились румяна в магазине, одновременно закончилась моя месячная доцентская зарплата, есть в доме было нечего, но в спальне гордо красовался огромный ящик малюсеньких белых баночек с красным цветочком на крышечке.

Дальше предстояла наиболее трудная часть, называемая в бизнесе реализацией. Было очевидно, что самими румянами насытиться моя семья никоим образом не могла. Я начала развозить мои польские румяна по всем киоскам около всех станций метро. Москва, к счастью, огромный город с очень разветвленной сетью метрополитена. Почти у каждой станции метро четыре выхода и у каждого из них множество лотков и киосков, закладывавших начало капитализма в России. Конечно, не везде меня встречали с распростертыми объятиями, но кое-кто мне давал даже по шесть рублей за мою баночку. Этот капиталистический товарооборот, о котором я читала прежде только у Карла Маркса, давал мне возможность устроить роскошный воскресный обед. Моей недельной выручки хватало как раз на курицу, большой свежий огурец и три берлинских пирожных, которые я про себя называла варшавскими.

Когда польские румяна, а с ними и варшавское печенье подошли к концу, моя подруга Ася предложила нетривиальное решение, которое по глупости мне самой в голову никогда не приходило.

Ася по полному величалась Ариадной Васильевной Смирновой, преподавала испанский язык в нашем институте и две трети жизни прожила на Кубе, откуда ее вышвырнули с семилетней дочерью Мабель, когда родина наша перешла к капитализму с нечеловеческим лицом, а Куба все продолжала катить по рельсам социализма с таким же отвратительным лицом.

Мабель никак не могла прижиться в холодной Москве, плохо говорила по-русски и даже по родному испанскому получала тройки. На жалобы Аси, строгая учительница испанского языка раздраженно докладывала, что у Мабель неправильное, не каталонское произношение. Можно было подумать, жаловалась мне Ася, что сама учительница происходила из Каталонии, а не из задрипанных Люберец.

Так что и Асина жизнь становилась невозможной до такой степени, что и пришло в голову ее оригинальное решение всех жизненных проблем одним махом, а именно, пойти на собрание в Израильское посольство. Я известна тем, что всегда иду у всех на поводу: погулять,

так погулять, в посольство, так в посольство. Вот так и очутились мы в огромном переполненном зале. Величавая, прекрасно одетая дама с хорошо поставленным голосом и еле уловимым местечковым акцентом вещала нам с подиума о прекрасной жизни в Израиле.

Рядом со мной сидел молодой белобрысый веснушчатый солдатик. Бедняга, видно, удрал со службы даже не успев переодеться. Я оглядела зал. Ну, правда, ни одного иудейского лица с гордым профилем и орлиным носом. Сплошь курносые и белобрысые, все эти новоявленные евреи! По всей видимости все эти с орлиными носами, курчавыми бородами и иудейскими глазами уже там, на обетованной родине, подумалось мне.

"Ася, - прошептала я на ухо подруге, - я ведь почти наполовину еврейка."

"Вот удивила, - пробасила моя невозмутимая подруга. - Кто бы сомневался. Женщина, доцент МАИ, кто же ещё?! Не волнуйся ты! Я тоже."

Лекция подходила к концу, и дородная дама предложила всем подавать записки с вопросами. После долгих раздумий послание мое к утерянной родине выглядело так:

"Моя бабушка по материнской линии была еврейкой. Каким образом я могу доказать своё еврейское происхождение, чтобы иметь возможность эмигрировать в Израиль со своими детьми: двадцатидвухлетним сыном и семилетней дочерью?"

Ответ величавой дамы был развернутым и, как ни странно, оказался в конце концов абсолютно правильным. И вот что она мне посоветовала сделать:

"Вам надо заказать в архиве метрику вашей мамы. В то время, когда она родилась, в Советском Союзе в метрике не указывалась национальность родителей. Но в архивах эта информация хранилась. И в той копии, которую выдадут вам, национальность вашей бабушки, скорее всего, будет указана. Даже если это будет не так, то в то время, когда родилась ваша бабушка, еврейским детям давали еврейские имена и фамилии. Конечно, если ваша бабушка была Анастасия Ивановна Кузнецова, то у нас с вами будут проблемы. - В этом месте дама повысила голос и многозначительно продолжила, - и прошу вас обратить внимание, что вы не эмигрируете в Израиль, а возвращаетесь на свою историческую родину! И вы, и ваши дети по законам государства Израиль считаетесь евреями. Дети Вашей дочери тоже будут считаться евреями. А вот дети Вашего сына будут евреями только в том случае, если он женится на еврейке."

Всё предельно ясно. Вдохновленные, мы с Асей покинули посольство своей гостеприимной исторической родины. Вот только как и с чего начинать доказательства? Разговаривать с моей мамой по этому поводу было бесполезно и небезопасно, поэтому начала я с

архива, как и советовала посольская дама. В перерыве между лекциями слетала я на улицу Кирова и заказала метрику своей мамы.

К моему неописуемому удивлению, не прошло и полугода, как я получила уведомление из архива, что запрашиваемый мной документ ими получен и готов к выдаче. На крыльях надежды полетела я в архив, но не тут-то было! Все оказалось совсем не так просто. Метрику-то они готовы были выдать, но только не мне, а моей маме. Это же была её метрика, а не моя!

Я прилагала максимум усилий, чтобы как-то выкрутиться:

- А что, если мы с моей мамой судимся по поводу наследства бабушки и поэтому-то мне и нужна эта метрика.

- Тогда принесите заявление вашего адвоката, что метрика нужна по запросу суда.

- А что, если моя мама давно уехала и живёт в Израиле?

- Тогда пусть ваша мама напишет заявление и засвидетельствует его в Российском посольстве.

- А можете ли вы хотя бы показать мне эту злосчастную метрику? Хотелось бы хотя бы одним глазком на неё взглянуть!

Надо мной наконец-то сжалились, и краем глаза я ухватила, что, как и величавая дама предсказывала, национальность моей любимой бабушки там присутствовала. Ура!

Теперь предстояло самое сложное во всей операции. Надо было каким-то образом уговорить мою маму съездить со мной в этот архив и забрать так необходимую мне справку. Тут необходимо отметить, что моя еврейская мама была самой нееврейской мамой, какую только можно себе представить. Три месяца я собиралась с духом, чтобы рассказать ей о своей аванюре.

Жизнь, между тем, становилась все более невыносимой. Дочь моя больше полугода не видела в глаза сливочного масла и, пока ела гороховый суп, судорожно сжимала в руке конфету, опасаясь, что её ненасытный братец проглотит конфету, пока она доедает суп. У неё начались страшные приступы ночных кошмаров, когда её невозможно было ни разбудить, ни успокоить, ни удержать в руках. Я плакала по ночам, глядя на её худенькое бледное личико. Оттягивать разговор с мамой дальше было невозможно.

Всё сложилось именно так, как я себе и представляла. Мама обвинила меня в предательстве Родины, в измене интересов семьи, вспомнила Великую Отечественную Войну и под конец грозно спросила:

- Ты вообще соображаешь, какую национальность ты собираешься дать своим детям?

Удивляясь, что в своём состоянии полной прострации я еще не совсем утратила чувство юмора, я тихонько пролепетала:

- Мамочка, ну при чём же здесь я? Это, ведь, ты и Бог. Я же только передаю им то, что получила от тебя.

Мой дурацкий юмор не сработал, и мама перестала со мной разговаривать. Совсем перестала. Прошло ещё полгода. Балбес сын бросил институт, не искал работу, но зато нашёл прехорошенькую жену, которую и привёл жить к нам. Жизнь стала ещё более невыносимой.

Но мы с Асей не сидели спокойно на печке, а продолжали, как та лягушка, шебуршиться и дрыгать руками и ногами. Сначала мы подали документы на эмиграцию в Канаду и обе получили отлуп. Потом мы подали бумаги на переселение в Австралию и тоже получили по морде. Никто не хотел нас с нашими детьми, кроме родного Израиля, куда моя еврейская мама решительно не хотела меня пускать.

Однажды я случайно услышала, что открыта эмиграция в Южную Африку. Мы с Асей воспылали очередной надеждой. Мечта прервала свой полёт, когда я узнала, что белым женщинам в Южной Африке работать не разрешается. Расстроенная, позвонила я Асе, и на мой плачущий голос неизменно оптимистичная моя подруга ответила:

- Да не переживай ты так! Доказали своё иудейское происхождение, докажем и африканское!

Через год я с помощью Бога, судьбы или случая, уехала с дочкой в командировку в Америку и осталась. А Ася с Мабелькой остались в Москве, и при отъезде она заклонила меня:

"Только не на нелегальном положении! Только не будь нелегалкой!"

А мама моя до самой смерти писала моей дочери:

- Зайчик, всегда помни, что ты - русская! Придёт время, и ты будешь этим гордиться!

А мне больше по душе, что в любом американском паспорте в графе национальность стоят просто три буквы "США", и на вопрос, кто ты: "Русский, еврей, китаец?", каждый житель этой страны может ответить и всегда отвечает: "Американец!"

Вот только бы не было войны!

Попробуй разобраться. Из наблюдений бабушки

Моя дочь с мужем и двумя детьми живет в Сингапуре. Я живу в Америке. Вторая бабушка моих внуков живет в Турции. Для различия турецкую бабушку зовут бабушкой, а меня - Наной. Нана - это из итальянского, но очень распространенное наименование бабушек в Америке.

Родной язык моих внуков - английский, правда, с ужасным сингапурским акцентом. Конечно, трудно было ожидать британского оксфордского, если они родились и растут в Сингапуре. Они понимают

и немного говорят по-турецки, так как папа говорит с ними только по-турецки. В детском саду обязателен и китайский, наравне с английским. Поэтому песенки, считалки и присказки идут у нас по-китайски! К моему великому сожалению, по-русски ни гу-гу! У внучки глаза вылезали из орбит, пока она не привыкла слышать, как мы с дочерью говорим по-русски.

Самые любимые фильмы моей внучки - русские ролики о девочке Насте. Ролики эти действительно интересные и отлично сделанные и поэтому переведены на 64 языка мира! Я сама часто смотрю их и смеюсь от души. Внучке разрешается смотреть их по-турецки для практики, и иногда только по-английски для души. Представляете себе, какие чувства испытываю я, наблюдая по телефону? как моя русская внучка смеется над приключениями русской девочки Насти, говорящей по-английски-турецки?

Когда внучке было два года, дочь спросила ее, где живут бабушка и Нана. И получила совершенно уверенный и очень быстрый ответ: "В телефоне!" Внучка долго обижалась и плакала, не понимая, почему родители смеются. И долго убежденно повторяла: "Конечно, в телефоне!"

Теперь, когда внучке уже почти три, опять заводим разговор на эту тему. На вопрос, где живет бабушка, уверенный ответ: "В Турции". На вопрос, где живет Нана, следует неуверенное молчание, затем вопросительное: "В Турции?". После дочкиного качания головой опять неуверенное: "В России?" И полный ступор после и второго качания головой. После дочкиной подсказки, наконец-то: "Ну, да, в Америке!"

На вопрос, где живет она сама, полнейшее недоумение! Даже никаких догадок не следует! После дочкиной подсказки, очень радостное: "Да, конечно, в Сингапуре!"

В Сингапуре живет и работает много иностранцев из всех стран мира. Любимые подружки моей внучки француженка Алис и голландка Фиене. Между собой они говорят по-английски с небольшой примесью филиппинского, на котором разговаривают друг с другом их няни.

Вечером перед сном внучка внимательно рассматривает атлас мира с флагами разных стран и уверенно показывает флаг Франции, откуда Алис, а потом и флаг Нидерландов, откуда Фиене. А потом начинает тыкать пальчиком в флаги Конго, Чада, и Венесуэлы и вопрошать: "А кто у нас оттуда?" и очень удивляется, когда не находится никого из ее друзей, кто оттуда.

Я жду через годик следующего вопроса: "А откуда я сама?" У меня нет на него удовлетворительного ответа.

Игорь Галилеев

Пенза, Россия

Мариночка

Мариночка... Так её называют дети. Может, потому, что уколов она не делает, а чаще всего просто разговаривает. Улыбаясь, спрашивает о том о сем, рисунки хвалит. Мол, вырастешь, твои картины в Лувре висеть будут... Ага, будут - всем понятно, что утешает, успокаивает. Ведь нас, детей в "раковом" отделении, врачи среди прочего должны надеждой обеспечивать. Как говорят, "на позитив настраивать"...

А какой здесь позитив? Не дураки уже большинство, знаем - усатой санитаркой теткой Ольгой научены.

- Вона, - говорит, когда полы под кроватями моет, - слышите молоточки стучат? Энтэ вам гробики сколачивают...

Вот и весь позитив. Да мы и без неё понимаем, каков конец будет. Но Мариночка все равно рассказывает о нашем будущем, фантазирует. Бывает, сядет на кровать и давай придумывать.

- У тебя, Славик, - это она мне, - семья большая будет. Трое, нет, четверо детей и жена красавица...

- Пусть, - говорю, - она врачом работает, ладно?

- Хорошо, пусть работает. Так вот, а ты известным следователем станешь, - это Мариночка мою страсть к книжным детективам в реальность трансформирует. - Будешь трубку курить и все девчонки в тебя влюблены будут.

- Да кому я нужен-то, лысый, - и рукой на свой голый, как коленка, череп показываю.

- Это ерунда, Славик, волосы - не главное. Гораздо важнее что в душе у тебя...

Верно, душа важнее...

Мне 11 лет. В больнице год уже живу. Волосы не сразу выпали. Хотя, если честно, каким я с прической был - не помню совсем. Мама все реже приходит стала. Может, и хорошо, что так. А то придёт, сядет на табурет рядом и плачет. Аж самому тошно становится. И перегаром от неё пахнет. Тётка Ольга говорит, что сдалась, мол, мать, заживо отнесла меня, вот и пьёт. Поминает.

А отец уже месяца три не навещал. Мамка сказала, что в командировку уехал, не вернётся никак...

В палате нас четверо. Я самый старший. И старожил самый. Двое совсем мальцов - пяти и шести лет - под капельницами постоянно. А недавно новенького на мишкино место перевели, Олежкой зовут - лежит, хнычет всю дорогу. Больно, говорит. Я ему иногда свои витаминки сладкие даю, успокаивается. Но дружить он все равно не хочет - мол, не за чем. Хотя, смотрю, Мариночку с первых посещений полюбил. Да к ней и нельзя по-другому относиться. Самой ей бог детей не дал и всю свою неистраченную любовь материнскую она нам отдаёт. И лечит.

Мариночка - врач.

Говорят, что здесь она несколько лет работает, из института сразу пришла. И ведь не зачерствела пока! Хотя сколько нас, славиков и мишек, уже проводить успела...

Так день за днём и проходят - в ожидании...

Сегодня Мариночкина смена. Жду, к шагам в коридоре прислушиваюсь. Вчера мне вставать наконец-то разрешили. Но далеко ходить все равно нельзя. Поэтому я у окна пристроился. Ах, как хорошо там! Самый красивый ноябрь в моей жизни! Деревья в больничном дворе утренний мороз снежными гирляндами украсил, из застывших веток фигуры сплел - можно хоть целый день разгадывать. А солнце оставшиеся листочки, словно струны, пальцами лучей перебирает - мелодию к зиме подбирает. Если ухо к стеклу плотнее прижать, то музыку услышать можно. Про жизнь она и про любовь...

Тут дверь распахнулась и я уже хотел радостно Мариночку поприветствовать, но это оказалась тётка Ольга. Ведром посередине палаты бряцнула и мокрую тряпку на пол шлепнула. Молча всё, без слов, даже на нас не глядя. И швабру длинную с плеча сняла. Ну вот вылитая та самая старуха. Только вместо косы - швабра.

Но я поздоровался.

- Здрасьте, тётъ Оль, - говорю. - А почему к нам Мариночка не идёт? Или смена не её?

- Её, её, - отвечает, - дурочки этой.

А сама тряпкой под олежиной кроватью жмыхает.

- Не придёт сегодня, не ждите, - продолжает. - Сама заболела с вами, полутырками.

И тут швабру на пол бросила и руками всплеснула:

- Ну это же додуматься надо! Свои деньги на вас тратила! Вот дура-то!..

Только на третий день от другого врача мы узнали, что Мариночка на свою зарплату нам чего-то покупала: альбомы для рисования, книжки, фломастеры. И в прошлую зиму даже одеяла нам тёплые, стеганые, на все отделение сама сшила. А пальто себе зимнее купить

не успела... Свалилась с воспалением, в другом корпусе теперь сама лежит. Тоже, наверное, в окно смотрит...

- Ага, щас, смотрит, - то ли ругается, то ли радуется тётка Ольга. – При смерти она. Температура сорок. Лежит там бледная, зубами стучит под одеяльцем больничным. Себя бесполезно на вас променяла. Ээ-эх...

Вон оно что...

План в голове за секунды возник.

Палата наша на втором этаже располагалась. Высоко в общем-то, но страшно не было.

Конечно же, дождались ночи. Участвовать вчетвером решили, иначе не получилось бы ничего. Как только новенький дежурный врач обход сделал, поняли: пора.

Простыни связать - это полдела. Суметь вот, сидя-то на подоконнике, на морозе, - это самое важное. Двух мальцов с собой решили не брать - в палате будут наше с Олежкой возвращение стеречь, чтобы обратно простыни скинуть. В общем собрали мы в один тюк все одеяльца наши - у нас в палате и без них как в духовке - и первым его сбросили. Простыни я к ножке своей кровати привязал и за окно вылез.

Да что б тебя! - ветрище коготками сразу под пижаму забрался, в тело вцепился. Пожалел я, что только в тапочках больничных и в носочках лёгких, пальцы на ногах в миг одеревенели. Но отступить нельзя, там Мариночка из-за нас мучается.

От подоконника отцепился и кое-как, хилыми ручонками перебирая, как мотыль на леске, почти сорвался - спустился до низу. Пластмассовыми подошвами об асфальт хлопнул, думал: всю больницу разбуджу. Обошлось вроде...

Олежке показываю - давай, мол, спускайся. Смотрю, карабкается. Эх, дурной, носки под тапки не надел даже. А штаны пижамные у него коротенькие, до середины голени. Вот замерзнет-то! Шепчу громко:

- А ну, обратно лезь, пока не спустился. Один справлюсь...

Может, так безопаснее будет, надежнее получится. Олежка обратно в палату закинулся - снизу видно, что нос синий от холода - и простыни за собой втянул, чтобы не заметил никто, окно закрыл сразу. Рукой через стекло показывает, мол, иди, я на "посту" буду.

Ну и хорошо. Тюк с одеялами за спину взвалил, крикнул повзрослому - и пошёл к соседнему корпусу от фонарей прячась.

Голова лысая жуть как замерзла, до самых мозгов мороз добрался. Иду, шатаюсь, Мариночкой себя подбадриваю, мол, умрёт она без нашей-то помощи, позаботиться о ней, кроме нас, некому. В темноте бордюра не увидел, обоими коленями прямо об бетон ударился, брызги яркие из глаз высыпались. Но губу нижнюю прикусил, чтобы не закричать, не завывать от боли. Посидел немного, пока холод в

позвоночник через пятую точку не проник, - дальше идти надо. Один тапок куда-то в темноту улетел. Руками пошарил - нет нигде. Ладно, думаю, ничего, и так дойду. А в одном-то шаркать неудобно - и второй тапочек бросил. Тюк снова за плечо - как картошку носят - забросил и дальше в путь отправился. Думаю, увидел бы меня сейчас кто, от смеха бы прямо на месте умер: идёт доходяга, метр тридцать ростом, мешок больше себя несёт, лысина инеем покрыта, и в одних носочках с дыркой на пятке. Умора... А вдобавок слёзы на щеках кристалликами от холода застыли.

Плакал от боли, конечно...

Палата мариночкина на первом этаже была - мы все заранее признали - иначе не решились бы на эту ночную "операцию". Окно её ночником подсвечивалось - что внутри разглядеть можно. Я тюк с одеялами прямо под подоконник поставил и замороженными ступнями на него залез, чтобы повыше было.

Вот она, Мариночка наша, лежит бледная лицом, как воск. Крупная испарина на лбу блестит, и тяжело так, прерывисто, с надрывом, дышит. Моё сердце в комочек сжалось и к горлу поднялось. Жалко-то её как! Мы-то ладно, ясно с нами всё, нас много таких. А она - одна на всех. Всех нас любит, надежду даёт. Да и саму жизнь, может, даёт по второму кругу. Смотрю на неё через окно и слёзы кулаком по щекам размазываю, жалею самого близкого человека своего.

Но дело доделать надо. Постучался тихонько - нет реакции. Думаю, а что если без сознания вдруг? В детективе читал, вспомнилось, что нельзя в таких случаях человеку спать давать - не проснуться может. Вспомнил и испугался! И со всей силы в окно заледеневшими кулаками забарабанил с криком:

- Марина! Мариночка! Ты только не спи! Слышишь?! Не спи только!!!

А через рыдания слова уже в рев превратились. Но стучу по стеклу, только бы проснулась.

И тут, смотрю, глаза её затрепетали, приоткрылись. Посмотрела на меня и снова веки без сил опустились, только слеза по щеке скользнула - значит, увидела меня, значит - поняла. Жива, значит.

А в больничных коридорах уже свет загорелся, голоса громкие кругом. Дверь в мариночкину палату распахивается, и врач с медсестрой забегают. Только это и помню...

Говорят, что я сам от переохлаждения без сознания упал - хорошо мешок с одеялами был, на него прямо. Ноги сильно отморозил, долго ещё ничего не чувствовали, как деревяшки. Потом больно ужасно стало. Поэтому меня уже Олежка своими витаминками подкармливал.

Местной больничной легендой я стал, со всех отделений на меня посмотреть приходили. И кто чего только не рассказывал! Мол, меня к Мариночке в палату через её окно затащили. Вместе с одеялами теми.

Говорят, что она меня к себе в кровать положила, отогреть. И что всю ночь сама на меня теплом своим дышала. В общем вышло так, что спасла спасителя своего неудавшегося.

Сама она поправилась, конечно, не знаю точно, одеяла ли наши помогли или лечение. Но уже через месяц снова к нам пришла. С улыбкой и слезами. Рыцари, говорит, вы мои, сказочные...

Но сказка и в жизни случается.

Выздоровел я. Не сразу, конечно, пришлось в столице в каком-то Центре побывать - там ещё с полгода полечился. Как оказалось, помогло.

И только недавно узнал, что моё лечение больших денег стоило. Стал выяснять - следователем работаю всё-таки, - кто оплатил. Думал, может, мать перед своей смертью или отец потерявшийся...

Оказалось, Мариночка...

...Окно своё узнал сразу. Рука сама к голове так и оставшейся без волос поднялась. И сердце защемило что-то. Воспоминания хлынули. Опустился на лавочку осеннюю во дворе больничном - как и не уходил отсюда: все те же деревья голые, тот же запах щей из пищеблока и тишина... Будто время здесь специально в кисель превратилось, чтобы жизнь на подольше растянуть.

Из дверей корпуса корпусу силуэт в белом халате вышел - лица не рассмотрю никак, слёзы мешают, а смахнуть вроде стыдно - взрослый же. Только вблизи по улыбке понял: Мариночка...

С сединой уже, в очках на добрых и понимающих глазах. Остановилась, посмотрела внимательно.

- Ну, Славик, а ты говорил, что некрасивый вырастешь... А сам вон какой!

И улыбается сквозь слёзы...

А мне сказать бы хоть что-то, но не могу никак. Ладонь её взял и лицом прижался, склонившись. А она меня по голове гладит, успокаивает:

- Не надо, Славик, не говори ничего. Хорошо же всё...

Да чего стесняться-то слез своих! Обнял её.

- Спасибо, - говорю, - и не только от себя...

И за больничный забор показываю. А там жена моя любимая, платком слёзы вытирает, и двое сынишек - не поймут: чего это папка сопли на кулак наматывает.

- Все как обещали, - улыбаюсь, - так и случилось. Детей только двое пока, но это ведь дело наживное...

С тех пор Марина Владимировна членом нашей семьи стала. Хотя, наверное, её семьёй я всегда был...

Сергей Шумский

Россия

Гора Клеопатры (дебют)

День первый

Сегодня был трудный день. Пройдена самая тяжелая часть 10-дневного пути. Первые три дня можно и вовсе не считать - приятная прогулка вдоль реки с медленным набором высоты. На ночёвках долгие посиделки у костра. А вот сегодняшняя дорога от базового лагеря до штурмового совсем иное. И путь долгий, и высоты за день набираешь больше тысячи метров. Контраст разительный. Базовый лагерь стоит в кедровой роще, вокруг разнотравье и можно даже, если не боишься холодной воды, в озере искупаться или реке. Примерно с высоты в 2500 метров исчезает всякая зелень, не только деревья. Поэтому и костров с общими посиделками не будет.

Тропа от базового лагеря до штурмового – одно название. Сначала грязь, потом каменные осыпи, снег, лёд. Оно бы и ничего, если бы не

рюкзак. После базового лагеря он резко потяжелел - в нём полный комплект альпинистского снаряжения, одежда, запас продуктов. Только теперь, когда поставлена палатка, можно полюбоваться на красоту вокруг. Она – неземная.

Ну вот. Я снова здесь, у подножия этой красавицы горы. К вечеру распогодилось, выглянуло солнце. Как же блестит снег на вершине! А соседний пик, он пониже, тоже красив –огромные скальные выходы на нём блестят царской короной. Чудное место!

До вершины – рукой подать. Но радоваться рано. Я это хорошо знаю. Я уже накопил опыт неудачных восхождений на эту вершину. Самый скверный в жизни опыт! После первого неудачного штурма была досада. И уверенность, что во второй раз не может не повезти. Не повезло... После второй неудачи были обида и злость. И вот я здесь в третий раз. Покорись мне, гора! Даже думать не хочу про неудачу.

Здравствуй, моя гора. Здравствуй, моя Клеопатра. Никому я об этом не говорил и не скажу, но мне и жизни своей не жалко – только бы дойти до вершины. Поэтому я и назвал эту гору своей Клеопатрой. Красивую легенду придумали люди про античную царицу. Будто для своего досуга она выбирала только самых достойных, мужественных и храбрых мужчин. А наутро повелевала их казнить. Зачем она их убивала? Чтобы самой в них не влюбиться? А может, потому, чтобы никто не мог похвастать своей близостью с ней или, к примеру, рассказать о её сексуальных предпочтениях?

Я был на других вершинах. Когда штурм удачен, это такая радость, это самое полное счастье. Для меня, во всяком случае, полное счастье. Это – победа, не над горой, а над самим собой, над судьбой своей, может. И такая гордость за себя. Я хочу пережить эти чувства снова и именно здесь, на этой горе, которая уже дважды меня отвергла. Хочу победить тебя, Клеопатра. Чего бы мне это не стоило!

День второй

Всю ночь шёл мелкий противный дождь, а ветер временами дул с такой силой, что было страшно за палатку –казалось, ещё немного и её просто унесёт. Едва рассвело, вылез на холод проверить крепления, добавил камней на колья и юбку палатки. Как не торопился, успел промокнуть. После вчерашнего тяжёлого дня сегодня поздний подъём, поздний завтрак.

Повар шёл с нами только до базового лагеря, теперь несколько дней будем питаться самостоятельно. Каждый готовит себе на газовой горелке чай, кашу. Даже суп есть в наборе. Продукты сублимированные, порядочная гадость. Утренний туалет пахнет также, как только что приготовленный ужин вчера. Самое вкусное в продуктовом наборе – солёное сало, сырокопченая колбаса и сыр-плетенка. Сгущёнка жидкая, орехов с сухофруктами немного. Хорошо,

что взял с собой листовой чай. На высоте, а мы стоим на 3000 метров над уровнем моря, на талой воде чай сильно теряет свой вкус, но всё же он намного лучше пакетного из набора.

Днём, когда на несколько часов прекратился дождь, были занятия по ледовой подготовке. Походили в кошках по леднику, вспомнили, как передвигаться в связке, как пользоваться карабинами. Жумар – на подъём, восьмёрка – на спуск. Отработали действия по команде «Срыв!» - это когда надо в долю секунды грамотно перехватить ледоруб, чтобы, падая на живот, всей своей массой постараться загнать острый его конец в лёд. Андрей, наш инструктор, честно рассказывает, что даже опытные альпинисты при срыве часто не успевают зацепиться и катятся вниз. А там уж, когда сорвались, как повезёт...

Занятия продолжались недолго. Мы все ещё добираем акклиматизацию, надо беречь силы. Есть и спать, как говорит Андрей. Лёгкие тоже должны приспособиться к высоте. Есть, спать и надеяться на погоду, на милость горы. Когда альпинисты говорят: «Гора не пускает» - это не фигура речи. Это истина, проверенная практикой. Андрей был на вершине Клеопатры больше 30 раз. А наш второй инструктор Иван примерно столько же раз не смог туда подняться. Правда, он и бывал там вовсе не однажды. Гора как будто сама выбирает счастливиц. А кому-то говорит: стоп, назад, вам сюда нельзя! Вам. Кому «вам»? Нельзя-то не всем. Кому-то можно. А кому-можно-то? Всякий из нас думает, что он особенный и ему – можно. Вот и прёмся упрямо к вершине. Кто-то заходит, кто-то нет. И каждый из нас знает про возможность погибнуть в горах. Никто в свою смерть не верит, конечно. Да, другие погибают, но не я.

Нынче, хотя сезон только начался, уже есть жертвы. Самая первая группа шла, восемь человек. Перевалы только-только открылись. Снега полно, а тут ещё свежий выпал. Сильный был снегопад, в одном месте огромный снежный карниз навис над тропой. Старший группы очень опытный альпинист, объяснил всем, что это место пройти надо по возможности быстро, а главное – тихо, молча. Наверное, не все поверили в то, что снег может сойти даже от звука человеческого голоса. А может, и поверили. Молчали же все. Только одна молоденькая озорница снежком в спину старшего запустила. Кокетничала, наверное. Старший рефлекторно повернулся назад и задел рюкзаком карниз. Сначала карниз на тропу упал, а за ним и лавина пошла. Четверо почти не пострадали, один погиб сразу, одного быстро нашли, успели откопать, а ещё двоих уже на следующий день нашли. Неживыми. Первый задохнулся, второй погиб от обморожения. Девушка та озорная живая. Только как вот ей и жить-то теперь.

Здесь полно поминальных табличек. Внизу, недалеко от базового лагеря, есть часовня памяти погибших альпинистов. Когда был здесь

в первый раз, заходил туда, читал фамилии. А потом эти таблички кое-где на тропе встречаются и особенно много здесь, на поляне штурмового лагеря. Два огромных валуна ими облеплено. Некоторые из погибших совсем молодые, но есть и опытные альпинисты, и спасатели. А рядом импровизированный музейчик – старый ледоруб, самодельные кошки, сломанные каски. Меня особенно поразили кошки. По сравнению с нынешними такой примитив, такие неловкие и даже нелепые. А ведь ходили же и в них на вершину!

Как гибнут в горах?

От лавины. От камнепада. От удара молнии. От того самого срыва, когда человеку не удалось заякориться ледорубом в первое мгновение и его понесло вниз. И остановит его или трещина, из которой его никто никогда не достанет, или скала, о которую он весь переломается. От переохлаждения умирают. От отёка лёгких, который развивается мгновенно. В прошлом году Андрей на моих глазах спас парня из соседней группы. Пришли его товарищи, мол, посмотрите нашего друга, какая-то слабость у него. А тот уже хрипит. Но – бодрится, только, говорит: «Больно немного в груди, когда кашляю, а так всё хорошо». У парня отёк начинался. Андрей вкатил ему укол, сообщил спасателям, те его смогли быстро в больницу доставить. Врачи сказали, ещё несколько часов и всё, умер бы парень.

На некоторых мемориальных табличках есть фотографии погибших. Всматриваешься в их лица, представляешь, какими они могли быть в жизни. Потом, конечно, мысли перекидываются на свою жизнь.

Мне много лет. Из-за седой бороды меня давно уже зовут дедом. Стариком я себя пока не чувствую, но ярмарка моя не только давно отшумела, я успел забыть, когда с неё вернулся.

Жизнь моя окончательно прояснилась в 40 лет. Я понял, как там у Олеси? – «Я не буду уже ни красивым, ни знаменитым. Я не приду из маленького города в столицу. Я не буду ни полководцем, ни наркомом, ни ученым, ни бегуном, ни авантюристом. Я мечтал всю жизнь о необычайной любви...»

40 лет – это возраст, когда мужчины погибают, идут в депутаты или хотя бы разводятся с женами. Я не сделал ни первого, ни второго, ни третьего. Я просто успокоился. Тайные мечты, претензии на что-то большее, чем у меня есть в жизни, рассеялись. И стоило мне избавиться от дерзких желаний, от глупых заблуждений на свой счёт – мол, я что-то ещё могу, оказалось, что времени свободного у меня много и его надо куда-то девать. Я занялся туризмом.

Пляжный мне быстро наскучил, заграничная экзотика тоже. Нет, раз в год я обязательно езжу куда-нибудь с женой, ей нравится отдыхать комфортно, я ж это просто терплю. И обязательно, хотя бы раз в год сплавливаю на байдарке или хожу в горы. Впрочем, соврал –

сплавов по рекам, даже самым диким, последние годы меня совсем не интересуют. В последние годы я хожу в горы. И это не точно. Это я вначале ходил в горы, разные. А в последнее время я прихожу в одни и те же горы. Потому что никак не могу подняться на главную вершину этих гор. На гору Клеопатры. После каждой неудачи чувствую себя как побитая собака. Ничего плохого не сделал, а меня наказали, я ищу угол потемнее, чтобы спрятаться там. Чтобы никто не видел тоски в моих глазах и поджатого хвоста.

В списке вершин, на которые мне должно хватить сил, времени и денег, ещё несколько пунктов. В этом списке их было немного, всего пять. Я реально оцениваю свои возможности. Эльбрус и Казбек взяты с первых попыток. Сюда я прихожу уже в третий раз. Ничего, Бог троицу любит. Мне бы плюнуть на третий пункт моего списка и попытаться зайти на 4 и 5 вершины. А потом вернуться сюда. Но нет. Я теряю годы и силы здесь. Это уже навязчивая идея - покорить именно эту вершину – гору Клеопатры. И не надо мне других вершин, пока не взята эта. Не хочу ни Килиманджаро в Африке, ни Аконкагуа в Аргентине. Не хочу, они мне не интересны пока нет успеха здесь.

День третий

По программе тура сегодня после полуночи мы должны выходить на штурм. Штурм откладывается. На день или два – неизвестно. Прогноз погоды на ближайшие дни плохой. Не выходим из палаток. Настроение – дрянь. В голову лезут нехорошие мысли, чтобы их отогнать, стараюсь вспоминать что-нибудь приятное из прожитой жизни. Получается плохо. Вспоминаются наоборот неприятности, а то и вовсе стыдные вещи. Удивительно, но память сохранила очень чёткие картинки даже из раннего детства.

Первый стыд я пережил в пять лет. Мама впервые оставила меня одного пожить у бабушки. В те же дни к бабушке приехала её младшая дочь – студентка. Моя молодая и красивая тётка. Я в неё влюбился. Это я потом и понял, и слово это узнал – влюбился – а тогда во мне произошло что-то непонятное мне, неотчётливое, я и сейчас затрудняюсь определить, что именно со мной случилось тогда. Что-то новое, неизвестное, непонятное произошло внутри меня. Наверное, проснулась моя природа, мой пол. Наверное, я тогда впервые ощутил разницу между собой и другими людьми, между мальчиками и девочками. Я хорошо помню, как это было.

Я был настолько мал, что тётке и в голову не пришло как-то спрятать, укрыть своё постиранное нижнее бельё. Я долго разглядывал чулки, лифчик, трусики. Потом снял с веревки трусики, поднёс их к самому носу, вдохнул. и в этот момент вошла тетка. Она вернулась с велосипедной прогулки, лицо всё в румянце, тело ловкое, волосы затянуты в густой конский хвост. Какое-то время мы смотрели

друг другу в глаза, я почувствовал, как запылали мои уши. Тётка не стала устраивать никаких сцен, подошла, приобняла, тихонько вытянула своё бельё из моих рук и вернула его на место.

А мне всю жизнь кажется, что именно тогда я уловил этот особенный запах. Запах женщины. И я всю жизнь лучшей дамской причёской считаю собранные в хвост волосы.

А через год я впервые познакомился с обманом. Меня отправили со старшим братом на школьную ёлку. Наговорили что-то про Деда Мороза, про новогоднее чудо. Пришли, сели, ждём. Я с затаённой надеждой пялюсь на ёлку, жду Деда Мороза. Наконец, он появился.

- Закрой рот, - сказал мне брат. - Никакого чуда не будет.

А про Деда Мороза сказал, что это никакой не волшебник, а учитель физкультуры, наш сосед дядя Вова. От дяди Вовы пахло алкоголем, он однообразно требовал у детей рассказать стихотворение и очень буднично раздавал подарки. Мне казалось, что этот обман должны видеть все, почему же все молчат? Я украдкой оглянулся по сторонам и увидел, что дети радуются, хлопают в ладоши, смеются, искренне радуются. Обман разоблачать оказалось не для кого... С того времени Новый год для меня – самый обыкновенный день. Какой же это праздник, какая сказка, если нет чуда?

Только в раннем детстве можно ждать чуда, просто ждать и надеяться, что оно откуда-то возьмётся в твоей жизни. Но детство проходит, и важно, как можно быстрее понять, что чуда надо добиваться своими силами. Отыскивать его и приводить в свою жизнь. Это как с женщиной. Новой женщиной, которая тебе понравилась, даже и не поймёшь, чем она хороша, почему понравилась? Да и неважно, чем и почему. И ты мечтаешь об этой женщине, хочешь её добиться. Кто влюблялся, тот меня поймёт. Я часто влюблялся в своей жизни. Но помнятся всего несколько женщин. Наверное, я их любил по-настоящему. Сколько их было, тех, которых любил? Одна? Две? Три? Не больше. Среди них есть и та, которой я не смог добиться. Я помню её так ярко, как будто по-прежнему мечтаю о ней.

Вот и с этой вершиной у меня тоже самое. Утром, когда на несколько минут из-за туч выглянуло солнце, мне показалось, что Клеопатра улыбнулась мне. Как это умеют делать красивые, веселые и уверенные в себе женщины:

-Ну, что же ты такой несмелый? Я же вижу, что нравлюсь тебе. Попробуй завоевать меня!

Результат – вот, что главное. Пусть слабаки рассказывают, что главное – это процесс достижения цели, это туфта. Главное – это цель. Почти сразу после результата наступит пустота. Но будет несколько минут абсолютного блаженства: ты сделал это, ты стоишь на вершине! Тут и «Ура!» можно поорать во всё горло, если будут силы. Тогда и

путь к цели станет и хорош, и неповторим, и замечателен, и ценен сам по себе. После победы можно умно рассуждать, что, мол, жизнь – это путь. Конечно, путь, а что же ещё? Только не ровная дорога, а с вершинами побед и пропастями поражений. А в конце пути, как окончательный результат, смерть. Это истина. После каждой победы надо находить смысл для продолжения пути. После каждого результата надо иметь впереди другую цель.

Пока я не победил Клеопатру, я ничего не загадываю. Что будет потом, неважно.

И какая же ты капризная, Клеопатра! Я ведь был на вершинах, которые на сотни метров выше тебя! А ты опять вредничаешь. До вершины остался один переход, он не особенно сложный. Нужно всего лишь десять – двенадцать часов более-менее спокойной погоды. Без сильного ветра, без сильного дождя. Три-четыре часа на подъём по перилам на перевал, потом спуск с потерей всей только что набранной высоты – жалко, но по-другому никак. Там отдых, перекус – и два-три часа пути до вершины и несколько часов на возвращение в штурмовой лагерь. Всё ясно, понятно, доступно! Только бы установилась погода.

Был у Андрея в палатке. Говорит, если погоды не будет и завтра, то послезавтра наша группа возвращается назад. Во-первых, и это главное, заканчивается время тура. Во-вторых, и это очень важно, от нескольких дней ожидания у людей портится настроение, они становятся нетерпеливыми, раздражительными, недовольными всем на свете, а таких в горы пускать опасно.

Я предложил Андрею немного выпить. Он не стал отказываться, нормальный ведь мужик. Я сказал ему:

- Как же так, Андрей? Я в третий раз добрался сюда, неужели опять неудача? Я не уверен, что смогу дойти сюда ещё раз. У меня и сейчас колени и голеностопы в биндаже, на поясице защитный пояс, половина мышц в тейпах...

За чаем и сигаретой я предложил Андрею, аккуратно, конечно, денег, чтобы он не уходил с группой назад, а остался здесь со мной и дождался погоды. Денег я предложил много – почти столько же, сколько стоит весь тур. Андрей внимательно и долго смотрел на меня после моих слов. Сказал:

- Хорошо, останусь. Будем ждать погоду. Деньги возьму, но не столько. Достаточно будет трети от названной тобой суммы.

День четвёртый

Сегодня видел, как сошла лавина. Огромная. Сошла с почти вертикального склона Клеопатры, альпинисты называют этот склон стенкой. Альпинисты – спортсмены именно по стенке лезут наверх, наш путь им неинтересен. Наш путь – для альпинистов-любителей.

Самый лёгкий и безопасный из всех возможных. Но и на нём есть лавиноопасный участок и места, где бывают камнепады.

На несколько минут стих ветер, дождь почти прекратился, выглянуло солнце. Снег на макушке Клеопатры блестел ярче, чем игрушки на самой красивой новогодней ёлке.

Здесь по несколько раз за день меняется погода. Пока она меняется с плохой на очень плохую и обратно. Никто не знает, когда будет окно хорошей погоды, окно достаточно большое, чтобы можно было решиться на штурм. Оно обязательно будет. Только вот когда? Через день, через неделю? не может быть, чтобы оно не появилось!

До полудня провалялся в палатке. Поесть всё-таки надо. На поляне штурмового лагеря, как раз рядом с теми валунами, которые облеплены поминальными досками, к началу сезона открыли небольшую стационарную базу. Два года назад, когда я был здесь в первый раз, её только начали строить. Все строительные материалы завозили вертолётами. Андрей сказал, что там есть кухня, можно заказать обед. Нормальный – со свежими овощами, первым и вторым блюдом. Цены, конечно, конские, и туда мало, кто ходит. Но я больше не могу есть сублимированную пищу. В горы идут молодые, им что. А мне такой рацион просто вреден. Не хватало, чтобы ещё поджелудочную прихватило – тогда всё, пиши пропало. Какие горы, в пору будет вертолёт вызывать для эвакуации. Пойду в буфет.

База небольшая, но очень милая. Самое просторное помещение – и гостиная, и кухня, и столовая в одном лице. Есть два номера, которые можно снять. В первом два спальных места – настоящие кровати! – во втором три. Маленький номер свободен. Но спать там ещё дороже, чем есть.

Я заказал полный обед. Но сначала чай. Его подают в термосах, не в чайниках, чтобы не остывал быстро. Попросил девочек, их двое на кухне, положить двойную, тройную порцию чёрного чая без всяких добавок и без сахара. С чаем происходит неприятная штука – то ли он как-то неправильно заваривается на высоте, то ли потому что делается он на талой воде, она совсем без солей, чай здесь другой. Но с лимоном вприкуску было очень даже вкусно.

На кухне работают две молодые женщины. Заказ у меня принимала та, что пониже ростом. Нет, она хорошего роста и правильного сложения – пропорционального, просто вторая почти высокая и чуть лишнего худая. А фигуру здесь у женщин хорошо видно – они ходят в специальных лосинах и футболках. Одежда такая шьётся из современных материалов, считается, что это самая правильная одежда для горных походов. Она лёгкая, она греет. Она быстро сохнет. У парней похожая одежда, но поверх лосин принято одевать шорты, чтобы прилично выглядеть. Может и мне, наконец, полностью обновить свой походный гардероб? Всё никак не могу отказаться от

тёплой тельняшки, шерстяных носок и зимних берцев. Современная одежда облегает фигуру. Девчонками невозможно не любоваться. Они приехали сюда на весь сезон работать на базе. Та, что пониже, её зовут Мария, повар, вторая ей помогает. Может, ещё порядок на базе поддерживают. Помощница у Марии неумелая – мне показалась, что она впервые в жизни резала салат. А Мария уверенно держится у плиты.

Я напился чаю и в ожидании обеда что-то меня понесло. Не думаю, что от чая, хотя он и оказался крепким, почти купчик. Скорее от глотка спирта, который я сделал перед чаем. А ещё больше от близости двух замечательных молоденьких женщин, почти девушек. Они готовили обед, стоя ко мне вполоборота чтобы лучше слышать мои байки и рассказы про реальные приключения. А когда поставили на плиту суп и второе и сели за стол напротив меня, я вполне определился, кто из них нравится мне больше. Внутренний барометр показал на Марию. У меня так всегда было, с первой юности – смотрю на девушку, женщину - хотел бы я с ней прожить всю свою жизнь? Ну, хотя бы серьёзно попробовать это сделать - прожить с ней свою жизнь. И как только я получал подсказку этого барометра, я начинал ухаживать за женщиной, да я её уже просто любил к этой минуте.

Что-то похожее началось у меня и с Марией. Но я запретил себе думать о ней, между нами такая пропасть лет. Я не разрешил себе влюбляться в Марию. Быстренько отыскал в ней недостатки – скулы широковаты, в глазах есть что-то простенькое, грудь маленькая, да и попа, пожалуй, повиснет, если снять с неё эти лосины.

А тут и обед поспел. Он был роскошный. Да, вместо мяса тушёнка, но овощи натуральные, лук, чёрный перец, чёрный хлеб! После сухариков и сублиматов – прямо царский обед.

Пока ел, молчал, и девчонки надеялись на продолжение моего трёпа. За жизнь накопилось много интересных историй, а ещё ж и умение приврать. А девчонки такие молодые, так ещё немного видели и знают, им, конечно, интересно меня слушать. Да и что им ещё делать в свободную минуту? Интернета здесь нет, связь только по рации.

Но я продолжил молчать, допивая свой чай. И они ушли. Какой им интерес в молчании старика. Ведь для них я вполне старик, как б я сам себя не чувствовал и не воспринимал. Я молчал и с удивлением смотрел на парней, которые тоже пришли в буфет: почему же они не ухаживают за этими красавицами?

От того, что я заставил себя молчать, у меня начала болеть голова. Когда уходил, Мария пригласила меня приходиться на ужин. Пожалуй, из вежливости, без улыбки и, кажется, с холодком в глазах.

Вернулся в палатку и после сытного обеда почти сразу уснул. И увидел сон. Это само по себе удивительно – я уже давно не вижу снов. А тут – такой! Мне приснилась очень трогательная история из

молодости – встреча с юной полячкой Мартой. Почему приснилась именно Марта? Может быть, потому, что именно от неё я впервые услышал про эту гору. Это было почти 30 лет назад. В первой половине 90-х.

Безумные 90-е годы! Ох, и разгульное было время! Мы ехали с моим товарищем в командировку. Вырвались из дома, и сразу начали куролесить. И куролесили всю дорогу. Очень активно начали, так, что опоздали на самолёт. Мы отправились поездами, с несколькими пересадками! Один раз пришлось ехать в сидячем вагоне. Жутко неудобно. Ехать нужно было всю ночь. И вот в этот самый вагон, и без того битком набитый народом, на какой-то станции втиснулась целая группа молодых польских альпинистов. Они ехали покорять эту самую вершину, у которой я торчу уже четвёртый день. Товарищ мой Саша Воробьёв привел Марту из тамбура, где только и нашлось свободное место для альпинистов. А у нас с ним было два места, два кресла. Я уступил своё место Марте, Воробей был мне за это очень благодарен. Но Воробья подвели ночь и выпитое – он очень быстро уснул. И я увёл у друга его любимую. Каюсь. Но она мне тоже очень понравилась, она была юная и очень деликатная.

Марта сидела на моём месте. Я стоял рядом, иногда что-то говорил девушке – она немного знала русский. Но скоро и я начал засыпать, прямо на ногах. Марта поднялась, сказала с очень милым акцентом:

- Я немного отдохнула. Спасибо! Садитесь на ваше место.

Я понимал, что стоит мне сесть, как она тут же уйдёт к своим. Не будет же она торчать рядом со мной. Ещё я успел заметить, что один из поляков, зелёный совсем, всё время смотрит в нашу сторону, а меня так просто сверлит глазами. Марта же один раз только и поглядела на него. Как мне показалось, с некоторым раздражением посмотрела. Потом я узнал, что поляк начал ухаживать за ней с Варшавы, с первого дня их путешествия. И уже порядком ей надоел. Но это я потом узнал, а пока он меня раззадорил, этот поляк.

И я предложил Марте:

- Не подумайте чего-нибудь, давайте я сяду, а вы устройтесь у меня на коленях.

Она смутилась, покраснела. Но стоять на ногах до утра – это очень тяжело. Идти можно, а вот просто стоять – тяжело. Она согласилась сесть мне на колени. И мы, как пионеры, старались соблюдать дистанцию. Но сон её сморил, её голова склонилась мне на грудь. И тогда я позволил себе дышать запахом её волос. Запахом её кожи. Её молодой нежной кожи. Утром она улыбнулась мне смущённо и благодарно. Так, как после первой ночи женщина улыбается мужчине, если у них всё было хорошо этой ночью.

Кроме той ночи, у нас было только несколько часов. Потом Марта уезжала в одну сторону, а я в другую. Мы пытались ускользнуть ото всех, чтобы остаться вдвоём. Но от меня не отходил злой Воробей, от неё рассерженный поляк, тот, который пытался убить меня взглядом в переполненном вагоне. Поляк ещё и на Воробья обиду держал, ведь это он увёл от него Марту. Они оба всё никак не могли согласиться с тем, что Марты им не вадать, и объединились, и делали всё, чтобы она не досталась и мне. Обиженные люди иногда становятся очень вредными.

Мы гуляли по маленькому чудному городку, просто ходили по его центру кругами. Останавливались у реки, пили шампанское. Потом коньяк. Я несколько раз подводил нашу компанию к большой луже, которую легко можно было обойти, как и делали Воробей с поляком, я же брал Марту на руки и переходил лужу вброд, и долго-долго ещё нёс её на руках. Я говорил Марте:

- В моей жизни было уже много, очень много дней, но сегодня – самый лучший из них. Конечно, я врал тогда Марте. Врал, но как же сам верил в это! Впрочем, почему врал? В жизни у человека есть только сегодняшний день. Прошлое – это только память о былом, а будущего может просто не быть. И каждый текущий день – единственный и лучший в жизни. И Марта шептала в ответ:

- Да-да, я тебя понимаю. Мне тоже очень хорошо сегодня. Очень.

Её поезд уходил раньше. Мы вцепились друг в друга. Целовались. Она заплакала, я сказал, что еду с ней. Я бы уехал. Но один из гидов устал смотреть на чужую любовь, сходил за милицейским нарядом, наплёл что-то про международный скандал, и менты скрутили меня и вытащили из вагона.

Марта плакала, и долго махала мне рукой, не давая проводнику закрыть дверь. Поезд уходил неумолимо, очень скоро стали неясными черты её лица, потом растаяла фигура...

Когда я проснулся, я попробовал вспомнить лицо Марты. Вернул в своём воображении её поезд назад и увидел глаза, нос, скулы ...Марии. И подумал, зачем мне вспоминать Марту?

Марта сейчас уже не молода. И с ней сегодняшней встречаться вовсе незачем. А вот Мария... Мария – ей ведь столько же примерно лет, сколько было тогда Марте.

И зачем я торчу в своей палатке? Зачем отказываю себе в удовольствии увидеть Марию? Ну, хотя бы увидеть. Увидеть её замечательные оригинальные скулы, чуть лишнего широкие. Очевидно, это что-то национальное, которое передалось ей в смешанной крови родителей. Что-то туземное, может, северное, может, азиатское. Грудь – маленькая и упругая, почти девичья. А повиснет ли попа, когда снять с неё лосины – это ещё надо посмотреть!

И глаза у ней не простенькие, а ясные. Здесь почти у всех ясные глаза. Кривляки и фальшивые люди сюда просто не доходят. Вот и Мария - честная и искренняя. Да ведь и я же такой, когда прихожу в горы. Все маски, все наработанные и прилипшие образы и приёмы остаются внизу. Здесь они просто не нужны. Когда ты забираешься так высоко в горы, ты выходишь из матрицы своей привычной жизни. Становишься другим. Настоящим. Самим собой.

Я вспомнил, что видел на базе гитару. Серенада для любимой - разве есть способ лучше, чтобы завоевать сердце женщины?

День пятый

Вчера вечером народу в буфете базы оказалось больше, чем мне хотелось бы. Людям надоедает лежать в палатках, вот и идут сюда, чтобы нормально посидеть за столом.

Мне показалось, что Мария удивилась и обрадовалась, когда увидела меня. Пока я ужинал, а она хлопотала у плиты, между нами продолжалась игра взглядов. После ужина я взял гитару. Давно я не пел песен. Начал с чужих, потом перешёл к своим. Когда-то давно, ещё до 40 лет, я написал шесть циклов песен. Даже по фестивалям бардов ездил. Слушал мастеров, разговаривал с ними, пел. Ценные советы дал мне Олег Митяев. И по стихам, и по манере петь.

Мой концерт слушали все. Я был в ударе. У меня есть несколько хороших песен. Из шести циклов, в каждом из которых по 12-15 песен, есть несколько удачных. Их я приберег к концу вечера. И спел их так, словно рядом никого не было, только Мария. Все, кто к этому моменту ещё оставался в буфете, почувствовали себя лишними и быстро попрощались. Мы с Марией ещё немного посидели за столом, говорили о каких-то пустяках, а потом пошли в свободный номер. И у нас случилась замечательная ночь! Господи, а ведь я уже забыл эту дрожь, эту сладкую дрожь, которая бывает перед близостью с новой женщиной.

Она рассказала мне свою историю. Рано вышла замуж, муж оказался очень строгим, не отпускал её из дома никуда кроме работы. Прожили пять лет, но так и не смогли родить ребёнка. Она предлагала мужу сходить к врачам, выяснить причину бесплодия, но тот и мысли не допускал, что он может быть виноватым в их бездетности. Наконец, развелись. Мария была на грани депрессии. Подруга посоветовала записаться в эту экспедицию – поваром на базу на весь сезон. В школе она занималась спортом, туризмом в том числе. Взяли. В настоящих горах она первый раз в жизни.

Она рассказывала, глядя куда-то в сторону, и я мог спокойно рассмотреть её всю. Я удивился, не увидев на её теле ни одной татуировки. У молодёжи, девушек в том числе, это так модно сейчас. Я к этому никак не привыкну, особенно скверно, когда их делают

симпатичные девчонки, по мне так они убивают свою красоту. Я сказал Марии, что она молодец, что не делает татуировок.

Она ответила:

- Муж не разрешал. Теперь, может сделаю.
- И что же ты на себе нарисуешь?
- Ещё не знаю, твоя вот мне нравится.

Единственную татуировку я сделал себе в 40 лет. Ничего оригинального, парусник на плече. Один в открытом море. Помню, мастер спросил: «Паруса будем раскрашивать? Красный цвет очень хорошо ляжет». Нет, ответил я ему, алые паруса – это уже пошло в моём возрасте. Давай белый. «Давай». Белый цвет капризный, сошёл почти сразу. На татуировке есть пара надписей. На французском языке. Почему французском? Потому что его в нашей стране знают ещё меньше, чем английский. Первое время друзья и знакомые приставали с вопросом – что тут у тебя написано? Скажи, мол. И я отвечал, если б я хотел, чтобы написанное мог прочитать любой, я сделал бы эти слова на русском. Вот и Мария попыталась прочитать их.

- Это не английский. Переведёшь?
- Тебе скажу. На ленточке под парусником написано «Таи свою жизнь».

- Как-как? - переспросила Мария.
- Таи свою жизнь.

Мария – умница, всё правильно поняла про этот мой девиз: не торопись пускать другого человека в свою жизнь, не делись с ним своими секретами и тайнами.

- Согласно с тобой, - сказала Мария. —Что знают двое, то знают все. И даже самый близкий человек когда-нибудь обязательно попрекнёт тебя этой тайной или насмеётся над ней. Хотя бы в минуту ссоры. Над самым сокровенным насмеётся, чтобы сделать тебе больнее. А что написано на борту парусника?

- На борту написано имя парусника – «Это я».

Она улыбнулась и вспомнила, немного переиначив, Лермонтова:

- Белеет парус одинокий в тумане моря голубом! Что ищешь Ты в стране далёкой? Что кинул Ты в краю родном?

- Уже ничего не ищу, Мария. Однако вот нашёл тебя. В краю далёком.

- Жалко, - сказала Мария.
- Что жалко?

- Жалко, что ты такой... немолодой. Вот и борода у тебя совсем седая.

Я удивился этому её расстройству из-за моего возраста.

- Ты что, Мария?! Я не хочу портить тебе жизнь, выбрось меня из головы.

- Попробую-, она почти заплакала.

И тут до меня дошло:

- А ты не можешь сейчас забеременеть?

Мария ответила:

- Сегодня у меня самый лучший для этого день.

- И ты... специально?

- Да.

- Почему ты выбрала меня?

- Ты сегодня был лучшим из всех. И я знаю, какую татуировку я себе сделаю. На том же месте, что и у тебя. Вместо парусника будет эта красивая гора, на горе будет написано «Серёжа и Маша были здесь», а внизу такая же ленточка, что и у тебя, с теми же словами.

Я видел, что она шутит, но всё же сказал:

- Не порти свою красоту, не делай никаких татуировок.

- Хорошо -, улыбнулась Мария.

Она говорила что-то ещё, я не очень слушал. Потом остановил её и сказал:

- Ты молодая, красивая очень. Зачем тебе было сегодня рисковать, матери-одиночке выйти замуж будет труднее.

- Как ты не понимаешь! - ответила она мне. - Меня пять лет обвиняли в бесплодии, называли пустоцветом. Это такой пресс. Я чувствую себя ущербной, а если со мной всё хорошо, и я рожу – я стану другой, счастливой и нормальной. А ребёнок разве может помешать настоящей любви, если ей суждено быть в моей жизни. - И попросила меня. - Расскажи мне о себе побольше.

-Зачем?

- Я хочу знать о тебе всё. Чтобы рассказать ребёнку, когда он подрастёт, о его отце.

- Ты не позволишь мне самому это сделать?

-Конечно, позволю! Ну а вдруг мы больше не увидимся?

- Ты умная женщина, Мария. Ну, слушай!

И я рассказал ей всё про себя. Ну, почти всё. Вспомнилась давняя, казалось, уже забытая досада: я очень хотел сына, но стал отцом всего один раз и родилась у меня девочка.

В этом месте Мария меня прервала:

- Если у меня будет сын, хочешь я дам ему твою фамилию? Хочешь! А какая у тебя фамилия?

Я назвал.

- Красивая! Я, может, и себе её возьму, ты не против? А как бы ты хотел, чтобы звали нашего сына? Ну? У него будет твоя фамилия, твоё отчество, а имя?

Сын? Имя? Господи, что же это за счастье со мной сегодня случилось! Я сказал Марии, что выберу имя нашему ребёнку на вершине.

- Хорошо, - улыбнулась Мария. – А почему ты перестал писать стихи?

- Это не я, это они перестали рождаться во мне.

Я спросил Марию, какая из моих песен ей больше всего понравилась? Она ответила. Она назвала одну из самых любимых моих песен. Это песенка из цикла «Ответ Владимиру Семёновичу Высоцкому». Я рассказал, как сочинил её. Мою единственную дочь жена рожала в маленьком городке, где жили её родители. Я поехал увидеть своего ребёнка в первые дни января. Стоял жуткий мороз, автобус сломался за много километров до городка, пассажиров подобрал встречный автобус, а я решил идти пешком. Через зимние поля, занесенные снегом рощи. Едва не замёрз. Упросил Бога дать мне эту счастливую возможность – подержать на руках своего ребёнка. Песня сделана на мотив «Кругом пятьсот». Я начал напевать её, но заметил, что Мария уснула. Это понятно – в то время как я весь день валялся и спал в палатке, она хлопотала у плиты.

Мария спала, а я думал про свою жизнь. Чем ближе финал, тем понятнее Библия. Про смерть в ней хорошие слова есть. «Соединился со своим народом». Не умер, а ушёл к своим. Своих за порогом жизни много-много поколений. Все мои предки жили в том числе и для того, чтобы однажды на свет появился я. И во мне побежала пронесённая через века кровь. А что же после меня? Единственная дочь, которая заметно старше Марии, говорит, что рожать не собирается. Всё. Кровь, которую передавали из поколения в поколение на мне могла прерваться. И я был бы виноват в том, что прерывается вечная цепь поколений. И вдруг эта встреча с Марией. А что, если она точно родит от меня! Тогда я спасён. На мне не будет этой тяжёлой вины перед поколениями моих предков и после меня продолжится моя наша кровь!

К утру дождь прекратился и от наступившей вдруг тишины я уснул. А когда проснулся, увидел перед собой яблоко. В горах это хороший подарок. Под яблоком была записка от Марии. «Я ухожу с ребятами в базовый лагерь, в баню. Вернусь завтра. Если вы сегодня в ночь уйдёте на штурм - удачи вам! И не забудь, на вершине ты должен выбрать имя для нашего сына». Простые и милые слова. А вот я не смог обойтись без красоты - написал на обороте записки: «У тебя всё будет хорошо в жизни. Потому что Бог любит тебя, ведь тебя зовут также, как звали мать его сына. До встречи, Мария!»

И пошёл в палатку. Помощница Марии, которой я оставил записку, и все, кто был на кухне – деликатно поздоровались, стараясь не встречаться со мной глазами. Зря, мне было совсем не жалко поделиться с ними своим счастьем!

Лагерь заметно опустел. Вместе с нашей группой ушла вниз ещё одна группа коммерческих альпинистов. Нельзя же здесь вечно ждать погоды, да и путёвки привязаны к срокам. Видимо, вместе с группами

ушла вниз и Мария. Я подумал, погода сносная, и если люди идут вниз, то можно ведь идти и вверх. Сегодня, да прямо сейчас!

Да, по правилам, на штурм выходят в час, в два, самое позднее в три часа ночи, чтобы к рассвету выйти к гребню, который ведёт на самую вершину. Чтобы успеть подняться на гору и начать спуск пока солнце невысоко. Потому что как только солнце начинает припекать, тут же образуется туман, потом ветер, пурга, идти в таких условиях опасно. А что, если всё-таки разделить этот путь на две части? Первую пройти сегодня, когда позволяет погода, переночевать перед гребнем, ранним утром подняться на вершину и уже к обеду вернуться в штурмовой лагерь?

Пошёл к Андрею с этим предложением. Он выслушал меня и сказал то, что я и сам знаю:

- На той площадке перед гребнем, о которой ты говоришь, разбивать лагерь не рекомендуется, это одно из самых лавиноопасных мест на маршруте.

Я не сдавался.

- Но ведь не каждый день там сходят лавины!

Андрей пожал плечами:

- Не каждый.

- Давай рискнём! Смотри, какая погода!

Андрей медлит с решением. Так, как предложил я, делать вообще-то можно, но не принято. Выше того лагеря, где сейчас стоим мы, опасно всегда – камнепады, лавины. И чтобы минимизировать угрозы, никаких длительных остановок, тем более ночёвок, во время восхождения быть не должно. Потому что в палатке, да ещё упакованный в спальник, ты становишься абсолютно беззащитным, не только не убежишь от опасности, ты и заметить её не успеешь.

Я понимаю, что как инструктор Андрей не должен соглашаться с моим предложением. Как инструктор он должен выдержать меня здесь столько, сколько нужно, чтобы я отказался от штурма и согласился идти вниз. Но так было уже два раза, Андрей знает, что я буду торчать здесь пока не придёт погода.

Длинного окна может не быть и неделю, и две, поэтому я и предлагаю рискнуть в расчёте на такие вот оконца, как сейчас. Сегодня пройдем перевал и доберёмся до площадки перед гребнем, а завтра с рассветом – до вершины. Мы оба знаем, что даже небольшого окна завтра может и не быть. Но ведь может и быть!

Андрей берёт паузу до обеда. Если начинать штурм сегодня, то выходить нужно ближе к вечеру. Чтобы добраться к месту ночёвки с наступлением ночи. Чем позже мы туда дойдём, тем меньше времени нам придётся оставаться на лавиноопасном участке.

Андрей советует мне идти спать. Есть и спать – вот, что нужно делать в горах, тем более перед восхождением. Я ушёл в палатку и неожиданно для себя быстро заснул.

Андрей разбудил меня, пригласил к позднему обеду. Опять эти надоевшие сублиматы, но лимон из запасов инструктора разнообразил наш стол. Он решил на мой план. Мы выходим сейчас!

День шестой

Всё пошло не по плану. Вчера мы рассчитали так, чтобы к месту ночёвки прийти поздним вечером, но добрались мы сюда уже глубокой ночью.

У нас не получилось быстро подняться на перевал. Виной тому две причины. Во-первых, погода. Окно оказалось маленькой форточкой, и захлопнулось вскоре после того, как мы вышли из лагеря. Дождь пошёл, когда мы были на середине перевала. Во-вторых, веревочные перила оказались совсем ненадёжными.

Андрей шёл первым, проверял крепления перил, поменял почти половину ледобуров. Под дождём, который идёт несколько дней, они быстро вытаивают из льда. Их надёжность давно уже никто не проверял и, строго говоря, их надо было бы все заново вкрутить в ледник. Но столько времени у нас не было, пришлось рисковать. Я тяжелее Андрея, и два ледобура не выдержали моего веса, когда я перецеплял рядом с ними усы индивидуальной страховки. Я два раза срывался и катился вниз в каше из снега и воды, каждый раз думая, удержит ли меня нижнее крепление. Промок насквозь. Чтобы мне не простыть в сырой одежде, мы не отдыхали на перевале, сразу пошли вниз, к той самой площадке, на которой можно разбить лагерь. Устали. Особенно, конечно, я. Места на площадке всего на пару палаток. Здесь уже много лет никто не останавливается надолго. Только попить чай, перекусить и делать отсюда ноги побыстрее, неважно – вверх или вниз, главное побыстрее отсюда. Мы ставили палатку в полной темноте, когда по нашему плану мы должны были спать уже несколько часов.

Потом зажгли горелку, натопили снега, чтобы попить горячего. Есть не хочется совсем, Андрей заставил меня проглотить немного сухофруктов и горстку орехов. Андрей знает, что я журналист, поэтому не обращает внимание на моё бормотание в диктофон.

Итак, мы забрались в очень опасную ловушку. Одинаково опасно сейчас всё: спускаться вниз, идти наверх, оставаться на месте. Мы остаёмся в палатке уже только потому, что нужно высушить мою одежду, в сырой одежде ночью, когда обязательно будет морозец, мне идти нельзя никуда. Андрей помогает мне сушить одежду и обувь – от горелки в палатке быстро становится тепло, только и кислород выгорает, дышать от этого хуже.

Андрей спросил, сколько я взял газа. Я ответил, что взял всего один, уже начатый баллон. Андрей невольно морщится, но не выговаривает мне. Когда мы перед штурмом делили по рюкзакам общее имущество, он сказал, чтобы газ взял я. Сказал просто про газ, не «пару баллонов возьми», а просто «с тебя газ». Да и не надо его много при нормальном восхождении, так, пару раз вскипятить воду. Мы ж ещё и полные термоса чая с собой брали. Но восхождение наше не самое нормальное, лишний баллон газа вполне был бы не лишним.

Понятно, что газ надо экономить, неизвестно, что ждёт нас дальше. Одежда моя заметно подсохла. Забираю её с собой в сухой спальник, чтобы досушить теплом своего тела. Сыро и противно, но что делать? Всё равно заснул быстро, так устал.

Мы проспали. Проснулись, когда уже совсем рассвело. Потеряли несколько драгоценных часов. Погода немного успокоилась. Быстро завтракаем и выходим на штурм Клеопатры. Я рассказал Андрею, что зову гору именно так. Он выслушал это без эмоций и грустно пошутил:

- Как вы лодку назовёте, так она и поплывёт.

День седьмой

Нам повезло! Я ещё раз пережил радость победы в горах. Мы стоим на самой макушке Клеопатры, я только что орал во всё горло от счастья. Давно привычный к таким победам Андрей смотрел на меня с улыбкой, как взрослый на ребёнка. Он дал мне время прокричаться и сказал:

- Соберись, уходим. Путь вниз может быть опаснее дороги наверх.
- Сейчас, только посмотрю ещё раз на мир с покорённой вершины.

Мир с покоренной вершины виден совсем плохо. Туман на глазах становится всё гуще и гуще. Или это не туман, а самое настоящее облако? Андрей обеспокоен – солнце скоро прогреет воздух, поднимется ветер, который может принести и дождь, и пургу. Андрей торопит:

- Уходим!

- Нет, подожди! Я должен сделать что-то важное на вершине. Что? Что? Что?! Как же я мог забыть! Имя, имя моему сыну. Придумал! Вот теперь уходим!

Поздний вечер. Мы давно уже должны были быть в штурмовом лагере, но я нахожусь в нашей палатке, которую мы поставили вчера на площадке между перевалом и гребнем. Записываю, что случилось с нами на спуске с вершины.

Не знаю, сколько прошло времени до рокового момента. Я всё ещё был в эйфории и не понимал, почему Андрей, спускавшийся первым, вдруг резко развернулся и побежал мне навстречу, он что-то кричал, рукой показывая наверх. Я так ничего и не понял, не увидел и не услышал начавшийся камнепад. Он подбежал, повалил меня с ног и

накрыл собой. Если бы он это не сделал, мы погибли бы оба – рядом и близко не было места, где можно было укрыться от летевших на нас камней.

Андрей был сильно переломан, но жив. Я знаю, что после таких травм альпиниста можно спускать вниз, только жёстко зафиксировав его тело. Спасатели дежурят далеко внизу, в базовом лагере, сюда они могут подняться на вертолёт. Думаю, мы к тому моменту уже успели спуститься ниже четырёх тысяч метров, и вертолёт сюда уже мог бы подняться. Но опять начался сильный дождь, со снегом, кажется, будет и пурга - погода нелётная. Голова моя заработала вдруг очень ясно: спасательные сани наверняка есть в штурмовом лагере! Надо связаться с базой! Там всё равно кто-то есть, кто придёт на помощь. Я нашёл рацию Андрея, она оказалась разбитой. Если я пойду один до базового лагеря, сколько часов у меня это займёт? В лучшем случае я буду там вечером. А ещё дорога назад, это уже ночь и мороз. Андрей не дождётся, замёрзнет. Значит, надо спускаться вместе с ним до нашей палатки, там тёплые спальники, там газовая горелка. Андрея буду тащить волоком.

Сколько-то времени Андрей стонал. Всё реже и тише.

Я знал, что он умер, но продолжал тащить его вниз. Очень быстро я вымотался окончательно. Знал, что надо его оставить, тогда у меня будет больше шансов спастись самому. Но не смог это сделать даже тогда, когда понял: если до темноты не доберусь до палатки, не выжить и мне. Он ценой своей жизни спас меня, как же я его брошу?

Я заметил нашу палатку уже в сумерках.

Дошёл. На последних метрах сознание меня покинуло. Когда очнулся, понял, что я в палатке. Рядом, весь в снегу, Андрей. Надо вытащить его из палатки. Мало приятно находиться рядом с трупом. Тем более, когда палатка такая маленькая. А вдруг он жив?

Нет, ни пульса, ни дыхания. Да и снег на лице не тает. Пусть немного стихнет непогода, тогда вытащу. Интересно, в должностной инструкции у гида, или в его профессиональной лицензии записано, что он даже ценой собственной жизни должен спасти туриста? Вряд ли. Инструкция – это ж не клятва на верность Родине. Да и правило в горах есть – риск допустим только в разумных пределах. Он поступил как товарищ, как друг. Как там у Суворова? «Сам погибай, а товарища выручай!» Андрей – настоящий альпинист. И человек. Настоящий.

Снаружи немного стихло. Уберу его из палатки.

Мало радости, что прекратился дождь со снегом. Пошёл чистый снег. И ветер снова усиливается. Холодно. Надо залезть в спальник. Пока ещё хоть немного слышатся руки, надо зажечь горелку, она быстро согреет воздух.

Долго смотрю на синеватый огонь горелки. Газ заканчивается. Ни черта он не согрел... Холодно.

Надо пережить ночь, надо дожить до утра.

Сколько мне надо, чтобы спуститься до штурмового лагеря? Несколько часов.

Как же я устал. Отключаюсь на какие-то секунды или минуты. Проваливаюсь в сон. Потом вздрагиваю. От холода. Страх нет совсем. Я не боюсь умереть, это плохо. Нет, я должен жить! Мне надо увидеть Марию, я должен сказать ей имя нашего сына. Иван. И отчество у сына будет подходящее. Сергеевич. Иван Сергеевич. Красиво. Моя кровь продолжится, моя кровь потечёт в будущее.

Наконец-то я согрелся! Как же хорошо в нашей палатке. Мария! Какая же ты славная, заботливая. Укрываешь меня своим одеялом. Ложись рядом. Как же хорошо. Теперь можно спокойно заснуть. А утром я помогу тебе развести костёр и приготовить завтрак. Как вкусно пахнут твои волосы. Мы теперь всегда, всегда будем вместе. Ты родишь нам сына...

Как же хорошо мне с тобой. И какой тихий, радостный свет. Необыкновенный свет. Я не видел такого никогда. Господи! Это ты, Господи?! Это – Ты! Как же хорошо мне с тобой...

От автора

Я был на горе в конце того сезона, когда погибли эти двое – опытный инструктор Андрей и Борода. Спасатели не нашли ни их тела, ни хоть каких-то их следов. Сошлись на том, что их унесла вниз лавина и теперь они спят вечным сном под огромным слоем снега и льда. Когда на спуске с вершины я наткнулся на вмёрзшей в лёд угол палатки, подумал, что это могла быть палатка Андрея и Бороды. Я аккуратно выдолбил остатки палатки ледорубом. Случай сохранил для меня пакет сублимата, одну перчатку и сломанный айфон. Перчатку и сублимат я оставил на горе, а айфон взял с собой. И не зря! Друзья айтишники смогли восстановить карту памяти. Борода наговорил гораздо больше, чем здесь написано, но неинтересное я выбросил. Борода работал редактором в солидном журнале и в своём путешествии собирал всякие скучные факты, интервью с альпинистами и местным населением, формулировал какие-то смешные претензии к власти – в общем, глупости. Фотографии ещё красивые иногда попадаются, но мои не хуже.

Видимо, они точно погибли под лавиной – её звук – это последнее, что есть на записи. С найденным диктофоном у меня появилась забота. Я почти не сомневаюсь, что на базе в штурмовом лагере видел Марию. Когда прослушал записи Бороды, понял, что девушка в буфете – Мария. У неё были грустные глаза и чуть округлившийся животик. Думаю, она беременна. С момента гибели Бороды и Андрея к моменту моей экспедиции на гору прошло почти три месяца, а трёхмесячную беременность уже можно разглядеть. Мария чуть раздалась, и её

помощница рядом с ней выглядит уже не худой, а просто измождённой. Какими же красивыми становятся беременные женщины!

Я её обязательно найду. Хочу сделать это вживую, а не по соцсетям. Надо ей сообщить, какое имя для их сына придумал Борода на вершине. Да и записи, и сломанный диктофон отдам ей.

А на памятном камне у базы надо повесить ещё одну табличка - с именами Бороды и Андрея, альпинистов, жизнь которых забрала Клеопатра. Чтобы Мария смогла когда-нибудь привести сюда сына...

Валерий Андронов

Россия

Самая длинная ночь. Рассказ-антиутопия

У Марса есть два естественных спутника – Фобос и Деймос (в переводе с древнегреческого – «страх» и «ужас»).

Википедия, 2020 год

– Она не самая длинная... Какой бы она ни казалась, но нет – она не самая длинная. Бывали ночи и подлиннее. И потемнее, и пострашнее. У нас чего только не бывало...

С такими вот мыслями Дрозд подходил к своему новому дому, или ДМЖ – Дом Молодцов Жандармов. В народе, правда, эту аббревиатуру расшифровывали несколько иначе, и теперь понятно, почему. По периметру дом был окружён трёхметровым бетонным забором с колючкой по верху, смотровые вышки с пулемётными гнёздами и прожекторами белыми призраками маячили над ним в беззвёздном небе. Две Луны, ближняя и дальняя, слепо тарасились на это уродливое и кошмарное строение. Ослепительно яркие лучи прожекторов находились в постоянном движении и хищно ощупывали всё, что, по мнению их полуинтеллектуальных мозгов, представляло

потенциальную опасность. И Дрозда тоже ощупали: задержались на нём на несколько секунд, потом сработали опознаватели, и автоматика увела лучи в сторону.

– Мой дом – моя крепость! – Невесело подумал Дрозд. – Вот только крепости этой у меня осталось на пару глотков...

На КПП, за бронированным стеклом, развалившись в кресле, полулежал Хлыст и по мониторам наружного наблюдения следил за приближающимся Дроздом. Как только дверь (сантиметров пять листового железа), громко чмокнув, отворилась, он развернулся вместе с креслом от мониторов лицом к входящему и через внешний громкоговоритель весело гаркнул:

– Здорово, Дрозд! Много ли врагов Родины сегодня порешил?

– Здорово, Хлыст! – Дрозд уже прижимал ладони с растопыренными пальцами к идентификатору. – Видимо-невидимо! И все, как один, шлялись по улицам без мамы!

Хлыст с готовностью заржал, хотя шутка была так себе – с бородой до ближней Луны: такие шутки гуляли по Департаменту Жандармерии лет десять назад. Как раз после подавления первого восстания, когда суды штамповали, как под копирку, массовые расстрельные приговоры с издевательской формулировкой «за нахождение в ночное время на улице без родителей».

– Слушай, Дрозд! – Хлыст как-то чересчур внимательно смотрел сквозь стекло на Дрозда, и веселья у него не было ни в одном глазу. – Хотел спросить: а как у вас там, у армейских?

– Так же, как и у вас... – Дрозд привычно вскинул руку, приветствуя огромный портрет первой Луны у Хлыста за спиной, и вышел с КПП во двор.

Тепло светились окна дома, уступами поднимающегося к небесам, синие ночные мотыльки с фырканием порхали в воздухе – было хорошо, тихо и – очень хотелось в это верить – безопасно. Дрозд сидел на лавочке возле подъезда и выкурил сигарету, вспоминая сегодняшнее дежурство.

Сначала был вызов в многоквартирный жилой комплекс: в отделение позвонил стукач и сообщил, что его соседи по дому, в котором он проживает, несмотря на комендантский час, собрались с фонариками во дворе, ругают Луну и поют песни. Какую именно Луну ругают – ближнюю или дальнюю – стукач не сообщил, да и какое это имело значение? Они поехали: Дрозд, как новичок, сел за руль, Шах расположился рядом с тепловизором на коленях – не по чину капралу баранку крутить. Доехали быстро, но едва въехали во двор, как все, кто там был, сразу же разбежались – Шах выматерился и велел ехать дальше по маршруту.

Тёмный город, объятый страхом, не спал в этот поздний час: хоть на улицах и не было ни души, но всё равно сотни глаз с ненавистью

следили за патрульной машиной ДЖ, медленно крадущейся посередине улицы. Дрозд чувствовал эту бессильную дикую ненависть, яростное желание убить их с Шахом и уже стал привыкать, насколько это было возможно, к постоянному давлению на психику. Невозможно жить, если все вокруг тебя ненавидят только потому, что тебе приходится делать эту грязную и сволочную работу. Ну и почему тогда ты её делаешь? Из большой любви и личной преданности Луне? Или тебе просто нравится насилие, и ты любишь убивать? Или, может быть, у тебя нет выбора? А если ты точно такой же, как и те, кто тебя так сильно ненавидит? Тогда зачем ты здесь?

Прилетевшая из темноты бутылка с горючкой разбилась о капот машины: пламя вспыхнуло мгновенно, и Дрозд на время ослеп, но успел нажать на педаль тормоза и остановить машину. И тут же, с двух сторон, по ним стали стрелять из охотничьих ружей. Пробить патрульную машину из ружья невозможно, но и сидеть внутри консервной банки, по которой в упор лупят картечью, было неприятно. Пока Дрозд протирал глаза, Шах, по слухам, боец опытный и беспощадный, включил круговую защиту на поражение. Спарка крупнокалиберного пулемёта и мощного прожектора – автоматическая турель, укреплённая на крыше машины, ожила и стала поливать огнём всё, что попадало в поле зрения прожектора. Грохот стоял неимоверный: машина дёргалась и раскачивалась из стороны в сторону, отработанные гильзы со звоном летели в разные стороны – спарка работала на совесть. Но ни в кого не попала, так как никого вокруг уже и не было: пальнули по паре раз, даже не прицеливаясь особо, и растворились в темноте пустых улиц...

Дрозд выбросил окурок в урну возле скамейки и пошёл к дверям подъезда. По пожарной лестнице поднялся на третий этаж, открыл ещё одну дверь и чуть было не врезался в женский зад, обтянутый клетчатой арестантской робой – уборщица намывала полы перед лифтами. Женщина рывком выпрямилась, повернулась грудью к Дрозду и прижалась к стене, уступая ему дорогу, и теперь он увидел, а не почувствовал, что такое настоящая ненависть. В глазах у женщины горел огонёк безумия – безумного желания прикончить его прямо сейчас и прямо здесь, не сходя с места. Дрозд равнодушно прошёл мимо неё и свернул направо к своей квартире. Постоял перед закрытой дверью, словно вдруг оробел, а потом решительно надавил на кнопку звонка.

– Привет! – С улыбкой открыл дверь жена и хотел поцеловать его в щёку, но Дрозд отстранился. Жена фыркнул и ушёл на кухню.

Дрозд уселся на небольшой диван в прихожей и стал расшнуровывать берцы. Стянул их с натруженных ног, и в квартире запахло родной казармой.

– Ты будешь есть? – Крикнул из кухни жена.

Дрозд вынул пистолет из подмышечной кобуры, убрал его в шкафчик над диваном и теперь молча разоблачался. Снял боевые перчатки, потом бронезилет, наколенники и налокотники; стащил с себя чёрный комбинезон и наконец-то вздохнул свободно.

– Я тебя спрашиваю: ты есть будешь? – Жена стояла, прислонившись плечом к косяку: в одной руке тарелка, в другой поварёшка, кухонное полотенце через плечо и аккуратно подбритые тоненькие чёрные усики на круглой бабьей морде. Настоящий жандармский жена – мечта и зависть всех родов войск, днём и ночью охраняющих... Чего мы там охраняем? А пёс его знает! Не иначе, как мирный труд и покой народов нашей необъятной Родины. А от кого? А от них самих, получается, и охраняем!

– Не буду... – Буркнул, не глядя на жену, Дрозд. Подобрал с пола снятое, убрал всё в шкаф и, так и не удостоив жену своим взглядом, скрылся за дверью в ванную комнату.

Засунул в стиралку трусы с майкой, а сам встал под душ и включил воду.

– Зря я сюда перевёлся! – Думал Дрозд, ожесточённо намыливая голову. – Сидел бы сейчас у себя в бригаде и горя бы не знал. Не могу я, оказывается, убивать людей только за то, что они с чем-то или с кем-то не согласны и говорят об этом вслух. Не могу! Да и не хочу!

После душа долго сидел на краю ванной, прихлёбывая из бутылки, курил, стряхивая пепел в раковину, а перед глазами стояло бледное лицо мальчишки с разбитыми в кровь губами...

Патрульная машина без движения притаилась в кустах небольшого парка – плоская, приземистая, на широченных скатах и совсем неразличимая в ночной темноте. Дрозд и Шах сидели внутри: Дрозд бездумно пялился в лобовое стекло, а Шах не сводил глаз с тепловизора на коленях.

– Ну вот и гости пожаловали! – Шах ткнул Дрозда локтем в бок. Дрозд тоже посмотрел на экран: на серо-зелёном фоне, у стены дома, шевелилась оранжевая фигурка.

– Что это он там делает? – Удивился Дрозд.

– Листовки клеит небось – что ещё? – Усмехнулся Шах и включил прожектор.

Белый круг света неожиданно возник вокруг человека, и он заметался вдоль стены: сначала кинулся бежать в одну сторону, потом в другую, но прожектор не выпускал его из вида.

– Стоять! – Рявкнул Шах в мегафон, и человек замер на месте.

– На колени! – И человек послушно опустился на колени.

– Руки за голову! – Усиленный громкоговорителем голос Шаха гремел на всю округу.

Человек стоял на коленях, заложив руки за опущенную к земле голову.

– Опытный! – Удовлетворённо сказал Шах. – Знает, с кем дело имеет! Пошли посмотрим...

Открыл дверь со своей стороны и выбрался наружу:

– Автомат возьми! – Это уже Дрозду, когда он тоже вылез из машины...

На вид мальцу было лет 13-14: длинные светлые волосы собраны в хвост, одет во что-то чёрное и обтягивающее – маленький сутулый человечек. Шах в броне и каске, широко расставив ноги, нависал над ним, как неприступный горный пик.

– Посмотри рюкзак! – Приказал Шах Дрозду. У стены дома валялся рюкзак – Дрозд только сейчас, после слов Шаха, увидел его.

В рюкзаке действительно оказались листовки: стопка белых листов с единственной фразой печатными буквами «Долой Луну!» и тюбик с клеем. Дрозд показал содержимое рюкзака Шаху, и тот, недобро оскалившись, чуть нагнулся вперёд и прошипел прямо в лицо мальчишке:

– Луну не любишь? – И сильно, наотмашь, ударил его.

Кровь потекла из разбитых губ: мальчишка схватился за лицо руками и, кажется, заплакал – у него тряслись плечи. Шах с победной улыбкой смотрел на мальчишку сверху вниз.

– Пидорас! – Невнятно прозвучало из-под прижатых ко рту рук.

– Что? – Немедленно озверел Шах. Схватил мальчика за волосы левой рукой, запрокинул его голову лицом к себе и проревел:

– Повтори, что ты сказал!?

Мальчишка с окровавленным подбородком страшно скосил глаза на Дрозда, как бы отвечая и ему тоже, с хлюпаньем набрал воздуха в лёгкие, и, глядя в глаза Шаха, повторил:

– Вы все пидорасы!

Шах выхватил из набедренной кобуры пистолет и два раза выстрелил мальчишке в грудь. Пробитое насквозь хилое тело безвольно, кулем, мягко легло к ногам Шаха, и он сделал шаг назад, чтобы не испачкать берцы кровью.

Дрозда парализовало. Он в ужасе глядел на тёмную лужу, медленно выбирающуюся из-под тела только что, у него на глазах, убитого ребёнка. Дрозд забыл и про автомат у себя в руке, и про рюкзак – он вообще забыл про всё на свете, и только повелительный голос Шаха привёл его в себя.

– Пометь его! – Сказал Шах. – А я пока координаты труповозам скину.

На негнущихся ногах Дрозд вернулся к машине: из багажного отделения достал пластиковую табличку со стандартной надписью «Убит при аресте, сопротивлении и попытке к бегству». И две буквы в качестве подписи – «ДЖ» ...

Сигарета обожгла пальцы, и Дрозд бросил её в раковину. Допил то, что ещё оставалось в бутылке, поставил её под раковину, натянул на плечи полосатый халат и вышел из ванной. Жена возился на кухне и что-то напевал. Дрозд прошёл мимо и направился в спальню. Не разбирая постель, рухнул прямо в халате на кровать и мгновенно заснул. Как убитый. Прямо под портретами двух Лун на стене: ближней и дальней, первой и второй.

Проснулся от того, что жена, лежавший уже рядом, положил ему на живот свою горячую руку. Дрозд содрогнулся.

– Отстань! – Брезгливо бормотнул он, и жена, обиженно вздохнув, испарился, а Дрозд снова провалился в сон.

Ещё раз он проснулся, когда в гостиной на полную громкость включили визор:

– ... сегодня, в день зимнего солнцестояния, в самую длинную ночь, наш ...

Дрозд вскочил с кровати и с перекошенным от гнева лицом ворвался в гостиную:

– Выключи на хрен эту поебень!

– Я мультики детям хотела... – Испуганно залепетал жена, сидевший на диване с пультом в руке. – Я нечаянно...

– Какие дети, мудила!? – Орал Дрозд. – Где ты их увидел? Что ты вообще можешь знать о детях?..

Он снова сидел на краю ванной и в руке у него была очередная бутылка – вот только пистолет его был уже не в оружейном шкафчике, а лежал на стиралке и ждал своего часа.

– Я больше не могу так! Я вообще так не могу! – Бессвязные мысли скакали в замутнённом алкоголем мозгу, как горошины. – Приехать бы сюда на танке – и в кашу, чтоб на гусеницы намотало, весь этот клоповник! А ведь меня купили: наврали с три короба, и я повёлся, как последний идиот, на развесистую клюкву о защите Родины до последней капли крови от врагов её. А врагов-то и нет! И нужны им были не защитники, а убийцы. Значит, я и есть враг!..

Громко бабахнул выстрел, и для Дрозда, хорошего, но недалёкого парня, самая длинная ночь в году закончилась – на голубом кафеле ванной комнаты взошло багрово-красное солнце...

Лариса Берман

Нью-Йорк, США

Реальная История из цикла «Заметки логопеда». Антон

До встречи Нового Года оставалось всего несколько дней. Весёлая пушистая ёлка красовалась в углу гостиной прямо напротив камина. Языки пламени забавно плясали на разноцветных ёлочных шарах и блестящих гирляндах.

Невольно на память приходили Новогодние праздники в московскую бытность, в далёкие детские годы. Стоя у окна и любясь замысловатыми снежинками, плавно опускающимися на запорошенные снегом ветви деревьев, Антон погрузился в ностальгические воспоминания.

Медленно перелистывая страницу за страницей своего детства, вспоминал, как наряжал ёлку с родителями, как томился в ожидании Деда Мороза и новогодних подарков. Внезапно картинки детства сменили мысли о предстоящем празднике, о приезде детей и внуков.

Как дорожил он этими праздниками, как долго они с женой готовились к ним, как были счастливы, когда за Новогодним столом собиралась вся семья и дом наполнялся смехом, весельем, звонкими детскими голосами. Тщательно продумывая и составляя программу на каждый день и каждый час, старались ничего не упустить. Спланировали лыжную прогулку, пикник на снегу под ёлкой, катание на коньках и даже верховую езду.

Но у жизни были свои планы, своя программа... Чудовищная головная боль смешала мысли, Антон еле удержался на ногах, хорошо, что жена оказалась рядом, подхватила, усадила в кресло. Хотел дойти до кровати, но ноги не слушались, всё тело казалось чужим и не покорным, отяжелевший язык путался во рту.

Жена бросилась к телефону вызвать скорую, но Антон стал нервничать, топтать ногами, стучать кулаком по окну произнося

невнятное «Нет». С трудом уложив мужа спать, Ольга углубилась в Медицинскую энциклопедию, мрачные слова прыгали перед глазами, подтверждая её догадку, все симптомы и признаки болезни были на лицо. Понимала, что требуется срочная госпитализация, но решила не идти против воли мужа и подождать до утра.

А под утро началась рвота, лицо исказила чудовищная гримаса, полностью пропала речь, парализованная рука безжизненно болталась вдоль длинного тела. Так без стука и разрешения в их дом ворвалась беда и в одночасье здоровый шестидесятилетний мужчина превратился в беспомощного инвалида.

Скорая доставила Антона в ближайший госпиталь, врачи работали оперативно, и вскоре тесты выявили инсульт -кровоизлияние в мозг, когда стенки сосудов, не выдерживая высокого давления, рвутся и кровь выбрасывается в ткань.

Состояние Антона было критическое, повреждена обширная зона мозга, полностью парализована часть тела, нарушены все функции организма. Несколько недель его жизнь висела на волоске, и ничто не давало шанса на выживание, ни многочисленные операции, ни интенсивное лечение. Драгоценное время, когда была необходима незамедлительная помощь, было упущено безвозвратно.

Антон находился в коме довольно долго, а когда пришёл в себя, всё равно продолжал оставаться в реанимации, поскольку тело его не подавало каких -либо признаков жизни и все необходимые функции организма выполняли подключенные к сети аппараты. Спустя некоторое время Антона перевели в Реабилитацию, где ему предстояло заново научиться глотать, ходить, говорить, предстояло начать свою жизнь сначала.

Семья Антона верила в успех, и как только врач объявил день выписки, начались поиски специалистов по реабилитации. Найти русскоговорящего лицензированного логопеда, принимающего страховки, было труднее всего, да к тому же время тогда было сложное.

Волна коронавируса накрыла все города и страны. Пик пандемии полностью изменил уклад нашей жизни, позакрывал большинство медицинских офисов, наложил запрет на непосредственный контакт с больными.

А дистанционные учебные и медицинские программы едва начинали разрабатываться и внедрялись в непривычную нам жизнь очень и очень медленно.

Дети Антона нашли мою страницу «Doctorspeech.com» онлайн и сразу же позвонили, спросив, возможна ли ежедневная Zoom Speech Therapy на русском языке. Понимая, что ему требуется интенсивная терапия и русскоговорящий логопед, поскольку речь после инсульта

восстанавливается только на родном, первичном языке, умоляли начать лечение безотлагательно.

ZOOM THERAPY- поистине величайшее достижение техники, позволило нам в тот же день, буквально через несколько часов после наших переговоров, приступить к работе.

И каждый из нас находился перед компьютером в своём доме, в своей привычной обстановке, что было крайне важно для не подлежащего транспортировке больного. Начало занятий всегда бывает трудным для пациентов, но насколько сложным оно оказалось для Антона, описать просто невозможно. Ведь болезнь отняла у него всё; возможность понимать, говорить, ходить и даже питаться естественным путём. Теперь она диктовала нам свои условия: когда учиться, а когда отдыхать. Головные боли не оставляли Антона в покое, усталость наступала так быстро, что на полуслове он закрывал глаза и погружался в сон, вернуть его в рабочее состояние удавалось с невероятным трудом. Глубокая депрессия перекрывала желание обрести утраченную речь и вернуться в прежнюю жизнь, он только молил бога, чтобы его поскорее оставили в покое.

Но семья не сдавалась; жена, дети, внуки тормошили его, будили, требовали ответа на вопросы, хотя понять его было абсолютно невозможно, во рту была настоящая каша.

Язык двигался с трудом, губы утратили свою подвижность, хриплый прерывающийся голос был едва слышен. Речевой аппарат Антона был критически слаб и бессилен и совсем не готов к речи. Поэтому прежде всего предстояло укрепить мышечную систему, заставить язык и губы двигаться для воспроизведения звуков речи. Массаж языка, артикуляционные, голосовые и глотательные упражнения проводили все члены семьи.

У каждого был свой участок работы, и каждый из них делал всё возможное и невозможное, чтобы вытянуть отца из лап тяжёлой болезни, вернуть его к жизни. День был разбит поминутно: Physical therapist учил ходить и сохранять баланс, Occupational therapist разрабатывал парализованную руку, учил одеваться, держать ложку, самостоятельно принимать пищу, учил писать. А восстановлением речи, памяти, интеллекта занималась я- Speech therapist.

Дни летели своим чередом и с каждым днём Антон всё больше втягивался в работу, меньше уставал, старался как можно эффективнее использовать время наших занятий. Медленно, но шаг за шагом его речь становилась более разборчивой, голос окреп и достиг необходимой громкости, увеличивался словарный запас. Постепенно к нему возвращалось понимание разговорной речи и прочитанного текста, возвращалась утраченная память. На моих глазах человек возрождался, менялся до неузнаваемости, уходил из той случайной чужой жизни, уходил всё дальше и дальше от болезни.

А ещё через некоторое время он мог говорить на любые темы, обсуждать политические новости, забываемые фильмы, вспоминать любимых актёров. Антон был человеком высокого интеллекта, интересным эрудированным собеседником с прекрасным чувством юмора. Временами он поднимал вопросы, на которые найти ответ было отнюдь не просто. Любил рассказывать о своей научной работе, несмотря на вынужденные остановки, когда не мог подобрать нужное слово, хотя оно "сидело на кончике языка". Тогда нервничал, терял нить, и снова и снова начинал свой рассказ сначала.

Расстраивался сильно, хотя понимал, что шлейф речевых проблем ещё будет тянуться за ним какое-то время, понимал, что нам ещё со многим предстоит справиться. Шли дни, недели, месяцы...Шесть долгих месяцев ежедневных изнурительных занятий без праздников и выходных. И только короткая ночь давала ему передышку, прогоняла усталость. А наутро опять занятия, упражнения, домашние задания, опять семинары разговорной речи. Шесть месяцев агрессивной реабилитации помогли справиться с депрессией и безразличием, вернули желание жить и работать, писать научные статьи, общаться с коллегами. Вернули мечту отправиться в кругосветное путешествие, вернули Антона в прежнюю жизнь.

Он победил болезнь, победил не только благодаря усилиям специалистов, но и своей силе воли, стараниям и поддержке семьи. Они верили в успех, и эта вера помогала им пройти через все испытания и тревоги, помогала бороться с болезнью вопреки безнадёжному прогнозу.

Беда не обошла его дом стороной, но добрые и надёжные отношения в семье сотворили чудеса. Сегодня мы расстались с Антоном, потому что ему нужен длительный отдых. Но пройдёт совсем немного времени и мы снова сядем за парту, вернёмся к нашим занятиям. И снова будет усталость, и снова будут взлёты и падения, но всё равно, невзирая на трудности и усталость, Антон дойдёт до конца.

Татьяна Белогорская

Чикаго, США

Михалина. Из книги рассказов “Кубики для взрослых и детей”

В моем рабочем отсеке на стеллаже среди книг находится фотография женщины. Предполагаю, что фото относится к концу 50-х годов прошлого века. Ко мне оно попало лет сорок назад, и с тех пор с ним не расстаюсь - постоянно сталкиваюсь глазами со знакомым лицом. А увидевшие его впервые с любопытством спрашивают: “Кто она? Ваша родственница?”

Нет, в кровном родстве мы не состояли, но нас связывало многолетнее общение, построенное на доверительных отношениях. А это, пожалуй, равносильно близкому родству в лучших его проявлениях.

Наше длительное общение происходило так давно, что иногда мысленно прибегаю к фразе Максима Горького: “А был ли мальчик?”

Может быть, мальчика и не было?” Одновременно знаю, что символический мальчик не только существовал, но и занимал в моей жизни особое место, причем носил конкретные имя и фамилию - Михалина Петровна Бронштейн.

Поскольку наша первая встреча выглядела необычно, восстановлю некоторые ее детали.

Я только-только приступила к работе в своем родном институте. (С момента его открытия в 1918 году он несколько раз менял название: Институт внешкольного образования, Библиотечный институт им. Н.К. Крупской, Институт культуры). Это значит, что недавняя студентка вживалась в новую роль младшего сотрудника кафедры библиографии. Благодаря лекциям профессора С.А. Рейсера, с незапамятных времен работавшего в институте, студенты познакомились с историей старинного здания. Для ясности опишу некоторые его особенности. (Такой экскурс дает представление о месте, с которым связаны наши с Михалиной профессиональные судьбы.)

С момента открытия институт находился в Ленинграде на Дворцовой набережной в особняке, расположенном между Марсовым полем, Невой и Летним садом. Особняк был построен в конце XVIII века итальянским архитектором Джакомо Кваренги. В пору моего студенчества, а затем и сотрудничества, он еще сохранял первородные черты. Едва ли не главным его украшением была мраморная лестница, ведущая в бывшие танцевальные залы. По обе стороны от нее находились внушительных размеров итальянские вазы.

В 20-х -30-х годах XIX века особняк занимала семья австрийского посла графа Карла Фикельмона. Он был женат на внучке полковника Михаила Кутузова - Дарье (Долли) Тизенгаузен. Здесь же находились апартаменты ее матери Елизаветы (Элиз) Хитрово - почитательницы Пушкина. На балах у четы Фикельмон бывали представители высшего света Петербурга, включая Пушкина, князей Вяземского, Барятинского... В великокняжеском салоне, в отличие, например, от музыкального Энгельгардта на Невском, преобладали политические интересы.

Не случайно особняку посвящены такие строки:

Вот дом, который знал поэт
И в нем поэтом оставался:
Шутил, дурачился, смеялся,
Негодовал на целый свет.
Ах, эти стены...

Рядом со знаменитой лестницей и одной из ваз произошла наша с Михалиной Петровной встреча. Удивительно, что в то первое

столкновение она поведала мне о судьбе своего брата - физика-теоретика Матвея Петровича Бронштейна. Как я узнала от нее, без суда и следствия, расстрелянного в 1938 году. Что побудило ее остановить меня - незнакомую вчерашнюю студентку? Почему поведала трагическую семейную историю? Искала ли внимательного собеседника? Слышала ли о моей причастности к роду знаменитого литературоведа Семена Афанасьевича Венгерова и таким опосредованным путем хотела познакомиться с его потомком? (Его портрет висел в соседней аудитории.) На эти вопросы у меня нет ответа.

Ошарашенная рассказом о брате, я слушала ее со вниманием, но не считала возможным задавать какие-либо вопросы.

С той первой беседы началось наше профессиональное и личное общение, растянувшееся на два десятилетия. Но в дальнейшем о расстреле Матвея Петровича она со мной не говорила. (Мне предстояло узнать от нее не менее страшную семейную историю, о которой расскажу.)

Я обратила внимание на то, что сотрудники института в разговорах между собой отбрасывают ее отчество. Там и тут звучали фразы: "Михалина сказала", "Михалина предупредила", "Михалина считает" ... Это привело к тому, что ее имя стало неким символом. Вскоре мне открылась суть такого усеченного обращения с ним.

В ту пору на кафедре литературы хранителем фонда был симпатичный старичок. Оказалось, что в 20-е годы он работал в театре вместе с моим отцом. Мы начали общаться. Его имя не помню, да и вскоре он покинул институт. Но за короткое время нашего знакомства он прояснил мне, почему Михалина Петровна утратила свое отчество. Судя по его словам, выходило так. - В качестве редактора и преподавателя она известна всем. Ее уважают. Но главное состоит в ее раскованности и независимости: делает и говорит то, что считает нужным, ничего и никого не боится. Кругом разные люди, а она отдельная. Подобных ей много не бывает. Словом, она другая. А потому имя Михалина в виде символа закрепилось за ней.

Впоследствии я убедилась в правоте слов старичка. Грубо говоря, Михалина Петровна Бронштейн - штучный экземпляр. Не случайно по сей день она для меня другая.

В качестве редактора она имела непосредственное отношение ко всем институтским печатным изданиям - учебникам, сборникам научных работ, статьям сотрудников, авторефератам диссертаций... Ее пометки красной авторучкой были известны профессорско-преподавательскому коллективу и аспирантам. Не секрет: такие редакторские правки не только освобождали авторские тексты от неточностей, но и влияли на их стилистику. Как правило, в процессе работы Михалины над рукописью ее автор напрягался. Очевидцы

рассказывали об уважительном отношении к ней в Министерстве культуры РСФСР, куда она обращалась за разрешением издать учебники и труды института. Безусловно, ее длившаяся годами редакторская деятельность вывела издания института на новый уровень.

Навсегда я запомнила нашу совместную работу над моей первой статьей. И это при том, что за давностью лет не помню ни ее названия, ни содержания.

Прижимая к себе текст, я остановилась перед дверью в аудиторию, откуда раздавались голоса на повышенных тонах. Внезапно дверь открылась, появился доцент со свекольного цвета лицом и остановившимися глазами. Наступила моя очередь. Приготовившись к инквизиции, вошла. Руки и ноги не повиновались. В глаза бросились разбросанные по столу листы, испещренные красными чернилами. И тут Михалина Петровна добродушно произнесла фразу, в момент погасившую мое напряжение: "Не волнуйтесь, Танечка. Вам ЭТО не угрожает".

В тот день я поняла, какой разной она бывает и каково истинное значение применимого к ней понятия другая.

Вскоре она серьезно заболела, перенесла операцию, изменившую ее красивое лицо. В тот трудный период я бывала в онкологическом центре, а потом и у нее дома. Один из визитов запомнился своей необычностью.

Стояла ранняя осень. Мы сидели в больничном парке на скамейке, и я рассказывала Михалине о делах в институте. Неподалеку передвигался человек с каким-то устройством в руках. Обратившись ко мне, он произнес фразу, заставившую вздрогнуть: "Вы сидите тут с больной, а у меня Гейгер зашкаливает..." В ответ на его предупреждение Михалина пояснила: "Во мне девять радиоактивных иголок..." В ту пору были такие методы лечения. А мы были беспечными. Длительное время ее наблюдал профессор Холдин - известный в Ленинграде онколог. В день зарплаты она уточняла: "Эти купюры в фонд Холдина". В дальнейшем болезнь ее миновала, но на лице сохранились следы перенесенной операции.

Постепенно из ее экскурсов в прошлое я узнавала о семье Бронштейн.

Михалина родилась в 1902 году в украинской провинции в семье врача. Два брата-близнецы - Исидор и Матвей - младше ее на несколько лет. Позднее семья переехала в Киев. С раннего возраста дети были приучены к чтению, что определило дальнейшую их судьбу. Став выдающимся физиком, Митя владел несколькими языками. По словам Михалины, живущий в Киеве брат Изя - "великий книжник". Стало быть, они схожи привязанностью к разного рода текстам.

В середине 20-х годов, как и брат Матвей, она переехала в Ленинград. В 30-х годах он женился на Лидии Корнеевне Чуковской, и этот недолгий брак оказался счастливым. У Михалины тоже появилась семья - муж, сын, невестка, позднее двое внуков.

До войны она работала в Доме занимательной науки, где редактировала естественнонаучную литературу. В то время Лидия Чуковская тоже работала редактором в Детиздате. Интерес к естественным наукам сопровождал Михалину всегда. Не случайно с довоенного времени в институте преподавала курс "Библиография естествознания". В этом отношении наши профессиональные интересы совпали.

В "Записках об Анне Ахматовой. Книга 2" Лидия Корнеевна рассказывает о допросе Михалины в связи с делом брата Мити. О реабилитации мужа она узнала спустя двадцать лет.

Я обратила внимание на то, что в наших разговорах имена Чуковских почти не звучали. Не берусь судить о характере их отношений и о причине отсутствия родственных связей между семьями после трагической гибели Матвея. Любопытно, что Елена - дочь Лидии Корнеевны от первого брака - и внучка Михалины, тоже Лена, носили одно домашнее имя - Люша. Разница в их будущем: Елена Цезаревна Чуковская достойно продолжила дело деда и матери, а внучка Михалины не оправдала ее надежд. И это при том, что бабушка вложила немало усилий в ее воспитание.

Ее рассказ о поездке в Киев после окончания войны потряс бы любого. Там произошло следующее.

В начале войны старики Бронштейны вместе с сыном Изей эвакуировались. По дороге они скончались от сыпного тифа, а Изя выжил. Родители мужа Михалины оказались в оккупированном Киеве. В первый свой визит в город детства и юности она направилась к дому, с которым была связана ее молодость и где жильцы ее знали. (Дальше привожу рассказ Михалины.)

- Бабушка, вы меня не узнаете? - спросила я сидящую на лавочке старушку. Подслеповато всматриваясь в меня, она произнесла: "Ты ли это, Михася? Я долго тебя ждала..." Затем она поднялась в свою квартиру и вернулась с листком бумаги - прощальным письмом родителей моего мужа. В нем они писали о том, что их ждет. А ждал их Бабий яр, где оба погибли.

Для мужа Михалины страшная весть о гибели родителей обернулась инфарктом. "Ночью я прислушиваюсь к его дыханию", - как-то призналась она. Вскоре он скончался. В один из визитов на кладбище рядом с его могилой какой-то бандит (она считала, что антисемит) ударил ее по голове. Полученная травма оказалась серьезной. Михалину обнаружил военный, помог добраться до машины

и привез домой. По этому поводу она заметила: "Я всегда считала, что хороших людей больше, чем плохих".

Вернусь к работе Михалины Петровны в институте. Помню ее неординарные поступки, подтверждающие справедливость латинской поговорки: "Что позволено Юпитеру, не позволено быку". В роли Юпитера ей многое прощалось, включая публичные высказывания. А они несли в себе заряд юмора, иронии, артистичности с россыпью острот, тем самым свидетельствовали о ее таланте.

На каком-то банкете я стала невольным свидетелем ее разговора с соседом. Речь шла об Израиле. На его нелестную характеристику этого государства она отреагировала с оттенком мягкой иронии. - Конечно, вы исходите из состава моей крови и фамилии, а потому хотели бы видеть похороненной на земле предков, и чем скорее, тем лучше. Но ваша мечта невыполнима. (Подобные фразы легко запоминались.)

Другие примеры словесных вольностей Михалины имели место в актовом зале, в котором некогда танцевали гости Фикельмонов. Стоя на кафедре, она обличала проректора института, обладателя внушительной бороды - покрутила пальцем у виска и произнесла: "У него ботвы больше, чем вещества, которым думают".

Следующей ее жертвой в тот день был с недавних пор член коллектива, доцент с диссертацией на сельскохозяйственную тему. "Это тот, который рассказывает студентам, сколько ГЕ приходится на каждый ГА," - произнесла она. (Общеизвестно, ге означает навоз, а га - гектар.) Смех в зале и аплодисменты были ответом на подобные характеристики. Один коллега оценил их как классику жанра. (Впоследствии я использовала хлесткое выражения Михалины во время работы со студентами на совхозном поле:

Я знаю, сколько ГЕ на ГА
расходует совхоз,
как формируются стога
и как растет овес...)

Вспоминается мне трагикомический случай, получивший название пятаки. Однажды она редактировала текст доцента - достойного специалиста, но упрямого человека. В процессе работы возникла напряженная ситуация. Когда автор текста произнес вы должны, Михалина воскликнула: "Вы меня не нанимали, а потому я вам ничего не должна!"

Вскоре он повесил на ручку ее рабочего кабинета мешок с мелочью достоинством в одну-пять копеек и запиской: "Ваш гонорар". Дальнейшая судьба мешка мне неизвестна, но я наблюдала реакцию

Михалины на столь необычный способ оплаты редакторского труда. Пар она выпустила в свойственной ей манере.

Она говорила то, что думает, то есть без оглядки на институтское начальство и выше. Удивительно, что в репрессивные годы не последовала за братом Митей.

Как равнодушный человек с зорким взглядом, всегда имела свое мнение. Ей до всего было дело. Однажды мы столкнулись в метро. Напротив сидела девушка в весьма откровенной позе. Впечатляющее зрелище! Глядя на нее, Михалина шепнула мне: "ЭТО надо мыть с мылом, а не демонстрировать человечеству". В другой раз она отреагировала на манеру исполнения популярной эстрадной певицы: "Почему она поет не своим голосом?! Я ей напишу...". Когда в проходной института появился турникет для прохода преподавателей и студентов, Михалина поинтересовалась у ректора: "Кто ответит за преждевременные роды студенток?"

Я бы не сказала, что сотрудники института и студенты ее боялись. Скорее, уважали, видели в ней неординарную личность, а потому прощали особенности поведения. Старейшая уборщица института называла ее Михалинушкой и потчевала пирожками. Пожалуй, среди преподавателей и аспирантов не было ни одного, не оценившего ее работу в качестве редактора и педагога. Со своей стороны, она не использовала фамильярное обращение "ты". Общение с ней многому всех нас научило, в частности, иными глазами воспринимать текст. (С тех пор я вижу чужой текст лучше, чем свой.)

Раскованная и независимая, она была открыта для общения, но с определенным кругом людей. Поедом она никого не ела, напротив, помогала. Не случайно спустя годы ее коллеги и ученики адресовали ей слова благодарности.

Видится мне такая картина. В пустой аудитории два человека - Михалина и один из институтских зубров. Чаще всего это профессора Бухштаб и Рейсер. Затягиваясь папиросой и отбрасывая пепел в самодельные бумажные кораблики, она ведет с ними неспешный разговор на тему, касающуюся лишь их двоих. А появившийся на пороге случайный свидетель тут же закрывает дверь. (Насколько помню, после операции Михалина Петровна отказалась от длительного пристрастия к курению.)

Однажды между нами состоялся разговор, оставивший след в памяти. Он произошел в пору, когда из сталинских лагерей стали возвращаться репрессированные.

Михалина говорила коротко и в жесткой форме. Суть ее слов такова. - Возвратившемуся из лагеря человеку известно имя доносчика. На допросе следователь показал ему текст доноса за подписью автора. Он член нашего институтского коллектива. Теперь

для меня он нерукопожатный. Вы с ним близко знакомы. Поступайте так, как сочтете нужным.

Признаюсь, я была потрясена. Тот разговор задел меня с двух сторон. Во-первых, не поверила Михалине Петровне. Нет! Неправда! Такого не может быть! Это не он! Во-вторых, сказанное ею напомнило о происходившем в моей большой семье, в которой - страшно вспомнить - одиннадцать родственников (!) из близкого окружения подверглись репрессиям. В их числе двое расстрелянных (судьба третьего выяснилась позднее.) И в отдаленном круге таковые имелись, например, расстрелянный сын Семена Венгерова.

Лидия Чуковская знала написавшего донос на ее мужа. Впоследствии она упомянула его имя в одной из своих книг.

Мне необходимо было избавиться от состояния неопределенности. И тогда я решила самостоятельно разобраться в этой истории, причем грубым способом. (Молодость нетерпелива, ей свойственно рубить сплеча.) При первой же встрече с нерукопожатным задала ему вопрос: ДА или НЕТ? Ответ был написан на его лице. Когда увидела маску и жесткое выражение глаз, поняла: Михалина права. От меня он отгородился фразой: "Никогда не говорите того, о чем имеете слабое представление".

Такое было время. (Имя нерукопожатного значится в энциклопедии.)

Со временем Михалина Петровна начала дарить мне книги профессионального содержания с автографами. Один из них подвел итог пройденного нами пути: "...по юности Танечке. Измученный редактор". (Перед отъездом в Америку подаренные ею книги я передала в институтскую библиотеку.)

Неудивительно, что многолетнее напряжение давало о себе знать. Одно время она редактировала с перевязанной кистью правой руки. Работать ей приходилось не только в институте, но и дома. Институт она покидала с неизменным портфелем, прозванным ею "научно-хозяйственным". По ее словам, в нем уживаются диссертация, статья и пакет с картофелем. Когда старушка уборщица под вечер прощалась с ней, то сердобольно напутствовала: "Отдыхай, Михалинушка". Безусловно, институт стал ее вторым домом.

Будучи трудоголиком - этакой трудолюбивой пчелкой, едва ли отдыхала дома. Чтение текстов сменяли хозяйственные дела - приготовление борща и фаршированных яиц (то и другое по ее рецепту и отменного вкуса), пришивание пуговиц на одежде домочадцев, уход за попугаем... Мне довелось побывать на трех квартирах Михалины и убедиться в том, что она отличная хозяйка. Вообще любую работу она выполняла хорошо.

Когда однажды мы с ней подходили к ее дому, заметили на лавочке беседующих старушек. Глядя на них, она произнесла: "Вот

этого я больше всего боюсь". В ответ я ее успокоила: "Михалина Петровна, это вам не угрожает". (Будущее подтвердило правоту моей реплики.)

В другой раз я встретила Михалину на Литейном и сразу обратила внимание на то, как ей нелегко нести увесистый научно-хозяйственный портфель. Тогда впервые увидела в ней пожилого человека. Ведь ей было уже за семьдесят лет.

Ранней весной она попала в больницу, перенесла операцию на желчном пузыре. Мне запомнились детали солнечного дня 2 мая. В цветочном магазине вблизи метро "Площадь Восстания" я купила охапку разноцветных тюльпанов и отправилась в больницу. В палате нянечка суетилась, расставляя цветы. Михалина чувствовала себя хорошо, готовилась к предстоящей выписке. Мы много разговаривали, шутили, договорились в скором времени встретиться в институте.

Теплый май сменил холодный июнь. В конце месяца умерла ее подруга. Ослабленная после операции, она поехала на похороны, простудилась и спустя несколько дней скончалась. Ей было семьдесят четыре года, пенсию воспринимала отдаленно, со старушками на лавочке не сидела. Много лет назад победив жестокую болезнь, стала жертвой вульгарной простуды.

В те дни я находилась на даче, куда мой муж привез горькую весть о кончине Михалины Петровны.

Она не дожила до перестройки в стране. Не знаю, как бы восприняла произошедшее в ту пору в России, как оценила бы нынешнее время.

Она на тридцать восемь лет пережила брата Митю, без суда и следствия расстрелянного в чумном 1938 году. Пережила она и лечившего ее онколога профессора Холдина.

Со времени ухода Михалины Петровны прошли годы... Сменилось поколение, нет многих, кому довелось общаться с ней. Безусловно, она относилась к категории незаурядных людей, прежде всего, была профессионалом высокого класса. Неоднозначная в своих оценках, даже резкая, одновременно ценила оригинальную мысль и доходчивое ее выражение. Ее похвала в виде "недурно" или "ничего себе" воспринималась как материнская ласка. Сохранились письменные свидетельства ее участия в судьбах людей, которым помогала в работе и в личной жизни.

С институтом Михалина была связана около сорока лет. Один из ее учеников, впоследствии профессор, включил ее письмо в книгу своих воспоминаний. Оно носит сугубо деловой характер и в этой плоскости дает представление о ее высоком профессиональном уровне в качестве библиографа, библиографоведа, педагога.

Другая ее ученица, впоследствии заведующая кафедрой, назвала ее "феноменально образованным человеком" и "редактором от бога".

Трудно представить, какой сгусток горя несли в душах близкие Матвея Бронштейна - старики родители, брат и сестра, жена.

Его рука оставила следы гениального мозга. В области теории гравитации и космологии он прикоснулся к святой святых - к таинству жизни и смерти. А другая рука подписала ему смертный приговор. По вине той руки он прожил всего тридцать один год. За прошедшее время наука шагнула вперед. Имя Матвея Петровича Бронштейна вписано в мировую науку....

Есть люди, с уходом которых не меркнут их краски. Такой остается для меня другая Михалина. Когда нынче смотрю на ее портрет, видится слегка сутулая фигура, внимательный взгляд, изящные пальцы, сжимающие авторучку красного цвета, увесистый научно-хозяйственный портфель... В такие минуты думаю о выпавшей мне удаче встретить ее на жизненном пути. Вспоминаю и объединившее нас место, образно переданное поэтом-эмигрантом Георгием Ивановым:

Быть может, города другие и прекрасны.
Но что они для нас? Нам не забыть, увы,
Как были счастливы, как были мы несчастны
В волшебном городе на берегу Невы.
От себя добавлю: в особняке Дж.Кваренги.

P.S. В 2015 году моя семья обратилась в проект "Последний адрес" с просьбой установить памятный знак в Санкт-Петербурге (Загородный проспект, дом 11), из которого увели Матвея Петровича Бронштейна. В феврале 2017 года состоялось его открытие. Небольшую табличку на стене дома укреплял Валерий Павлович Леонов, директор Российской Библиотеки Академии наук, ученик и коллега Михалины Петровны. От семей Бронштейн и Чуковских на открытии не было никого...

Григорий Яблонский

Сент-Луис, США

Трижды Глава Советского Союза. Кто он?

*«Председатель Президиума Верховного Совета СССР. Должность была введена Конституцией СССР в 1936 г., она стала преемницей должности Председателя Центрального Исполнительного Комитета СССР. Председатель Президиума назывался «Главой Советского государства» (а за рубежом порой и «Президентом»)
(из «Википедии»)*

Знаете ли вы историю Советского Союза?

Нет, вы не знаете её!

Доказать это очень легко.

Давайте возьмём то государство, которое на протяжении последних ста лет (с 1917 года) занимало большую часть бывшей Российской империи. Называлось оно по-разному. То РСФСР (до 1922 года), то СССР (1922-1991), то Российская Федерация (с 1991-посейчас).

Скажите, пожалуйста, кто был главой этого государств на протяжении трёх различных периодов его истории?

Я повторяю: трёх различных периодов. Под «различными периодами» я понимаю периоды «не подряд», разделённые промежутками времени.

Я вижу недоумение на ваших лицах. И Ленин, и Сталин, и Хрущёв, и т.д. руководили СССР в течение одного периода, без перерывов. Один и тот же человек три раза возглавлял СССР? Или Российскую Федерацию? Кажется, такой человек не существовал в природе. Немыслимо!

Ну что ж, давайте перечислим.

Итак, реальные руководители этого государства в советский период:

1. Ленин, Владимир Ильич (26 октября 1917 г. - 21 января 1922 г.)

2. Сталин, Иосиф Виссарионович (21 января 1924 г. - 5 марта 1953 г.)
3. Маленков, Георгий Максимилианович (5 марта 1953 г. - 7 сентября 1953)
4. Хрущёв, Никита Сергеевич (7 сентября 1953 г. - 14 октября 1964 г.)
5. Брежнев, Леонид Ильич (14 октября 1964 г. - 10 ноября 1982 г.)
6. Андропов, Юрий Владимирович (12 ноября 1982 г. - 9 февраля 1984 г.)
7. Черненко, Константин Устинович (13 февраля 1984 - 10 марта 1985)
8. Горбачёв, Михаил Сергеевич (11 марта 1985 г. - 25 декабря 1991г.)

В постсоветское время реальными руководителями Российского государства были

1. Ельцин, Борис Николаевич (10 июля 1991 г. - 31 декабря 1999 г.)
2. Путин, Владимир Владимирович (7 мая 2000 г. - 7 мая 2008 г.)
3. Медведев, Дмитрий Анатольевич (7 мая 2008 - 7 мая 2012 г.)
и вновь
4. Путин, Владимир Владимирович (7 мая 2012 г. по настоящее время)

Были перечислены реальные лидеры (Медведев Д.А. под вопросом). Действительно, все они, за исключением Путина, были руководителями в течение только одного сплошного периода. У Путина пока два таких периода правления.

Однако, реальный лидер - это не Глава Советского государства.

Главой (см. эпиграф) был Председатель Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета (ВЦИК)., а после 1938 г Председатель Президума Верховного Совета, СССР.

Вот список Глав государства:

1. Каменев, Лев Борисович. (9 ноября 1917 г. – 21 ноября 1917 г.)
2. Свердлов, Яков Михайлович. (21 ноября 1917 г. – 16 марта 1919 г.)
3. Владимирский, Михаил Федорович (16 марта 1919 г. — 30 марта 1919 г.)
4. Калинин, Михаил Иванович. (председатель ЦИК СССР от РСФСР с 30 декабря 1922 г. по 17 января.1938 г.; председатель Верховного Слвета СССР, 30 марта 1938 г. – 19 марта 1946 г.)
5. Шверник, Николай Михайлович (19 марта 1946 г. — 15 марта 1953 г.)
6. Ворошилов, Климент Ефремович (15 марта 1953 г. - 7 мая 1960 г.)
7. Брежнев, Леонид Ильич (7 мая 1960 г. - 15 июля 1964 г.)
8. Микоян, Анастас Иванович (15 июля 1964 г. - 9 декабря 1965 г.)
9. Подгорный, Николай Викторович (9 декабря 1965 г. - 16 июня 1977 г.)
10. Брежнев, Леонид Ильич (16 июня 1977 г. - 10 ноября 1982 г.)
11. Андропов, Юрий Владимирович (16 июня 1983 г. - 9 февраля 1984 г.)
12. Черненко, Константин Устинович (11 апреля 1984 г. - 10 марта 1985 г.)
13. Громько, Андрей Андреевич (2 июля 1985 г. - 1 октября 1988 г.)
14. Горбачёв, Михаил Сергеевич (1 октября 1988 г. – 25 декабря 1991 г.)

Все люди, упомянутые в этих двух списках, личности более-менее исторические, что называется, «на слуху», за исключением разве что Михаила Фёдоровича Владимирского. На посту председателя ВЦИК он был всего лишь 2 недели, зато с 1927 года бессменно

председательствовал в ревизионной комиссии ЦК ВКП(б). Леонид Ильич Брежнев дважды был главой СССР - с 1960-го по 1964-й и с 1977-го по 1982-й, дважды, но не трижды.

Только четыре человека, Брежнев, Андропов, Черненко и Горбачёв, совмещали позиции реального лидера и Главы. Это случилось в позднесоветское время, начиная с 1977 г.

Ну и где же он, трижды Глава СССР, обещанный в начале статьи?

А всё дело в том, что этот список Глав - не полон. В нём нет фамилий восьми Председателей ЦИК от союзных республик. Это отдельная история, не имеющая никакого отношения к нашей. .

Если эти фамилии интересны,

см https://bigenc.ru/domestic_history/text/5578161

А вот вам полный список Глав государства:

1. Каменев, Лев Борисович (9 ноября 1917 г. – 21 ноября 1917 г)
2. Свердлов, Яков Михайлович (21 ноября 1917 г. – 16 марта 1919 г)
3. Владимирский, Михаил Федорович (16 марта 1919 г. — 30 марта 1919

г.)

4. Калинин, Михаил Иванович. (председатель ЦИК СССР от РСФСР с 30 декабря 1922 г. по 17 января.1938 г.; председатель Верховного Слвета СССР, 30 марта 1938 г. – 19 марта 1946 г.)

5. Шверник, Николай Михайлович (19 марта 1946 г. — 15 марта 1953 г.)

6. Ворошилов, Климент Ефремович (15 марта 1953 г. - 7 мая 1960 г.)

7. Брежнев, Леонид Ильич (7 мая 1960 г. - 15 июля 1964 г.)

8. Микоян, Анастас Иванович (15 июля 1964 г. - 9 декабря 1965 г.)

9. Подгорный, Николай Викторович (9 декабря 1965 г. - 16 июня 1977 г.)

10. Брежнев, Леонид Ильич (16 июня 1977 г. - 10 ноября 1982 г.)

11. Кузнецов Василий Васильевич (10 ноября 1982 г. — 16 июня 1983 г.),

12. Андропов, Юрий Владимирович (16 июня 1983 г. - 9 февраля 1984 г.)

13. Кузнецов Василий Васильевич (9 февраля 1984 г.- 11 апреля 1984 г.)

14. Черненко, Константин Устинович (11 апреля 1984 г. - 10 марта 1985

г.)

15. Кузнецов Василий Васильевич (10 марта 1985 г. - 2 июля 1985 г.)

16. Громыко, Андрей Андреевич (2 июля 1985 г. - 1 октября 1988 г.)

17. Горбачёв, Михаил Сергеевич (1 октября 1988 г. – 25 декабря 1991 г.)

Чем же отличается полный список от неполного?

Одним человеком. Но упоминается он три раза.

Кузнецов. Простая, очень распространённая русская фамилия.

Василий Васильевич. Простые, очень распространённые русские имя с отчеством.

Кузнецов Василий Васильевич оказался жизненно необходим Российскому государству в критические моменты «скрипучего поворота руля». Во время исторической «гонки на лафетах», когда один за другим умирали Генеральные Секретари ЦК КПСС ...Тогда говорили, что Андропов работал «на батарейках», а Черненко - «от сети».

Итак, дорогой Леонид Ильич умер 10-го ноября 1982 г., и Василий Васильевич в тот же день стал Председателем Верховного Совета. И был им 7 месяцев. Именно Кузнецов 31 декабря 1982 года произнёс новогоднее обращение к советскому народу.

А Юрий Владимирович прекратил своё существование 9-го февраля 1984 г., и Василий Васильевич незамедлительно, тоже 9 февраля 1984 г., приступил к своим обязанностям. Исполнял их он 2 месяца.

Наконец, 10-го марта 1985 г не стало нашего Константина Устиновича. Кого же назначили Председателем Президиума Верховного Совета? Правильно, Василия Васильевича! День в день - 10-го марта 1985 г. В последний, третий, раз он занимал этот пост 4 месяца - а всего за три периода - более чем 1 год, 13 месяцев.

И ещё. У всех Председателей Президиума Верховного Совета, глав СССР, были Заместители.

У всех, но не у Василия Васильевича. В графе «Заместитель Председателя» у В.В. Кузнецова написано мистическое «он сам». Три раза «он сам»

То есть Василий Васильевич был незаменим абсолютно. Заместителя у него быть не могло.

Кузнецов родился в 1901-м году, и во время исполнения полномочий Кузнецову было 81, 82 и 84 года соответственно. Он оказался старейшим из всех Глав Советского и Российского Государства и Правительства за всю их историю. Такой вот чемпион!

Чем же объясняется столь неукоснительный, трижды повторявшийся, взлёт Кузнецова Василия Васильевича, к формально высшей позиции Советского Союза? На Западе её называли президентской. В чём причина его уникальной незаменимости?

Кто он? Лицо вполне обыкновенное, по типу «инструктор райкома» - матерый аппаратчик, «проваренный в чистках, как соль»?

Подпоручик Кижэ, фигура выдуманная для «нагрева» места?

Мозг и сердце того, что сейчас называют «deep state»?

Происхождение Василия Васильевича - из «простых», как и у большинства членов Политбюро и кандидатов в эти члены. В крестьянской семье родился Василий Васильевич. А вот, если я спрошу, какое образование он получил, ни за что не догадается.

Думаете, два класса, третий - коридор или ЦПУ (церковно-приходское училище), а потом, после революции, - рабфак и Институт красной профессуры? Ничего подобного!

Инженер-металлург, Василий Васильевич Кузнецов в 1933-м году окончил Технологический Институт Меллона (Питтсбург, США), Carnegie Institute of Technology - Carnegie Mellon University. Удивительно, не правда ли?

Председатель Президиума Верховного Совета, глава СССР - и выпускник Mellon University! Мыслимо ли это?

После окончания этого университета Василий Васильевич вновь посетил США. Была командировка, с апреля по август 1936 года.

По-видимому, он был талантливым инженером. Его, кстати, никогда не репрессировали. Для талантливых инженеров с американскими связями это могло быть и везением. Туполева посадили после его американской командировки.

Инженерная карьера Кузнецова была блистательной: поднялся до руководства Главспецсталью, в военное время стал помощником Маленкова по металлургии.

И вот совершенно неожиданный скачок. В 1944 году его профессиональная деятельность прекращается. Он становится Председателем Президиума ВЦСПС (по 1953 год), а с 1946-го года по 1950-й - Председателем Совета Национальностей Верховного Совета СССР. И новый поворот - дипломатическая карьера. В 1953-м году он - посол в Китае, а ведь это - ответственный момент, конец Корейской войны. С 1955-го года по 1977-й Кузнецов - первый заместитель министра иностранных дел СССР.

Высоко оценивается роль Василия Васильевича и в прекращении карибского кризиса.

На фото - Кузнецов между Президентом Кеннеди и советским послом Добрыниным.

Подхожу к выводам.

По молодости лет, я не имел счастья знать Василия Васильевича лично. Более того, в течение всей моей жизни я ничего не слышал о нём, а накануне 1983 года даже пропустил его эпохальное Новогоднее обращение к советскому народу. Только месяц тому я совершенно

случайно наткнулся на Василия Васильевича, роясь в интернетном хламе.

Кузнецов между Президентом Кеннеди и советским послом Добрыниным

Но сейчас пред моим взором предстаёт его образ как трёхмерный идеал.

Не Молчалин.

Не Акакий Акакиевич.

Не потаённый миллионер Корейко.

Не «молчальник-начальник» из песни Галича.

При поверхностном сходстве совсем-совсем другое...

Это Простой Советский Человек, готовый самоотверженно трудиться на любом посту, на который его поставит Партия, в том числе на посту Главы СССР.

В образе Василия Васильевича, вылепленном моим художественным воображением, привлекает его кажущаяся незначительность, любовно пестуемая незаметность - в соединении с недостижимой эффективностью и фантастической удачливостью. Анастасу Ивановичу Микояну приписывали умение быть сухим под дождём, проходя «между струйками». В феномене Кузнецова, по-видимому, было нечто большее - умение управлять «струйко-поток», то раздвигая струйки, то сливаясь с ними. Вообще его жизнь - это тайна, объяснение которой, скорее всего, невозможно и выходит за пределы моей публикации. Я ещё раз спрашиваю: «Как выпускник американского Mellon University может три раза - с перерывом- стать Главой СССР?». Нет ответа...

Увы, советский народ не сохранил памяти о своём выдающемся сыне. Он как-то не влез в «коллективное бессознательное». Народная память не держала его имени ни «до» его правления, ни «во время». И тем более «после».

Целые библиотеки написаны о Ленине-Сталине-Хрущёве-Брежнев-Андропове-Ельцине-Путине. Даже о ничтожнейшем Черненко поэт Кибиров написал поэму «Жизнь К.У. Черненко». О Василии Васильевиче Кузнецове - скудные биосправки и книжечка воспоминаний коллег-дипломатов.

Считаю это крайне несправедливым. Чем же уникален Василий Васильевич, что же в нём необычайно особенного - на фоне других дидеров Советского Союза, реальных и формальных?

Он был Чемпионом Российской Власти, формальным Главой СССР на протяжении трёх различных периодов.

Будь моя воля, я бы - посмертно - присвоил ему звание «ТРИГЛАВ СССР».

Более того, он был старейшим из всех глав Советского и Российского Государства и Правительства за всю историю государства Российского.

И на мировой сцене он выглядит совсем неплохо. Британский премьер-министр Уильям Гладстон был премьер-министром 4 раза в различные периоды, но он же не был Главой Британской империи.

И вообще всё это не главное.

Главное то, что, будучи Главой СССР - три раза, в течение 13 месяцев, Василий Васильевич Кузнецов не сделал ничего плохого.

Во всяком случае, я ничего такого не нашёл, а 13 месяцев - срок совсем не малый.

Честно говоря, это меня поразило. Надеюсь, я помог Василию Васильевичу выйти из небытия, по крайней мере, на время.

Николай Галынин

Нижний Новгород, Россия

Неуслышанный (дебют)

Я видел многое, в том числе и то, что не хотел видеть. Как сейчас помню, мне совсем немного лет, нас с моими братьями везут в новое пристанище, где бы мы служили опорой для людей. На наших глазах ломают и уносят тех, кто были до нас, а меня и мою родню

распределяют по всей территории. Аушвиц — так называли это место злые люди в серых мундирах, а от других, одетых в простые полосатые рубахи или же вообще бродивших без них, слышалось чаще слово «Освенцим». Полосатых людешек было очень много, они бегали по всему пристанищу, расставляли нас, как приказывали серые мундиры и снова бегали. Один из таких поставил меня неправильно на новое место, и мне приходилось смотреть на то, что происходит внутри, в то время как мои братья смотрели наружу. А что я могу поделывать? Раз поставили, надо так и стоять. Это конечно, гораздо скучнее чем те пейзажи, которые я видел по пути сюда, но я не имею право спорить, мое дело за малым — стоять.

Пока я наблюдаю за безжизненными помещениями родня рассказывает, что же происходит снаружи. А там скажу вам, все более разнообразно чем здесь. Меняется погода, бывает дождик польет и все вокруг становится сыро. Даже я ощущаю на себе эти капли, стекающие по моей спине. Все дни там бегают полосатики, работают, иногда за ними гоняются злые люди в серой форме и бьют их плетками. Полосатики их называют фрицами между собой. Видимо, для них это очень обидно, поскольку пару раз слышал, как мундиры называли полосатых жидами, звучало грозно и страшно.

Также, по рассказам братьев, я узнал, что ночью на улице никого нет, за исключением нескольких фрицев, которые патрулируют территорию. Ночью тишина, слышно лишь гул ветра и шорох насекомых в траве. А наверху вместо ослепительного и согревающего Нечто находится белый шар и вокруг полным- полно маленьких песчинок такого же цвета. Я бы хотел посмотреть на ночь, но не могу.

Долгое время я ничего видел. Перед моими глазами было темное помещение, небольшого размера, абсолютно пустое. Там не было даже пыли, до определенного момента. Навсегда запомню тот первый раз, тот первый ужас, который повторялся впоследствии неоднократно. Однажды двери в комнату открылись. Сначала я увидел фрица, а потом как туда начали забегать полуголые полосатики. Я понял, что это были они, так как у серых мундиров всегда были чистые лица, а у них нет. Я не понимал, зачем их сюда загнали, как и в принципе не понимал значения этого помещения. То ли это спальня огромная без кроватей, то ли тюремная камера для обдумывания своего поведения — не понятно.

Поскольку комната не могла похвастаться своими размерами, полосатики буквально прижимались друг к другу, как мы с братьями, и дрожали. Как только за ними плотно закрылась дверь, с пола начала подниматься зеленоватая дымка. Все кричали, начинали ломать дверь, стучаться изо всех сил. Кто-то поднимал детей на свои плечи, дабы уберечь от яда, но те теряли сознание и падали, поскольку успели надыхаться отравой, находясь еще на полу. Какая-то женщина кинулась откачивать детей, но за считанные секунды сама упала рядом с ними. Кто-то из полосатиков подошел ко мне и начал истошно бить меня, это им не помогало, а я совсем не чувствовал этих ударов. Одна из женщин в порыве гнева расцарапала мне лицо своими грязными от земли ногтями. Вот это я уже почувствовал, но держался.

Люди падали друг на друга, образовывая холм спасения для последних выживших, но и это не спасало. Самые сильные умирали последними, взбравшись на гору трупов, они пытались до конца найти выход наружу, но дымка находила их быстрее. Я тоже чувствовал этот запах, и, если бы я был человеком, то наверное также корчился от мучений. Но я не человек, и все что я могу делать, — смотреть. Мне очень хочется крикнуть «Стоп!», но меня никто не услышит, кроме родни. Хочется плакать, но я не могу. Мне бы так хотелось, чтобы дождь, который постоянно бьет меня по спине, прошел сквозь меня и выступил на лице, чтобы полосатики знали, что хоть кому-то здесь их жаль.

С тех пор здесь начала появляться пыль, и она была единственной, кто, помимо меня, видел это. Мы на пару с ней узрели больше насилия, чем самый фанатичный маньяк на этом свете. Каждый раз, когда здесь снова появлялись полосатые, начиналось все по новой. Я бы очень хотел не смотреть на это, но увы, такова моя участь. Я очень зол, что появился на свет тем, кем являюсь. Братья спрашивали меня постоянно, когда слышали крики оттуда:

- Что происходит? Кого ты просишь остановиться?

А я не мог им ничего сказать, это выше моих сил. Всякий раз, когда кто-то из них заводит речь об этом, я молчу. Я молчу в память о полосатиках.

Я видел многое, в том числе и то, что не хотел видеть. Я кирпич, который действительно видел смерть.

Редакция ЧАЙКИ обратилась с несколькими вопросами к автору рассказа, Николаю Галынину, дебютировавшему в нашем журнале.

Ирина Чайковская. Николай, вы молодой человек, что вас подтолкнуло написать рассказ на тему концентрационного лагеря, Холокоста?

Николай Галынин. В школе я не сильно увлекался историей, она мне казалась до бескрайности скучной. Мне было совсем не интересно слушать про ожесточенные бои, большие потери, подвиги солдат и тому подобное. Я следовал логике: "Это было до моего рождения! Зачем мне вообще это!?" Но однажды на уроке по истории у нас речь зашла про Холокост и это повергло меня в глубочайший шок. Мне тогда стало действительно не по себе от такой жестокости. И этот момент запомнился мне надолго. Хотелось как-то отдать дань уважения всем выжившим. Я постарался сделать рассказ максимально достоверным, хотя и уверен в том, что многое может являться неправдой.

И.Ч. Как вы пришли к такому интересному решению: написать рассказ от имени "неодушевленного" персонажа?

Н.Г. Эта идея уже давно таилась у меня в голове. Я просто однажды задумался, если бы камень обладал душой и имел бы способность говорить, то наверное он бы рассказал самую удивительную в мире историю. Шло время, идея в голове оставалась, но претерпела несколько значительных изменений.

И.Ч. В рассказе есть следы того, что он написан российским человеком. Вы их оставили сознательно или по недосмотру?

Н.Г. Я не задумывался на этот счет. Мне было важно показать пренебрежение и ненависть офицеров рейха к пленным. А для русскоговорящего "жид" - самое пренебрежительное слово по отношению к еврейскому народу.

И.Ч. Успеха вам! Вы начали рано, в 21 год. Желаем вам дальнейшего восхождения по этой весьма непростой дороге!

Часть 12. Поэзия

Орест Кипренский. Портрет поэта А.С.Пушкина

Лариса Миллер

Москва, Россия

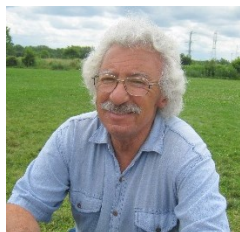
Два стихотворения

Занимаюсь лишь тем, что беру себя в руки,
Превращая тоску в мелодичные звуки,
Превращая слезу в невесомую строчку,
Что летает, забыв про последнюю точку,
Что летает на фоне небес васильковых,
Воспарив над скрещеньем путей тупиковых.

И лёгок снег подобно снам,
И он летает по касательной.
А мы всё ждём, что бросят нам
Такой желанный круг спасательный,
А мы который год подряд
Отодвигаем неизбежное,
Цепляясь то за чей-то взгляд,
То за привета слово нежное,
И всё равно идём ко дну,
И всё равно кольцо смыкается.
Не оставляй меня одну,
Когда зима, когда смеркается.

Наум Сагаловский

США

А когда в небесах...

А когда в небесах загорелась звезда,
ветер стих, и в пруду замолчала вода,
стало всё неподвижным и рыжим,
и возникли слова, что копились в уме,
стало ясно, что близится дело к зиме,
к белоснежным сугробам и лыжам.
И такая тоска вдруг в душе разлилась,
что затеял я тут стихотворную вязь,
дабы выплакать боль и тревогу.
Вот сижу и вяжу эту скорбную нить,
вероятно, затем, чтоб себя сохранить
без потерь на пути к эпилогу.
И дружил, и любил я, и жил, не ропща,
время злобно метало в меня, как праща,
неуёмные страсти-мордасти -
предавали друзья, измывались враги,
и по жизни нелепой прошли сапоги
ненавистой и проклятой власти.
Были горькие дни, были сладкие дни,
ожиданья, сомненья - поди шугани,
за детей и родителей страхи,
вот на старости лет захотелось тепла,
да и старость уже, как вода, утекла,
не помогут ни охи, ни ахи.
Не хватает любви, полуночных бесед,
в одиночестве меркнет загадочный свет,
будто солнце садится в болото,
одеяло не греет, подушка жестка,
оттого-то в душе и гнездится тоска,
и печальны глаза оттого-то.
Но заходит звезда, просыпается пруд,

может быть, небеса мне надежду вернут,
сокрушённый, я сраму не иму,
и каким бы себя я не провозгласил,
об одном лишь молю - дай мне, Господи, сил
на грядущую долгую зиму.

Юрий Хейфец

Москва, Россия

Письмо Ковидию. Подражание И. Бродскому

...слушай, Ковидий, тут весть донеслась издалёка,
Что заболел ты: чихаешь и кашляешь кровью.
Этих событий таинственная подоплёка
Страх и тоску привела к моему изголовью,

Шепчутся тут, что утратил ты вкус с обоняньем,
Жрёшь что попало и нюхаешь всё без разбора –
Счастье такое, Ковидий, считают страданьем
Лишь сибариты – и это не тема для спора,

Также болтают, что дышишь ты часто и хрипло
И сатурацией слабой домашних пугаешь:
Если к тебе не на шутку зараза прилипла,
Вызови скорую – номер, конечно, ты знаешь.

Впрочем, Ковидий, лечись не лечись – всё едино:
Наши больницы – преддверия далее загробных,
Здесь все равны – и холоп как партнёр господина
Тупо становится жертвой лекарств низкопробных,

Что до врачей и до среднего медперсонала –
Мне их, Ковидий, до стога утробного жалко:
Нет у власти ни нала для них, ни безнала,
Так что дела их, Ковидий, ни шатко ни валко.

Власти же, сам понимаешь, плевать изначально,
Как там народишко ёрзает сморщенным брюхом:

В нашем отечестве бедном родиться печально,
Ибо рождённым завещано дохнуть как мухам,

Нам телевизор, Ковидий, пророк с колыбели:
Воют Кассандры с экрана прикормленным хором,
Что всё на свете начальники предусмотрели –
Клизмы с вакциной помогут нам справиться с мором,

Всюду, Ковидий, ворюги сплошные да *****,
Кто в палачи не попал – в провокаторы лезет,
Так что, Ковидий, не суйся сюда, бога ради:
Только придурок столицей империи грезит.

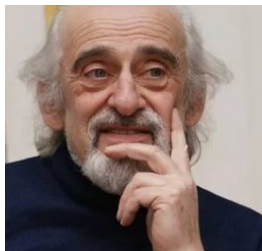
Там, где живёшь, оставайся. Авось, отлежишься
Да отопьёшься настойкой на птичьем помёте,
Ну, а не выйдет – над домом моим покружишься
Или покружишься – как ударенье в полёте

Надо поставить, подскажут тебе, будь уверен,
Там, где однажды мы все окончательно сгинем.

Может, здоров ты и брешет молвы сивый мерин?
Молится сердце моё за тебя всем богам и богиням...

Юлиан Фрумкин-Рыбаков

Колпино, Россия

Одно стихотворение

Ъ

...откапывайте нас, распятых
на светофорных перекрёстках.
культурный слой шестидесятых,
лежит под хламом девяностых.
вы обнаружите под хламом,
в глубоком мусорном раскопе
то, что теперь зовётся, «спамом»:
надежды, черепки утопий,
медь бодрых слов и мифы бардов,
Фемиды веру в справедливость.
нам, маркитантки авангарда,
несли любовь свою и милость.
откапывайте нас, ребята,
рассматривайте нас подробно:
стихи, скелеты, автоматы...
вы видите, на месте лобном...
на месте лобном, снег да морось.
пока ещё пустует плаха
на ней Евангелие и Тора
и ваша смертная рубаха...

Александр Царовцев

Израиль

Поэтические миниатюры

Разве не заразен – раз за разом
Замерзающий в маразме разум?

ГРАММАТИЧЕСКОЕ БЕЗВРЕМЬЕ

Какое-то оно несостоявшееся – настоящее
Не стоящее стеной, как будто ненастоящее
И прошлое пошлое – звук звякающих в подкладке монет
А будущее... Так его и вообще как известно нет

ЕВРЕЙ

...Всегда несвоевременный
но вечно современный
Вневременной поверенный
Творца в делах Вселенной...

НЕ ДЛЯ МАЛОДУШНЫХ

Свобода – как вздох и взлёт, вроде воздуха духа
Без которого может вдруг задохнуться душа
Ведь нужны не только вода, еда, молодуха
Но и лёгкость в лёгких чтоб воспарить не спеша

...Вот как бы так бы совместить бы
Чтоб оставалось интересно
Но чтоб оставили в покое?..

ЗА БИПОЛЯРНЫМ КРУГОМ

От апатии до разбоя
И расправ и опять апатии
Монотонно как звук прибора
Коротают век автократии

Страх порождает страх приближает крах
Неумолимо дух превращает в прах
Что ж мы тогда – в молитвах, трудах, пирах –
Пуще всего страшимся забыть про страх?

...Потому что шкала ценностей
И вправду до смешного проста:
Человечность – бесчеловечность...

БИТВА СО ВРЕМЕНЕМ

Жесты судорожные смешны
А беспомощные страшны
И боятся все и бодрятся все
Лишь часы в тишине слышны

Это неправда что нас ломает судьба –
Просто сжимает в жарких объятьях страстно
Жители Севера знают что жизнь – борьба
Жители Юга знают что жизнь прекрасна

ДОГАДКА

Оргазм – это маленькая смерть.
Франц. поговорка

Страстей хмельную круговерть
Прервёт сладчайший спазм
Оргазма («маленькая смерть»)...
А смерть – большой оргазм?

«Вот такая понимаешь ли картина –
Деревянному и море по колёно»
Так говаривал бывало Буратино-
Мальчик-в первом поколении-полено

Валентин Нервин

Воронеж, Россия

Памяти бабушки

Пополудни выглянуло солнце –
на пригреве инобытия
около небесного оконца
отдыхает бабушка моя.
Натрудилась до седьмого пота,
натерпелась ужаса, когда
то война, то гиблая работа,
то непоправимая беда.
От земли до неба - путь неблизкий
по ухабам времени, зато
в юности была эквилибристкой
в маленьком веселом шапито.
Через окаянные метели
и непроходимые леса
цирковые лошади летели
в эти голубые небеса.
...Пополудни выглянуло солнце –
слава богу, на закате дня
около небесного оконца
ожидает бабушка меня.

Галина Ицкович

Нью-Йорк, США

Еще до созвездия Рака

С полпандемии закрылось кафе "Синема".
Влажные губы актрисок немного кино,
Важные взгляды героев сводили с ума
(Круче, чем стремное порно каких-нибудь про,
Чем интернетные стримы, чем ню или Но!).
(Я об открытках на синей зернистой стене).
Столик в углу, незаметный, как мой макияж,
Был перевалочным пунктом, где я не больной
Прочих казалась. Но, впрочем, диагноз не дашь
Ни одному из зашедших сюда в этот час.

Здравствуй, смешное свидетельство нежной любви.
Я забегала погреться, омлет заказать,
Маркеры-крестики после КТ отлепить.
Нечего плакать, над снимками кисло сидеть,
Плюс - безволосым уже не придется сесть.

А больница напротив, белым-бела.
Как желток растекаюсь по глади стола,
вот я и сбилась в стерильный омлет.
Наплыв и титр: "Прошло пять лет".
Прихожу на проверку, гляжу, а на нем
На кафе, табличка "Сдается в наем".

Рак возвратился в июле, но морок витрин
Был беспросветен, а я-то на сорок минут
Раньше пришла, чтоб отметить повторный визит.

Вот угораздило, вот до чего не везет:
Тонкий прозрачный верзила,
космический шут,
Через дорогу от клиники корни внедрил.

Urbi et orbi обещана скорая смерть,
в этом контексте не жалко их вин да просекк.
Сколько осталось-то, сколько осталось лететь
Мне до созвездия Рака? -Паршивый парсек.

В следующий раз прихожу с бутербродом,
Моей национальной едой.
Надо питаться по расписанию,
подкармливать рак молодой.

В крохотном парке - бомжи и живность.
Плач по кафе - эстрогенная жалость
Или знак небольшого ума.
Нет "Синема", не сложилось,
Нема так нема.

Опасно заводить в очередях
Знакомства. Но случись разговориться,
Заметки сверить, и пойдет процесс:
Кто с эстрогеном, кто, простите, без,
Кому везет и впредь (глаза лучатся)
Без химии, а только облучаться.
Итак, подруги, новое житье,
Пакет надежды, ленточка-нытье.

Все лето проболтали о кафе.
Витрина омертвевшая сияла
Осколками зеркал и карафе
И видно было половину зала,
Где в прошлый год анамнез обсуждали
Худые торопыги доктора,
А мы за ними полу-наблюдали...
Пустая мазохистская игра!
Зачем мы городили огород,
Пытаясь догадаться по приметам,
Когда больница от своих щедрот
Онлайн-портал для всех ввела в то лето

И знали мы не хуже докторов,
Кто будет жив и кто уже здоров,
А кто... ну, в общем, лучше без секретов.

А в этот год унылый наш квартет
Ужат до трио. Что ж, претензий нет.
Мы радуемся встрече, обсуждая
Вакцину и брожение умов,
Как все. Закрыв тревогу на засов,
Как вся планета, лидеров ругаем,
А вскользь - холодный скальпель наших тем,
Исчерпанными кажущихся тем,
Кому пока не надо завещаний
И расставаний. Лето на игле,
игла в яйце... но дальше не печальной,
а прозаичней. Что ж, открыт дурак
Киноразвязке. Мы шагаем в парк.
Мужает шаг, стареет год, старе...
Жук, изгнанный из дома, вне закона
И времени, беззвучно спит в траве
И видит сны в бордо и янтаре,
ворочаясь на жухлости газона.

Друзьям под созвездием Рака посвящается

Евгений Сливкин

США

Картина

Любите живопись, поэты!
Особенно соцреализм –
в лучах струящегося света
он сопрягает даль и близь.

Так на картине у Дейнеки
светло прописан дальний план,
и смотрят мальчишки-реднеки *,
спиной к нам, на гидроплан.

Любите их заморожённых –
танкист, разведчик и пилот...
Никто из них до лет преклонных,
как Микоян, не доживёт.

Рэднеки (англ. rednecks, буквально — «красношеие») — жаргонное название белых фермеров, жителей сельской глубинки США, вначале преимущественно юга... (Википедия, прим. ред.)

Валерий Скобло

Санкт-Петербург, Россия

Декабрь в Петербурге

Лишь только встанешь, а уже и вечер,
И тьма, что наползает на страну,
Свинцовым грузом давит всем на плечи.

Здесь в Питере, где день за шесть часов
Во мраке растворится без остатка,
В четыре дня - все двери на засов,
Звонят - нас нету - отвечают кратко.

За эти шесть часов - проснись и пой
Хвалу и славу нечисти кровавой,
Лишь чуть стемнеет враз на водопой
Собравшейся за сей хвалой и славой.

А кто не пел - те ставни на окно,
А кто не славил - укрепите двери.
Но все это без толка... все одно:
Воздастся всем по их любви и вере,

Которых - нет, не больше у тебя,
Чем у зверей, сорвущих двери с петель.
И ненавистью душу погубя,
Ты слаб и беззащитен: ты - свидетель.

А, впрочем, ни к чему весь этот сор.
К чему теперь пустое словопренье?
Оставь же бесполезный разговор -
Свидетельствуй... покуда есть мгновенье.

Григорий Оклэндский

Новая Зеландия

А в городе нашем...

Полощет асфальты и кровь замывает усердно.
Зачищенный город гудит в эйфории победной.
Кругом - непогода, кромешная тьма, голоса...

А в городе нашем зачем-то разводят мосты,
Разводят людей по колоннам, углам, баррикадам.
Ослепшие люди штурмуют казармы и склады,
И разум теряют у самой последней черты.

А в городе нашем чужие мужчины снуют.
Похожи на нас, но безлики. Одеты по форме.
И вежливо смотрят глазами зелёными... Зомби?!
Пришли ниоткуда и как бы нигде не живут.

А в городе нашем... О чём вы?! Ведь город - не наш.
Он скорчился, выцвел и высох, как старый отшельник.
С петлёю на шее он встретит меня в понедельник,
Дрожащей рукой прижимая к груди патронташ.

Виктор Голков

Израиль

Деревья листья скинули

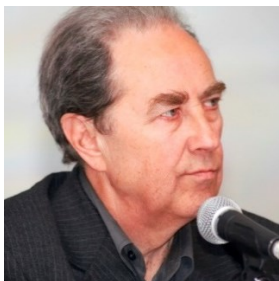
Деревья листья скинули
Со всех убор слетел...
Как будто сердце вынули
Из деревянных тел.

И вот они колонною
Стоят в одном строю,
Как будто осуждённые,
У жизни на краю.

Не стонут и не мечутся –
Хоть в ров, хоть на костёр.
Ты помнишь, человечество,
про братьев и сестёр?

Виктор Есипов

Москва, Россия

Летнее

Все тут в плавках и в бикини,
волн о берег слышен стук,
водомеркою по сини
самолет скользит на юг.

Шутки, пляжная беспечность,
моря плеск в сиянье дня –
вот и кажется, что вечность
есть в запасе у меня.

Будто мне и нам с тобою
никогда не выйдет срок,
что махровой простынею
сбросил годы на песок.

За плечом – твой милый голос,
ниже – моря лазурит...
Самолет плывёт на Родос,
даже, может быть, на Крит.

Виолетта Гребельник

Италия

За тем ли вертится планета

За тем ли вертится планета,
Чтоб всяк, кто топчется на ней,
Страдал вопросом без ответа
И с каждым шагом всё сильней?

Куда иду? Откуда вышел?
Зачем стремление дано
Узнать, кто правит миром свыше?
И лишь планете всё равно.

Она живёт другой задачей,
Законом общим для планет -
Крутиться так, и не иначе,
Чтоб за закатом плыл рассвет.

Вита Штивельман

Торонто, Канада

По следам Самуила Маршака. Дом, который построил Джек

Вот дом,
который построил Джек.

А это люди полные злобы -
эйджисты, фэтшеймеры и гомофобы -
в доме, который построил Джек.

А это учебники с кубом и призмой,
ведущие школьников к супрематизму,
поскольку не учат бороться с сексизмом,
а учат грамматике и биготизму
в доме, который построил Джек.

А это эксперты (серьёзные лица)
которые знают, куда нам стремиться:
велят из учебников вычеркнуть призму,
ведущую школьников к супрематизму,
добавить экзамен по трансгендеризму
в борьбе с гомофобией и биготизмом
в доме, который построил Джек.

А это весёлая в прошлом синица,
которая в тёмном чулане томится,
за то, что однажды чирикнула птица
про этих экспертов (серьёзные лица),
которые знают куда нам стремиться,
велят из учебников вычеркнуть призму,
ведущую школьников к супрематизму,
добавить экзамен по трансгендеризму
в борьбе с гомофобией и биготизмом

в доме, который построил Джек.

А вот холодильник на кухне стоит.
Хотя он большой и красивый на вид,
на полках не очень-то много съестного,
зато ни следа геноцида коровок.
Хватает там только на крошки синице,
которая в тёмном чулане томится
за то, что однажды чирикнула птица
про этих экспертов (серьёзные лица),
которые знают, куда нам стремиться,
велят из учебников вычеркнуть призму,
ведущую школьников к супрематизму,
добавить экзамен по трансгендеризму
в борьбе с гомофобией и биготизмом
в доме, который построил Джек.

А вот кот,
к холодильнику не подойдёт.
Он знает: внутри там не много съестного,
зато ни следа геноцида коровок,
хватает там только на крошки синице,
которая в тёмном чулане томится
за то, что однажды чирикнула птица
про этих экспертов (серьёзные лица),
которые знают, куда нам стремиться,
велят из учебников вычеркнуть призму,
ведущую школьников к супрематизму,
добавить экзамен по трансгендеризму
в борьбе с гомофобией и биготизмом
в доме, который построил Джек.

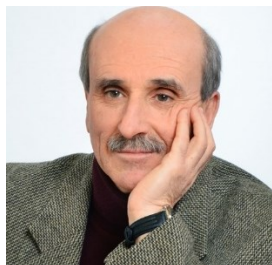
Вот пёс без хвоста,
который за шиворот треплет кота.
Ведь кот как-то раз сообщил куда надо,
что пёс не желает ходить на парады.
И сразу же псу отчекрыжили хвостик,
а он всё мечтает о сахарной кости,
мечтает в собачьем своём интересе,
но пёс к холодильнику тоже не лезет.
Он знает: внутри там не много съестного
зато ни следа геноцида коровок,
хватает там только на крошки синице,
которая в тёмном чулане томится

за то, что однажды чирикнула птица
про этих экспертов (серьёзные лица),
которые знают, куда нам стремиться,
ведя из учебников вычеркнуть призму,
ведущую школьников к супрематизму,
добавить экзамен по трансгендеризму
в борьбе с гомофобией и биготизмом
в доме, который построил Джек.

Вот дом для хорошей и правильной жизни,
и яркое солнце из окон как брызнет!
Построен по всей технологии века
для пёсика, птички, кота, человека,
учебников, крошек, экспертов, чулана,
для жизни без злобы, войны и обмана,
съезжает у дома рифлёная крыша,
но я замолкаю, а то ведь услышат
в доме, который построил Джек.

Владимир Спектор

Бад-Зоден, Германия

Сирень парит над садом

Сирень парит над садом,
Взмывая в небеса.
И кажется, что рядом
Вершатся чудеса.

И у судьбы в запасе –
Ещё пять лепестков.
В несбыточное счастье
Поверить я готов.

Сергей Филиппов

Москва, Россия

Два старых московских кольца

Два старых московских кольца
В моей, и не только, судьбе.
Одно называется «А»,
Другое, чуть большее, «Б».

Узнать их, увидев в кино,
Достаточно пары минут.
В бульварах и скверах одно,
«Садовым» другое зовут.

И ты мне в тот миг не мешай
Смотреть, как по старой Москве
Ползёт деревянный трамвай,
Троллейбус с эмблемою «Б».

Вдруг время задумает вспять
Свернуть, там где детство, и где
Пути их сойдутся опять
В моей, и не только, судьбе.

Где скверы, сады и бульвары
Сливаются в общий поток,
И очередь в дуровский старый
И вправду живой уголок.

Михаил Синельников

Москва, Россия

Есенину

Тверской бульвар. Такая смута
От веянья далёких дней,
От близости Литинститута,
Беспутной юности моей.
Как всё же, не переставая,
Какой-то добавляя свет,
Здесь бродит брага стиховая
Всех до меня протекших лет!
Она и в закоулке всяком
И там, где в приступе тоски
Есенин дрался с Пастернаком,
В кровь разбивая кулаки.

Вадим Богуславский

Киев, Украина

Мой друг...

Я.Т.

Мой друг, тебя давно уж нет,
Но часто в тишине
Твой образ, словно лунный свет,
Является ко мне.

Когда нас жизнь свела с тобой,
Я знал наверняка:
Меня поддержит в миг любой
Надежная рука.

В чужой далекой стороне
Недуг тебя сразил,
И ты забылся в вечном сне
Среди чужих могил.

Какой же вихрь тебя занес
В чужие берега?
От мира грез до моря слез
Всего лишь три шага.

Мы жили рядом на земле,
Смеешь, грустя, любя,
И, словно молодости, мне
Недостает тебя.

Все уже, уже жизни круг,
Но я живу мечтой,
Что где-то ждет меня мой друг
За роковой чертой.

Часть 13. Детский Альбом

Опест Кипренский. Портрет А.А.Челищева

Екатерина Поланко

Барселона, Испания

Братья ангелята. Рождественская сказка

В одном большом красивом доме стояла элегантная ёлочка. Она сверкала разноцветными огнями. На ветках у неё висели тоненькие красные ленточки. А шарики, сосульки, колокольчики были как будто покрыты серебром. Верхушку ёлки украшала модная шляпка. А справа и слева, на верхних лапах ели, сидели два брата ангелочка. Они охраняли красавицу-ёлку. Один из них был белым, а другой - чёрным.

Белый ангелочек был очень добрым и дружил со всеми игрушками на ёлке. А чёрный ангелочек грубил всем вокруг и всё время ссорился со своим братом. Вчера вечером, когда вся семья собралась за рождественским столом, чёрный ангел решил, что все напрасно восхищаются его белым братом, а на него не обращают никакого внимания.

В один миг он подлетел к серебристому шарик и сбросил его вниз. Осколки разлетелись по всей комнате, а некоторые попали прямо в рождественский пирог, но никто этого не заметил.

Пока дети собирали осколки с пола, мама и папа откусили кусочек пирога и ... неожиданно упали на пол.

Чёрный ангел увидел, что натворил, и подлетел к своему брату, который спал на ёлочке, положив голову на ладошки. Чёрный брат разбудил его и рассказал, что произошло. Он умолял помочь ему.

Белый ангел быстренько вынул из кармашка свои волшебные часики и отвёл стрелку на полчаса назад. Всё это происходило на глазах удивлённых детей. Они увидели, как родители снова оказались за столом, пирог был ещё не разрезан, а все осколки соединились в один шарик, и он снова оказался на ёлке.

Чёрный ангел захлопал крылышками и прошептал:

- Братик, спасибо, ты меня спас. Только пожалуйста, пожалуйста, пожалуйста, сделай так, чтобы об этой истории все забыли. Я больше не буду делать глупости и завидовать тебе! Я обещаю.

В зале сверкала разноцветными огнями элегантная ёлка, на столе горели рождественские свечи, и вся семья с нетерпением ожидала раздачи подарков, а на веточке рядом с белым ангелом сидел его брат. Только теперь он был совсем не чёрным, а чистым, белым и прекрасным. Вот такие чудеса случаются в Рождественскую ночь.

Юрий Зверев

Россия

Котя и Мим. Сказка

Утро. Маленький котёнок Котя проснулся от того, что ему стало холодно. Он мяукнул несколько раз, но мама не отзывалась.

«Значит, ушла, – расстроившись, подумал он, – и мне опять одному придётся сидеть дома».

Котя встал и с тоской пошёл вдоль стены, мимо двери, где была старая заброшенная кладовка. Он часто гулял здесь, когда мамы не было, и всегда думал: «Что за этой дверью? Может там, кто-то живёт, а он и не знает?» Ему так хотелось встретить того, с кем они станут друзьями. Вот и сегодня, он уже почти прошёл, и тут ему показалось, что из щели в двери кто-то на него смотрит. Он остановился, чтобы лучше рассмотреть, но... там никого не было.

Котя долго стоял и ничего не дождавшись, двинулся дальше. Дойдя до края комнаты, повернул и на этот раз, проходя мимо заветной двери, увидел чью-то голову, и глаза, внимательно его разглядывающие.

Рисунок А.Д. Зверева

– Ты кто. Тот ответил: – Я мышонок Мим.

– А я котёнок Котя.

– Мим, ты, что там делаешь?

– Живу с мамой.

– А мама где?

– Ушла по своим делам.

– И моя мама ушла, – с сожалением в голосе, сказал Котя

Они стояли, молча, разглядывали друг друга, не зная, что делать дальше. Наконец Котя спросил:

– Ты хочешь играть? Мим ответил:

– Да. А где будем играть?

– Не знаю, может здесь в комнате, – сказал Котя. Мим высунулся из щели, осмотрел комнату и сказал:

– Но здесь ничего нет, во что будем играть?

– Давай бегать в догонялки, – сказал Котя.

– Ну - это неинтересно. Давай у меня играть, – предложил Мим.

Ко мне скоро придут друзья, будем играть вместе.

– А когда придут?

– Не знаю точно, но они приходят всегда утром.

– Может сегодня не придут?

– Нет, они каждый день приходят, – сказал Мим.

Котя подумал: «Все равно дома делать нечего, мамы нет» и ответил:

– Хорошо, пойдём к тебе.

Он с трудом протиснулся в щель. В кладовке было темно. Привыкнув, разглядел старую мебели, посуду и даже ёлочные шарики, висящие на ниточках вдоль нижней полки.

– Ничего себе, да тут всего полно. Мим, а шарики зачем?

– Скоро узнаешь, и он хитро посмотрел на него. Около самого потолка Котя увидел окно, завешенное старой дырявой тканью.

– Мим, почему окошко завешано?

– Не знаю, но вот именно оттуда всегда приходит мой самый первый друг. «Странно, – подумал Котя, – окошко закрыто, завешано, а друг приходит».

– И скоро он придёт?

– Надо немного подождать, – сказал Мим.

Устроились рядышком, на полу, стали ждать и не заметили, как задремали. Вдруг Котя почувствовал, как что-то мешает ему. Он потёр лапкой нос, зевнул и проснулся. Яркий свет ударил в глаза.

Котя вскочил на лапы.

– Что это?! – испуганно спросил он

– Пришёл мой первый друг, – ответил Мим.

– А как его зовут? – спросил Котя.

– Не знаю, я его не спрашивал, мы всегда просто играем.

Котя подошёл к светлому пятну на полу, спросил:

– Тебя как зовут

– Я солнечный Лучик, – сверкнув, ответил он.

– И откуда ты взялся?

– С неба. Я прихожу всегда рано утром, ну... иногда запаздываю из за дождя. Вхожу во все помещения через окна, открытые двери, разные отверстия, приношу всем тепло, радость и веселье.

– Мим, а где твои остальные друзья?

– Они здесь.

– Как здесь, я не вижу?

– Они сейчас появятся везде и даже на потолке, но их надо позвать...

Котя стал смотреть на потолок и в это время Мим незаметно лапкой крутанул ёлочный шарик. Сразу в помещении стало светло, шумно и празднично. Везде прыгали, бегали и скакали яркие разноцветные пятнышки, при этом так шумели, что Котя чуть не оглох. Он стоял, не шевелясь, и изумлённо смотрел по сторонам.

– Что это, кто это?! – прокричал он. Откуда они взялись?!

– Это мои младшие братья! – громко сказал Лучик, – солнечные Зайчики, они появляются, когда я отражаюсь от любого блестящего предмета!

– И мои друзья! – крикнул Мим.

– А теперь давайте играть все вместе, – и он крутанул остальные шарики. Что тут началось... Лучик с каждой минутой светил всё

сильнее и сильнее. Котя и Мим, не сговариваясь, кинулись с весёлыми криками ловить Зайчиков, часто падая и кувыркаясь. А Зайчики убегали от них, перемещаясь с пола на стены, потолок и обратно. Стоял невообразимый гомон. Мим иногда подбегал и снова ещё сильнее крутил шарики. И всё опять ускорялось, превращаясь во всеобщее веселье. Так они долго играли и бегали, пока, запыхавшись, не упали на пол. Немного отдышавшись, Котя воскликнул:

– Как всё здорово! Я ни разу так не бегал! Вы каждый день играете?!

– Да, каждый, – ответил Мим. И тут Котя заметил, что Лучик стал меньше светить, а Зайчики стали не такими блестящими, замерев каждый на своём месте. Он спросил об этом Лучика. Тот ответил, что на сегодня его время находится здесь, заканчивается и его ждут в других местах.

– А Зайчики? Они закричали:

– Мы остаёмся здесь, но будем невидимыми до тех пор, пока не придёт солнечный Лучик!

Котя тихо спросил:

– А завтра вы будете?

– Да, – хором ответили Лучик и Зайчики. Тут Котя вспомнил про маму: «она, наверное, волнуется», и сказал об этом Миму.

Тот ответил, что и его мама скоро придёт.

Они начали прощаться и договорились, что завтра обязательно здесь встретятся. Котя направился к выходу, потом обернулся, с грустью посмотрел на Мима, Лучика, Зайчиков и кивнул им, прощаясь.

В ответ Мим стал на задние лапки, а солнечный Лучик и солнечные Зайчики ярко блеснули.

Часть 14. Юмор

Орест Кипренский. Портрет мальчика

Илья Боровский

Россия

Библиотека в Серенгети

Серенгети – самый огромный и пёстрый зоопарк в Восточной Африке, простирающийся от севера Танзании до юга Кении, между 1-м и 3-м градусом южной широты и 34-м и 36-м градусом восточной долготы. Вряд ли сейчас кто-то точно вспомнит имя энтузиаста, объявившегося в этих краях пару лет назад, но все без труда назовут дело, которым он прославился среди обитателей саванны.

Вышедший на пенсию ученый-зоолог из английского Бирмингема, с видом вечно молодого озорника Карлсона, объездил в пикапе, доверху набитом книгами, добрую половину чёрного континента, но, не найдя отклика среди людей, открыл в этих местах лесную библиотеку для животных, чтобы на старости лет просвещать львов, зебр, антилоп и, прости господи, даже совершенно непросвещённых гиен. Прав, наверное, был тот, кто однажды невольно произнёс: «Безумцы правят миром!»

Что бы вы думали? Этот «храм культуры», выросший как гриб посреди дикой африканской равнины, вызвал животный интерес, став местом притяжения для всех любителей мировой литературы. Только, увы, книги со звериным аппетитом поглощались в самом прямом смысле слова. Съедались особенно «на ура» политические мемуары и фэнтези, гораздо меньшим спросом среди гурманов саванны пользовались тома про охотников и рыболовов, их твердый переплёт и фотоколлажи могли ненароком привести к завороту кишок.

Самым неистовым любителем книг был бегемот. За день он мог осилить десять, а бывало, и двадцать книжных шедевров. Правда «Войну и мир» Толстого он так и не распробовал до конца, остановившись, как и многие, где-то на середине. Лев также был силён в классике и в один из голодных вечеров, на нервной почве, съел, представьте себе - «Преступление и наказание». Как ни странно - этот рыжий бестия, к удивлению многих, особенно гибких умом антилоп гну, стал заметно меньше охотиться, особенно на старых и немощных животных. Зебры, накинувшись на подборку журнала «Космополитэн» стали просто неузнаваемы, на ушах у них появились сѐрежки из дорогих ракушек, а на копытах разноцветные ленточки и рюшечки. В общем, как ни крути, внутренний мир и внешний вид обитателей саванны за эти два года изменился до неузнаваемости. И даже повсеместное урчание в желудках, в какой-то момент из грубой какофонии, превратилось в чарующую музыку, напоминающую великолепные вальсы Штрауса.

Периодически, раз в полгода, «крейзимэн из Бирмингема», как прозвали его местные аборигены, пополнял изрядно оскудевшие запасы библиотечного лесного фонда. Причем этот чудак библиофил, искренне полагал, что животные трепетно прониклись содержимым многотомных трудов, а лишние килограммы на боках - результат исключительно сытной духовной пищи. Что ж, как резюмировал однажды Карл Берне: «Истина – это лишь заблуждение, которое просуществовало столетия. А заблуждение – это истина, просуществовавшая лишь минуту».

Да! Эта страшная минута осознанного заблуждения, как гром среди ясного неба, прогремела и для нашего неугомонного амбассадора культуры. В один из чудесных солнечных дней, собравшись в обратную дорогу и уже второпях закидывая свое тучное тело в оранжевый «Hummer», чудак бросил свой прощальный, по обыкновению безумный взгляд, в заросли старой акации и...едва не распрощался с остатками рассудка. Там, молодой жираф, подобно свежему бисквиту, жадно уплетал явно когда-то недооцененный десерт под названием «Маугли». Лицо англичанина приобрело такой же красный оттенок, как морда у бабуина, вставшего с утра не с той ноги. Пристально вглядываясь в траву у стоянки авто, он к своему

глубокому разочарованию, обнаружил там лишь дважды пережеванные страницы из брошюры «Как научить обезьяну петь» да в ключья разорванную пьесу Горького «На дне». Библиофил закрыл ладонями глаза, припал на колени и стал неистово барабанить кулаками по пересохшей земле, затем, как ужаленный, сорвался с места и с криком гориллы в брачный период влетел в свой мандариновый внедорожник. Сделав несколько полицейских разворотов на импровизированной книжной поляне, он со скоростью гепарда сорвался в неизвестность, оставляя за собой густые клубы пыли, больше напоминающие внезапную песчаную бурю...

Спустя неделю после этого «книжного апокалипсиса» к границам лесной библиотеки снова потянулись страждущие просвещения обитатели саванны. Только здесь интраверт носорог мог, хоть и не без труда, вытерпеть рядом с собой присутствие экстраверта страуса. Впервые крокодил мирно соседствовал с антилопой импала и ворчунном буйволом. Хотя нет, пару раз они всё же повздорили, из-за последнего... нет, самого присамого последнего издания «Гарри Поттера».

За прошедшие семь дней в поведении животных произошли разительные перемены. Всё больше они получали усладу для глаз и души и всё меньше для пищеварительной системы. Пока птица-секретарь судорожно составляла график посещения литературной гостиной, леопард, усевшись возле пересохшей лужи, взахлёб читал про героические истории альпинистов, лев наслаждался кулинарным бестселлером «Блюда из мяса на скорую руку», а орёл-скоморох жадно вчитывался в энциклопедию «Легенды королевских гонок».

Фотографы и туристы вскоре наводнили эти края. Именно с их легкой руки, а точнее, языка одна из полян в заповеднике Серенгети, а вместе с ней и известная на всю округу лесная библиотека, стали именоваться «Банкетом для библиофилов». Кто-то нет-нет - да и привезёт с собой стопку свежих томиков для пополнения книжного фонда. Будете рядом, обязательно загляните сюда, только соблюдайте тишину, чтобы никого не отвлекать от чтения, в особенности хищников.

Вряд ли сейчас кто-то вспомнит имя британского энтузиаста, объявившегося в этих краях пару лет назад, но все совершенно точно назовут дело, которым он надолго прославился среди обитателей саванны. Прав всё-таки был тот, кто однажды произнёс: «Безумцы правят миром!».

Сведения об авторах

Лиана Алавердова (Баку). Окончила исторический факультет Азербайджанского Гос. Университета. Работала в Институте философии и права АН Азербайджана. Стихи, эссе, статьи, переводы с английского и азербайджанского языков публиковались в Азербайджане, России и США. Живет в Нью-Йорке, заведует библиотекой Kings Bay (Бруклин), сотрудничающей с журналом ЧАЙКА.

Илья Альтман Окончил Московский государственный историко-архивный институт. В 1988—1993 годах работал в нём доцентом. В 1983 году окончил аспирантуру и в Ленинградском отделении Института истории АН СССР защитил диссертацию на соискание учёной степени кандидата исторических наук по теме «Следственная документация как источник по истории революционного движения в России в конце XIX века». Работал заместителем директора Государственного архива Владимирской области и заведующим отделом ЦГАОР СССР (ныне ГАРФ). В 1991 году основал вместе с М.Я.Гефтером первый в Восточной Европе Центр «Холокост». Читал лекции и выступал с докладами в ведущих университетах США, Франции, Германии.

Валерий Андронов (р. 1957, Псков). С 1976 по 1979 проходил срочную службу на Северном флоте. В 1979 году поступил в Ленинградское Мореходное училище на радиотехнический факультет, который окончил в 1982. Распределился в Балтийское Морское пароходство и до 1997 года ходил в море. В сорок лет неожиданно стал писать песни и стихи, в шестьдесят – прозу.

Татьяна Белогорская (р. Ленинград). Воспитывалась в семье родителей актеров и деда адвоката. Закончила Ленинградский Библиотечный институт. Кандидат педагогических наук. В 1994 году эмигрировала в США. Печатается в американских и российских изданиях. Автор пяти книг и ряда статей. В связи с войной России с Украиной выступила с "Завещанием", в котором предложила создать музей погибших на Украине детей - по образу мемориала Холокоста в Израиле. Живет в Чикаго.

Кира Белостоцкая (Москва). Окончила Радиотехнический факультет Московского Энергетического института. С 1958 года работает в ОКБ МЭИ. Защитила кандидатскую диссертацию. Прошла все должности от инженера до начальника лаборатории. Имеет почётные звания: «Заслуженный создатель космической техники», «Заслуженный испытатель космической техники», «Ветеран космонавтики России. В ЧАЙКЕ публиковались ее рассказы о Сергее Королеве. Живет в Москве.

Лев Бердников (р. 1956, Москва). Окончил филологический факультет Московского областного педагогического института и Высшие библиотечные курсы. Работал в Музее книги Российской Государственной Библиотеки. С 1990 г. живет в Лос-Анджелесе. Автор 7 книг и многочисленных публикаций. Зам. главного редактора журнала «Слово/Word» (США). Лауреат Горьковской литературной премии 2010

года в номинации «По Руси. Историческая публицистика». Постоянный автор журнала и участник Альманахов ЧАЙКА.

Лариса Берман. Логопед с многолетним опытом и стажем, в Москве работала с глухонемыми актёрами Театра "Мимики и Жеста", ставила им голос и учила говорить. Девять лет семья была в отказе, долгие отказные годы занималась с детьми, страдающими тяжелейшими нарушениями развития речи. В Америке два года училась в Университете, чтобы продолжать работать по специальности. Работает со взрослыми и детьми с любой патологией речи, интеллекта и глотания. В ЧАЙКЕ публикует рассказы в рубрике «Из записок логопеда». Живет в Нью-Йорке.

Адольф Берлин. Доктор химических наук, профессор, автор монографии, 55 изобретений и более 170 публикаций в научных журналах США, Западной Европы, СССР, России и Украины. Некоторые стихотворения и проза опубликованы в изданиях Миннеаполиса, Сан-Франциско, Нью-Йорка и на Интернете. Живет в Миннеаполисе (США).

Вадим Богуславский. Родился в Киеве и относится к уже немногочисленному поколению «детей войны». Богуславский – поэт и прозаик, лауреат международных литературных конкурсов. Сборники его стихов, рассказов и миниатюр изданы как отдельными книгами, так и в периодических изданиях стран бывшего СССР, Европы и Северной Америки. Живет в Киеве.

Илья Боровский (р.1985, Уфа, Башкортостан, Россия). Тележурналист. Член Союза журналистов России. С 12 лет пишет стихи и прозу. Автор и исполнитель собственных песен. Публиковался в отечественных и зарубежных литературных изданиях в качестве автора поэтических подборок. Лауреат и дипломант российских и республиканских литературных конкурсов и фестивалей. Девиз: «Живу как чувствую».

Сергей Бычков (р.1946, Ереван). Историк русской церкви, доктор исторических наук. Занимался религиозным воспитанием детей в приходе Покровской церкви, в которой служил священник Александр Мень. После крушения СССР занимается книгоиздательской деятельностью и публицистической работой. По его сценариям были поставлены телефильмы: «ВЧК против патриарха Тихона», «Живое слово отца Александра Меня», «Завтра меня убьют» (о ходе расследования убийства Александра Меня). К годовщинам убийства отца Александра, каждое 9 сентября, публикует в ЧАЙКЕ свои материалы о нем. Член редколлегии журнала ЧАЙКА. Живет в Подмосковье.

Игорь Галилеев (р. 1972, Пенза). С 16 лет работал внештатным корреспондентом, первый рассказ написал в 14 лет, служил в ВДВ с 1990 по 1992 год, победитель трех международных литературных конкурсов, организованных Международным Союзом Русскоязычных Писателей, лауреат (2 место) V Международного Литературного конкурса «Хижицы-2021». Публикации в журналах «Сура», «Вторник», «Нева», «Русское поле», в сборниках «Крымское Приключение-2021», «Финт ушами», «Дым отечества» и др. Работает журналистом. Живет в Пензе.

Николай Гальнин (р.2000, Городец). Окончил Нижегородский государственный педагогический университет им. Козьмы Минина. Живет в Нижнем Новгороде.

Михаил Гаузнер (р. 1936, Одесса). После окончания Одесского политехнического института проработал 42 года в крупном конструкторском бюро станкостроения, был его ведущим, затем главным специалистом, имеет 20 авторских свидетельств СССР и патенты шести ведущих стран мира. Более 20 лет публикуется в одесских и зарубежных газетах, а также альманахах и сборниках. Автор трёх книг прозы, в 2017 г. стал лауреатом литературного конкурса им. Паустовского. В ЧАЙКЕ публикует рассказы, воспоминания. Живет в Одессе.

Виктор Голков (1954, Кишинев). Эмигрировал в Израиль в 1992 г. Выпускник МЭИ. Автор 8 сборников стихов и сказки-антиутопии в соавторстве с Олегом Минкиным (Вильнюс). Публиковался в Альманахе «Связь времён», журналах «22», «Крещатик», «Интерпоэзия», «Алеф», «Вильнюс», «Кодры», «Студенческий меридиан», «У», «Иерусалимский журнал», «Мосты (Литературный европеец)», «Эмигрантская лира». Входит в короткий список 9-го Волошинского конкурса 2011 г. по номинации «поэзия», в длинный список Бунинской поэтической премии 2012 гю, в длинный список премии «Живая литература» 2012 г. Победитель конкурса Национальной литературной сети 2003 г. (ноябрь, номинация «поэзия»). Живет в Израиле.

Михаил Голубовский (р.1939). Генетик, историк и популяризатор науки, эссеист. Окончил кафедру генетики Ленинградского университета, доктор биол. наук. Работал в Академгородке (Новосибирск), в С.-Петербурге, в Австралии, во Франции, в разных университетах США. Автор книги: «Век генетики: эволюция идей и понятий» (СПб., 2000). Живет близ Беркли, Калифорния, США.

Семён Глузман (р. 1946, Киев, УССР) — украинский психиатр, бывший политзаключённый, диссидент, общественный деятель. Исполнительный секретарь Ассоциации психиатров Украины. Сопредседатель Комитета «Бабий Яр». Автор многочисленных интервью, научных публикаций по проблемам прав человека, по вопросам этики и права в психиатрии, вопросам социальной психиатрии.

Виолетта Гребельник (Киев). Окончила Киевский медицинский институт, медицинский факультет Римского университета «La Sapienza», кандидат медицинских наук по неврологии. Работает врачом в частной клинике. В свободное время играет на фортепиано и пишет очерки и стихи. Неоднократный победитель зимних и летних творческих конкурсов журнала ЧАЙКА для детей. Живет в Риме.

Леонид Гуревич (1932 — 2001) — российский сценарист, кинодраматург неигрового кино, режиссёр, кинокритик, киновед. Заслуженный деятель искусств Российской Федерации (2000). Окончил школу с золотой медалью, затем химфак ВГУ (Воронежский государственный университет) (1956), работал инженером в Саратове. Три раза ему отказывали в поступлении во ВГИК. Работал в документальном

кинематографе и на телевидении. Был редактором Экспериментального объединения киностудии «Мосфильм». Автор сценария более восьмидесяти неигровых фильмов. Преподавал во ВГИКе. С 1984 руководил мастерскими документального кино на Высших курсах сценаристов и режиссёров. Член Правления Союза кинематографистов Москвы.

Виктор Есинов (р. 1939, Москва). Литературный путь начался в 1974 году с публикации стихов в журнале «Юность». Автор трех книг стихотворений. С 1989 года выступает как литературовед. Автор пяти книг по биографии и творчеству А.С. Пушкина, а также книг «Четыре жизни Василия Аксенова» (2016) и книги воспоминаний «Об утраченном времени» (2012). Составитель и комментатор семи книг Василия Аксенова, изданных после его смерти по материалам американского архива писателя. С 2006 года – старший научный сотрудник ИМЛИ РАН. Живет в Праге.

Юрий Зверев (р.1950) По образованию инженер-геофизик. Много лет проработал в нефтяной отрасли на разных должностях. Сейчас на пенсии, занимается преподавательской деятельностью по своей специальности. Пишет художественную литературу для широкого круга читателей в разных жанрах, но предпочтение отдает рассказам для детей. Издал три книги, в настоящее время закончил 3 книжки для детей (1.5 –3 года, 3- 6 лет, 6-12 лет). Член СП РФ с 2017 года. Живет в России.

Вероника Жобер. Славист, доктор филологических наук. На кафедре славистики в Сорбонне преподавала русский язык, историю Советского союза, культуру России. Долгое время была главным редактором журнала французских русистов «La Revue russe». Заслуженный профессор Сорбонны. Автор двух книг на французском языке: «Советская современная сатира». «Общество и идеологи. Конец СССР и русский кризис идентичности». Живет во Франции.

Галина Ицкович. Поэт, переводчик с английского. Переводит американскую поэзию XX–XXI вв. Стихи и переводы побеждали в интернет-конкурсах на сайте «Стихи.ру», на конкурсе переводов в журнале «Эмигрантская лира» (2013). Первое место в номинации «Зрительские симпатии» на Открытом Чемпионате Германии по русской словесности (2013). Дипломы поэтических конкурсов «Лужарская полночь» (2013), «Эмигрантская лира» (2014). Член редколлегии онлайн-журнала «Окна». Живет в Нью-Йорке.

Наталья Камнева (р. Москва). Окончила Московский Авиационный Институт и там же защитила диссертацию. Работала в МАИ, начиная с инженера и кончая доцентом. В 1992 году уехала в командировку в США вместе с 9-летней дочерью. Осталась, работала няней и рабочей на ферме, пока не получила разрешение на работу. С тех пор много лет проработала в Университете Карнеги Мэллона. Ушла на пенсию и начала писать рассказы около 10 лет назад. Живет в Питтсбурге, США.

Наум Клейман (р. 1948, Винница) Окончил Московский Автомеханический институт в 1971 году. Принимал активное участие в качестве ведущего инженера в проектировании правительственных объектов, а также объектов Олимпиады 80. После начала перестройки ушёл

в бизнес. Занимался продажей нефти, удобрений, редкоземельных металлов и проч. В 1998 году уехал с семьей в США. Прошёл путь от чертёжника до ведущего инженера. Последние 10 лет работал в «General Dynamics.» В настоящее время живет в штате Мичиган, США.

Даша Кашина (р. Киев). Окончила Институт русского языка им. А.Пушкина в Москве. Русскоязычный журналист на Украине, печатается в российских изданиях, дебютировала и постоянно печатается в журнале ЧАЙКА. Ведет рубрику «Калейдоскоп новостей». Автор книги «Папа», в которую вошли ее интервью с детьми известных людей. Лауреат журнала ЧАЙКА за 2018 год в номинации «журналистика». Жила в Киеве, с началом войны живет в Милане, Италия.

Сергей Колмановский. Композитор, член Союза композиторов России, автор сочинений самых разных жанров, исполняющихся во многих странах мира, получивших премии на всесоюзных и международных конкурсах. Дирижёр, пианист, музыковед. Постоянные гастроли по Германии, Швейцарии, Америке, Израилю, России, Украине как с программами из собственных сочинений, так и с музыковедческими докладами. Журналист, постоянно печатающийся в самых разных журналах и газетах. Наибольший читательский отклик вызвала книга «Пока я помню», печатавшаяся в нескольких номерах интернет-журнала «Семь искусств». В журнале ЧАЙКА выступает с эссе о музыке. Живет в Германии.

Анатолий Либерман. Доктор филологических наук автор 20 книг, более 600 статей по тематике: общее и историческое языкознание, средневековая германская литература, история науки, история русской литературы. До эмиграции (1975) работал в Институте языкознания Академии наук по специальности «Скандинавские языки», 45 лет является профессором Миннесотского университета, преподавал также в Гарварде, в Германии (Фрайбург, Киль), в Италии, Японии и др. Перевел на русский язык сонеты Шекспира, на английский – книги стихов Лермонтова, Тютчева, Баратынского (с комментариями переводчика), труды выдающихся филологов Н. С. Трубецкого и В. Я. Проппа. Живет в США.

Людмила Лукомская (р. Харьков, Украина). Два высших образования: техническое и юридическое. В США с 1995 года. Окончила факультет промышленно-гражданского строительства, который, кроме профессии, дал интерес к архитектуре, связавшей с искусством и его историей. Вместе с заслуженным художником Украины Павлом Тайбером вела классы рисунка и живописи. Дебютировала в журнале ЧАЙКА статьями о творчестве Павла Тайбера. Живет в Санта-Клара, США.

Элеонора Мандалян (р. Москва). Журналист, писатель. По образованию скульптор, кандидат наук. С 1994 – в США. Работала литературным редактором в русскоязычном альманахе «Панорама» и вела в нем свою рубрику «Непознанное». Постоянный автор и член редколлегии журнала ЧАЙКА. Ведет рубрики «Кинообозрение Элеоноры Мандалян» и «Америка глазами россиянина». Лауреат премии журнала ЧАЙКА за 2019 год. Живет в Лос-Анджелесе, США.

Игорь Михалевич-Каплан (Мары, Туркменистан) Поэт, прозаик, переводчик, издатель. В 1978 окончил факультет журналистики Львовского полиграфического института. В 1979 эмигрировал в США. Долгое время жил в Филадельфии. Главный редактор литературного ежегодника "Побережье", автор книг на русском и английском языках. Печатается в литературных журналах и альманахах России, Украины, Англии, США, Канады, Дании, Германии, Израиля. Живет в Нью-Йорке.

Лариса Миллер (р. Москва). Российский поэт, прозаик, эссеист и педагог. Автор более 13 сборников поэзии и прозы. Книги переведены на английский и итальянский языки. Член Русского ПЕН-центра (с 1992). Постоянный участник Альманахов журнала ЧАЙКА. Живет в Москве.

Валентин Нервин (р.1955). Член Союза российских писателей, автор 12 книг стихотворений. Лауреат литературных премий им.Н.Лескова (Россия) и им. В.Сосюры (Украина), специальной премии Союза российских писателей «За сохранение традиций русской поэзии» (в рамках Международной Волошинской премии, 2013), Международной Лермонтовской премии (2014). Стихи переводились на английский, немецкий, румынский, украинский языки. Живет в Воронеже.

Григорий Оклендский (Беларусь). Школьные годы прошли в Гомеле, незабываемые студенческие – в Ижевске, а лучшие – в Новосибирском Академгородке. Многие годы занимался автоматизацией научных исследований, а также разработкой информационных систем здравоохранения. Кандидат технических наук. Более 20 лет живет в Окленде (Новая Зеландия), где работает в области информационных технологий, что сочетает с любовью к поэзии и путешествиям. Автор 2-х поэтических книг и многочисленных публикаций в сетевых и бумажных изданиях.

Геннадий Разумов. Ученый, специалист в области инженерной гидрогеологии, автор более 110 научных трудов, среди которых монографии и изобретения. В течение многих лет работает в области журналистики и литературы. Им опубликовано 13 научно-художественных, научно-фантастических, мемуарных и детских книг, изданных на нескольких европейских языках. Живет в Лос-Анджелесе, США.

Семен Резник (р.1938, Москва). Писатель, журналист, историк. Более десяти лет работал редактором серии «Жизнь замечательных людей», в которой вышли его первые книги. Биография академика Н. И. Вавилова была признана «идеологически вредной», только вмешательство крупнейших ученых и международная огласка спасли книгу от уничтожения. Исторические романы «Хаим-да-Марья» и «Кровавая карусель» – о кровавом навете на евреев и Кишиневском погроме – вообще не могли быть изданы, что заставило писателя эмигрировать в США в 1982 году. Автор фундаментальных книг о Вавилоне и Солженицыне. Лауреат премии журнала ЧАЙКА за 2018 год. Живет в Большом Вашингтоне.

Наум Сагаловский (р.1935, Киев) - поэт, по профессии инженер-теплоэнергетик, в Штатах с 1979 г. Автор 14 книг стихов и переводов. Стихи Сагаловского вошли в несколько антологий русской поэзии и в

хрестоматию для российских школ “Шедевры русской поэзии. Вторая половина 20-го века”. Живет в США.

Михаил Синельников (р. 1946, Ленинград). Поэт, переводчик, эссеист, исследователь литературы, составитель многих антологических сборников и хрестоматий. Академик Российской академии естественных наук, Петровской академии и турецкой Академии поэзии. Лауреат Премии Ивана Бунина, Премии Антона Дельвига, Премии Арсения и Андрея Тарковских и еще ряда российских и иностранных премий. Стихи переводились на многие иностранные языки и отдельными книгами вышли в Черногории, Румынии, Японии. В ЧАЙКЕ постоянно ведет свой «поэтический» блог. Живет и работает в Москве.

Александр Сиротин (р. Москва). Журналист, писатель, в прошлом актер, радиожурналист. Мама Александра Нехамы Сиротина играла в ГОСЕТе Соломона Михоэлса. Сотрудничает с американскими русскоязычными газетами и журналами, радио и телевидением. Автор сборника рассказов «Москва-Нью-Йорк, далее везде». Постоянный автор и член редколлегии журнала ЧАЙКА. Лауреат премии журнала ЧАЙКА за 2019 год. Живет в Нью-Йорке.

Евгений Сливкин (р. 1955, Ленинград). Русский поэт. Получил диплом инженера-механика. В 1980 году поступил на заочное отделение Московского Литературного института имени А. М. Горького, а в 1993 году уехал в США и поступил в аспирантуру при кафедре славистики Иллинойского университета, где защитил диссертацию. Преподает в университете города Денвера. Живет в США.

Валерий Скобло (р. 1947, Ленинград). Поэт, прозаик, публицист. Окончил матмех Ленинградского ун-та. Работал научным сотрудником в ЦНИИ «Электроприбор». Научные труды в области прикладной математики, радиофизики, оптики. Сборники стихов «Взгляд в темноту» и «Записки вашего современника». Член Союза писателей Санкт-Петербурга. Стихи, проза, публицистика публиковались в российской и зарубежной литературной периодике. Премия им. Анны Ахматовой за 2012 г. (номинация «Поэзия» журнала «Юность»). Шорт-лист международного конкурса стихотворного перевода «С севера на восток» – 2013 г. (журнал «Иные берега»). Постоянный автор журнала ЧАЙКА. Лауреат премии журнала ЧАЙКА за 2022 год. Живет в Санкт-Петербурге.

Юрий Смирнов (р. 1938, Урал). Окончил политехникум, затем Политехнический институт. Профессия – ядерная физика, специализация – радиоактивность. В возрасте 25 лет (1964) – начальник лаборатории (Ленинград). С 1966 по 1972 – запрет на профессию. Работал кочегаром, грузчиком, инженером, начальником сектора по ЭВМ. Из 52 лет работы 42 года – в Арктике на атомных ледоколах. Почётный полярник. Ни дня не был ни в комсомоле, ни в партии. Как писатель дебютировал в журнале ЧАЙКА и является его постоянным автором. На основе рассказов, напечатанных в ЧАЙКЕ, издал несколько книг. Живет в городе Луга Ленинградской обл.

Евгений Соколинский (р. Ленинград). Окончил филфак Ленинградского университета, защитил диссертацию по драматургии

А.В.Сухово-Кобылина и гротеску. С 1976 года начал публиковать театральные рецензии, обзоры, проблемные статьи, портреты актёров, режиссёров, драматургов. Более 30 лет ведет оперный видеолекторий в Российской национальной библиотеке. Член экспертного совета Высшей театральной премии Санкт-Петербурга «Золотой софит». С 2000 г. – член Союза писателей Санкт-Петербурга. Живет в С-Петербурге.

Ольга Соловьева. Окончила Санкт-Петербургский Государственный Университет. Защитила две кандидатские диссертации – кандидат физико-математических и юридических наук. Интересуется театром, модой и не только. В журнале ЧАЙКА публикует рецензии на современные постановки в питерских театрах, пишет заметки о городе и его жителях в своей постоянной рубрике «Записки на коленке». Лауреат журнала ЧАЙКА за 2019 год. Живет в Санкт-Петербурге.

Владимир Спектор (р. 1951, Луганск). Поэт, публицист. Окончил машиностроительный институт и Общественный университет (факультет журналистики). Автор 25 изобретений. Работал журналистом, главным редактором региональной телерадиокомпании, корреспондентом киевской газеты «Магистраль». Член Союза журналистов, редактор литературного альманаха и сайта «Свой вариант», научно-технического журнала «Трансмаш». Автор более двадцати книг стихотворений и очерковой прозы. Постоянный автор журнала ЧАЙКА.

Арин Суц (р. Севастополь), в девяностые выехала в Польшу, а затем в США. Проживает в городе Richmond, Virginia. Окончила School of Business, Virginia Commonwealth University. Много лет работала в системе образования и здравоохранения. Является основателем Slavic Folk Museum. Спасла и отреставрировала на собственные сбережения более пяти тысяч изделий текстиля славянской культуры XVIII–XX вв. Коллекция является самым большим частным собранием в США и Канаде. Живет в США.

Анна Фельдман (р. Москва) Окончила филологический факультет МОПИ им. Н.К.Крупской. В 1974 году защитила кандидатскую диссертацию на тему: "О поэтике бунинского очерка начала XX века". В 1990 г. эмигрировала в Израиль, где преподавала в колледже. В 1992 переехала в США, работала интервьюером в проекте Стивена Спилберга "Шоа" (Холокост), выезжала в командировки в Освенцим и Санкт-Петербург. Всего было взято 260 интервью. Написала об этом в своем четырехчастном автобиографическом очерке «Призвание – просветитель», опубликованном в ЧАЙКЕ. Живет в Лос-Анджелесе, США

Сергей Филиппов. Член литературной студии «Вешняки». Руководитель студии - поэт и журналист Виктор Александрович Синельников. Печатался в журналах «Белый Ворон», «Ковчег», «Арина», «Вликоросс», «Ликбез», «Огни над Бией», «Новый Енисейский литератор», «Вольный лист», «Склянка», «Зарубежные задворки», «Наша улица», «Амальгама», а также в газетах. Номинант премии «Поэт 2014г» Российского Союза Писателей. Живет в Москве.

Виктор Финкель (р. 1930). Опубликовал книги: «Поэты рубежа», «Дикинсон и Цветаева-общность поэтических душ»,» Пятьдесят первая

командировка», «Водопад смерти», «Любовь и сталь», « Орнамент физической лекции», «Портрет трещины» (на русском, английском, венгерском), «Мосты между американской и русской поэзиями», «Штрихи к портрету трещины». Выступал с докладами по вопросам литературоведения на всеамериканских конференциях AATSEEL (American Association of Teachers of Slavic and East European Languages). В том числе - о творчестве Дикинсон, Цветаевой, Ахматовой, Пастернака. Одним из результатов исследований явилось обнаружение связи между поэзией Эмили Дикинсон, с одной стороны, и творчеством Анны Ахматовой и Марины Цветаевой – с другой. Живет в Филадельфии, США.

Лазарь Фрейдгейм. Инженер, кандидат технических наук, автор более 100 научных работ, изобретений, патентов. Работал в ювелирном бизнесе, в туристическом агентстве, в большой фармацевтической фирме. Публикуется в журналах, газетах и интернет-изданиях. С 1991 г. живет в Сан-Диего, Калифорния (США). В ЧАЙКЕ публикует очерки и рассказы.

Яков Фрейдин (р. 1945, Свердловск). Кандидат технических наук, специалист в медицинской электронике и биокибернетике. В 1977 эмигрировал в США. Автор более 90 научных статей, 60 изобретений и популярного учебника по датчикам (Handbook of Modern Sensors). Автор книги воспоминаний «Adventures of an Inventor». Опубликовал дебютную книгу художественной прозы на основе рассказов, напечатанных в журнале ЧАЙКА. Ныне автор двух книг художественной прозы. Постоянный автор журнала. Лауреат премии журнала ЧАЙКА в номинации «художественная проза» за 2017 год. Живет в Сан-Диего, Калифорния.

Владимир Фрумкин (р.1929, Брянск). Музыковед, журналист, эссеист, выпускник теоретико-композиторского факультета и аспирантуры Ленинградской консерватории. Еще в советскую эпоху стал исследователем феномена независимой, неподцензурной «гитарной поэзии» и исполнителем песен Окуджавы, Галича и других поэтов-певцов. В 1974 эмигрировал в США, работал в Оберлин-колледже (штат Огайо) и Русской летней школе при Норвичском университете. С 1988 до 2006 года — сотрудник Русской службы «Голоса Америки». Среди опубликованных работ – «От Гайдна до Шостаковича», «Особенности сонатной формы в симфониях Шостаковича», два сборника песен Б. Окуджавы на русском и английском языках с нотной строчкой и буквенным обозначением аккордов, «Певцы и вожди» (2005 и 2017). В журнале ЧАЙКА вел рубрику «Музыкальная Академия», автор статей на общественно-политические темы. Живет в Маклейне – пригороде Вашингтона.

Юлиан Фрумкин-Рыбаков. Инженер-металлург. Стаж работы на Ижорском заводе 35 лет. Ветеран труда, ветеран войск особого риска. В 1961-1964 проходил военную службу на Первом ядерном полигоне Новая Земля. Непосредственный участник испытания "Царь-бомбы" 31 октября 1961 года. Автор 5 книг стихов и книги прозы " Летят перелётные птицы - Минувшее, век XX". Лауреат премии журналов: "Зинзивер", "Футурум Арт". "Зарубежные записки". Основатель клуба поэтов "Невостребованная

Россия" (1997 - 2011), член" Союза Писателей XXI века." Живет в Колпино, Россия.

Юрий Хейфец (творческий и артистический псевдоним Борис Берг) (р. 1953, Свердловск). Закончил Свердловский медицинский институт. В 2004 году получил второе высшее образование, закончив факультет психологии МГУ. Работал врачом в Москве. Стихи и песни пишет с 14 лет, известен в кругу любителей авторской песни. Автор романа «Эпитафия», изданного в 2008 году в виде аудиокниги, и двух сборников стихов. Живет в Москве. Как поэт дебютировал в журнале ЧАЙКА.

Евсей Цейтлин (р. 1948, Омск). Эссеист, прозаик, культуролог, литературовед, критик, редактор. Кандидат филологических наук, преподавал в университетах историю русской литературы и культуры. Дважды эмигрировал: в 1990-м в Литву, в 1996-м в США. Редактирует чикагский ежемесячник «Шалом». Начиная с 1968 г. публикуется во многих литературно-художественных журналах и сборниках. Автор многих книг. О книге Евсея Цейтлина «Долгие беседы в ожидании счастливой смерти» не перестают спорить в разных странах и на разных языках. Член редколлегии журнала ЧАЙКА и постоянный консультант при создании Альманахов. Лауреат премии журнала ЧАЙКА за 2018 год. Живет в Чикаго, США.

Вера Чайковская (р. Москва). Прозаик, художественный критик, историк искусства, кандидат философских наук. Первая премия за прозу на международном литературном конкурсе в Италии (Анкона, 1997). Лауреат премии им. Катаева за повесть «Уроки философии» в журнале «Юность» за 2013. Диплом Академии художеств за книгу «Три лика русского искусства 20-го века: Роберт Фальк, Кузьма Петров-Водкин, Александр Самохвалов», М., 2006. Автор художественных альбомов и книг о художниках (Брюллов, Тышлер). В 2019 году изданы две ее книги: «Дух подлинности. Соцреализм и окрестности», (М., Искусство-21 век) и «Анекдоты из пушкинских времен и другие новеллы» (М., Буксмайт), в 2022 году вышла ее книга об Оресте Кипренском «Орест Кипренский. Дитя Киприды», Лимбус Пресс, С-П. Живет в Москве.

Ирина Чайковская (р. Москва). Писатель, критик, публицист, драматург, кандидат педагогических наук. Область исследований последних 20 лет: Тургенев и его эпоха. Автор восемнадцати книг и многочисленных статей в российской и зарубежной периодике. Лауреат премии журнала «Нева» за 2015 год в номинации критики. Главный редактор журнала ЧАЙКА. Живет в Большом Вашингтоне.

Борис Швец (р.1946). Инженер и ученый, бизнесмен и писатель. Доктор делового администрирования, доктор философии, кандидат технических наук, профессор. Научный руководитель государственных программ СССР. В постсоветский период – учредитель и руководитель ряда предприятий. Автор научных работ по аэродинамике, металлургии, химической кинетике, неравновесной термодинамике, стандартизации, качеству продукции, экономике, компьютеризации, государственной экспертизе, автор изобретений и монографий. Дипломант Национальной литературной премии "Писатель года" в номинации "Юмор" (Россия, 2017).

Финалист Национальной литературной премии "Писатель года" в номинации "Мемуары" (Россия, 2017). Живет в Израиле.

Давид Шерман (р. 1937 Харьков). Во время ВОВ 1941-1945 годов с родителями жил в Челябинске, где отец работал на танковом заводе. С 1946 года жил в Харькове. В 1959 году окончил Харьковский Университет, физико-математический факультет. После окончания Университета работал на производстве танков, начальником лаборатории физических методов исследования. Кандидат технических наук. В 1996 году с семьей репатриировался в Израиль.

Вита Штивельман Поэтесса, эссеист, декламатор, основатель и руководитель EtCetera - клуба физиков и лириков. Вита - автор двух книг, многочисленных публикаций и поэтических спектаклей, обладатель диплома им. Шолом Алейхема, лауреат и член жюри международных литературных конкурсов, основатель и ведущая популярных радио-программ «Разговор о стихах», «Закон звезды и формула цветка». Проекты EtCetera включают международный ежегодный фестиваль еврейской культуры, Canadian Cultural Mosaic, а также благотворительные и образовательные программы. В ЧАЙКЕ публиковались ее стихи и заметки.

Сергей Шумский (р. 1962, Алтайский край) После окончания факультета журналистики Уральского Университета (г. Свердловск) работал в Барнауле, в одной из самых тиражных региональных газет СССР. В последние годы существования СССР ещё раз выучил английский язык и получил профессию бульдозериста, намереваясь уехать в Канаду или Австралию. Однако вместо заграницы оказался в Ижевске, где трудился бульдозеристом, сторожем, брокером на товарно-сырьевой бирже. В начале 2000-х годов, пройдя творческие конкурсы, был допущен к вступительным экзаменам в Литературный институт и ВГИК. Выбрал второй и поступил на заочное сценарное отделение, но учёбу не закончил. Увлекался фотографией (одна персональная выставка), лыжами, горными лыжами, парашютным спортом, дайвингом, картами, вином и женщинами. Теперь из увлечений осталось два – горные походы (туризм и альпинизм) и драматургия. Дважды попадал в длинный и один раз в короткий листы конкурсов «Автора на сцену!» и «Время драмы». Работает в газете выпускающим редактором. Живет в России.

Григорий Яблонский. Доктор химических наук, литератор. В 1960-80 годы работал в Новосибирском Академгородке и Туве. С 1995 года – профессор Washington University in St. Louis и Saint Louis University, Missouri (США), почётный профессор Гентского университета (Бельгия). Автор 7 книг по химической кинетике и катализу и более 200 научных работ. Печатался в различных литературных изданиях. Постоянный автор журнала ЧАЙКА и участник Альманахов. Живет в Сент-Луисе, США.